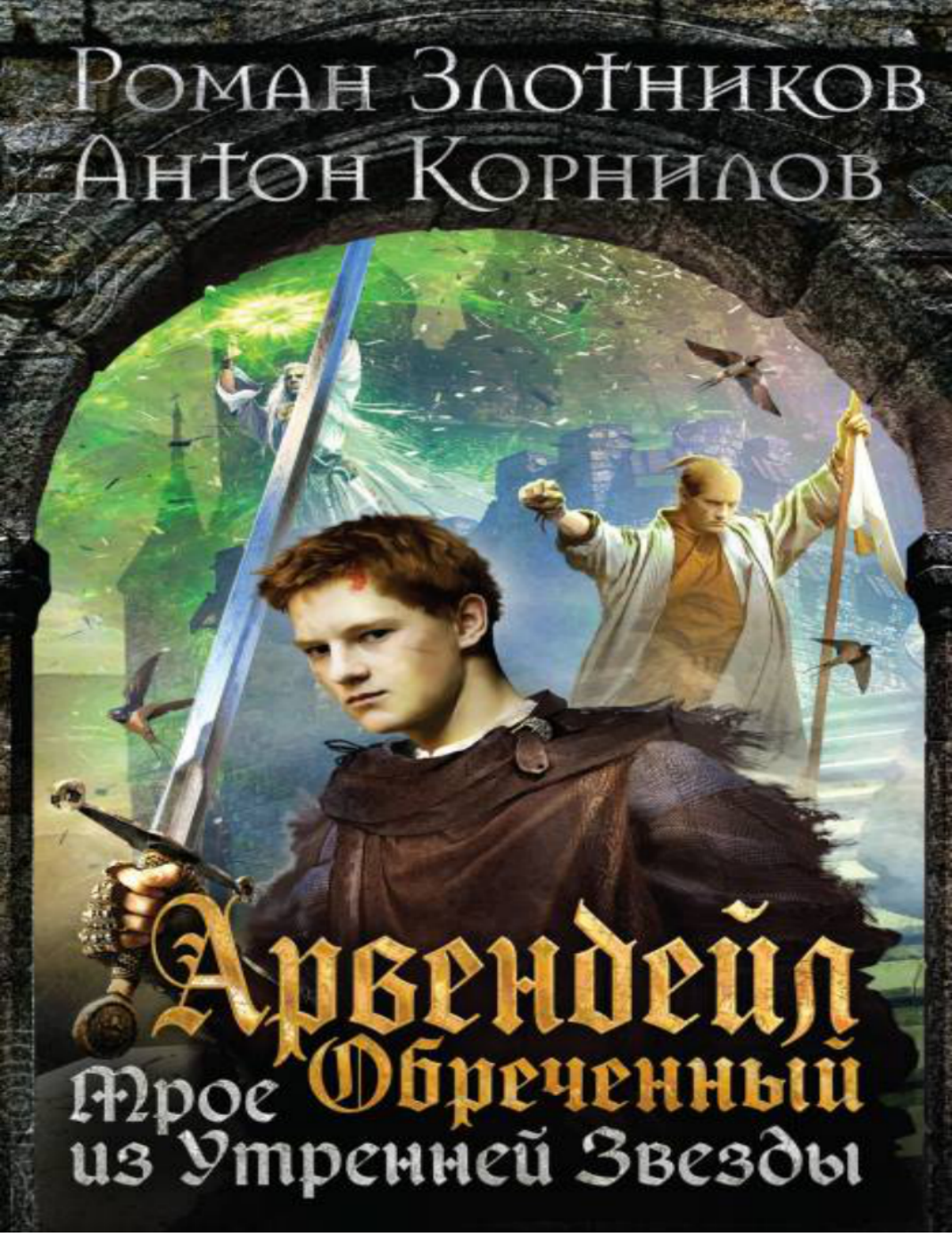
Роман Злотников
Антон Корнилов



Арвендейл
Обреченный
Трое из Утренней Звезды

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Замок Утренняя Звезда высечен в скалах Драконьей гряды, что отделяет Арвендейл от Тухлой Топи, гиблых земель, обиталища Темных тварей. Века и века лорды Утренней Звезды, выполняя свой долг, защищали подданных великого герцогства от нашествий чудовищ… Пока не явилось в мир кое-что пострашнее Темных тварей. До того как на Арвендейл падет Тьма, оставалось немногим более ста лет…

- Содержание
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Эпилог

Содержание

Роман Злотников, Антон Корнилов
Арвендейл Обреченный
Трое из Утренней Звезды

Разработка серии Ф. Барбышева, А. Саукова
Иллюстрация на переплете А. Дубовика

© Злотников Р., Корнилов А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Глава 1

Толстяк-трактирщик оказался необычайно проворен для своей комплекции, он катался туда-сюда за стойкой, будто наполненный воздухом шар из просмоленных шкур.

Раз – замер у бочонка, подставив кружку под упруго жужжащую струю. Два – вот уже бочонок ловко заткнут пробкой, а трактирщик на другом конце стойки, угодливо подает кружку, тяжелую, потеющую холодом.

Тот, кому предназначалась эта порция выпивки, верно, и являлся причиной повышенной резвости толстяка. Как тут не побегаешь, когда перед тобой аж цельный капитан личной гвардии герцога Арвендейла его светлости сэра Руэри Грира?

Степенно сняв украшенный красным перьевым султаном шлем, капитан пригладил на лысоватой макушке свалявшиеся мокрые пряди, сосредоточенно покашлял и только после этого принял кружку. Медленно опорожнил ее в несколько мощных и шумных глотков…

– Так-таки не появлялся в ваших краях Мартин Ухорез? – не в первый, видимо, раз осведомился он скрипучим после холодного пива голосом.

– Да упаси нас Сестры-помощницы! – всплеснул руками трактирщик. – Я ж вам толкую, добрый господин! Да коли б я прознал, что он рядом шастает, разве я остался тут? Сбег бы куда подальше, отсиделся бы где понадежней, пока от него след простынет! Нам, торговым людям, с энтим душегубом никакой надобности встречаться нет!.. Жарко-то как нынче, добрый господин! – добавил он совсем другим тоном. – Еще пивца изволите?

– Мгм… – отирая с усов белую пену, изволил капитан, и трактирщик снова укатился к бочонку.

Время было еще полуденное, рабочее, для увеселительных заведений самое спокойное, но этот трактир, удобно расположенный на дороге меж двумя большими деревнями графства Утренней Звезды, уже ощутимо подрагивал многоголосым шумом. Правда, шум тот был не всегдашний – развеселый, дымно-пьяный, – а непривычный, тревожный. Капитан, понятно, явился сюда не один. Шестеро гвардейцев обыскивали комнаты для проезжающих на втором этаже, гулко переругиваясь и сотрясая сапожищами потолок трапезной, а за стенкой, на кухне, громыхали посудой еще трое служивых; и в дверях, закрывая копьями проход, завязла пара ратников… Полдюжины посетителей – судя по одежде, зажиточные крестьяне

из местных – притихли за длинными столами, опустив физиономии в свои кружки и миски.

– Ну, а народишко тутошний что брешет? – оглянувшись на посетителей, поинтересовался капитан.

– Да что? – откликнулся от бочонка толстяк. – У Кривого Тита, говорят, корова двухголового теленка принесла. То – к морозной зиме, не иначе. На Кабаний хутор стая оборотней наведалась, дюжину свиней унесли да хозяйской дочке башку отгрызли. Знамо дело, отправили весточку его сиятельству сэру Альве, пущай своих Полуночных Егерей высылает. Да уж дошла весточка, выслал поди… Сами понимаете, была б одна тварь или две-три – своими силами бы справились, а стаю-то в полтора десятка рыл не одолеть…

– Не тарахти! – сурово поморщился капитан, берясь обеими руками за поднесенную вновь кружку. – Не о том спрашиваю! Про Мартина Ухореза – что брешут? Вдруг кто видел чего, кто чего слышал? Не может же он со своими ублюдками не жрамши столько времени бегать, хоть раз-то к людям выходил…

– Так-то оно, добрый господин, так, – согласился трактирщик. – Только Мартина не зря Ухорезом кличут. Провиантом ему, конечное дело, кто-то и помогает – потому как хрен откажешь, когда тебя среди ночи разбудят и нож к горлу сунут… Но трепаться про то ни один дурак не станет. Либо стража за подмогу лиходеям загребет, либо – что вернее – сам Мартин за донос ухи отчекрыжит тебе да всем твоим родным. Он ведь, гад, такими погаными делами и прославился больше, чем грабежами и разбоями.

Капитан после второй кружки малость размяк, утратил суровую степенность.

– Это верно, – доверительно вздохнул он. – Ухорез – малый отчаянный. А народишко у нас – бздиловатый. В этом-то и проблема. Ну-ка… дай мне чего-нибудь на зубок. И это… налей еще холодненького…

– А ведь как не бояться-то, добрый господин?.. – заговорил снова трактирщик, вернувшись к капитану с очередной порцией пива. – Я слыхал, Ухорез Сумрачным сестрам душу заложил. Он им службу служит, кровь невинных льет, а они его за то от мечей и стрел берегут… да следы за ним заметают. Потому Ухореза и взять никто не может. Темная сила ему дадена!..

– Брехня! – Капитан пренебрежительно сплюнул на пол. – Тебя дело спрашивают, а ты сказки бормочешь… Обычный бандюган этот Мартин Ухорез. Таких по дорогам Арвендейла сколько шатается! Обычный, говорю, бандюган. Разве что знает пару фокусов… – неохотно признался капитан. – Из тех,

которыми любой деревенский колдун владеет. А к настоящей магии Ухорез неспособен. Потому как крови он не благородной, а самой что ни на есть плебейской. Сила ему дадена… Тьфу! Надо ж такое ляпнуть! – он скривился и снова сплюнул. – Дурни! Хвостокруты! Деревня!

И тут в глазах толстяка-трактирщика коротко мелькнуло что-то такое… Досада, что ли? Обида за себя, «деревню»?

– Вишь ты… добрый господин, – негромко выговорил он, ставя на стойку плошку с калеными лесными орехами и миску вяленого мяса. – Кабы был Мартин обычным бандюганом, вы бы за ним из самого Золотого Рога не дотопали сюда. Знать, не обычный… А правду говорят… – трактирщик совсем приглушил голос, – что тот Мартин иэллии, эльфийские священные рощи жгет?

– Ну, – буркнул капитан, запуская корявую коричневую лапу в плошку с орехами. – Есть такое дело, жгет.

– Во! – выдохнул, округлив глаза, трактирщик. – И я о том! Зачем ему, душегубу, иэллии жечь? Ведь не заради выгоды же, а? Выгоды тут ему никакой. А вот что те, которые Сумрачным сестрам служат, Высоких или Могучих не преминут кусануть, это всем известно. Сумрачным сестрам истинно Светлые расы ненавистны…

– Как поймаем гада, тогда и узнаем, чего это он на длинноухих затаил, – залихватски пообещал капитан и икнул. – Тащи еще пива! Эх, и жара, пью-пью, не напьюсь никак…

И снова что-то высверкнуло в глазах толстяка. Не досада уже и не обида, что-то другое. Какая-то дерзкая хитринка.

– А поймаете ли? – вкрадчиво спросил он, метнувшись за очередной порцией пива и вернувшись. – Ведь с Золотого Рога за ним идете, почитай, недели две, если не больше, никак взять не можете… Сюда, на самый край мира, забрели…

– Куда он от нас денется, сволочуга! – махом ополовинив кружку, раздухарился капитан. – Мы его уж у Волчьего лога прищучили пятого дня! Половину банды перебили, я этого Ухореза… вот как тебя сейчас видел… Не дотянулся только. До сих пор рожа его костлявая, паскудная перед глазами стоит. Чудом ускользнул! М-м-х… – Капитан оскалился, покрутил головой, разбрызгивая капельки пота со лба и ошметья пены с усов. – Тварь рыжая! Ничего, достанем! В другой раз не уйдет! Нука, долей холодненького! Эх, и жара!..

Жара и вправду стояла несусветная. Небывалая для осени, хоть и ранней, стояла жара. Листья на деревьях погодили жухнуть и облетать. Утратившие уже летний цвет – наливались солнечной желтизной да краснотой, как плоды; а не успевшие отцвести –

зеленели себе и дальше. Из-под посохшей травы пробивалась травка новая, сочная, нежно-изумрудная. Того и гляди вся растительность снова взбухнет почками, бутонами и колосьями – хоть еще один урожай собирай.

Только по ночам воздух, как и следовало, стекленел холодом, и глупые людские сомнения насчет того, что время отчего-то повернуло вспять, мигом выстужало: все, лето кончается, и холода не за горами.

Но то ночами. А сейчас пеклось в зените гигантским яйцом полуденное солнце, на дорогах калилась белая пыль, и подрагивало между небом и землей марево удушливого зноя. От которого было лишь одно спасение: прохладная тень крыши и стен да глоток-другой доброго пива…

Капитан, сладострастно фыркая и притоптывая от удовольствия, как раз досасывал свою кружку, когда из кухни выскочил ратник – судя по желтому султану на шлеме, гвардейский десятник. Ратник, придерживая у бедра длинный меч, рысцой проскакал через весь зал, сунул губы в ухо своему командиру и что-то возбужденно прошептал, наверняка что-то очень важное, потому что капитан мгновенно встряхнулся, проморгался и ткнул посуровевший взгляд в толстяка-трактирщика:

– А ну-ка, поди сюда!

Трактирщик испуганно выполз из-за стойки. Крестьяне в зале встревоженно зашевелились, когда капитан, ущемив в ручище розовое ухо толстяка, бесцеремонно поволок его к кухне.

Кухня оказалась разгромленной, будто только отшумела там масштабная пьяная потасовка. На полу, усеянном разнокалиберными осколками и обломками, кучкой топорщился мокрый соломенный половичок, используемый, видимо, как средство от жара очага. Рядом с половичком виднелся четырехугольный люк без ручки.

– Эт-то что такое? – загремел капитан, дергая туда-сюда толстяка за ухо, отчего тот смешно жмурился и повизгивал. – Я ж тебя, жаба пузатая, допрашивал: есть в трактире потайные комнаты? А ты мне что говорил?..

– Дак то не потайная… – простонал толстяк. – То ж просто ледник!.. Мясо там храним, чтоб не портилось, молоко, овощи…

– Открыть! – приказал капитан, выпустив ухо трактирщика и отправив того пинком в угол кухни.

Десятник обнажил меч, поддел клинком крышку люка, резко опустил рукоять вниз. Крышка отвалилась в сторону, из распахнувшейся черной дыры пахнуло сырой прохладой.

– Хорек! – позвал десятник одного из гвардейцев,

низкорослого, шустрого, с острой мордочкой. – Ну-ка, глянь!

Со светильником, зажженным от пламени очага, спустился в люк вышеозначенный Хорек… И очень скоро вынырнул обратно.

– И впрямь мясо, – доложил он, поеживаясь от подземного холода. – Свиные туши, штук пять-шесть. Только зачем-то сваленные прямо на пол. Что ж ты, дурья башка!.. – презрительно обратился он к поскуливавшему в углу трактирщику. – Мясо хранить не научен? На крючья туши следует вешать! А не валить в кучу! И кровь надо беспременно выпускать… Там вот такенные лужищи на полу, – сказал он командирам.

– Не успели управиться, добрые господа! – пискнул толстяк, на всякий случай проворно закрывая оба уха пухлыми ладошками. – Мужики поутру поросей-то пригнали на убой. Мы закололи, свежатинкой только стали заниматься, как вы на дороге показались. Ну, я и велел посваливать туши в ледник… Чтоб беспокойства вам не было… Мужики те вона – в трапезной сидят, можете у них спросить!..

– Чтоб беспокойства не было! – передразнил капитан трактирщика. – Образина жадная! Небось думал, что славные воины его светлости покусятся на твоих вонючих поросей? Такого ты, значит, мнения о славных воинах его светлости? А может, и самом герцоге?..

– И в мыслях не было! – истово заверил толстяк. – Вот пусть я провалюсь на месте, ежели…

– В таком разе, – распорядился капитан, – приготовь для нас два… три бочонка пива! Ребятам тоже пить охота. Закругляемся, парни! Ни черта тут нет, дальше пойдем!

– Это я всенепременно! – засуетился трактирщик. – Три бочонка! Какого ни на есть лучшего! Холодненького! Я и сам хотел предложить, только не осмеливался!..

Тем временем к трактиру, окруженному цепью из трех десятков гвардейцев, подкатила, грохоча, вышибая из дороги клубы белой пыли, большая телега, грубо разукрашенная травяными и цветочными венками, запряженная мощным мохнатым битюгом. В телеге той помещались четверо крестьянских парней, развалившихся в разухабисто вольных позах, да на облучке еще восседал, подбоченившись, мужик постарше, пышнобородый, широкоплечий, в разодранной на груди рубахе, в коротких штанах, обнажавших могучие икры. Парни, не обращая никакого внимания на пространство за пределами телеги, орали какую-то песню и заткнулись только тогда, когда здоровяк-возница, натянул поводья, остановив разбежавшегося битюга.

Ближайшие гвардейцы лениво подтянулись к телеге.

– Поворачивай! – качнул копьем один из них. – Не велено!

– Чегой-то? – удивился мужик на облучке. – Кого? Куда поворачивать?

– Обратно! – кратко объяснил гвардеец.

– Почему? – непонимающе раскрыл рот здоровяк.

– Сказано тебе – не велено. Мартина Ухореза ловим, слыхал о таком? Обыскивают твой трактир.

– Дак а мы-то тут при чем? – все не мог взять в толк мужик. – Мы с душегубами никаких дел не имеем, ага. Мы со свадьбы едем! Нам в трактир надобно, у нас выпивка кончилась… Во! – перегнувшись назад, он поднял со дна телеги и продемонстрировал, покултыхав вниз горлышком, пустой кувшин.

– Не велено!

– Да недопили мы! – всплеснул руками, дивясь непониманию служивых, здоровяк-возница. – Со свадьбы едем и недопили. Нам бы еще по кружке на брата! Медяки имеются, тут не сомневайтесь…

– Вот дубины деревенские… – вздохнул гвардеец. – Толкуешь им, а они все свое… Поворачивай! – повысил он голос.

Кто-то из парней затянул было снова песню, но его не поддержали. Более того, проникнувшись трагизмом происходящего, треснули по затылку, чтоб замолчал.

– Что же это, братцы?! – возопил возница. – Ведь медяки-то есть! И трактир – вон он! А выпить не дают!..

Гвардейцы, слышавшие этот полный неподдельной скорби вопль, дружно заржали:

– Дома допьете, болезные!

– Дома жены… – вздохнул мужик. – Они разгуляться не дадут.

– А почему вы решили, что Мартин в этот трактир мог сунуться? – спросил вдруг с телеги светловолосый парень, который, кажется, был потрезвее своих товарищей.

– То не мы решаем, а капитан, – пояснил подошедший на шум вислоусый гвардеец, видно, заскучавший в карауле. – Да и решать тут особо нечего… Куда ж ему еще податься? В окрестных деревнях не укроется, там все друг друга знают, а за его рыжую башку такая награда объявлена – десять семей два года кормить можно. В северные леса ему путь заказан – длинноухие, которым он так насолил, враз его вычислят. К Длинной реке, на юг, Ухорез тоже не двинет. Он, чай, не дурак, чтобы решиться по воде сплавляться, где – на просторе-то – он как на ладони будет. Одна ему дорога: к Утренней Звезде. Там поселений побольше, и

покрупнее они будут, есть надежда затеряться среди местных да по предгорью Драконьей гряды улепетнуть, обратно в центр Арвендейла. Только силы у Мартина уже не те. У Волчьего лога – слыхали, наверное? – мы его здорово потрепали, коней постреляли, а на своих двоих до Утренней Звезды ему так скоро не добраться. Тут он где-нибудь, поблизости. Нашел укромное местечко и пережидает, сил набирается… А уж такого места, как трактир, где жратвой разжиться можно, он вряд ли миновал бы…

– Верно, – внимательно выслушав, качнул головой светловолосый.

При ближайшем рассмотрении он все-таки здорово отличался от своих товарищей, этот светловолосый. Не такой ражий, но, тем не менее, крепкий, подвижный, он имел черты лица не простовато-грубые, а тонкие, легкие. Даже определение «парень» не вполне подходило ему. «Юноша» – вот как следовало бы его называть… А если уж совсем внимательно к нему приглядеться, можно было заметить еще кое-что: какую-то трудно-уловимую невинную ясность в пронзительно голубых глазах да и во всем облике; ту ясность, что часто встречается у совсем малых детей и бесследно исчезает со взрослением.

– А ты ничего! – подмигнул светловолосому юноше гвардеец, переложив копье с одного плеча на другое. – Ишь какой серьезный. Жидковат, правда, но, видать, ловкий. Чем в деревне навоз месить, подался бы в Золотой Рог. Глядишь, и в гвардию его светлости возьмут. Нам такие нужны…

Из трактира один за другим потянулись ратники. Первые трое тащили в руках по объемистому бочонку. Показался и капитан, взмахнул рукой, подзывая десятников. Гвардейцы зашумели, задвигались.

– Ну, счастье ваше, мужички, – сказал висло-усый. – Снимаемся. Эх, видно, никаких следов Ухореза не отыскали ребята. Вон у господина капитана рожа унылая… И сколько нам еще сапоги трепать, покуда этого головореза не отыщем?..

– Пива нам, хозяин! – возгласил мужик в разорванной рубахе, когда вся его компания с шумом ввалилась в трактир. – Ай, сказывают, хорошее пиво у Круглого Бубы! Пива!.. – требовательно повторил он и осекся. – А чего это вы делаете?..

Толстяк-трактирщик, именовавшийся, как выяснилось, Круглым Бубой, рывком развернулся на голос здоровяка-возницы, выронил тяжелый мешок, который волок из кладовой к центру трапезной, где громоздился уже внушительный курган из мешков, свертков, узлов, корзин и бочонков. Мужички-посетители, с суетливым энтузиазмом помогавшие Бубе, тоже настороженно

замерли, обернувшись: кто с поклажей в руках, а кто ту поклажу уронив.

– Будто переезжаете, ага!.. – добродушно предположил возница. – Ну, пивца-то нам между делом наплещете, да?

– Да расслабьтесь! – хохотнул один из парней с телеги. – Чего столбами застыли? Думали, герцогские солдафоны вернулись? А это мы!..

Трактирщик раздраженно притопнул и пихнул ногой мешок:

– Тьфу на вас, голытьба! Не до вашего пива сейчас! Проваливайте, пока мы по шеям вам не накостыляли!

– Новое дело! – горько поразился здоровяк. – Медяки есть, в трактир прорвались, а выпить все равно не выходит! Что за день сегодня такой?!

– Валите отсюда, кому сказано! – рыкнул, выступая из-за плеча Круглого Бубы, мужик, тоже очень даже нехилого телосложения. – Куда грязными копытами в приличное заведение?

Показавшись полностью, он недвусмысленно продемонстрировал кривой нож за поясом. И товарищи его угрожающе задвигались, являя из-под одежды ножи и короткие дубинки.

– Ну? – грозно нахмурился Буба; из длинного рукава его высунулся шипастый шар кистеня. – Два раза повторять надобно, рванина?

Но пятеро из телеги, на которых, кстати, никого оружия заметно не было, почему-то не испугались. Не попятились, отдавливая друг другу пятки, к выходу, а наоборот – стали медленно растекаться по трапезной. Вооруженные мужики недоуменно запереглядывались, а на роже Круглого Бубы из-под гримасы нетерпеливого раздражения проклюнулось удивление:

– Да вы кто такие будете-то?

– Издалека мы, – охотно пояснил мужик в разорванной рубахе. – С хуторов у Драконьей гряды. Где замок Утренняя Звезда, ага. На свадьбу сюда приезжали, угостились, а на обратной дороге добавить пожелали. Нельзя, что ли?

– Что-то не слыхал я ни про какую свадьбу… – буркнул Буба, как-то, впрочем, неуверенно. – Утренняя Звезда, говоришь… Неблизкий путь! Дней пять пехом… А если вы издалека, то меня откуда знаете?

– Да кто ж Круглого Бубу не знает! – хмыкнул возница. – Сказывают, ты один такой в тутошних краях… Сказывают, как-то ты на спор цельного барана стрескал! А ежели весь твой жир вытопить, так на сотню-другую светильников хватит!

– Ну довольно… – поморщился трактирщик.

Тот мужик, что первым показал пришельцам свой нож, вдруг бросил взгляд в окно, за которым выстроившийся уже в две колонны отряд гвардейцев удалялся по дороге на восток. То ли мелькнула у него мысль позвать солдат обратно, то ли какая другая – неизвестно. А Круглый Буба, уже не таясь, полностью выпростал из рукава кистень:

– Сдается мне, вовсе не пиво вам нужно…

Возница вопросительно глянул на светловолосого юношу из своей компании, тот – все время, пока компания находилась в трактире, внимательно присматривавшийся и прислушивавшийся к происходящему – отчетливо ему кивнул. Будто утверждая что-то.

– И то правда, – подтвердил здоровяк, и голос его вдруг изменился, опасно сузился до лезвийной тонкости. И сразу стало видно, что нисколько он не пьян. – Гвардейцы, знать, Мартина Ухореза ищут? Где-то тут неподалеку Мартин прячется… Скажу тебе по секрету, что он сейчас куда как ближе, чем служивые думают…

Парни из телеги тоже подобрались, пьяная разухабистость вмиг слетела с них. Круглый Буба заметно побледнел. Поджав губы, он отступил на шаг, взмахнул кистенем. Мужики его сгрудились еще теснее, похватали свои ножи и дубинки…

– Ну, чего вы расшиперились-то? – развел руками возница, снова расплывшись в добродушной ухмылке. – От пива-то мы не отказываемся! А насчет денег не сомневайся! Во! Медяков хватает!

Вытащив из-за пазухи увесистый кожаный кошель, он подбросил его на широкой ладони и перекинул стоящему рядом парню. Тот, словно играясь, хмыкнул и швырнул кошель товарищу, каковой перекинул кожаный тяжелый мешочек дальше…

В трактирной трапезной натянулась тишина, дрожащая, напряженная, балансирующая. Круглый Буба со своими людьми, не опуская оружия, настороженно, выжидающе следил за перемещениями кошеля, пока тот не оказался в руках светловолосого юноши.

И юноша прекратил дурацкую игру. Улыбнувшись, будто извиняясь, он подмигнул трактирщику и бросил ему кошелек.

Вернее, как бросил…

Метнул – без размаха, но сильно и точно. И бросок этот произвел потрясающий эффект.

Круглый Буба не сумел увернуться – кошель угодил ему прямо в лоб. Громадное жирное тело трактирщика нелепо кувыркнулось, Буба взбрыкнул ногами к потолку и башкой вниз

воткнулся в груду мешков, узлов, бочонков и корзин, сразу его и засыпавших.

Это словно послужило сигналом для всех присутствовавших в трапезной трактира. В следующую секунду обе группы накинулись друг на друга, молча, не тратя времени и сил на боевые крики.

Здоровяк в разорванной рубахе вступил в схватку первым. В голову ему метнулась тяжелая дубина, каковую здоровяк встретил своим могучим кулаком, разнеся увесистое деревянное орудие в щепки. Не успели те щепки осыпаться на пол, как бывший владелец несуществующей уже дубины полетел к ближайшей стене, чертя за собой в воздухе быстро тающий след кровавых брызг из размозженного носа.

Светловолосый юноша, на которого бросились сразу двое (видимо, соблазнившись его совсем не устрашающим видом), тоже долго рассусоливать с противниками не стал. Первого нападавшего он опрокинул молниеносным тычком ребра ладони в горло, предварительно вышибив из его руки нож, а второго… а второго светловолосому даже и тронуть не пришлось. Выбитый нож глубоко вонзился второму нападавшему в бедро, и вряд ли это была простая случайность…

Круглый Буба чудесным образом очухался от страшного удара через несколько секунд после начала схватки. Расшвыряв во все стороны кучу скарба, он вскочил на ноги. Но вступать в бой не стал, видно, сразу оценил ситуацию – у его вооруженных людей против безоружных противников нет никаких шансов. Буба отшвырнул бесполезный кистень, причем под взметнувшимся рукавом его рубахи обнаружилось несколько амулетов, самых разных форм и цветов. Он содрал с запястья один, похожий на черную тряпичную бабочку.

Непонятно как, но светловолосый юноша в пылу драки сумел углядеть действия трактирщика.

– Осторож!.. – успел крикнул юноша.

Буба сжал амулет в кулаке. И что-то внутри «бабочки» тонко, почти неслышно треснуло. И тут же трапезная ухнула в непроглядный мрак.

– …нее!.. – закончил светловолосый уже в совершенной черноте, залившей помещение, будто густые чернила.

Две или три секунды чернота колыхалась стуком, возней, болезненными вскриками и проклятиями. Затем что-то коротко прошипело, и нежданная тьма, словно черная кошка с обожженным хвостом, свилась в клубок, шарахнулась вверх, втянулась в потолок, освободив помещение.

Круглому Бубе, успевшему на ощупь добраться к окну, не

удалось сигануть наружу. Одним прыжком настиг его светловолосый юноша, мазнув босой ногой под коленки, сшиб на пол и ударом кулака по жирной шее вторично лишил чувств.

В трапезной стало тихо. Здоровяк-возница стряхнул с ладони костяные осколки – остатки использованного им только что амулета.

Люди Круглого Бубы валялись тут и там вперемешку с растерзанной поклажей. Все они выглядели сильно покалеченными, но никто из них, кажется, не был мертв… Чего нельзя было сказать об одном из парней, прибывших сюда на телеге – он лежал поодаль, у самого выхода, и, судя по неестественно вывернутой голове, шея его была сломана. У левой руки погибшего валялся окровавленный кривой нож, видимо, отобранный им у противника.

Четверо сгрудились вокруг бездыханного товарища. Каждый из них умудрился выйти из схватки невредимым, вот только на спине у светловолосого алела – в разрезе рубашки – длинная кровавая полоса. Он, светловолосый, при общем напряженном молчании приблизился к мертвецу последним, остановился, опустив голову, закусив губу. Парни некоторое время переглядывались, с каждой последующей секундой все чаще вскидывая удивленно-вопросительные взгляды на понурившегося светловолосого. Наконец заговорил здоровяк, который, кажется, был у этих людей за главного:

– Эвин?

Светловолосый Эвин пошевелился.

– Не могу понять, как так вышло… – запнувшись, проговорил он, не поднимая головы. – Когда упал Черный Полог, Гаг был у меня за спиной. Значит, мне не стоило беспокоиться, что кто-то нападет сзади. И тут – удар. Я в последний момент успел почуять движение, увернулся – клинок только скользнул по ребру. И я сразу же провел ответный выпад. Локтем… В полную силу… Метили-то мне в сердце…

Эвин поднял-таки голову, посмотрел на здоровяка-возницу. Во взгляде светловолосого ясно чувствовалась тоскливая вина, но еще больше – недоумение по поводу того, что произошло. И это-то недоумение в полной мере разделяли его товарищи.

– Хочешь сказать, Гаг тебя нарочно пырнул? – вскинулся один из парней, широколицый, курносый и веснушчатый. – Бред! Промахнулся сослепу! А ты его…

Эвин хотел что-то ответить. Кажется, возразить хотел, но… промолчал.

– Товарища? В спину? В бою? – помотал головой другой парень, небольшого роста, кряжистый и чернявый. – Ни за что не

поверю! Это ж наш Гаг! Брат наш! Сколько лет мы все вместе из одного котла едим?! Сколько раз он тебя от верной смерти спасал?! А? И вдруг такое!..

– Это-то и странно, – тихо выговорил все-таки Эвин. – Вы знаете меня, Манго и Мюр, я не буду врать… – он просительно позвал здоровяка-возницу. – Крэйг? Я сказал, как было…

Здоровяк передернул могучими плечами, медленно стащил с себя рубаху, в пылу схватки разорванную уже до самого пупа, вытер ею лоб. На правой стороне груди его обнаружился чудовищный шрам, багровый, рваный, страшный – будто здоровяка когда-то пытались перепилить пополам дурно заточенной пилой.

– Что сделано, то сделано, – взяв в кулачище бороду, рассудил возница. – А с мертвого не спросишь. Что тебя, Эвин, что Гага – я еще сопляками знал, но… в темноте иногда творятся диковинные вещи. Даже если та темнота длится всего несколько мгновений.

– Каждый может ошибиться… – проговорил Эвин. – Это так, конечно, но…

Крэйг положил ему руку на плечо. Затем в наступившей тишине обвел взглядом своих людей и сказал:

– Гаг, наш брат, погиб в бою. И – точка. Пасть в бою – лучший способ отправиться к праотцам для всех нас, и пусть боги уготовят нам тот же дар… И пусть никто и никогда не скажет о нем худого слова…

Здоровяк, видно, хотел добавить что-то еще, но осекся.

Невесть откуда взявшийся ледяной сквозняк зашелестел по ногам четверых. И бесчувственные тела, разбросанные по трапезной, вдруг зыбко заколыхались. Будто отражения в забеспокоившейся воде, они то вытягивались, то укорачивались – черты лиц поверженных мужиков дико заплясали, неузнаваемо меняясь. Сквозняк сошел на нет скоро и бесследно, а на полу теперь лежали совершенно другие люди, походившие на зажиточных крестьян разве что только одеждой – поджарые, хищно мускулистые, с угрюмо-зверскими, испещренными шрамами физиономиями лежали на полу люди. Разительнее других изменился Круглый Буба. Вовсе не громадный толстяк валялся теперь у окна, а тощий, длиннорукий и длинноногий хлыщ, на лице которого даже сейчас, когда он был без сознания, угадывалась стальная жестокость. И топорщились жесткими космами ярко-рыжие волосы на его голове.

Эта чудна́я метаморфоза (не коснувшаяся, впрочем, тела Гага) совсем не удивила четверку. Похоже, они ждали чего-то подобного.

– Зеркало Шута, – констатировал Крэйг. – Серьезное заклинание. Мартин Ухорез и впрямь неслабый маг… Как ты догадался? – спросил он у Эвина.

Тот встряхнулся, через силу оторвав свой взгляд от мертвого Гага:

– А?

Здоровяк повторил свой вопрос.

– Да ничего сложного, – пожал плечами Эвин. – Магия может изменить лишь облик человека, но сам-то человек остается прежним. Настоящий Круглый Буба нипочем не сумел бы двигаться так же проворно, как похитивший его внешность Мартин. А если бы каким-то образом и исхитрился – то на этой жаре истек бы потом. Между тем рубаха его была почти совершенно суха…

– Действительно просто… – бормотнул Крэйг.

– Просто-то просто, – почесал в затылке чернявый крепыш Манго, – а вот поди сложи из этаких мелочей целую картину. Мастак, брат Эвин!

– В мире вокруг нет мелочей, – сказал Эвин, как-то привычно и необязательно сказал, будто говорил это уже много-много раз. – Потому что каждая мелочь имеет свое значение, каждая мелочь исключительно важна… Мне только одно непонятно, – повысил он голос, – куда подевались настоящий Круглый Буба и те, чьи обличья приняли на себя его разбойники?..

Крэйг вдруг поднял палец вверх, привлекая внимание товарищей.

Те насторожились, прислушиваясь.

Хорек шлепал в самом конце колонны. Меч с лязгом бил ему по бедру; на спине болтался, натирая шею острой кромкой, тяжелый щит; копье оттягивало плечо; простой, без султана, шлем не по размеру то и дело сползал на глаза; в нос лезла вздымаемая сапогами впереди идущих белая пыль. Но то были неудобства привычные, поэтому почти не ощущаемые. А вот походный мешок, заметно потяжелевший после посещения Хорьком трактира, все-таки здорово мешал гвардейцу.

Хорек несколько раз перевешивал мешок с одного плеча на другое и в конце концов не выдержал.

– На-ка! – протянул он на ходу мешок вислоусому товарищу, тому самому, что с четверть часа назад предложил Эвину попытать счастья в герцогской гвардии. – Подмогни маленько! Понеси, сколько сможешь, а потом я. А потом опять поменяемся!

– С какой стати? – удивился вислоусый. – Нашел тоже дурака! Сам тащи свои пожитки.

– Значит, не подмогнешь?

– Значит, не подмогну.

– Ладно, – легко согласился Хорек. – Эй, братцы, кто возьмет?

– Да пошел ты, – откликнулись «братцы».

– Ну-ну!.. – обиделся Хорек. – На вечернем привале, небось, попомните, как отказали-то мне… С другим десятком ужинать стану!

– А чего у тебя там, в мешке-то? – заинтересовался вислоусый. – А-а!.. – сообразил он. – Опять свистнул что-то? Ну ты и… Одно слово – Хорек. Все тащишь, что плохо лежит. Смотри, доиграешься когда-нибудь, спустят тебе шкуру со спины за твои штучки.

– Не для себя же стараюсь! – отбрехался Хорек. – Для вас же! А вы – вона как! Никакой благодарности!

– Ладно, – решился вислоусый. – Давай сюда. Ох, тяжело… Что упер-то?

– Поросятинки кусок! – с удовольствием сообщил Хорек. – Из ледника вытащил. Пока господа командиры жиробаса-трактирщика пинали, а наш брат гвардеец бочонки с пивом тягал, я опять в тот ледник нырнул, быстренько ногу поросячью отчекрыжил да в мешок ее! Славная похлебка получится, наваристая!

– Это да! – повеселел вислоусый. – А то на походных харчах-то ноги протянешь. Пустая каша да сухари… И сколько топать, пока Ухореза не поймаем, неизвестно.

– Нам бы до Утренней Звезды дотянуть! – сладко вздохнул Хорек. – Там гужанемся от души! Не пивом, а благородным винишком задарма побалуемся! Пирогами дармовыми пузо набьем! Надолго той гужевки хватит.

– А с чего ты взял, хорячья твоя рожа, что нас задарма поить и кормить будут?

– Пф… А вы ничего не слышали, что ли?

– А что мы должны слышать? Это ты только носом по ветру покрутишь, уже все и разнюхаешь. Выкладывай давай, чего узнал!

– Дак праздник большой будет в Утренней Звезде-то! – уверенно объявил Хорек. – Тамошний лорд, сэр Альва Сторм, в права владения вступает!

– В права владения – чем? – не понял вислоусый.

– Замком Утренняя Звезда, конечно! Ну и всем графством, само собой…

Гвардеец, шагавший прямо перед Хорьком, не поленился развернуться, чтобы щелкнуть тому в лоб:

– Ты ж сам сказал, что он тамошний… вернее, тутошний лорд! Да и весь Арвендейл о том прекрасно знает. Сэр Альва уж

лет десять Утренней Звездой правит. Зачем ему вступать в права владения тем, чем он и так владеет? Чего ты брешешь-то?

– А вот и не брешу! – вякнул Хорек, нахлобучивая на голову едва не слетевший шлем. – Сэр Альва – он, конечно, лорд. Но лорд того… ненастоящий как бы. Он этот… егерь, что ли?

– Какой тебе граф – егерь! Такого сроду не бывало! Совсем заговорился!

– Регент! – вдруг вспомнил вислоусый. – Вот правильное слово. Ага, точно, я тоже слышал. Лорд-регент. Тот, который, значит, временно правит. Бывший лорд Утренней Звезды, сэр Адам Сторм, на охоте с коня навернулся, когда его сыновья совсем мальки были. Один из них, старший который, по закону и править должен был, да только как править – сопливому мальчугану? Тем более что Утренняя Звезда – замок особенный, не такой, как другие. Он на самом краю мира стоит, в скалах Драконьей Гряды. Гномы его строили, говорят, Могучий народ. По одну сторону Драконьей Гряды наш Арвендейл, а по другую – Тухлая Топь, а уж что за Топью, никто не знает… Было время, когда из Тухлой Топи перли орды Темных тварей, только им проход-то закрыли и в том месте замок воздвигли, ну… над тем, то есть, ущельем в Гряде, через которое из Топи проход был. И с тех давних времен и по сю пору Утренняя Звезда оберегает земли Светлых рас от Темных тварей. Так и получается, что на лорде Утренней Звезды великая ответственность лежит… Никакой герцог не позволит, чтобы замком малек несмышленый правил. Вот сэр Альва и взялся, пока племянники-то его в сознательный возраст не войдут…

– Во! – обрадовался Хорек. – Я ж говорю! Два сына Адама Сторма до совершеннолетия не дотянули, один остался. А самое главное, что ровно через пять дней, в пятницу, значит, этому самому парню, отпрыску Адама Сторма, семнадцать лет исполняется. Местные говорят, сын Адама лордом Утренней Звезды становиться не собирается. Отказывается от родового замка в пользу дядюшки. Ну а тот и рад стараться… В общем, братцы, торжество будет невиданное! Уж сэр Альва на радостях-то гвардейцев его светлости герцога Арвендейла не откажется угостить…

– Знамо дело, не откажется!.. – загудели с воодушевлением участвовавшие в разговоре. – Почетными гостями будем!..

– Тем более, – присовокупил Хорек, – я слышал, сам его светлость герцог Руэри обещался Утреннюю Звезду в день праздника навестить! Впервые за долгое время! Лет за десять, что ли…

Вислоусый гвардеец почесал в затылке, сдвинув шлем:

– У Адама Сторма вроде как не один, а два брата были…

– Все верно, – авторитетно подтвердил Хорек. – Два. Сэр Альва и мастер Аксель. Только и Аксель тоже лордом Утренней Звезды никогда не изъявлял желание становиться. Он – маг-ученый, живет в своей башне затворником, всякими такими магическими делами занят, и до простых людишек ему дела мало… Ну, говорят так, по крайней мере. А сэр Альва – он настоящий лорд!

Вислоусый кивнул:

– Это верно, граф Альва крепко свое дело знает. Сами, небось, слышали, как в Золотом Роге говорят: мол, у Драконьей Гряды, где Утренняя Звезда, Темные твари так и рыскают, потому что Тухлая Топь рядом. А мы все графство протопали, почти что до самой Звезды добрались, а ни одну тварь не встретили. Только раз один слушок прошел…

– Ага, про стаю оборотней на каком-то там хуторе местные треплются, – поддакнули ему. – Кабаньем, что ли?.. Дак и у нас, у Золотого Рога, иной раз Темные появляются, что с того?…

– А какие селения здесь, братцы, обратили внимание? – продолжил вислоусый. – Большие да богатые. Я таких и в окрестностях Золотого Рога не видел, а ведь лорд Рога – правитель всего Арвендейла! И народ тут сытый, веселый… Так оно и выходит: хорошо, что сэр Альва и дальше будет графством Утренней Звезды владеть. А мастер Аксель в своей башне сидеть. А пацан… кто его знает, какой из него выйдет лорд?..

– Какой бы ни был, а он полное право имеет замок у своего дяди забрать, – подал голос кто-то из гвардейцев. – Я бы вот лично хрен отказался от цельного замка, к которому еще и земель прилагается – в две недели не объехать. Дурак тот молодой Сторм, вот и все.

– Храбрец! – хмыкнул Хорек по адресу высказавшегося. – Ты это самому парню скажи. Он ведь – знаешь кто? Егерь!

Вокруг Хорька заржали. Да так, что сам десятник выбился из строя, поотстав, чтобы проверить, чего это там веселятся его подчиненные.

– Опять заговариваешься, тупая башка! Егерь! – хохотали гвардейцы.

– Регент, во как правильно!..

– Да и то, не молодой Сторм, а его дядя, сэр Альва – регент! До следующей пятницы!..

– Егерь! Надо ж такое болтануть? Где видано, чтобы виконт, наследник Утренней Звезды, был простым егерем?..

– Не простым! – со значением проговорил Хорек. – А – Полуночным. Полуночным Егерем.

Тут весельчаки приутихли. Кто такие Полуночные Егеря, они знали хорошо.

– Ну? – удивился вислоусый гвардеец. – Самый настоящий Полуночный Егерь? Говорят, их теперь меньше десятка осталось. А ведь когда-то, давным-давно, когда Утреннюю Звезду еще строили, их несколько сотен было. Сейчас-то Темные поутихли – по сравнению с былыми временами, – нужда в Егерях не такая, вот и не готовят их в большом количестве… Ай! – вдруг вскрикнул он, с размаху остановившись.

– Что там у тебя? – строго прикрикнул на него десятник.

– Будто… – проговорил вислоусый, – в спину как ледяным ветром ударило… Ай! – снова заорал он, подпрыгнув. – Шевелится! В мешке кто-то шевелится!

Гвардеец содрал с себя походный мешок – тот самый, который передал ему Хорек, – швырнул ношу на землю и тут же отпрыгнул от нее, как от змеи. Мешок и вправду несколько раз крупно дернулся. И затих.

Солдатский строй смешался.

– А ну подтянуться! – зарявкал десятник. – Чего поклажей разбросались?! Поднять и продолжать марш!

– Пусть Хорек сам свой мешок тягает! – заявил вислоусый. – А я к этой дряни и пальцем не прикоснусь, пока не увижу, что там такое дрыгается!

– Болван! – бросил вислоусому десятник и лично наклонился, чтобы развязать мешок.

Развязал и, надрывно булькнув горлом, шатнулся в сторону. Лицо его побледнело мгновенно и жутко, будто кто-то сунул десятника рожей в бочажку с мукой. Отплевавшись и откашлявшись, десятник схватил оторопевшего Хорька за ремень, на котором висел закинутый за спину щит:

– Ты где мешок взял, выродок?

– М-мой… – промычал Хорек.

– А то, что в нем?! Откуда?

– Я… это… – окончательно растерялся Хорек. – В трактире… Он мне сам дал! Сам дал, я не воровал! Жирный трактирщик дал!

Десятник оттолкнул его и зычно закричал, развернувшись к голове колонны:

– Господин капитан! Вертаться надо назад!

Крэйг поднял палец вверх, привлекая внимание товарищей.

Те насторожились, прислушиваясь.

За стенами трактира что-то происходило. Через пару минут стало возможным понять – что именно. Приближался многоногий дробный и тяжкий топот, резкие голоса, как вороны, заметались

над крышами трактира.

– Служивые возвращаются, – сказал Крэйг. – Чего это они спохватились?..

Гвардейцы ворвались в трапезную через дверь и окна. Окружив четверку, они направили на них копья:

– Стоять смирно!

– Не шевелиться, скотина!

– Только попробуй дрыгнуться, гад!..

Парни и не думали сопротивляться. Только Мюр, поморщив усыпанный веснушками курносый нос, пальцем небрежно отвел маячившее у лица копейное острие, пробурчав:

– Ослобони маленько…

А Манго, прищурившись на гвардейца, оказавшегося напротив, значительно произнес:

– Поспокойней, ладно? А то отберу палку твою да засуну тебе же кое-куда…

– Не советую, братцы-гвардейцы, горячку пороть, – внес свою лепту могучим басом Крэйг. – Попортим вас, не ровен час.

И так веско это было сказано, что гвардейцы мигом поумерили пыл. Впрочем, не только под впечатлением слов здоровяка. Полдюжины поувеченных, разбросанных тут и там недвижимых тел тоже произвели вполне определенный эффект. К тому же, разглядев тела повнимательней, служивые, опустив копья, попятились: кто прижался спинами к стенам, а кого и вовсе выдавили во двор – гвардейцы явно узнали тех, за кем шли по пятам с самого Золотого Рога:

– Гляди-ка, Мартин!..

– Сам Ухорез, собственной персоной!..

– А вон энтот – Рамси Лютый! А вон тот – Стю Одноглазый!..

– Вот тебе и пьянь деревенская! Всю банду положили…

– Что-то не шибко они теперь пьяные-то… Быстро протрезвели.

– Где капитан-то? Сказано: хватать всех, кто в трактире… А как их похватаешь, таких?.. Что делать?..

Капитан не заставил себя долго ждать. Он влетел в трактир, растолкав солдат, с обнаженным мечом в руках:

– Подайте мне сюда этого жирного сукина сына!.. Где он?

– Мне было б тоже интересно это знать… – не-громко заметил Эвин.

Капитан, едва не споткнувшись о мертвого Гага, остановился как вкопанный, распахнув глаза и ра-зинув рот, в котором моментально онемел гневный вопль. Взгляд его ошалело запрыгал от одного валявшегося тела к другому. Углядев рыжие космы лежащего у окна Мартина, капитан выронил меч.

– Эт-то как понимать? – как-то беспомощно выговорил он, озираясь. – Ухорез? Откуда?.. Что тут происходит?..

– Ничего не происходит, – степенно сообщил Крэйг. – Все уже произошло.

– Было куда как проще, чем с оборотнями на Кабаньем хуторе, между прочим, – вставил Мюр.

– Эт-то… вы их так?

– Ну не вы же… – брякнул чернявый крепыш Манго. – Сам профукал Мартина, сам теперь удивляется!

Крэйг укоризненно помотал головой, а капитан от заявления парня побагровел, затопал ногами, нашаривая пустые ножны на бедре, разинул уже рот, наверное, для того, чтобы отдать приказ солдатам… И кто знает, чем закончился бы для него и его людей этот день, если б не подоспевший вовремя десятник, который повис на плече своего командира, что-то горячо шепча ему в ухо и опасливо поглядывая при этом на четверку, совершенно спокойно стоявшую в центре трапезной – видимо, что-то насчет того, что неразумно связываться с теми, кто без особого труда разобрался с грозной бандой неуловимого Ухореза. Скоро лицо капитана обмякло, кровь отлила от кожи. Он принял меч, услужливо поданный одним из гвардейцев, с лязгом швырнул клинок в ножны и прокашлялся.

– Вот что, мужички, – сказал он, явно делая над собой усилие, – не знаю, что здесь случилось и, если честно, знать не хочу. Вы, видно, храбрые люди, добрые подданные графства Утренней Звезды, верные слуги его сиятельства сэра Альвы, раз душегубов этих положили – ворон ворону-то глаз не выклюет. А раз так, разойдемся по справедливости. Я ваших слов поганых не слышал, а вы их не говорили. Вот вам… – он развязал кошель на поясе, – за ваши труды ратные. Это на закуску. А выпивку берите сами – сколько вместить сможете. Этот трактир именем его светлости отдается вам на целый день и целую ночь. А? Как?..

Бросив под ноги Крэйгу три золотых, капитан подбоченился, готовый выслушать слова благодарности за свою беспримерную щедрость.

Четверо переглянулись, не торопясь ни поднимать монеты, ни благодарить за них.

Капитан протяжно вздохнул и качнул красным султаном на шлеме в сторону десятника:

– Душегубов – в цепи! Забираем!

Манго и Мюр синхронно присвистнули.

– Ловко! – сказал Манго. – Явился на все готовенькое…

– Никого вы никуда не забираете, господин капитан, – отреагировал Крэйг.

– Что? – не поверил своим ушам капитан. – Опять?.. Да со мной почти полсотни бойцов! Пусть вам каким-то образом удалось семерых разбойников положить, но против нас-то никак вам не выстоять! Берите деньги и радуйтесь, что все так удачно обошлось!.. За дерзость неслыханную полагается вас, вообще-то, плетьми высечь… А то и на виселицу вздернуть просушиться! Вы вообще кто такие?!

– С этого и надо было начинать… – заговорил было Крэйг, но задира Манго снова вылез вперед него:

– Цену голове Мартина Ухореза мы и без тебя очень хорошо знаем, – начал объяснять он. – А золотишко получит тот, кто Мартина поймает, сам герцог так сказал…

– Сожалею, господин капитан, – вступил в разговор Эвин; ничуть не вызывающе звучала его речь, а вполне даже добродушно. – Ухореза вы не получите. И дело не в золоте. Я дал слово дядюшке доставить Мартина в Утреннюю Звезду, коли этот душегуб попадется мне на пути. Разве человек чести может нарушить данное им слово? Мартин Ухорез достанется моему дядюшке, господин капитан.

Капитан свирепо запыхтел, явно едва сдерживаясь, чтобы снова не взорваться.

– Дядюшке, говоришь? – прошипел он, скаля зубы. – А кто у нас дядюшка-то, а? Небось, лавочник какой-нибудь? Или ростовщик. Велика птица – Ухореза ему подавай! Ишь, умник, чужими руками жар загребает… А знаешь ли ты, что мне только гонца послать в Утреннюю Звезду, сэру Альве, верному вассалу его светлости герцога, как твоего премудрого дядюшку упекут на веки вечные в вонючий подвал?! А? И вас, всех четверых, вместе с ним! Потому что вы не кто другие, как – пособники Мартина Ухореза! А? Кому его сиятельство граф Альва поверит: мне, капитану гвардии властителя Арвендейла, или кучке оборванцев? Отвечай, наглец белобрысый! Или я тебя сейчас лично на куски порублю!

Манго и Мюр уставились на Эвина с каким-то непонятным предвкушением. И в бороде Крейга блеснула странная улыбка.

– Отвечаю, – кивнул светловолосой головой Эвин. Спокойно кивнул, хотя в голосе его зазвенели мальчишеские нотки оскорбленной гордости. – Его сиятельство граф Альва, безусловно, поверит кучке оборванцев. Потому что он мой дядюшка и есть.

– Да ты сумасшедший, что ли? – выпучил глаза капитан.

А десятник вдруг ахнул и присел с видом человека, только что осознавшего досадную ошибку.

– Не сумасшедший! – простонал он. – Так вот оно что,

господин капитан! А я-то думал, как они умудрились душегубов Ухореза того-этого… Кто ж на такое способен, кроме Полуночных Егерей?! А коли они – Егеря, значит, парень…

– Виконт Эвин Сторм, – с достоинством представился Эвин. – Сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов.

– И по поводу «на куски порублю»… – добавил Крэйг. – Ты же знаешь, что Полуночные Егеря по праву считаются самыми лучшими бойцами во всем Арвендейле?.. А возможно, и во всей империи. Конечно, знаешь. Так вот, Эвин Сторм – лучший боец среди Полуночных Егерей. Так что… не советую даже пытаться… Идите-ка обратно в Золотой Рог подобру-поздорову.

Капитан окаменел. Десятник вытянулся во фрунт. Рядовые гвардейцы тоже притихли, опасаясь шелохнуться. Впрочем, немая сцена длилась всего несколько секунд – в трапезную втолкнули Хорька, который, постоянно поправляя сползающий на переносицу шлем, по инерции продолжал оправдываться, малосвязно бормоча что-то про ледник и поросей.

– Ну, конечно! – хлопнул в ладоши Эвин. – Ледник!..

Он метнулся на кухню, откуда тотчас раздался скрип открываемого люка. Вернулся парень скоро и заметно помрачневший.

– Там они… – сказал он. – Все, кому не повезло оказаться в трактире, когда сюда Мартин Ухорез явился. И Буба, конечно, там… Правда, почему-то без ноги…

Глава 2

Отряд Полуночных Егерей возвращался в Утреннюю Звезду.

Вряд ли теперь кто-нибудь сумел узнать в Егерях тех подгулявших парней, что устроили разгром в придорожном трактире бедолаги Круглого Бубы.

Первым ехал командор Крэйг. Верхом на необычайно крупном – под стать себе – вороном жеребце командор смотрелся настоящим великаном. Его борода, уже аккуратно расчесанная и смазанная маслом, солидно ниспадала на добротный кожаный нагрудник. За левым плечом косо торчала к небу рукоять громадного двуручного меча; серый плащ стекал с плеч Крэйга по конскому крупу, спускаясь почти до самой земли, и мертво скалилась на том плаще башка гхарка, прон-зенная копьем, – отличительный знак Полуночных Егерей.

Мюр и Манго, укрытые точно такими же плащами, ехали следом за Крэйгом, по обе стороны от той самой телеги, увлекаемой тем самым здоровенным битюгом. Теперь в телеге громоздилась большая клетка, коряво собранная из тонких прутьев, которые крепились друг к другу в нужных местах обыкновенными веревками. Выглядела клетка откровенно хлипкой, однако разбойники, заключенные в ней, не предпринимали никаких попыток освободиться. Заклинание Нерушимой Замычки обуславливало надежность временной тюрьмы банды Мартина Ухореза.

Разбойники тихо и мрачно шелестели – переговаривались между собой. Время от времени кто-нибудь из них повышал голос сильнее обычного, тогда Мюр или Манго со своих коней лениво толкали ногой клетку:

– Тихо там! А то вот я кого-то сейчас опять пощекочу!

И грозные душегубы, совсем недавно наводившие ужас на половину великого Арвендейла, тут же надолго умолкали. Ибо пару часов назад некоторые из них испытали на собственной шкуре, что значит это самое «пощекочу» – когда рыпнулись предложить Егерям обменять свою свободу на несметные сокровища, якобы спрятанные вот именно на такой случай в неких потайных схронах.

Рыжий Мартин Ухорез с видом совершенно безучастным сидел в углу клетки. С той минуты, когда его привели в чувство, чтобы транспортировать в свежесобранную клетку, он не произнес ни слова. На лбу знаменитого разбойника красовалась внушительная сине-красная гуля, и голову он держал несколько набок.

Позади клетки темнел на телеге большой мешок, густо испачканный темной кровью.

Битюгом, тянувшим телегу с клеткой, правил Эвин.

Его свернутый в складку плащ и длинный меч в ножнах покоились на коленях – сидеть на облучке в полном облачении и вооружении было, конечно, совсем не так удобно, как в седле. Конь же Эвина трусил на привязи за скрипуче покачивающейся телегой. Трусил рядом с конем Гага, на крупе которого лежало тело самого Гага, привязанное к седлу, плотно обернутое серым плащом, который пропитали благовониями – чтобы животных не пугал запах мертвеца.

Дорога шла через негустой лесок, петляла между деревьями.

Эвин сидел на облучке, поджав ноги. Было что-то наивно мальчишеское в этой позе, и в том еще, как он постоянно с внимательным интересом чуть поворачивал голову на малейший звук и малейшее движение вокруг себя, как делают дети, попавшие туда, где никогда не были. Хотя маловероятно, конечно, что Эвину раньше не приходилось бывать в таких вот лесках…

Дорога была неровной, она то подпрыгивала, то стремилась вниз. Красное закатное солнце, раз за разом выныривая из-за верхушек разноцветных крон, бросало пригоршни ярчайшего света в глаза людям, на секунду озаряло лесок новыми красками. И Егеря, и разбойники от этого недовольно щурились, а Эвин, подлавливая моменты изменения освещения, напротив – шире распахивал глаза, приподнимаясь и оглядываясь вокруг. Должно быть, его отчего-то интересовало абсолютно все, что происходило с миром, в котором он жил…

Отряд остановился на привал, когда до сумерек оставалось немногим более часа. К тому времени лесок уже закончился, сменившись диким полем, на котором дорожная колея едва была видна за буйными побегами пыльного чертополоха. Егеря спешились и занялись приготовлением лагеря.

Они вытоптали немалую поляну, в центре которой выкопали яму глубиной по колено человеку, развели в этой яме костер из припасенных заранее сучьев, набрали воды из ручейка, бежавшего в близлежащей низинке… Поставили на огонь большущий котел, куда опустили вариться изрядный шмат мяса. Вскоре из котла потянулся приятственный парок, и разбойники в клетке зашевелились, захлюпали носами, зачмокали… А уж когда Крэйг сыпанул в котел пригоршню каких-то трав, запах стал таким соблазнительным, что душегубы не выдержали.

– Эй, сторожа-приглядчики! – осторожно подал голос бандит с замотанным окровавленной тряпкой бедром. – Нам ужин

полагается ай нет?

– Я что говорил по поводу шума? – с притворной свирепостью обернулся к нему Манго. – Пощекотать?..

– Нет, правда же… – втянув голову в плечи и вцепившись руками в прутья клетки, проскулил разбойник. – В любой тюрьме узников кормят, нет такого закона, чтоб людей голодом морить. Жрать охота!

– А есть такой закон, чтобы невинных убивать-грабить? – осведомился Манго. – Или чтобы эльфийские иэллии для забавы жечь?

– Нам законы не писаны, – ответил на это бандит с черным провалом вместо правого глаза. – На то мы и вольные молодцы, чтоб жить по своей воле. А вы законов держаться должны. Иначе чем вы от нас отличаетесь?

– Верно Стю Одноглазый говорит! – зашумели разбойники, осмелев, потому что всякий человек смелеет, почуяв за собой какую-нибудь правду. – Жрать давайте, сторожа-приглядчики!

– Нет, в самом деле, зачем вы иэллии жгли? – спросил Мюр. – Какая вам от того польза?

Этот вопрос Егеря задавали банде Мартина Ухореза и раньше и не единожды, но разбойники всякий раз угрюмо отмалчивались.

Ничего не ответили они и теперь. Только все как по команде повернулись в сторону отстраненно недвижимого Ухореза, точно безмолвно прося разрешения… Тот разрешения не дал: усмехнувшись, запрещающе качнул головой.

– Ну, коли языки развязать не хотите, так и сидите голодными! – пожал плечами Мюр.

Разбойники приглушенно забухтели, однако полемику продолжать не посмели.

Эвин, прихватив кожаные мехи, направился к ручью – набрать воды, чтобы напоить коней, пасущихся стреноженными неподалеку. Крэйг сосредоточенно помешивал варево в котле, а Мюр и Манго в ожидании ужина затеяли фехтовать на ножнах от мечей. Поединок этот был вовсе не шуточный, парни явно тренировались и отдавались этому делу со всей серьезностью. Не ограничиваясь общеизвестными приемами, они скакали друг вокруг друга, выдавая замысловатые финты, и ножны их мелькали в предночной полутьме почти неразличимыми зигзагами. Увлекшись, парни принялись выделывать такие кувырки и кульбиты, что Стю Одноглазый из своей клетки с мрачным удивлением заметил:

– Правду говорят, что Полуночных Егерей никому в Арвендейле в честном бою не одолеть. Да и в нечестном, видать, тоже… Это что же было б, если они против нас с оружием пошли

б? От нас бы в секунду мелкое крошево осталось…

Кажется, никто и не заметил, как Крэйг, оставив варево побулькивать на огне, покинул лагерь. Отправился в ту сторону, где паслись кони.

Стало уже совсем по-ночному темно. Отдалившись порядочно от костра в заранее избранном направлении, Крэйг притормозил, слепо моргая, прислушиваясь. И сразу уловил ухом конское усталое пофыркиванье, треск травы, а секунду спустя и услышал голос Эвина:

– Ты меня ищешь?

– А то кого ж?.. – отозвался Крэйг.

Он прошел еще несколько шагов, совершенно неслышно ступая в густой непроглядной темноте. И остановился, почувствовав, что юноша стоит прямо перед ним.

– Глаза у тебя, как у кошки, – заметил Крэйг.

– Глаза у меня, как у всех, – сказал Эвин из тьмы.

– Ну, значит, слух, как у совы.

– И слух обычный, человеческий. Твой Черныш забеспокоился, тебя почуяв, – в этом дело… Да ведь, по-моему, ты о чем-то другом хотел поговорить?

– Да.

Крэйг ненадолго замолчал.

– Это уже начинает происходить, – проговорил он. – Первая кровь уже пролилась. Помнишь мои слова?..

– Три дня назад, – подтверждая, что помнит, ответил Эвин, – примерно в этот же час.

– Верно…

– Я все посчитал! – заявил Гаг, подбросив в огонь только что переломленный надвое пук сухих веток. Пламя, съежившись на мгновение, вдруг пыхнуло ярче, осветив лица сидящих вокруг костра.

Гаг бухнулся на траву между Манго и Мюром и продолжал:

– Какого-нибудь обыкновенного домика мне не надо! Я хочу, чтоб… по-настоящему! Большой добротный каменный дом, такой… башенкой! И не где-нибудь, а на месте отцовской лачуги. Была лачуга, а станет – дом! С двускатной крышей, а на крыше высоченный шпиль, а на шпиле флюгер. Знаете, какой флюгер будет? Наш знак – голова гхарка и копье… Пусть все видят, чей дом-то! Я ведь из родной деревеньки уходил – голь голью! Как мать померла, отец все подчистую пропил. Даже одежку мою. Поверите, в соломенной повязке вместо порток уходил я из родной деревеньки! Вот соседи-то веселились! Отправился

мальчонка в Утреннюю Звезду в Полуночные Егеря проситься! В соломенной повязке, с голым пузом!

Манго и Мюр с готовностью заржали, хотя историю эту слышали уже не в первый и даже не в десятый раз. Рассмеялся и Эвин. Командор Крэйг усмехнулся, погладив бороду.

– А я им тогда сказал, соседям-то: я, мол, вернусь еще! – говорил дальше воодушевленный реакцией аудитории Гаг. – А как вернусь, кланяться мне будете! Да еще и за честь это почитать! Да… Я все посчитал! Еще два года мне жалованье копить осталось, и тогда – моя очередь смеяться придет! Это ведь, братцы, такое счастье, – доверительно выдохнул он, – когда не в казарме обитаешь, а свое жилище имеешь, свое собственное! Когда жрачка своя, а не казенная, когда одежда своя… Да что там говорить! У меня ведь сроду ничего своего не было. Но будет, братцы, будет!.. – Гаг словно захмелел от предвкушения, заговорил быстро и горячо. – Человек – он только тогда человек, когда у него свое место в мире есть, свой кусок мира. Человек только тогда человек, когда он – хозяин! И вот за это-то – я зубами глотки готов грызть! Хоть гхарку, хоть оборотню, хоть увурту, хоть таргану… кому угодно!

Манго и Мюр снова засмеялись. А вот Эвину стало не до смеха. Неприятно укололи Эвина слова Гага.

Последнее время он часто задумывался о том дне, когда стукнет ему семнадцать лет. Когда по закону Империи он получит право сместить дядю-регента и стать лордом Утренней Земли. И как-то… не умещалось у него в голове, что же это на самом деле такое – быть лордом. Не мог он охватить разумом, как это так: легендарный замок, сотни лет защищающий земли Светлых рас от Темных тварей, необъятная земля вокруг, все люди, что ходят по этой земле, – все это будет его. То есть может быть его. Как-то не чувствовал он себя – лордом. Хозяином – не чувствовал он себя.

Верно, прав дядюшка Альва, с малых лет заменивший ему отца: не пришло еще время Эвину править Утренней Звездой. Конечно, прав дядюшка Альва. Разве когда-нибудь дядюшка Альва бывал неправым?

Но отчего тогда в душе юноши зловредным сорняком зреет досада? Отчего он, думая о скором дне совершеннолетия, неизменно чувствует себя… обокраденным, что ли?

Эвин поднялся, чтобы отойти по нужде. Честно сказать, не очень-то ему и хотелось, просто тошно было слушать захлебывающиеся откровения брата-Егеря.

Вышедши из светового круга, он услышал, как голос Гага вдруг сполз до жирного шепота. А чуть погодя приглушенно

затарахтели Манго и Мюр.

«Обо мне ведь говорят!» – с неудовольствием догадался Эвин.

Двигаясь тихо, он вернулся на несколько шагов.

– …куда ему!.. – поймал он, словно рыбу за хвост, окончание фразы. – Наш графенок-то, как телок. Куда поведут, туда и пойдет. Ну, сами посудите, какой из него лорд?..

Это говорил Гаг.

Эвин болезненно поморщился. И вышел на свет.

Гаг тут же примолк. Смущенно кашлянул, опустил глаза и принялся с неестественной сосредоточенностью ковырять ногти кинжалом.

– За моей спиной меня и обсуждаете? – деревянным голосом осведомился Эвин.

– Да ладно… – буркнул Гаг.

– И чего мы такого страшного сказали? – проговорил Манго. – Обиделся, что ли? Зря. Брось, брат-Егерь!

– На правду не обижаются, – миролюбиво поддакнул Мюр. – Мы ж того… любя.

«Так и есть… – стукнуло в голове Эвина. – На правду не обижаются…»

Он все еще стоял, путаясь в мыслях, не находя, что ответить им.

– Садись, садись! – позвал Крэйг. – Сейчас похлебка поспеет.

Эвин остался стоять. Тогда Крэйг полностью развернулся к нему:

– Ну а коли не сидится – принеси еще пару охапок хвороста. Ночь, видно, холодная будет.

Эвин вздохнул. Обида понемногу отпускала. Он направился было снова в темноту, но тут у костра затрещал, стремительно разрастаясь, как колючий шар, многоголосый смех.

– Вот об этом мы и толковали! – воскликнул Мюр, хлопнув себя ладонями по коленям. – Какой же ты, к болотным троллям, лорд, ежели для нас – простых мужиков – за хворостом готов броситься по первому зову! Ну?

– А еще обижается! – присовокупил Манго.

– Правду никому неприятно слышать, – важно кивнул Гаг.

– Простите великодушно, ваше сиятельство! – дурашливо искривил спину в неуклюжем поклоне сидящий Мюр. – Не гневайтесь на чернь низкородную…

– Можеть, енто-того… – ломая язык, затараторил задира Манго, – нам убраться подальше от вашего сиятельства? Можеть, в вашем благородном носе от мужицкого духа свербить?.. Не извольте беспокоиться, мы это мигом…

А Гаг, чуть приподнявшись, выдал задом протяжную руладу и

тут же исказил физиономию в притворном ужасе:

– Не велите казнить, благородный лорд!.. Не нарочно!..

Подобные изысканные шутки в этой компании были делом обычным, но на этот раз Эвин, вместо того чтобы рассмеяться вместе со всеми, вдруг даже похолодел на секунду от неожиданной обиды. Эвин метнулся к шутникам – и мгновенная ярость проступила на его лице – как взлетает из-под спокойной воды морда речного чудища. Трое повскакивали со своих мест. Только Крэйг остался сидеть.

– Охолонь! – твердо проговорил он. – Чего ты взбесился, Эвин? А вы, жеребцы, хорош ржать! А ну успокоились все! – уже громко, командно прикрикнул он. – Сядьте!

И все сели.

– Вам, троим, – строго сказал здоровяк, – поменьше трепаться надо бы. А тебе, Эвин, нелишне было б уяснить: каждый человек стоит того, чего он на самом деле стоит. А не того, что фантазирует о себе.

– Мы же… Полуночные Егеря! – Эвин еще взволнованно дышал. – Мы же братья друг другу! Что с того, что я за хворостом пошел?! Каждый из вас не пошел бы, если его попросят?

– Конечно, пошел бы, – мирно проговорил Крэйг и погладил бороду. – В этом-то и дело. Ты – Полуночный Егерь, Эвин. Воин, наученный сражаться с Темными тварями.

– Я – виконт Эвин Сторм! Сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов! Полноправный наследник Утренней Звезды! И – если на то будет мое желание – я стану лордом в день своего семнадцатилетия! У меня есть на то законное право!

На этот раз никто не засмеялся. На Эвина, своего парня Эвина, брата-Егеря, посмотрели с удивлением.

– Никто с этим не спорит, – сказал Крэйг. – Все правильно, все так и есть. Только вот… Пять лет ты учился владеть всеми видами оружия, используемого человеком, пять лет ты изучал повадки Темных тварей, пять лет учился сражаться с ними, пять лет ты постигал особые заклинания боевой магии, доступные лишь Полуночным Егерям. А каким еще опытом овладел ты за эти годы?

Эвин промедлил с ответом, и Крэйг задал новый вопрос:

– А что будет, если лорда Утренней Звезды, сэра Альву Сторма, твоего дядюшку и нашего господина, поставить против стаи тарганов? Или против парочки пещерных увуртов? Одолеет ли он тварей?

– Под командованием сэра Альвы гарнизон Утренней Звезды, – воскликнул Эвин, – да еще две сотни Стражей из Крадекрама и Эллосиила! Сэру Альве незачем лично сражаться!

– Вот ты и ответил на свой вопрос, – прервал его Крэйг. – Сэр Альва – лорд, а вовсе не простой воин. Думаешь, править огромным замком и обширными землями – проще, чем сражаться с Темными?

– Понятно, не проще…

– Сэр Альва Сторм, лорд Утренней Звезды, – веско проговорил здоровяк, – не выстоит в бою один на один с Темной тварью. Как сэр Эвин Сторм, Полуночный Егерь, не справится с обязанностями лорда.

– Справлюсь! – не подумав бухнул юноша. – Я рожден лордом!

– Сейчас не разум твой говорит, – нахмурился Крэйг, – а оскорбленное самолюбие. Хорошенько запомни одну вещь: если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Жди большой крови…

Эвин снова молчал. Что-то непонятное творилось в его душе. Он отлично понимал все, что говорил ему Крэйг, но какая-то часть сознания юноши бурно протестовала против этого понимания. Вероятно, впервые в жизни он в самом деле почувствовал себя лордом. Точнее – ощутил, что может почувствовать себя лордом, ощутил, что имеет на это право. Так всегда и бывает: когда у тебя что-то пытаются отнять, тебе это что-то сразу становится нестерпимо дорого…

– Если будет на то мое желание, – упрямо повторил Эвин, – я не отдам дядюшке Утреннюю Звезду.

– Послушай, Эвин, я хочу тебе добра… Я хочу предостеречь тебя. Послушай! Графство Утренней Звезды процветает исключительно потому, что им правит сэр Альва! Во всем Арвендейле нет владений, где бы людям жилось так хорошо и сыто, как здесь. И всем нам, кому выпало родиться в этом графстве, преступно даже думать о возможных переменах!

– Эвин, брат, пошутили и хватит! – вякнул было Мюр.

– Муха тебя какая-то, что ли, укусила? – предположил Гаг. – А ну дай лапу!..

– Я не хочу больше говорить об этом, – отрезал Эвин и сам подивился тому, как это вышло у него внушительно… естественно внушительно.

Протянутая к нему рука Гага неловко повисла в воздухе.

Крэйг тут же замолчал, вздернув косматые брови высоко на лоб.

– Как вам будет угодно, ваше сиятельство, – не-громко проговорил он.

И снова никто из сидящих вокруг костра не засмеялся. И Крэйг в тот вечер более не продолжал этого разговора.

Поодаль лизали мглу нервные языки костра. Искры взлетали к небу, на котором вовсю уже спели холодные звезды, искры взлетали к небу да еще глухой перестук сталкивающихся ножен, да еще задорные выкрики Манго и Мюра. Только голоса Гага не было слышно. Потому что Гаг, неподвижный, бездыханный, неживой, лежал закутанным в пропитанный благовониями плащ на сырой от ночной росы траве, недалеко от костра, на границе света и тьмы.

– Помнишь мои слова? – спросил Крэйг невидимого в темноте юношу. – Если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Жди большой крови. И первая кровь уже пролилась…

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то ты не понимаешь. Гаг…

– Брат-Егерь Гаг погиб в бою! Ты ведь сам говорил, командор!.. Ты говорил, что в темноте…

– Гага убил ты, – коротко произнес командор, и Эвин тут же замолчал. – Потому что он пытался убить тебя. Разве не так? Ты это знаешь. И я это знаю. И Мюр с Манго это знают.

– Зачем же ты тогда?..

– Чтобы поставить точку в этом происшествии. Потому что иначе неизменно будут всплывать вопросы, ответы на которые никому не принесут ничего хорошего. Почему сейчас я снова – наедине с тобой – поднимаю эту тему? Чтобы еще раз предостеречь тебя: когда профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Ты рожден лордом, брат-Егерь Эвин, а значит, у тебя достанет ума и воли поступать так, как необходимо во благо твоей земли и твоего народа. Род Стальных Орлов – древний и славный род, Адам Сторм, твой отец, был великим воином, лордом Утренней Звезды и командором Полуночных Егерей. Я сражался под его началом, когда был таким же юным, как ты сейчас… Славные времена! Грозные времена… Темные твари были все еще достаточно многочисленны, противостоять им стоило значительных усилий, поэтому неудивительно, что основное внимание и время сэр Адам тратил на войну с ними. Замок Утренняя Звезда оставался непреодолимой преградой на пути Темных в Арвендейл, а вот земли графства находились в бедственном положении. Твой отец с честью исполнил свое предназначение, большинство тварей было истреблено, их гнезда и логова в ближайших пределах Тухлой Топи – разорены, и поток Темных окончательно иссяк. После смерти сэра Адама долг править Утренней Звездой взял на себя сэр Альва. Кто скажет, что сэр Альва – скверный лорд?

– Сэр Альва – рачительный хозяин и талантливый управитель! – с гордостью сказал Эвин.

– Нужен ли Утренней Звезде иной лорд? – спросил его командор Крэйг. – Можешь ли ты сейчас стать лордом лучшим, чем твой дядюшка?

– Я… – начал было Эвин и замолчал, не закончив.

– С того времени, как Утренней Звездой владел сэр Адам, все изменилось. Война с Темными завершена. Твари иногда еще показываются в Арвендейле, выбираясь из тайных логовищ, но страшной угрозы, исходящей с Тухлой Топи, места основного обиталища Темных, уже не существует. Мы подбираем недобитков. Нашим землям уже не нужен лорд-воин. Нашим землям нужен лорд – как ты верно сказал – рачительный хозяин и талантливый управитель. И это понимают все.

– И Гаг?.. – тихо спросил Эвин. – Понимал?..

Командор Крэйг не ответил на этот вопрос. Он сказал только:

– Думаешь, случайность, что этот… неприятный инцидент произошел сразу после того, как ты во все-услышание объявил о своем намерении?

– Ты имеешь в виду… – не дождавшись ответа, сызнова начал юноша, – Гаг, улучив удобный момент, ударил меня в спину ножом, потому что не хотел, чтобы я становился лордом?

– Разве ты не думал об этом?.. – заговорил Крэйг. – Впрочем, вряд ли простой парень Гаг, пределом мечтаний которого был домик в родной деревне на зависть соседям, обуреваем столь высокими думами о судьбе графства…

– Ему заплатили? – спросил Эвин, и по голосу его ясно было, что он ужаснулся. – Ему заплатили, чтобы он наблюдал за мной и, в случае, если я?..

– Нельзя с уверенностью отметать этот вариант.

– Да не может быть! Это же… Гаг! Наш Гаг! Брат-Егерь Гаг! Не верю! И не понимаю…

– Ты еще мальчик, Эвин, – просто ответил Крэйг. – Ты многого пока не понимаешь.

– Кто мог заплатить Гагу?

– Тот, кому выгодна текущая ситуация, конечно. Тот, кто не желает ничего менять.

– Кто именно? Погоди… Дядя? – изумился юноша. – Ты с ума сошел? Мой родной дядюшка, заменивший мне отца, воспитавший меня? Хочешь, сказать, это он? Может быть, ты еще скажешь, что и братья мои, Элиан и Эдгард, сгинули по его вине?! Я его прямой наследник, рано или поздно я все равно сяду на престол Утренней Звезды, какой смысл ему убивать меня?!

– Не кричи. Не нужно, чтобы ребята нас услышали, ни к чему

это… Почему сразу сэр Альва? И кроме него в землях Утренней Земли есть достаточно тех, кому по сердцу правление твоего дядюшки и кто опасается того, что ты станешь лордом.

– Но кто же?!

– Откуда я знаю, Эвин? Повторяю, я завел этот разговор, чтобы предостеречь тебя. Как бы то ни было, но, если ты не откажешься от своего… дурацкого намерения, прольется еще кровь, прольется еще много крови. Ибо есть истина истин: если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий. Вот и все, что я хотел тебе сказать.

Эвин молчал.

– Послушай… – негромко проговорил Крэйг. – Почему ты так жаждешь Утренней Звезды именно теперь? Тебе еще нет семнадцати, а ты хочешь взвалить на себя этот тяжеленный груз, почему? Впереди у тебя долгая жизнь. Да, в конце концов ты все равно станешь лордом родового своего замка, сменив сэра Альву, одряхлевшего и обессилевшего. Но – вот что я скажу тебе – я вижу, что у тебя другой путь. Ты воин, Эвин, прирожденный воин. Тебе дарован особый, редкий по мощи талант. И глупо будет зарыть этот талант в землю. Ты уже сейчас лучший из лучших, что же будет, когда возмужаешь? У каждого свой путь. Кому-то предначертано стать лордом-хозяином, кому-то воином. А кому-то, как твоему дядюшке Акселю, выдающимся магом, способным проникать умственным взором в самые глубины чародейских премудростей…

Эвин молчал.

– Тебе нет нужды заботиться о пропитании, – добавил Крэйг. – Если тебя не прельщает путь воина, ты всегда можешь оставить бранное поприще, вернуться к спокойной и обеспеченной жизни. Охотиться, путешествовать, пировать… Да что угодно! Жениться! Юные леди Арвендейла в очередь выстроятся, объяви ты только о намерении найти супругу. Его сиятельство ведь обещал тебе любой замок в графстве, какой захочешь…

– Любой, – подтвердил Эвин, – только не Утреннюю Звезду.

– Да свет, что ли, клином сошелся на той Звезде!.. – с досадой поморщился командор. – Почему все-таки?

– Потому что она моя по праву, и потому что пришло мое время… – тихо ответил юноша. – Зачем мне другой замок? Помнишь, как говорил Гаг? Человек только тогда человек, когда у него свое место в мире есть. Утренняя Звезда – разве не мое место? Ничего другого-то у меня нет. И никогда не было. У меня вообще нет ничего своего…

– Как и у многих из нас, – вставил командор.

– Да я не об этом! Не о материальном. Вернее, не только о материальном. Я и сам по себе – как бы не свой. Непонятно, какому миру принадлежу. Разве братья-Егеря воспринимают меня ровней? Для них я – графенок, которому вздумалось приключений поискать, высокородный баловник, у которого почему-то все легко получается. А для придворных в родном замке, наоборот, я – чудак, шатающийся с мечом в руках по медвежьим углам графства, вместо того чтобы… – Эвин прервал себя, замолчав на середине фразы. Кажется, те слова, что вырвались у него сейчас, он не собирался произносить.

– Да к болотным троллям этих твоих придворных… – подождав немного – не продолжит ли юноша речь, тихо проговорил Крэйг. – А насчет наших ребят. Не нам их судить. Люди теперь приходят в Полуночные Егеря за хорошим жалованьем, чтобы заслужить себе достойную жизнь, а не по какой-то иной причине. А когда-то все было совсем не так…

– И… я не хочу спокойной жизни в тихом замке, командор, – сказал еще Эвин. – Я хочу делать что-то, что действительно важно – не только для меня одного, но и для всех вокруг. А что может быть важнее, чем стоять на страже Арвендейла?

– А сейчас ты не стоишь на страже Арвендейла?

– Да. Получая за то жалованье, как и другие братья-Егеря.

Несколько минут было тихо, затем в темноте раздался шорох – это командор Крэйг поскреб под нагрудником чудовищный свой шрам.

– Я уже не тот, что раньше, – сказал он. – Мне здорово досталось тогда, одиннадцать лет назад, в Кровавую Субботу… Эта рана все чаще и чаще напоминает о себе. Я ведь потому и перешел на двуручный меч, что правая моя рука с каждым годом теряет силу и ловкость. А ведь когда-то я считал, что мне сносу не будет… Да, время мое – уже на исходе. Знаешь, чего действительно хочу? Я хочу, чтобы ты занял мое место, стал командором Полуночных Егерей, вернул бы нам былую славу. Пусть Темных тварей почти не осталось в ближайших пределах Тухлой Топи, да и в самом Арвендейле их ничтожно мало… Но они есть. И к тому же разве только одни Темные угрожают мирной жизни людей? И разве обязательно нужно быть лордом Утренней Звезды, чтобы защищать Арвендейл? Как ты думаешь, Эвин, я – командор Полуночных Егерей – сражаюсь за жалованье?

От костра, почти невидного, неясно краснеющего неподалеку, прилетел острый свист.

– Эвин? – позвал Крэйг.

– Я услышал тебя, командор, – отозвался юноша.

– Хочется верить, что ты хорошо меня услышал, – сказал

Крэйг.

– Эй вы!.. – раздался голос Мюра. – Куда подевались-то?.. Похлебка готова! Ужинать пора!

Когда Эвин и Крэйг вернулись в лагерь, Манго уже снимал котел с огня, а Мюр развязывал мешок с сухарями. Бандиты из своей клетки вожделенно следили за приготовлениями к трапезе. Егеря демонстративно не обращали на них внимания, рассаживаясь вокруг костра. Когда же командор первым опустил ложку в аппетитное варево, не утерпел разбойник, именующийся Рамси Лютым:

– Сторожа-приглядчики! – покашливая от беспрестанно набегавшей в рот слюны, начал он. – Ежели по справедливости, то не накормить нас вы не можете!

– Отчего же? – поинтересовался Манго, макая в похлебку сухарь. – Очень даже можем. Скоро на место прибудем, там и вас накормят, мало не покажется. А пока попоститесь маленько, небось, не подохнете.

– Вы наши карманы-то почистили, когда обыскивали, да? – принялся рассуждать Рамси.

– Ну.

– Золотишка-то изрядно взяли!

– Так не себе же. В казну его сиятельства сэра Альвы пойдет. Поскольку на его земле вас поймали.

– Да это все равно, куда пойдет… За то золото нам хотя бы по сухарю.

– И мяска кусок! – заволновались прочие разбойники.

– И юшки похлебать!

– И пиво у вас в бурдюке имеется, мы видели! Нам как раз на всех бурдюка бы хватило…

– Ты посмотри, какие нахалы! – весело возмутился Мюр. – Выпить и закусить им подай! А потанцевать для вас не надо?..

– Зачем иэллии жгли? – сурово посмотрел на бандитов Крэйг. – Покуда не скажете, не будет вам еды. Неужто правду говорят про вас, что вы Сумрачным сестрам служите?

И снова душегубы обернулись к своему главарю. Мартин Ухорез криво усмехнулся.

– Что ж… – сказал он. – Хуже не будет.

– Гляди-ка! – хохотнул Манго. – Заговорил! А я-то уж думал, ты, Эвин, ему говорилку отшиб!

– Сумрачным сестрам мы не служим, – произнес Мартин, обращаясь исключительно к Крэйгу, а Манго не удостаивая взглядом. – Мы одному богу служим – золотой монете. Потому и иэллии жгли, что нам за это заплачено было.

При слове «заплачено» Эвин поморщился.

– Кто платил? – осведомился Крэйг.

– А пес его знает, я имени его не спрашивал. Он сам меня нашел. Мутный такой тип, мы в таверне одной встретились. Сидел в углу, лампу настенную рядом с собой потушил и капюшон на рожу натянул. Ну не хочет человек личность свою афишировать, дело понятное. Дал мне авансом мешочек золота, сказал, что я за каждую иэллию, в пепел обращенную, буду пять таких мешочков получать. И места указал, откуда золото забирать. Ну и… все.

– Маловато информации, – погладил бороду Крэйг. – Еще что-нибудь?

– Да вроде ничего больше… А! И велел передать молодцам нашего ремесла, что и с ними такой договор заключить будет рад.

– Ты передал?

– Дурак я, что ли? – усмехнулся Ухорез. – Может, у того типа монет куры не клюют, а может, и… ограниченно. Зачем мне с кем-то делиться?

– Что дальше?

– Ну… намекнул, что не к одним иэллиям интерес имеет. А к гномьим рудникам, грааблам, тем, что в скалах Драконьей Гряды расположены. Мол, завалить пару-тройку грааблов неплохо было б… Ну, я тот разговор не поддержал. Под землей на карачках в темноте ползать – не по мне. Если вдруг Могучие обнаружат, деться некуда, да и вообще… Хотя, я слышал, кое-какие руднички в Арвендейле все-таки накрылись, видать, не одного меня этот тип навестил… Теперь точно все. Дадите пожрать?

– Бред какой-то, – пожал плечами Мюр. – Зачем кому-то за такое платить? Выгоды никакой, а неприятностей не оберешься!

– Значит, есть выгода, коли платит, – сказал на это Манго и тут же спохватился. – А вообще, чего вы его слушаете? Бандюганам верить – себя не уважать. Он за миску похлебки еще и не такое наплетет!

– Да? – повернулся к нему Мартин. – А ты кошель мой развяжи и загляни в него.

Егеря переглянулись. Крэйг кивнул Манго, и тот, с неохотой оторвавшись от еды, подошел к сваленным кучей седельным мешкам. Извлек оттуда искомый кошель, вернулся и высыпал его содержимое на освобожденную от травы землю у костра. Поворошил пятерней.

И в пляшущем огневом свете заблестели среди обычного желтого золота странные монеты – большие, с неровными источенными краями, тяжелые даже на вид, явно тоже золотые, но с каким-то невиданным отчетливым красным отливом.

Эвин взял одну такую монету, подбросил на ладони, наклонился, чтобы рассмотреть. Полустертые письмена, непрерывной вязью тянущиеся по окружности, были на незнакомом ему языке, отчеканенный на монете монарший профиль он тоже не узнал. Юноша перевернул монету. На этой стороне вместо профиля имелся причудливый сложный знак. И этот знак тоже ничего не сказал Эвину.

– Дай гляну! – попросил командор.

Юноша бросил ему монету, Крэйг покрутил ее в руках, задумчиво гмыкнул:

– Древняя… Видно, очень древняя…

– Поди, выкопал клад какой, а теперь мозги нам пудрит! – предположил Мюр.

– Других доказательств у меня нет, – сказал на это Мартин Ухорез. – Дайте пожрать, кишки свело!

– Дайте им! – распорядился Крэйг.

Он кинул монету обратно и проговорил, обращаясь к Эвину:

– Видишь, какие дела творятся… Какой-то ублюдок норовит руками людей пакости делать Могучим и Высоким. Не иначе как поссорить нас с ними хочет. Зачем? Если все так, как я думаю, то эта тварь еще пострашнее Темной твари будет… А, Эвин? Есть еще работа Полуночным Егерям, да?..

Глава 3

В эти дни Восточная Торговая дорога Арвендейла, пролегающая через пределы графства Утренней Звезды, была оживлена необычайно.

На жеребцах и кобылах, скакунах и клячах, в повозках и каретах – спешили на празднование вступления графа Альвы в законные права владетеля Утренней Звезды: вассалы графа, родственники вассалов, друзья родственников вассалов, друзья друзей родственников и родственники друзей друзей… Словом, все те, кто не сомневался, надеялся или хотел надеяться, что его пустят к графскому двору в день большого праздника.

Группами и поодиночке валили местные крестьяне, любопытствующие обыватели из окрестных мелких городков, а также бездельники, халявщики и бродяги всех мастей.

Полноводно и весело бурлила Восточная Торговая. И каждый, кто шел по ней к Утренней Звезде, – башенные шпили которой уже смутно синели в облачной вышине далекой Драконьей Гряды, – был полон радостного предвкушения и от того необычно мил, любезен и ласков с тем, кто рядом с ним. Так всегда у людей: если на душе тепло, кажется, что и весь окружающий мир к тебе особенно расположен. Кажется, что ветер дует в спину не по случайности, а чтобы облегчить путь; мельницы машут своими широкими добродушными крыльями не просто так, а – приветствуя тебя; и в душах людей, что идут вместе с тобой, совсем нет зла, и что там, куда ты направляешься, тебя непременно и с нетерпением ждут…

И чем ближе к Утренней Звезде, тем многолюднее, теснее и веселее становился мир. Дома вырастали обочь дороги все чаще, чистенькие, аккуратные домишки и домики, окруженные любовно устроенными, совсем по-летнему густыми палисадниками. И белые жирные гуси бежали вслед людскому потоку, удивленно гогоча: «Го-го-гости?..», и беззаботные куры вскакивали на заборы: «Куд-куд-куда?..» И жители домиков и домишек показывались из окон и дверей, выбегали к дороге: кто просто поглазеть, а кто и – захваченный общим ажиотажем – присоединиться к шествию…

Предприимчивые торговцы спешно расставляли вдоль дороги палатки, зазывали прохладить брюхо пивом, разгорячить сердце дешевой фруктовой водкой, подкрепить силы ковригой хлеба, масляной лепешкой или куском колбасы. Бродячие музыканты пританцовывали в придорожной пыли, надрывались, внося немалую лепту в общий шум.

А вот – в удобном месте, на пригорке, расположилась диковинная компания, состоящая из горбатого мужика с длинными, свисающими до самой земли ручищами, старухи, сухой и прямой, как палка, и совсем юной девушки. Все трое – и мужик, и старуха, и девушка – выделялись необычайной смуглостью, были одеты в ярчайшие разноцветные лохмотья, а те части их тел, что эти лохмотья не скрывали, пестрели причудливой татуировкой, даже кисти рук, даже пальцы и лица; кроме того, в ушах, носах и губах странных этих людей поблескивали многочисленные металлические кольца, поблескивали и при малейшем движении слышно звенели. Окружающие поглядывали на троицу, взобравшуюся на пригорок, с интересом и некоторой опаской, будто чего-то от них ждали этакого…

– Гацане! – говорили в толпе. – Чумазые, гляди-ка!.. Явились, не запылились.

– Как без них-то!..

– Сейчас представлять будут…

И «этакое» не преминуло произойти.

Горбатый, дождавшись, пока вокруг пригорка соберется достаточно народу, вынул изо рта кривую трубку, причмокнул окольцованными губами, неспешно спрятал трубку куда-то в свои разноцветные лохмотья, поднял длинные руки к небу, несколько раз звучно хлопнул в ладоши и громко произнес:

– Добрые жители славного Арвендейла! Желательно мне потешить ваши глаза невиданным, ваши уши неслыханным! – Горбатый выговаривал слова гортанно и резко, вместе с тем в голосе его постоянно проскальзывали режуще визгливые нотки; кажется, язык, на котором он изъяснялся, не был ему родным. – Знаете же, что мой народ только для того послан в этот мир, что – на потеху людям!

– Ага, – отозвались из толпы, – а еще чтобы его, народа-то, карманы чистить да головы дурить…

– Дозволяете мне потешить вас?

– Валяй! – легкомысленно крикнул кто-то.

– Сдурел, что ли? – тут же попытались урезонить легкомысленного. – А то забыл, как говорят: если рядом гацан – держись за карман!

– А кто у гацана украдет, трех дней не проживет!

Однако у легкомысленного обнаружилось множество сторонников:

– Да пусть покривляются! Что такого случится-то?

– А ежели вдруг чего и выкинут не того, так мы им…

– Их трое всего, а нас вона сколько!..

– Кости переломаем!

– Слышал, рожа твоя неумытая?

– Гляди у нас, на вилы подымем!.. И тебя, и баб твоих!.. Козел чумазый…

Никак не отреагировав на последний выпад (как, впрочем, и на предыдущие), горбун проговорил с поклоном:

– Ну, коли дозволяете потешить вас, добрые жители славного Арвендейла, так тому и быть… – затем вытянул правую руку перед собой, щелкнул пальцами, в которых с легким хлопком тут же материализовался большой бубен. В толпе охнули и притихли. Под звенящий аккомпанемент этого бубна горбун вместе со старухой медленно начал сходить вниз. На пригорке осталась одна девушка.

Все-таки, несмотря на ее татуировки и кольца, она была довольна красива, но красотою грубой, дикарской; особенно притягивали взгляд ее глаза, темные, большие, какой-то нездешний, истинно колдовской огонь мерцал в них.

Подчиняясь мерному ритму бубна, гацанка принялась танцевать. Поначалу медленно, извиваясь к небу одним только телом, будто стебель водорослей под водой; не показывая скрытых под длинными лохмотьями рук и ног, затем – когда бубен стал бить чаще и звонче – она двинулась с места, пошла по кругу. Лохмотья затрепетали, разлетаясь, то обнажая, то вновь скрывая смуглые стройные ноги, руки темными молниями скользнули вверх, принялись рисовать в жарком воздухе диковинные фигуры. Гацанка двигалась все быстрее, легко и грациозно, словно вовсе не касаясь земли, и чудилось зрителям, что руки ее, вьющиеся змеями над головой, будто и впрямь оставляют в голубой пустоте едва видимые рисунки. Кто-то, переговариваясь, тыча соседа локтем, с изумлением узнавал в невесомых, быстро тающих контурах – лесных птиц, зверьков и цветы.

Звон бубна стал непрерывным, пронзительным, и в то же время явственно читался за этим звоном бешеный барабанный ритм.

– Смотри, смотри! – ахнули в толпе. – Вона!..

Видения, творимые гацанкой, как-то очень быстро и незаметно набрали силу. Синекрылые соловьи, розовогрудые чечевицы, пестрые кедровки – сорвались с ее пальцев, порхнули в небо, покружились немного и растворились, как их не было. Огненные белки, длинно-ухие зайцы, серые мышки прыснули под ноги людям – те закричали, запрыгали от неожиданности, но и звери исчезли без следа. Ландыши, фиалки, незабудки взлетели над головами зрителей и тут же истаяли.

Бубен звенел и стучал все громче и чаще, гацанка кружилась быстрее. И скоро публика заволновалась снова, когда увидела, что девушка танцует не одна. Две… нет, три… нет, целый хоровод гацанок, ослепительно высверкивая металлическими колечками на смуглых лицах, кружился на пригорке. Пыль и травяные былинки, поднятые их ногами, осыпали головы людей, но те, завороженные, не шевелились, не смахивали даже сор с волос.

Бубен гремел на пределе человеческого слуха, уже не только стук и звон были в его пении – будто бы несколько самых разных инструментов стали поддерживать его. И хоровод невесть откуда взявшихся гацанок кружился уже и вовсе с небывалой скоростью, хоровод слился в единое разноцветное гудящее колесо, похожее на закольцованную радугу, от мелькания цветов которой до боли рябило в глазах. И это уже не было увлекательно или красиво. Это уже было, пожалуй, страшно.

Ни один человек из тех, кто мог это видеть, не в силах был оторвать напряженного взгляда от удивительного зрелища, не в силах был поднять рук, чтобы заткнуть уши, страдающие от все нарастающего музыкального грохота; окружающая действительность напрочь перестала существовать для них. И не удивительно…

Все, что публика видела и слышала, было как-то чересчур… как-то уж очень слишком… Казалось, еще чуть-чуть, еще минута-другая – и происходящее на пригорке совсем выйдет за пределы человеческих чувств и человеческого понимания. Гремящий и сияющий пригорок скрутит пространство черной воронкой, и в ту воронку повалится, ломаясь, комкаясь, треща по швам, весь привычный мир…

И ровно в ту секунду, когда каждый из зрителей до последней ниточки души осознал эту ужасную вещь – все внезапно прекратилось.

С громовым треском ухнул куда-то слепящий хоровод, оставив только кучку дымящихся разноцветных лохмотьев на вершине пригорка. Последний раз слабо звякнул бубен. И наступила тишина.

Ошеломленные люди не сразу зашевелились и заговорили. Горбатый гацан поднялся на пригорок, тряхнул бубном, который, конечно, сразу растворился в воздухе. И заговорил, насмешливо кривя рот:

– Потешил я вас, добрые жители славного Арвендейла?

– Уж потешил… – басом ответили ему. – Едва не обделались…

– А я так – почти, – искренне признался кто-то. – В последний

момент удержался…

Эта ремарка окончательно разрядила обстановку. Послышался смех.

Горбун поклонился и сунул в рот свою трубку. Сухая старуха, кряхтя, бормоча что-то под крючковатый нос, принялась обходить публику с мешком в руках. В мешок щедро бросали хлеб, лепешки, куски колбасы, яблоки, груши, арбузные и дынные ломти и даже монетки, серебряные или медные.

Благодушный настрой уже полностью объял толпу, когда вдруг послышался испуганный вопль:

– Ой, братцы, кошелек стащили!..

– И у меня! – взвизгнул еще кто-то.

– Гляньте, карман разрезали!

– Эй, а у меня перстенек пропал!

– Предупреждали вас! Чего от гацанов, кроме подвоха, ждать?..

– Хватай горбача!

– Бей гадов!..

Народ двинулся на пригорок. Старуху смяли, опрокинули, она заверещала, да так истошно, что от нее даже сперва отступились. А горбун, нисколько не растерявшись, пыхнул своей трубкой, клацнувшей о кольца, в губах, и возгласил:

– Добрые жители славного Арвендейла! Да вы неужто на нас подумали? Как несчастные гацаны, бродячие артисты, вас ограбить могли, когда мы все время на виду были?

– А девка твоя где?! – в несколько глоток сразу заорали добрые жители славного Арвендейла. – Ты нам мозги не пудри! Куда девка подевалась?

– Только тут была, а сейчас нет!

– Это ж она кошельки тащила, карманы резала, кто ж еще?..

– Где девка?!

– Да вон она! – неожиданно громко гаркнул вдруг горбун, указывая трубкой куда-то за спины взбунтовавшейся публики.

Люди обернулись. И правда, по ту сторону дороги, узкой улочкой между аккуратными домиками неторопливо удалялась юная гацанка, полностью обнаженная, волнующе прекрасная. Ступала она, ослепительная в своей наготе, так грациозно, так поводила смуглыми плечами, так поколыхивала упругим задом, что народ несколько помедлил, прежде чем кинуться ей вслед. Да и кинулись-то одни мужики… Женский пол, вовремя сообразив, что их благоверные, догнав гацанку, вряд ли станут поднимать ее, как было обещано, на вилы, а, скорее, применят к ней другое, более приятное для себя наказание, заволновались пуще прежнего:

– Куда рванули!.. Горбуна держите!

– Сами подумайте, кобели, где она деньги ваши спрятала?.. На ней же ни тряпочки! И руки пустые!..

Кое-кто из преследователей одумался и повернул обратно.

Но ни горбатого гацана, ни сухой старухи на пригорке, конечно же, не оказалось (причем сволочная старая карга умудрилась прихватить с собой мешок с гонораром). Излишне говорить, что и юная гацанка, повернув за первый домик, бесследно исчезла…

Всю эту сцену наблюдал от начала до конца некий господин в маленькой крытой повозке, направлявшийся, как и все, к замку Утренняя Звезда. Господин обладал пышной кучерявой шевелюрой и опрятным носом кнопочкой, был невысок ростом, пухл телом и круглолиц. Люди подобного телосложения обычно румяны, жизнерадостны и говорливы, но этот господин за все немалое время поездки не произнес больше трех слов подряд, и цвет лица имел нездорово-бледный, словно припорошено пылью было его лицо. И вообще – серый пыльный цвет превалировал в его облике. Длинный кафтан господина был серым, серыми были штаны и сапоги, серою была широкополая дорожная шляпа… Даже несколько птичьих перышек, заткнутых за край тульи этой шляпы, были серыми.

Господина звали Фарфат.

Когда гацанское представление закончилось, Фарфат молча толкнул ногой возницу. Тот послушно стронул с места пегую лошадку, и повозка заскрипела колесами по дороге дальше.

– Вот гацане-то, а?! – предпринял возница, верно, не первую уже попытку заговорить со своим пассажиром. – Гнилой народец! Того и гляди, обманут да обворуют. А у них воровать не смей. Кто у гацана украдет, трех дней не проживет! Вот ведь подлость, а? Несправедливость… Мне еще с самого детства маманя говорила: к гацанам даже подходить не смей. Им боги с самого сотворения мира дали свое позволение других людей обманывать. А их самих, гацанов-то, обкрадывать нельзя. Проклянут, два дня промучаешься, на третий помрешь. Сколько таких случаев, рассказывают, было! Потому и говорят у нас в Арвендейле про дело глупое и опасное – как у гацана украсть. Брать-то у них нечего, да еще и помирать за это… Слышите меня, господин? Эх, господин, господин…

Весь день до самого вечера скрипела повозка в людском потоке. И все росла впереди нее громада Драконьей Гряды, и все отчетливей виднелись шпили башен Утренней Звезды, зубчатые кромки могучих стен.

В обширное Предместье замка въехали уже в сумерках. Фарфат велел остановиться – обычным способом, молча толкнув возницу сапогом в спину.

– Чего изволите? – тоскливо осведомился возница.

Уж очень измучил его за поездку этот немногословный тип: ни тебе поговорить, ни остановиться надолго, даже лишней монетки не даст, как принято, чтобы в дороге горло промочить, даже запеть не разрешит! Только затянет возница песню, как пассажир – толк его в спину! Помалкивай, мол… Нудный тип и, главное, непонятный. Кто он? Не торговец, поскольку товаров при нем нет. Не посыльный с каким поручением, поскольку нанял тихоходную повозку, а не резвого скакуна. Не путешествующий ученый, потому что записей никаких не делает и миром за пределами повозки, кажется, вовсе не интересуется. Точно не благородных кровей, но и не простолюдин-мастеровой (ручки у него нежные, нерабочие). И уж, конечно, не воин вольное-копье в поисках нанимателя. Больше всего похож все-таки на торговца, но разве торговцы бывают такими молчунами? Им ведь язык-то – первый инструмент, без хорошо подвешенной говорилки товар не втюхать…

– Чего изволите? – спросил возница.

– Постоялый двор, – коротко ответил Фарфат.

– Да мы ж у него и встали! – удивился возница.

– Не этот. Другой.

– Какой же?.. – попросил объяснений возница, но пассажир его словесно иссяк. Ткнул опять ногой в спину – дескать, поехали. Другой постоялый двор искать.

И они поехали.

В Предместье еще не спали. Шумно было в Предместье за день до великого праздника. Всюду светились окна. По улицам шарахались развеселые компании, над дверьми увеселительных заведений ярко горели масляные лампы, освещавшие вывески – это чтоб те компании спьяну ненароком не промахнулись. То и дело проходили патрули стражников, бдительно освещавшие факелами всякий темный закоулок. Возница вздохнул и несильно хлестнул поводьями свою уставшую лошадку.

Колесили по Предместью долго. Возница подрядил одиночного гуляку, который за малую мзду согласился показать путникам все местные постоялые дворы, трактиры, кабаки и таверны. Проехали уж пятое заведение, а молчуну-пассажиру все не нравилось, все гнал дальше. И чего ему только надо, привереде? Остановит возница повозку у очередной вывески, пассажир высунется, внимательнейшим образом исследует эту вывеску, недовольно подожмет губы и снова тычет сапогом в

спину – дальше!

Только ближе к утру треклятый молчун наконец нашел, что искал. Кабак «Уснувший Лев». Пыхтя, выволок пассажир из повозки свое пухлое тело, с треском распрямил занемевшую поясницу. Подозрительно глянув на возницу, отвернулся и принялся рыться в кошельке. А пока рылся, возница пялился на заведение – и что такого в этом клоповнике, чего не было в остальных? Кабак как кабак: четыре стены, крыша. Окна опять же… Под дверью безмятежно похрапывает какой-то пьянчуга, лохматая псина деловито мочится ему на буйну голову. Вывеска… Как водится, разрисована всякими незамысловатыми финтифлюшками, в центре которых, само собой, лев, спящий под деревом. На дереве, между прочим, сидит птичка, смешная такая, с крючковатым клювом, большеротая, лупоглазая. Возница даже вспомнил, что это за птичка – козодой называется. Темные деревенские мужики ее так прозвали за то, что она якобы у коз способна молоко высасывать. Бред, ясное дело. Она, эта птичка, конечно, никаких коз не доит, просто крутится рядом с домашним скотом, в месте обиталища которого полным-полно всяких слепней, мух и прочей гадости, что служит кормом для пернатых. Шныряет неприметный серенький хитрый козодой промежду ног у коз и коров, широко разевает большой свой рот, ловя насекомых, а со стороны похоже, будто на вымя скотины покушается…

Фарфат обернулся и протянул вознице две серебряных монеты. Это было ровно столько, на сколько они договаривались в начале поездки. Видимо, разочарование так отчетливо проступило на лице возницы, что господин Фарфат вздохнул, снова отвернулся, сгорбился и, еще минуту покопавшись в кошельке, добавил серебряшку, чем несказанно удивил даримого, рассчитывавшего максимум на пару медных монет чаевых. Даритель же, поколебавшись, дал медную монету и гуляке-проводнику.

Тот щедрости пассажира повозки не оценил. Презрительно цыкнул и отступил в темноту.

«А богато живут в графстве Утренней Звезды! – невнимательно подумал возница. – За то, что просто прогулялся, медяшку отхватил – и недоволен! У нас за медяк такие, как он, цельный день пашут…»

Покончив с благотворительностью, господин Фарфат вошел в кабак «Уснувший Лев», оставив на улице возницу. Который, почувствовав огромное облегчение от того, что сплавил надоевшего зануду, с энтузиазмом откликнулся на предложение гуляки «обмыть дело». И правильно: намучишься с всякой

тягомотной кислятиной, наподобие этого молчуна-пассажира, так и хочется хорошенько поддать жару…

Господин Фарфат же, войдя в «Уснувшего Льва», прямым ходом направился к стойке, за которой, озирая гомонящую вялым утренним шумом трапезную, торчал кабатчик, крепкий мужчина в кожаной безрукавке.

– Чего подать? – осведомился кабатчик, цепко оглядывая толстенькую фигурку посетителя. Наткнувшись взглядом на птичьи перья в шляпе, он заинтересованно моргнул, как-то сразу подобравшись.

– Козьего молока, – ответил Фарфат.

Кабатчик кивнул. Такая странная просьба его нисколько не удивила. Более того, кажется, именно эту фразу он и предполагал услышать.

– Нету козьего, – сказал он. – Не надоили еще, скотина больно норовистая, не дается.

– Разумный всегда доит сильного, – произнес Фарфат.

И эти слова Фарфата полностью удовлетворили кабатчика. Он кликнул слугу и, оставив его за стойкой, шагнул к низенькой двери, ведущей, видимо, в помещения, куда обычным посетителям ход был закрыт. У самой двери он обернулся и подмигнул господину Фарфату, предлагая ему следовать за собой.

Они оказались в небольшой комнатке, уставленной сундуками и корзинами, на одну из которых кабатчик тут же уселся. Своему посетителю он приглашающе указал на сундук. Фарфат, поместив пухлый зад на сундук, оглядел комнатку. Увидев небольшую полку с книгами на одной из стен, он удивленно и одобрительно приподнял брови.

И начался разговор уже совсем в другом тоне, гораздо более интимном, будто эти двое вдруг выяснили, что они – давние знакомцы. И господин Фарфат внезапно оказался вполне себе словоохотлив, давешний возница, увидев его теперь, очень бы удивился.

– Нечасто к нам залетают гости из самой Империи-то! – говорил кабатчик. – В наше-то захолустье на самом краю мира!.. Давно ждали вас.

– Арвендейл – чудный домен, – вздохнул, не соглашаясь, Фарфат. – А графство Утренней Звезды – его жемчужина. Никогда не видел более благополучного владения.

– Это все благодаря сэру Альве, – сдержанно похвалился кабатчик. – Он правит так, как должно править. Чтобы сытно жилось не только кучке высокородных болванов, но и всем его

подданным. Хотя и от подданных требует, чтоб добросовестно трудились и неукоснительно соблюдали законы.

– Граф Альва – достойный правитель, – ответил господин Фарфат, – тем не менее, как и остальные высокородные властители земель Арвендейла, за всем уследить он не в состоянии.

Кабатчик кивнул. Он явно понимал, о чем идет речь.

– Уже четыре гномьих рудника пришли в негодность по причине злого умысла каких-то негодяев, – сказал он. – Восемь эльфийских священных рощ сожжено. Могучие и Высокие волнуются, обвиняют в этих пакостях весь людской род. Как и всегда, впрочем.

– А это здорово вредит нам, – поджал губы Фарфат. – Уже в самой Империи многие из наших, кто ведет дела с Могучими и Высокими, терпят убытки. Отношения людей и истинно Светлых рас изрядно ухудшились… но не до такой степени, правда, чтобы высокородных это начало действительно волновать.

– Разумные всегда видят дальше сильных, – поддакнул кабатчик. – Ситуацию необходимо спасать, пока она окончательно не вышла из-под контроля.

– Поэтому я и здесь.

– Располагайте нами, как вам будет угодно, – проговорил кабатчик. – Пока что в графстве не так много наших, но… мы сделаем все, на что способны. Что вам нужно?

– Встретиться с сэром Акселем, – сказал Фарфат. – Я делегирован для разговора с ним. Он, конечно, из высокородных, но… человек совершенно иной формации, нежели прочая аристократия, большая часть которой – просто скопище ни на что не годных напыщенных недоумков. Ученые – вообще особые люди. А уж маги-ученые… Но, разумеется, о том, чтобы открыться мастеру Акселю, речи не идет. Меня следует представить ему как посланника императорской Гильдии Торговцев.

Кабатчик задумчиво почесал за ухом.

– С одной стороны, вам, конечно, повезло, – медленно выговорил он. – Сэра Акселя нелегко застать в его башне, он почти все свое время проводит в путешествиях; и как раз на днях вернулся. Надо думать, чтобы поздравить брата со вступлением в права владения Утренней Звездой.

– Аксель Сторм – путешествует? – удивился Фарфат. – А мне говорили, он никогда не показывается из своей башни. В графстве… да и в самой Империи вообще почти никто не знает его в лицо. Разве что только в Университете…

– Насколько нам известно, мастер Аксель часто посещает… так называемые места силы и таких же мудрецов-затворников, как

и он сам. И вовсе не обязательно, что эти самые места и эти самые мудрецы находятся в пределах Империи. А для путешествий ему не нужны ни кони, ни слуги; одна из его специализаций – магия порталов. Он путешествует, не выходя из своей башни, мастер Аксель… Ну, как я уже говорил: с одной стороны, вам повезло, что именно сейчас мастер Аксель вернулся в графство, а с другой… Он никогда никого не принимает, делая только для родни редкие исключения. Зачем ему предоставлять вам аудиенцию? Непростое дело, непростое…

– Для нас, разумных, нет ничего невозможного, – напомнил Фарфат.

– Это так, конечно… Мы постараемся, – заверил кабатчик.

– Вот и славно, – улыбнулся Фарфат, давая понять, что официальная часть разговора окончена. – Можете посоветовать, где мне остановиться?

– Сейчас с ночлегом трудно, – качнул головой кабатчик. – Народу на дармовое угощение сбежалось – тьма. В постоялых дворах углы сдают по цене комнаты, а уж за комнату ломят, как за целый дом…

Лицо Фарфата вытянулось.

– Для меня было бы честью приютить вас, – добавил кабатчик. – Но мой дом вас, конечно, не устроит – у меня тесно и… не всегда чисто. Зато всегда шумно. Большая семья, знаете ли… Вряд ли вы привыкли к такому. Поэтому будет лучше, если я поищу для вас место поприличней… Вам покои в две комнаты или больше?..

– Нет, нет, не стоит ничего искать! – замахал руками Фарфат. – Представляю себе, какую цену запросят здесь за приличные покои. А я поиздержался в пути. Очень поиздержался, – повторил он со вздохом. – Сколько вы намерены брать за постой?

– Что вы! – воскликнул кабатчик. – С вас я и медяка не возьму!

– Договорились, – быстро согласился господин Фарфат.

Глава 4

Головы оборотней уже успели вывесить на стену у Красных ворот, через которые можно было попасть из Предместья в замок. У оборотней, как известно, в момент смерти активизируется механизм трансформации, поэтому дохлые твари – независимо от того, в каком обличье застал их гибельный клинок – всегда выглядят одинаково жутко: наполовину звери, наполовину люди.

У стены быстро собиралась толпа обывателей, одна за другой проклевывались сквозь общий пестрый галдеж отдельные реплики:

– Ну и рожа!.. Не поймешь, где рот, где нос…

– У меня такая же была, когда я с телеги башкой вниз навернулся…

– А зубищи! Глянь! Камни грызть можно! – восхищался кто-то.

– Я бы тофе от таких вубифь не откавалфя, – со вздохом ответствовал этому высказыванию чей-то дребезжащий голос. – Перед бабами рот открыть фтыдно…

– Тебе, старый, давно в землю пора, а ты все о бабах мечтаешь!..

– Мефтать, внаете ли, не вредно!

Эвин был, пожалуй, единственным, кто прошел мимо, даже не глянув на пугающие трофеи. Он ступил под свод закрытых ворот, направился к вырезанной в них калитке, как вдруг один из троих скучавших там стражников, опустил к нему острие алебарды:

– Куда прешь? Как к себе домой, право-слово!..

Другие двое стражников, впрочем, тут же встрепенулись и пинками отогнали невежу в сторону:

– Пожалте, ваше сиятельство!.. С возвращеньицем! Поздравляем вас, ваше сиятельство!

Эвин, не нашедши, что сказать, молча кивнул и поспешно прошел во двор Утренней Звезды. Слова стражника чувствительно покоробили его.

«Хотя, что здесь такого? – постарался успокоить он себя. – Я его никогда не видел, неудивительно, что и он меня не знает. И потом… Когда я последний раз был здесь?..»

У Полуночных Егерей было немало забот, Эвину довольно редко выпадал случай посетить родной замок. А последние пару месяцев выдались особенно жаркими. Сначала был обычный караул ближних пределов Тухлой Топи, длящийся по обыкновению две недели. По возвращении Егеря сразу

отправились на дальние хутора – в тамошнем Черном болоте снова обнаружились следы увурта. О болотном гнезде этих тварей известно было давно, вот только добраться до него, скрытого в глубине болотной гати, ни для одного человека не представлялось возможным. Оставалось лишь время от времени отслеживать появление очередного зубастого чудища и уничтожать его, пока он не подрос, не набрал полную силу, не успел натворить дел… С увуртом провозились целых восемь дней, пока отыскали, пока устроили ловушку, пока заманили… Да еще и тварь, когда ее добивали, умудрилась последним отчаянным выпадом чиркнуть Мюра по ноге шипастым мощным хвостом. Пришлось задержаться на дальних хуторах, где добрую неделю отпаивали раненого травяными настоями, выгоняя яд из организма.

Вернувшись наконец в казармы, нашли там троих парней – очередных претендентов в рекруты Полуночных Егерей. По старинному обычаю всех троих надобно было отвести в ближние пределы Тухлой Топи для первоначальных традиционных испытаний. В Топь с парнями пошли Крэйг и Эвин – и без толку провозились там почти неделю. Испытаний претенденты пройти не смогли и были отправлены по домам с рекомендацией явиться на следующий год… Если из их юных головешек, конечно, к тому времени не выветрится желание стать Полуночными Егерями…

Только Эвин успел выспаться в казарме, как снова пора было собираться в дорогу: на Кабаньем хуторе появилась стая оборотней…

Красный двор кипел шумной предпраздничной суетой, Эвин, широко шагая, быстро пересек его, попутно подивившись обилию незнакомых лиц. Н-да, действительно, давненько он не появлялся здесь… Впрочем, кое-кто из прислуги, стариков, служивших еще его отцу, приветствовали его и приветствовали с искренним радушием. У входа в замковые покои Эвина снова встретила стража. На этот раз юношу узнали, распахнули перед ним двери:

– С прибытием, ваше сиятельство! – отсалютовал ему алебардой один из стражников, немолодой грузный мужчина с тяжелым квадратным подбородком. – Уж знаем, знаем все! И про Черное болото, и про Кабаньи хутора, и про Мартина Ухореза! Утренняя Звезда за вами, Полуночными Егерями, как за каменной стеной, благодетели наши!..

– И тебе привет, Малок, – откликнулся Эвин. – Как твоя жена?

Стражник с квадратным подбородком просиял от того, что наследник Утренней Звезды, оказывается, не забыл подробности последнего их разговора, который состоялся аж более чем месяц назад, окинул горделивым взглядом своих товарищей.

– Да что ей сделается-то?! – пожал он плечами. – Похворала, похворала да оклемалась… А сэр Альва с утра тута, никуда не изволил выезжать…

Кивнув, Эвин направился было дальше, но стражник несмело шагнул к нему:

– Прикажете доложить о прибытии, ваше сиятельство?

Эвин остановился. Раньше ему никогда не требовалось доклада, чтобы навестить дядюшку.

– Э-э… Сэр Альва сейчас очень занят… – поспешил пояснить, верно почувствовав неловкость ситуации, стражник. – Сами понимаете, такая неразбериха у нас… Прямо на головах все ходят! Я подобного бардака с самой Кровавой Субботы не видывал, гм… Оно и понятно, такое событие грядет, такое событие! Большой праздник для всех нас! Вы уже слышали: сам герцог Руэри собирается в Утреннюю Звезду! Когда-то он нас последний раз визитом удостаивал! Ого! Потому-то у сэра Альвы и минутки нет свободной, он то тут, то там, в своих покоях не сидит… Ему доложат, и он мигом отыщет время для встречи. И вам не надо будет беспокоиться искать его… Или ждать понапрасну. Так удобнее будет, ваше сиятельство!

– Пожалуй, – ответил Эвин. – Это разумно. Доложи. Передай, я буду у себя, пусть пришлет за мной.

Тут стражник снова замешкался. Будто хотел что-то сказать, но не решился.

– Сделаю, ваше сиятельство, не извольте беспокоиться! – проглотив замешательство, выпалил он.

Юноша поднялся к Галерее Славы, через которую лежал путь в графские покои. Пока он шел туда, лестницы и коридоры постепенно пустели, а в самой Галерее уже не оказалось ни одного человека. Тихо было в Галерее Славы, просторно и прохладно, гомонливая душная предпраздничная сумятица осталась за ее пределами, внизу и позади.

Эвин замедлил шаги, разглядывая висящие по стенам черепа и скелеты разнообразных Темных тварей, истребленных за то время, пока стоит замок. Вперемежку с трофеями висели старинное оружие, гербовые щиты, доспехи – все это когда-то принадлежало славным предкам юноши. Желтые лучи солнечного света, падавшие из высоких и узких окон, рассекали пространство Галереи на множество примерно равных частей; получалось так, что вся экспозиция делилась на смысловые сегменты – каждый из которых содержал вещи кого-то одного из Стормов, а также останки наиболее опасных и редких тварей, что он убил.

Здесь все было до малейшей черточки, до самой крохотной детали знакомо Эвину с самого детства, здесь до сих пор ничего

не изменилось. Солнечная щекочущая глаз тишина и терпкий запах древней пыли хранили покой Галереи Славы уже много-много лет.

Сколько часов провел Эвин здесь со своими братьями, Эллианом и Эдгардом! Тогда им не возбранялось снимать со стен оружие – правда, всегда под присмотром воспитателей – примеривать на себя части доспехов, даже устраивать детские неумелые бои. Хотя, какие там бои… Шатаясь под тяжестью шлемов и щитов, всего-то разок взмахнуть тяжеленными мечами, столкнуть их с громким отчетливым лязгом… Чтобы заметалось под высокими сводами быстро угасающее эхо удара и сразу потонуло в звонком шуме их смеха и топота. Это давние солнечные картины были самыми живыми в памяти детства Эвина.

Юноша рассеянно протянул руку к мечу своего прадеда, Гельма Сторма… Протянул и тут же привычно отдернул.

Когда не стало отца, некоторое время им с братьями было не до игр. А затем дядюшка Альва строго-настрого запретил племянникам трогать древнее оружие, и тому было весьма веское основание.

Сколько же им тогда было, Эвину, Элиану и Эдгарду?.. Кажется, по семь лет. Верно, по семь лет. Значит – уже десять лет прошло с той поры… А он все помнит лица своих братьев, как будто они расстались только вчера. Впрочем, как и забыть их лица? Достаточно лишь взглянуть в зеркало на свое собственное отражение, чтобы ушедшие образы вновь обрели плоть…

Род Стормов, Стальных Орлов, был знаменит еще и тем, что почти каждое поколение давало миру тройню крепких и здоровых мальчиков-близнецов, будущих великих воинов и магов. Адам, Аксель и Альва – были предпоследней тройней. Эвин с братьями – последней. Сам дядюшка Альва сыновей не имел, Сестры-помощницы даровали ему только дочерей, но зато в избытке. У Эвина было уже семь двоюродных сестер. Дядюшка же Аксель, посвятивший жизнь изучению магии, вынужден был хранить свою девственность (всем известно, что любовные упражнения расходуют чересчур много драгоценной для магов маны), поэтому детей не мог иметь в принципе.

Спустя несколько недель после смерти Адама Сторма графство Утренней Звезды посетил герцог Арвендейла, сэр Руэри Грир с малолетним сыном Роном, погодкой Эвину, Элиану и Эдгарду. Пока взрослые пировали в Большом зале, мальчишки, все четверо, оказались предоставлены сами себе – воспитатели и слуги, обязанные следить за ними, рассудили, что в стенах славного замка никакая опасность отпрыскам двух славных родов

угрожать не может, и с энтузиазмом предались еде и питью в каком-то случайном коридоре.

А мальчишки, само собой, тут же поднялись в Галерею Славы – куда ж еще!..

Созерцание скелетов чудовищ ненадолго заняло гостя Утренней Звезды, в конце концов, и в его родном замке Золотой Рог подобных трофеев было не меньше. Примерно через четверть часа внимание Рона Грира полностью переключилось на боевое оружие древних Стормов. Тут же было решено устроить самый настоящий турнир, в коем роль коней должны были исполнять забывшие свои обязанности слуги и воспитатели. Впрочем, быстро выяснилось, что те – хоть и без того уже передвигающиеся исключительно на четырех конечностях, – никак в качестве скакунов привлечены быть не могут. Как-то совсем не подобает рыцарским коням в ходе сражения шататься, падать и распевать человечьим языком похабные песни. И тогда было выдвинуто предложение перейти сразу к пешим поединкам. Справедливости ради стоит отметить, что Элиан на правах старшего (возраст его превышал возраст Эдгарда и Эвина на две и три минуты соответственно, и на пару недель – возраст Рона) попытался было напомнить о запрете трогать оружие без присмотра взрослых. Но Рон только топнул ногой и, сдвинув редкие белесые бровки, с истинно герцогской величавостью произнес: «Я разрешаю!» На этом прения оказались завершены. Затем наследник Арвендейла безапелляционно заявил, что намерен победить Стормов одного за другим, поэтому будет сражаться с ними по очереди.

Не будь братья Стормы детьми, они, возможно, имели бы мудрость уступить юному герцогу, постаравшись проиграть бой с ним. Но дальновидность и трезвый разум – не те качества, что присущи семилеткам. По жребию возможность сразиться первым с Роном Гриром выпала Эдгарду.

И Эдгард Сторм, средний сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов, в первом же выпаде поразил Рона Грира мечом своих пращуров, одним ударом завершив едва начавшуюся череду поединков. Меч, не точенный уже несколько десятилетий, хватил Рона по правой руке – рана оказалась неглубока и совсем не страшна на вид, но юный герцог почему-то поднял жуткий крик, на который сбежались все, кто мог тот крик слышать.

Скандал вышел невероятный.

Перепуганных братьев тут же заперли по комнатам, замкнув двери мощнейшими заклинаниями да еще и приставив к покоям стражу из герцогских гвардейцев. Как выяснилось позже, Эдгард неосторожным своим ударом умудрился серьезно повредить локтевой сустав юного Грира, вследствие чего ни один из лучших

лекарей и лучших магов Арвендейла не осмелился дать полной гарантии, что правая рука Рона когда-нибудь вновь обретет прежнюю подвижность. Сэр Руэри был в бешенстве, и дело могло обернуться для Эдгарда совсем плохо, но – слава Сестрам-помощницам – дядюшка Альва сумел кое-как уладить последствия глупого детского поединка. Дядюшке Альве удалось направить гнев герцога на воспитателей и слуг, оставивших мальчишек без присмотра – они, воспитатели и слуги, жестоко поплатились за свою беспечность. Четырнадцать человек: два воспитателя, шестеро слуг и еще шестеро их ни в чем не повинных собутыльников – были повешены на следующий же день после происшествия. Неслабо досталось и Эдгарду. Его, правда, и пальцем никто не тронул, но высочайшим указом сэра Руэри, владетеля и властителя великого Арвендейла, ему под страхом казни было запрещено брать в руки какое-либо боевого оружие – от момента прочтения указа и до самой смерти. Если уж Рону никогда не стать великим воином, то и виновнику его увечья нипочем не видать ратной славы – так рассудил герцог Руэри Грир.

Вот после этого события дядюшка Альва велел Эвину и Элиану даже и в мыслях не притрагиваться к родовым мечам и доспехам, развешанным по стенам Галереи Славы.

А спустя пару месяцев Эдгард Сторм бесследно исчез. После долгих и безуспешных поисков в его исчезновении обвинили табор гацан, в то же время веселивших своими представлениями обывателей Предместья замка Утренняя Звезда. Прямых доказательств похищения гацанами среднего сына Адама Сторма не обнаружилось, зато нашлось несколько косвенных. Ну, во-первых, все знают: от гацан добра ждать не приходится. Не зря же народ говорит: рядом гацан – держись за карман. Во-вторых, издавна ходили слухи о том, что гацане нет-нет да и воруют детей, чтобы путем изуверских операций делать из них уродцев на потеху публике. А в-третьих, доподлинно было известно, что Эдгард крутился в толпе обывателей, внимающих гацанскому представлению, и что табор пропал из Предместья именно в тот день, когда пропал и сам Эдгард.

Как бы то ни было, ни самого мальчишку, ни подозреваемый в его похищении табор больше никто никогда не видел…

А немного погодя сгинул и старший из сыновей Сторма – Элиан. Впрочем, тогда Эвин уже был услан в Красный лес и о пропаже брата узнал спустя только два с половиной года…

Эвин прошел Галерею Славы насквозь, ступил на широкую лестницу, ведущую к графским покоям. Он поднялся на пятую ступень – и тотчас вернулся в реальность из мира воспоминаний.

Как и всегда – на пятой ступени – его на мгновение притормозила невидимая преграда. Неприятный короткий звон щелкнул в его мозгу, заставив поморщиться. Эвин мотнул головой, как бы освобождаясь от незримой паутины, и продолжил путь. Но уже через несколько шагов остановился в задумчивости.

Защитные заклинания в покоях аристократов – вещь вполне обычная. Члены семей, кому принадлежат покои, а также те из слуг и придворных, кому полагаются разрешающие амулеты, пройдут магический барьер, едва заметив его. А вот незваных гостей барьер не пропустит – в лучшем случае. В худшем: парализует или покалечит. А в самом худшем – убьет на месте, это смотря по тому, как настроено заклинание.

Ничего удивительного не было в том, что юноша почувствовал барьер, так бывало всякий раз, когда он пересекал его. Но вот это новое, неприятное, хоть и мимолетное ощущение в голове… Что это было? Графские маги усилили барьер в преддверии праздника?.. Чтобы максимально обезопасить своего господина от… Кого? Кто в графстве мог бы желать зла сэру Альве?

«Странно, – размышлял Эвин, снова тронувшись с места. – Дядюшка Альва принадлежит к тому типу людей, кто предпочитает вовсе не иметь врагов; кто считает за лучшее договориться, а не враждовать. Кого же он тогда опасается?.. Кого, вернее, может опасаться?..»

Возможный ответ на этот вопрос несмело шевельнулся в его сознании, но Эвин предпочел немедленно задавить его, не дав в полной мере сформироваться – глупости какие, даже и думать о таком постыдно…

Добравшись до первой развилки, юноша свернул налево, в собственные покои. Вот она, с самого детства знакомая дверь, на которой красуется…

Нет, уже не красуется.

Эвин остановился. Дверь в покои, его покои, была чиста. Впрочем, как чиста… Вернее, пуста. И ясно бледнел на темной древесине след недавно снятого родового герба Стормов, выбитого в металле герба Стормов: раскинувшего крылья Стального Орла, с гордо вскинутой головой, угрожающе раскрытым клювом, хищно поджатыми когтями на лапах… Присмотревшись, юноша осознал и еще кое-что – дверь, которая должна быть заперта заклинанием, снимающимся прикосновением его руки, была чуть-чуть приоткрыта. У Эвина похолодело лицо.

Он вошел в комнату.

И не узнал ее.

Здесь все изменилось. Кровать была застлана другими, отвратительно розовыми покрывалами, над кроватью появился балдахин. На окнах пошевеливались кисейные занавески, тоже розовые – что за мерзкий цвет! Стол отодвинули от окна на середину комнаты и водрузили на него большое трехстворчатое зеркало. У стены появился громадный платяной шкаф, на полу – ковер из лисьих и кроличьих шкурок, и на этом ковре тут и там были расставлены низкие стульчики с мягкими подушками, маленькие креслица, цветные ширмочки… Комната стала тесной и раздражающе неприятной до физического ощущения зуда на коже. Было ясно: комната, в которой вырос Эвин, больше не принадлежала ему. Вряд ли ее приготовили для кого-то из гостей – на столике рядом с зеркалом выстроился ряд флакончиков с благовониями, в приоткрытую дверь шкафа были видны складки одежды, значит, тот, кого сюда поселили, предполагал прожить здесь довольно долгое время и уже распорядился перенести личные вещи. Вернее – та, не тот, обстановка же явно женская… Одна из дочерей дядюшки Альвы? Нет, у них в замке Утренняя Звезда есть свои покои, совсем не такие скромные, как эти. Скорее всего, комната приготовлена для какой-нибудь из фрейлин сестер Эвина, не зря же сняли герб Стормов, теперь на его место укрепят герб менее именитого рода, к которому и принадлежит фрейлина…

Эвин усмехнулся, с трудом отгоняя обиду. Что-то подобное он и начал подозревать, отметив, как засмущался стражник Малок, когда речь зашла о покоях юноши. Что ж, Утренняя Звезда уже завтра перестанет быть его домом, глупо досадовать, что дядюшка несколько поспешил с наведением новых порядков. Тем более что – все знают – в своих покоях Эвин появлялся нечасто. Уже давно, с того времени, как пропал его брат Эдгард…

Исчезновение Эдгарда болезненно ошеломило его братьев, Эвина и Элиана: известно же, что близнецы остро чувствуют беду друг друга. И если старший, Элиан, всего лишь замкнулся в себе, стал хмур, неразговорчив и раздражителен, то младший, Эвин, и вовсе слег в постель.

Повзрослев, он почему-то часто вспоминал то время, странное чувство отрешенной слабости, сковывавшее тело и разум; когда весь окружающий мир для тебя становится глухим, мутным и вязким, как старый кисель. Настойки и микстуры, которыми потчевал мальчика придворный лекарь, никакого эффекта не давали, тогда обеспокоенный состоянием племянника дядюшка Альва решил прибегнуть к помощи магии. Сэра Акселя на тот момент не было в графстве, поэтому за дело взялся придворный маг, старый Сеок. Осмотрев Эвина, Сеок подтвердил

диагностированную лекарем душевную хандру и посоветовал в качестве лечения живительный воздух дубового леса, но не простого, а такого, где произрастают дубы особой редкой породы – красные. Двух месяцев жизни в лесу, сказал Сеок, должно хватить, чтобы здоровье Эвина пришло в норму.

Единственный лес в графстве, где росли краснодубы, располагался в двух днях конной езды на юг от замка Утренняя Звезда и назывался, соответственно, Красный лес. Туда-то дядюшка Альва и отправил безразличного ко всему происходящему Эвина, отрядив в провожатые племяннику одного из своих вольнонаемных слуг, румяного и веселого парня Сима.

По прибытии в хутор близ леса краснодубов Эвин несколько оклемался – видимо, поездка в тележке под открытым вольным небом пошла ему на пользу. А может, так поразил его вид Красного леса – будто гигантской багровой подушкой укрывший горизонт. А вот с Симом приключилась неожиданная и досадная неприятность. Клюкнув за приезд с гостеприимным хозяином хутора, где они остановились, Сим ночью вышел до ветру во двор, перепутав дверь с окном, в результате чего сломал ногу. Так вот и получилось, что лечение Эвина оказалось под угрозой – не отпустишь же мальчишку одного в дикий лес на целых два месяца. Хуторяне помочь тоже ничем не могли, даже за солидную мзду: как бросишь хозяйство на такой долгий срок? И неизвестно, как повернулись бы события дальше, если б в то суматошное утро не заглянул на хутор высокий старик в одежде из звериных шкур, в громадной косматой шапке на голове, с луком за спиной. Увидев старика, хозяин хутора просиял:

– Дедушка пришел! Я и забыл, что посылал за ним. У меня корова захворала, а он у тутошних крестьян испокон веку за лекаря – и скотину пользует, и людей! Вот кому его сиятельство доверить можно! И лекарь, и человек достойный, никто от него никогда зла не видывал!

– Что за дедушка? – живо заинтересовался лежащий на лавке с ногой в лубке Сим. – Чей дедушка?

– Не дедушка, а – Дедушка, – со значением поправил хозяин. – Ничей то есть. Сам по себе.

– Да кто он такой-то?

Этот вопрос вдруг поставил хуторянина в тупик.

– Как это, кто такой? – пробормотал он, почесав в задумчивости нос. – Дедушка – он и есть Дедушка. В лесу живет. Лес потому так и называется – Дедушкин.

– Дак вроде же лес – Красный? – попытался заспорить Сим.

– Это по-вашему Красный, – парировал хозяин хутора. – А по-нашему, по-местному, – Дедушкин. Дедушка там обитает… даже

и не скажу сколько. Мой отец его знал, отец отца его знал. Он всегда в лесу жил, Дедушка-то. Только вот… – озаботился хуторянин. – Он, может, его сиятельством-то, тоже себя обременять не захочет. Денег посулить? Ему не нужны деньги, он за свое лекарское ремесло платы сроду не брал.

– Ну вы тут вообще обнаглели! – повысил голос Сим – не то чтобы рассердился, он был парнем незлобивым, а просто для порядка. – Наследника Утренней Звезды им навяливаю, а они отбрыкиваются! Это ж не щенок безродный, а – виконт! Сын сэра Адама Сторма! Племянник нашего господина сэра Альвы! Вот пожалуюсь, вас тут живо к ногтю!..

– Ты погоди, погоди!.. – тем не менее взволновался хуторянин. – Разберемся. Сейчас Дедушка из коровника воротится, поговорим…

Старик вернулся скоро. Хозяин засуетился угощать гостя, но с угощением ничего не вышло: вечерним застольем подмели все нехитрые запасы. Остался только кусок лепешки. Выслушав просьбу, старик нахмурился. Эвин с испугом смотрел на его лицо, морщинистое, будто кора древнего дерева, темное, на котором неожиданно чисто светились совсем не стариковские ясно-зеленые глаза. Старик поначалу ему совершенно не понравился. Особенно, когда вдруг наклонился к мальчику, взял его за подбородок узловатыми, твердыми, будто деревянными, пальцами, заглянул в лицо.

И что-то такое, верно, разглядел Дедушка в Эвине, что морщины его несколько разгладились, а глаза засветились не пристально-остро, а спокойно, каким-то истинно лесным зеленым цветом…

– Не побрезгуй, юный господин, – проговорил старик мягким и влажным, будто мох, голосом, – помилуй голодного, накорми. Мне и немного надо, только пару кусков лепешки…

Эвин огляделся. Один кусок лежал на столе, и был тот кусок единственным в доме. Где второй-то взять?

– Дак нету больше, Дедушка, – тихо выговорил озадаченный хозяин. – Только один вот… Было б, разве не дали? Да ты подожди, мы на соседний хутор пошлем, накупим всего вдосталь, деньги-то есть.

Но старик не смотрел на хозяина, старик смотрел на мальчика.

Эвин взял кусок лепешки со стола, повертел в руках… И вдруг его осенило. Он разломил этот кусок пополам и протянул Дедушке.

– Молодец! – рассмеялся тот и поправил свою огромную косматую шапку. – Будет из тебя толк, юный господин!

– Вот и ладно! – обрадовался Сим. – Вот и хорошо! Вот и отправляйтесь с э-э… с Дедушкой! Куда ж деваться, коли так вышло, нечистый дух меня попутал, и не могу я теперь вас дальше сопровождать? А веление сэра Альвы твердое было: если сказал два месяца в Красном лесу пожить, знать, надо выполнять. Он господин ваш и дядюшка! А как поправлюсь я, так вас и заберу. Тем более что в лесу жить интере-есно! Там, небось, эльфов видимо-невидимо! Видали хоть раз, как они ночами на лунных лучах танцуют?.. Я так раз видал. О, такое не забывается…

И подмигнул Дедушке, наверное, чтобы тот поддержал его. Но Дедушка не поддержал.

– В нашем лесу эльфов нет, – просто сказал старик. – Они не во всяком лесу живут, им особые деревья нужны, которые им силу дают. А наш лес обыкновенный, человечий да звериный.

Такая бесхитростная откровенность неожиданно подкупила Эвина. Старик вдруг сразу перестал быть страшным. А вот интересным – нет, не перестал.

– Ладно уж, – сказал мальчик ему. – Пойду с тобой… Далеко твой дом?

– Врать не буду, юный господин, далеко, – ответил старик. – Пойдем.

И они пошли.

Когда тебе семь лет, все вокруг кажется огромным. Но Красный лес, верно, и вправду был необъятным – старик и мальчик шли уже второй день, а ему конца и краю видно не было. Под сенью краснодубов Эвину действительно стало намного легче: на душе посветлело, и слабость почти совершенно ушла из тела. Вот только нескончаемая прогулка в конце концов стала надоедать. Все вокруг одно и то же, все скучно: деревья, деревья, деревья… кусты и трава, и снова деревья; стрекот назойливо лезущих в глаза и нос насекомых, птичий писк; когда ветерок дохнет, когда солнце выглянет в просвет ветвей – вот и все разнообразие. И все припасы, купленные в дорогу заботливым Симом, съедены, и все досужие разговоры переговорены (к тому же не очень-то и поговоришь на ходу). Да и вообще, для семилетки, только что оправившегося от болезни, пеший лесной поход, что и сказать, штука тяжелая. И хоть Дедушка через каждые два-три часа устраивал короткие привалы, к концу второго дня Эвин все равно едва держался на ногах. Больше всего ему хотелось бухнуться под какое-нибудь случайное дерево, свернуться калачиком и уснуть на неделю-другую. Только упрямство и дворянская гордость не позволяли ему сделать это. Почему это какой-то безродный старикашка может идти без

устали, а он нет?

Но упрямство упрямством, гордость гордостью, а тот факт, что ты на этом свете даже и десятка лет не прожил, никуда не денешь. И Эвин поступил так, как на его месте поступил бы любой ребенок его возраста: принялся ныть, всячески показывая, что ему трудно.

– Далеко еще твой дом? – канючил Эвин.

– Отсюда не видать, – отвечал Дедушка.

– Ночевать опять на земле? Без перины и подушки?

– Добрая усталость, юный господин, лучшая перина и лучшая подушка…

– Да холодно же!

– Холод не жара, перетерпеть можно.

– А что мы сегодня будем есть? Что будем пить? Я пить хочу, у меня во рту пересохло!..

На это Дедушка промолчал. Эвин шел за ним следом, спотыкаясь, со злостью глядел на мерно покачивающуюся его спину, думая о том, что неплохо было бы взять желудь побольше да запустить в противного старикашку. Прямо в башку, чтоб слетела с нее эта несуразно большая косматая шапка!

– Да стой ты, старый хрыч! – наконец не выдержал мальчик. – Стой, когда с тобой его сиятельство виконт Эвин Сторм разговаривает!

Дедушка остановился. Не спеша обернулся. Ни раздражения не было на его морщинистом лице, ни досады, ни страха, ни подобострастия. Только терпеливым вниманием светились зеленые глаза.

– Что мы будем есть, я тебя спрашиваю?! Что пить?! Где ночевать? На земле, да?

– Вокруг полно еды и питья, юный господин, – ответил старик. – И жаркое, и гарнир, и десерт отыщутся. И теплое одеяло. И крыша.

– Да где это все?

– Приглядись, юный господин. Прислушайся.

Сказал так Дедушка, повернулся и пошел дальше. И Эвин тронулся за ним, недоумевая: к чему приглядываться, к чему прислушиваться? Все то же самое вокруг, что и минуту назад, что час назад, что день назад.

– Не видишь? Не слышишь?

– Не вижу и не слышу!

– Если я покажу тебе все это, юный господин, не поленишься собрать, с собой взять?

– Да было б что собирать!

Через несколько шагов старик снял со спины лук и почти

сразу же пустил стрелу – куда-то в густые кусты, словно наугад. И произнес:

– Вот и жаркое…

Так это было сказано убедительно, что мальчик тут же полез в кусты, куда улетела стрела, словно ожидая найти там самый настоящий шкворчащий обугленным жирком кусок мяса на серебряной тарелке. Никакой тарелки он там, конечно, не нашел, зато обнаружил крупного зайца, пронзенного стрелой. Только выбрался из кустов, как Дедушка, обернулся к Эвину и сказал, ткнув луком в какие-то стебли, торчащие неподалеку:

– Вот и гарнир…

Эвин подошел к стеблям, оторвал остроконечный листок, пожевал – горько! – и выплюнул. Дедушка не ждал мальчика, фигура его почти уже скрылась за красными мощными стволами. Эвин, торопясь, дернул стебель – и он легко вылез целиком, обнаружив толстый белый корень.

– Набери охапку, – донесся до него голос старика. – И вот еще…

К ногам мальчика упал пустой кожаный бурдюк на перевязи. Сопя от обиды, Эвин принялся дергать стебли (куда деваться, сам согласился, а слово назад не возьмешь) и вдруг под ногой у него мокро чавкнуло. Оказалось, что под слоем прошлогодней листвы бежал тоненький бесшумный ручеек, не видный ни с какой стороны. Эвин с жадностью припал к воде.

Когда он напился, наполнил бурдюк, повесил его за спину и собрал в руки все находки, старика уже и след простыл. Мальчик побежал наугад, выкрикивая:

– Дедушка! Дедушка!.. – и вдруг заметил, как между деревьями колыхнулось что-то большое, темное, мохнатое…

Он ринулся туда, подгоняемый шлепающим по спине бурдюком. Врезался в кусты, ломая ветви, продрался сквозь них… И оторопел. Прямо на него смотрел огненными злыми глазками громадный медведь, уже поднявшийся на задние лапы.

Медведь двинулся к Эвину.

Мальчик даже не смог попятиться. Единственное, что у него получилось сделать, – это закрыть глаза. Лицо его опалила жаркая вонь из разинутой пасти зверя, уши наглухо запечатал сиплый звериный рык, по щекам ударила воздушная оплеуха (медведь, видно, замахнулся лапищей для единственного смертельного удара).

И вдруг рык освободил уши мальчика – стало очень тихо. Эвин открыл глаза и увидел, как чудовище заваливается набок, бессильно скашивая потухающие глазки на оперенье торчащей из уха стрелы.

От удара гигантской туши дрогнула земля, с высоких ветвей сорвались и закружились, падая, несколько красных дубовых листочков…

Откуда-то из-за деревьев вышагнул Дедушка. Старик посмеиваясь, стряхнул с косматой шапки пару застрявших в ее космах листьев, убрал лук за спину.

– Весело тебе пугать меня?! – трясущимися губами выговорил Эвин, пытаясь за раздражением скрыть все еще бултыхавший его внутренности страх. – Весело, да? Не мог раньше выстрелить? Вот я дядюшке скажу, он тебя!.. Он тебе!.. Высечет! В железо закует! Попомнишь это!..

– Мог и раньше выстрелить, – покладисто согласился Дедушка. – Только тогда зверь на тебя бы рухнул и раздавил. А когда он лапу-то поднял, он баланс равновесия изменил. Ну, будет ругаться. Ты ведь есть хотел, юный господин? Разводи костер, ужинать станем. Вот здесь разводи, – старик указал под большущий дуб, на открытое место между извивами могучих корней.

– Почему здесь?

– Ты, кажется, десерта желал…

Мальчик, поколебавшись, отправился за хворостом, не стал пытать старика насчет того, как может быть связано его желание десерта и надобность устроить костер именно там, где указано. Все равно Дедушка, как обычно, прямо не ответит, скажет какую-нибудь непонятность, которая разъяснится потом.

Пока Эвин возился с топливом, старик успел освежевать и выпотрошить зайца, выкопать под дубом ямку, положить туда тушку, закрыть ее куском дерна со мхом. На закопанной ямке развели костер, а, когда он разгорелся, старик подкинул в огонь какие-то ветви, отчего над пламенем поднялся черный горький дым, заставивший мальчика резво отпрыгнуть в сторону, чтобы не задохнуться.

Впрочем, гадкая удушливая чернота скоро иссякла, дым стал обыкновенным. Эвин вернулся к костру, под руководством старика, занятого свежеванием медведя, поставил на огонь котел с водой, почистил и свалил в закипающую воду коренья.

Когда коренья сварились, старик ловко отодвинул костер подальше от дерева и выкопал зайца…

Мясо, запеченное в собственном соку, оказалось изумительно вкусным, как, впрочем, и каша из разваренных кореньев. Насытившись, Эвин повеселел. Жизнь в лесу теперь казалась ему вполне сносной, а Дедушка – весьма милым. Он даже мысленно простил его за все доставленные ранее неудобства и решил, когда вернется в Утреннюю Звезду, не просить дядюшку Альву его

наказывать.

– Как все просто и быстро получилось! – сказал мальчик, желая сделать старику приятно. – Еще полтора часа назад у нас ничего не было, а теперь… Научишь меня так?

– Дело нехитрое, – ответил Дедушка. Он растягивал снятую и уже выскобленную медвежью шкуру на нижних ветвях дуба, так чтобы она образовывала уютную и вместительную палатку. – Я, конечно, не наугад пустил первую стрелу. Я услышал, как птицы забеспокоились – они ведь всегда по-разному голосят: у них на каждый случай особая песенка: вот и напели они мне, что рядом зверек появился, а уж точное местоположение заяц и сам выдал, зашуршав кустарником. Ничего сложного?

– Ничего, – согласился Эвин. Теперь старик говорил просто, безо всяких загадок, речь его ложилась на понимание легко и ладно. Мальчик уже успел заметить, что Дедушка всегда поступает так, когда надобно что-нибудь объяснить. А загадки – это для того, чтобы он, мальчик, заинтересовался, сам подумал, сам попробовал догадаться, что к чему…

– А растение со съедобными корнями называется копьелист, оно всегда растет у проточной воды, тут уж не ошибешься… Да и отличить копьелист несложно, он по виду и впрямь на копье похож… Ну как, поел?

– Лопну сейчас, – выдохнул Эвин.

– А как насчет десерта?

Насчет десерта мальчик был не прочь. Он даже приподнялся, ищуще покрутил головой вокруг, заранее готовясь удивиться тому, как старик при помощи какого-нибудь нового фокуса сейчас явит ему… что? Какое такое лакомство может быть в лесу?

– Видишь дупло? – Дедушка кивнул вверх, на дерево, под которым они расположились. – Во-он, за теми ветвями… Ага? Полезай-ка туда, юный господин…

– Дикий мед! – догадался Эвин. Вскарабкался на одну из нижних веток и вдруг остановился. – А как же пчелы?..

– Спохватился! Их уж нет давно. Пчелы черного дыма особливо не выносят, их от него прямо как ветром сдувает… Да ты, видать, так ни одной пчелы и не приметил? И жужжания не слыхал?

– Да как приметишь-то? – ответил мальчик с ветки. – Как услышишь? В лесу постоянно кто-то жужжит, стрекочет, звенит и пищит. Каждая козявка по-своему. Где уж тут разобраться в таких мелочах?

– Медведь и тот разбирается, – качнул косматой шапкой старик. – Думаешь, он здесь случайно оказался? Тоже медку собирался поесть, на пчелиное жужжание вышел. Да не

пришлось… В мире вокруг нет мелочей, – внушительно проговорил Дедушка. – Потому что каждая мелочь свое значение имеет, каждая мелочь исключительно важна. Это крепко запомни. Когда научишься по малому определять большое, тогда тебе и мастерство станет под силу.

– Какое мастерство? – дотягиваясь уже до дупла, поинтересовался Эвин.

– А любое. Охотничье ли, воинское, ремесленное… Все равно. Все от одних истоков идет.

Через час Эвин уже задремывал у неярко потрескивавшего уютного костра, укрытый спускавшимся сверху пологом медвежьей шкуры. Губы его слипались от меда, глаза – от сладкой сытой усталости. В этот момент, впервые с тех пор, как оказался в лесу, Эвин полностью ощущал себя в спокойной безопасности. И не хотелось ему больше домой. И вообще никуда не хотелось. Не поднимая головы, он спросил у старика, который, негромко напевая, разделывал медвежью тушу:

– Мы здесь заночуем, да?

– Ну само собой.

– Вот хорошо… А долго еще до твоего дома идти?

– А мы уже пришли, – сказал Дедушка. – Ты разве не чувствуешь?

Прислушавшись к себе, Эвин внутренне согласился со стариком. Нет, он, конечно, думал, что у того нормальный такой обычный дом, со стенами, окнами, дверью и прочим… Но ведь – тут же пришло ему в голову – дом не только стены и дверь, это не главное. Дом – это прежде всего ощущение защищенности.

– Здесь твой дом? – тем не менее, на всякий случай спросил Эвин.

– Здесь или там, – пожал плечами старик. – Какая разница? Человеку везде дом. Потому что он где угодно может найти и пищу, и воду, и приют, в любом месте. Если умеет искать.

– А почему ты тогда в этом лесу живешь, а не где-то еще? Не с людьми, например? Почему здесь твое место?

Этот вопрос словно бы еще больше состарил древнее лицо Дедушки. Он ничего на него не ответил.

В коридоре послышались приближающиеся шаги, и этот звук прервал разгоняющийся поток воспоминаний. «Трое мужчин, – механически отметил юноша, поворачиваясь от окна к двери, которую оставил незакрытой, чтобы хоть как-то разбавить душную тесноту комнаты. – Двое крупных, шагающих в ногу, чеканящих шаг – совершенно определенно, стражники. Третий – полегче, идущий походкой деловито-спешащей…»

Дядюшка Альва!

Граф сэр Альва Сторм был высок и вследствие привычки держать подбородок постоянно вздернутым казался еще выше. Его светлые, как и у всех в роду Стальных Орлов, волосы, были стянуты пониже затылка в длинную косу, борода острым клином торчала вперед, а голубые глаза смотрели пронзительно и остро. Легкий стального цвета плащ с меховым воротником взметнулся крылом, когда граф порывисто влетел в комнату, золоченый панцирь блеснул под плащом… Горячая волна омыла сердце Эвина – так случалось всегда, при всякой встрече с дядюшкой, все-таки Альва и Адам Стормы являлись близнецами; и пусть сэр Адам, прославленный воин, всю жизнь проведший в битвах, сложением был все-таки покряжистей и повадки имел несколько другие – его образ в сознании Эвина давно и прочно слился с образом дядюшки. И вспоминая отца, юноша неизменно представлял себе сэра Альву и не в силах был эти два образа разделить.

– Прости за неразбериху в замке, – быстро проговорил Альва, протягивая племяннику руку для поцелуя. – И за это… – он с неудовольствием окинул взглядом преобразившуюся комнату. – Девчонки! Я недоглядел, а они рады стараться. Сам знаешь, Сестры-помощницы щедро одарили меня ими… И у каждой по дюжине фрейлин, соревнуются между собой, у кого больше. Развели бабский штат, дохнуть негде, весь замок заполонили…

Один из стражников подвинул графу кресло от стола и, повинуясь небрежному жесту, удалился со своим товарищем за дверь.

– Впрочем, – добавил сэр Альва, – можешь оставаться здесь сколько твоей душе угодно. Это твоя комната, была и останется.

– Не беспокойся, – отмахнулся Эвин, испытав облегчение при мысли о том, что его комната отдана одной из сонма сестринских фрейлин не по указу дядюшки. – Я все равно редко появляюсь здесь.

В знак одобрения Альва двинул вверх-вниз светлыми бровями.

– Тем не менее, – сказал он, – надо же тебе где-то остановиться. Не присылать же мне портных в казармы Егерей…

– Портных?

– Завтра у нас с тобой большой день, – напомнил Альва. – Ты ведь не намерен прийти на празднование в этом тряпье? А из той своей одежды, в которой подобает появляться на торжественных мероприятиях, ты уже давно вырос.

Эвин пожал плечами. Меньше всего он задумывался последнее время о собственном внешнем виде на грядущем празднике.

– Кстати, о торжественном мероприятии… – заговорил он.

Взгляд графа, испытующий, несколько даже настороженный, не отпускал его с самого начала разговора; и это не могло ускользнуть от внимания юноши. Альва не дал племяннику договорить. Он прервал его, выставив вперед в преграждающем жесте ладонь:

– Прежде чем ты начнешь, позволь сказать мне, Эвин. То, что ты задумал, – глупость. Большая и опасная глупость.

– Ты все знаешь… – выдохнул Эвин.

– Конечно, я все знаю, – пожал плечами Альва. – Хороший правитель всегда знает все о том, что творится в его владениях… И я с нетерпением ждал тебя, чтобы поговорить… Без лишней огласки.

– Потому и не дал приказ страже сопроводить меня сразу к тебе, – кивнул Эвин, в голове которого тут же высверкнула отгадка того непривычного ощущения, поразившего его на лестнице в графские покои. – И магический барьер вокруг графских покоев подкорректировал так, чтобы знать, когда я пересеку его.

Сэр Альва усмехнулся:

– Ничего от тебя не скроешь. Хотя я ничего и не собирался скрывать. Всегда разумнее играть в открытую – с теми, кто тебя достоин, я имею в виду, конечно…

– Гаг! – невольно вырвалось у Эвина. Это коротенькое внезапное слово вмиг осушило его гортань и рот, да так чувствительно, что юноша не удержался от того, чтобы не закашляться.

– Гаг?.. – удивился Альва. – Кто это?.. Ах да, один из Полуночных Егерей. Я слышал, он погиб в битве с разбойниками. А почему ты упомянул его имя?

– Ты… – пробормотал Эвин, – не знаешь?

– Хороший правитель всегда знает все о том, что творится в его владениях, – повторил сэр Альва. – Так говорят. Но действительно всего знать невозможно. Что произошло с твоим Гагом?

Выслушав рассказ юноши, граф надолго задумался, положив ладонь на лицо.

– Командор Крэйг не докладывал мне об этом… – проговорил он наконец. – Ты, Эвин, понимаешь, что значит то происшествие в трактире?

– Меня хотят убить, – пожав плечами, подтвердил очевидное юноша.

– Тебя хотят убить! Единственного наследника Утренней Звезды – хотят убить! И кто стоит за этим?

– Не знаю, дядюшка…

– Не знаешь… – сэр Альва вдруг прищурился на племянника и опять игранул бровями, но уже, конечно, не одобрение было в этом мимолетном движении, а неожиданно прорезавшиеся укоризна и обида. – Но подозреваешь меня! Хорошего ты мнения о своем дяде! Ты что же, Эвин, считаешь, что это я велел ему напасть на тебя?

– Конечно, нет! – искренне ответил юноша. – Конечно, я не подозреваю!

– Тогда почему ты вдруг назвал мне его имя? В ответ на мои слова о доверии? Это прозвучало м-м… как обвинение.

Эвин смешался:

– Н-не знаю. Но это не обвинение, ни в коем случае не обвинение! Я… Тот случай мучает меня, я постоянно думаю о нем, и вот оно как-то само собой… вылетело, это имя.

Альва несколько секунд молчал, изучая лицо Эвина.

– В конце концов это просто нелогично! – заторопился юноша. – Зачем тебе желать зла мне – твоему племяннику и наследнику?

– Ни в коем случае не обвинение… – медленно повторил лорд замка Утренняя Звезда. – Что ж… Иногда мы даже сами себе боимся признаться в своих подозрениях. Лучше, если между нами не будет недомолвок.

Он сел ровнее, поднял на уровень лица правую руку ладонью вверх.

– Не надо! – воскликнул юноша, догадавшись, что намеревается сделать дядя. – Правда, не надо!

Альва не ответил ему. Сосредоточенно нахмурившись, он тщательно выговорил формулу Белого Пламени. На его ладони вспыхнул огонек: бесцветный, но вовсе не прозрачный. Точно оживший цветок из матового стекла.

– Пусть Белое Пламя сожжет мне душу и сердце, если я солгу, – громко сказал сэр Альва.

Огненный цветок на его ладони на мгновение заметно качнулся, точно отозвался на эти слова, – и снова стал гореть ровно.

– Я никогда не отдавал Полуночному Егерю Гагу распоряжений насчет тебя, Эвин, – отчетливо произнес Альва. – И никто другой по моему приказу никогда не отдавал ему никаких распоряжений насчет тебя.

Белое Пламя полыхнуло ярче…

И растаяло.

Сэр Альва опустил руку. Выдохнул и стер с лица капли пота – заклинание Белого Пламени являлось формой прямого

обращения к Сестрам-помощницам и требовало изрядного количества маны.

– Не стоило… – пристыженно пробормотал Эвин. Он чувствовал, как щеки его горели. А ведь и на самом деле – хоть на секунду, но он допустил мысль о том, что за покушением на него мог стоять дядя… который, конечно, не намеревался отдавать престол Утренней Звезды. Сестры-помощницы, какой стыд! И… какая глупость!

– Стоило, – ответил Альва. – Мы родня, мальчик мой. В наших с тобой отношениях нет и не может быть места вранью и недоверию. Итак… Кто же тогда заплатил Полуночному Егерю Гагу за твою жизнь?

– Может быть… У тебя есть какие-нибудь догадки? Кто заинтересован в том, чтобы ты продолжал править графством и замком?

– Давай, я открою тебе глаза, мальчик мой, – откинувшись на спинку кресла, проговорил Альва. – В том, чтобы я продолжал править графством и замком, заинтересованы – все. Вообще все, Эвин. Придворные замка. Ратники гарнизона. Крестьяне. Жители городков и предместий: мелкие ремесленники, крупные цеховщики, торговцы. Даже его светлость герцог Арвендейла сэр Руэри Грир! Утренняя Звезда – это надежный засов на восточных воротах великого герцогства. Утренняя Звезда – гарант безопасности Арвендейла. За десять лет моего правления я не дал никому ни на минуту усомниться в том, что не достоин быть лордом. Или, может быть, ты усомнился?

– Нет, нет, – мотнул головой юноша. – Но…

– Что – но?.. – жестковато перебил его сэр Альва. – Насколько я помню, ты всегда признавал тот факт, что мое нахождение на престоле Утренней Звезды – наилучший вариант как для нашего графства, так и для Арвендейла в целом. Ты никогда не выказывал ни малейшего желания взваливать на себя бремя власти над графством. Никогда не проявлял интереса к искусству править. Нашему с тобой договору: о том, что ты откажешься от престола, как только тебе исполнится семнадцать, уже много лет. И ты ни разу не пытался его оспаривать. Ни разу не заговаривал со мной ни о чем подобном! Что же случилось теперь?

– Мне трудно объяснить… – вздохнул Эвин. Он привык в разговоре с дядюшкой быть столь же откровенным, как и с самим собой. – Но я попробую. Я ведь законный наследник графства?

– Конечно!

– И с того момента, как мне стукнет семнадцать лет, я имею полное право на замок и земли Утренней Звезды?

– Само собой.

– Почему же тогда ни один человек… Никто – не допускает и мысли о том, что я воспользуюсь своим правом?

– Разве я только что не ответил на твой вопрос? Потому что люди ценят то, что имеют. Потому что люди доверяют – мне. Потому что уверены, я знаю, как будет лучше. Потому что они привыкли к благополучной стабильности. Зачем им что-то менять?

– Да… – кивнул Эвин. Он опустил голову, увидев, что дядя смотрит на него пристально и неотрывно. Выжидающе смотрит.

– Я просто хочу найти свое место, дядюшка, – высказал юноша наконец-то, что назревало в его душе последние дни. То, что началось с простой обиды; то, что почему-то не исчезло со временем, а напротив – зацепилось, окрепло. И созрело. – Просто хочу стать тем, кем я должен стать. Хочу взять свое. Я всю жизнь чувствовал себя… чужим тем людям, что окружали меня. Они совсем не плохо относились ко мне, нет, только это ничего не значит. Все равно я был чужой. И среди знати, и среди простолюдинов. И в замке, и в казарме Полуночных Егерей. Везде, со всеми. Я это чувствовал, и они это чувствовали. Это очень важно – найти свое место. Потому что человек не на своем месте – он никто.

– Такое ощущение, что ты повторяешь чьи-то слова, а не от себя говоришь… – поморщился Альва.

– Так и есть, – чуть помедлив, согласился с ним Эвин. – Да, так и есть. Гаг говорил нечто подобное незадолго перед тем, как… Но его слова, конечно, не стали для меня открытием. Впервые я услышал это давным-давно и как-то сразу… прочувствовал.

– И кто же давным-давно вложил в твою голову эту… безусловно, очень свежую и оригинальную мысль? – осведомился Альва.

– Она не оригинальна, эта мысль, да, – признал юноша, без труда уловив сарказм в речи дяди, – но она – верна. Я знаю это, я это чувствую.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ах, да… Дедушка. Его звали – Дедушка.

Брови сэра Альвы снова скакнули вверх:

– Дедушка? Что еще за дедушка?.. Какой дедушка?.. Впрочем, не имеет значения, – энергичным взмахом руки граф отсек ненужную ему нить беседы. – И… это все? «Я хочу найти свое место» – и все? Это все твои доводы, чтобы я вдруг вот прямо сейчас пересмотрел свои планы, решился круто изменить жизнь всего графства, уступив тебе престол Утренней Звезды?! «Я всем чужой, я хочу должного к себе отношения»! Это твой довод?

– Я ведь имею право на Утреннюю Звезду, – не-громко напомнил Эвин. – По древнему закону Империи. Они ведь складывались в течение многих веков, эти законы. Значит, в них есть смысл?.. Может быть… Может быть, у меня получится быть лордом Утренней Звезды, дядюшка?

– Может быть, получится?! О, Сестры-помощницы, будьте милостивы!..

Альва легко поднялся с кресла, прошел несколько пружинистых шагов к окну, резко развернулся, вскинув голову. Борода его остро нацелилась в лицо юноше, как копье. Эвин встретился взглядом с дядей и тут же понял, что отношение сэра Альвы к этому разговору кардинально поменялось. Теперь граф смотрел на Эвина, как на мальчишку, которому какое-то время удачно удавалось прикидываться рассудительным и взрослым, – но вот он, этот глупый мальчишка, сморозил очевидную нелепицу, и его разоблачили.

– Будьте милостивы, Сестры-помощницы! – повторил дядюшка Альва, сердито всплеснув руками. – Ты понимаешь, что творишь, Эвин?! Речь идет даже не о благоденствии нашего графства! Речь идет о безопасности всего великого Арвендейла! И ты намерен поставить под угрозу жизни тысяч и тысяч людей – только потому, что тебе, видите ли, втемяшилось примерить на себя роль лорда! Так?

Если юноша и собирался ответить, то он не успел сделать этого.

– Престол Утренней Звезды – это тебе не трактирная скамейка! – выкрикнул сэр Альва. – Захочу – сяду посидеть, захочу – слезу! Это – ответственность! Высочайшая ответственность! Страшная ответственность!

– Но я…

– Я! Я! Я! – передразнил его Альва. – Что – ты? Ну что – ты?! Вот – ты! – он ткнул в Эвина прямым и жестким пальцем. – А вот… – Альва широко взмахнул обеими руками, – великий Арвендейл! Что важнее?! Скажи мне?

– Великий Арвендейл… – пробормотал юноша.

– Тогда для чего ты затеял весь этот идиотизм?! Ты же понимаешь, что это – идиотизм?!

– Понимаю… Понимаю! – повысил голос Эвин, впервые в жизни повысил голос на дядюшку Альву, и тот мгновенно умолк, с изумлением глядя на племянника. – Умом понимаю, – тише договорил юноша. – Но… чувствую, что это неправильно – отказываться от престола Утренней Звезды. От того, что мое по праву.

В коридоре встревоженно загудели голоса. Мелькнула в

дверном проеме – и тут же скрылась – бородатая физиономия стражника.

Взгляд сэра Альвы потускнел и отяжелел. Сэр Альва вернулся в свое кресло.

– Допустим, ты возьмешь то, что твое по праву, – проговорил он. – Но ведь ты за год развалишь все, что я огромным трудом создавал десять лет…

– Неужели ты думаешь, что я настолько безнадежен? – вскинулся Эвин.

– Помолчи. Положим, я несколько погорячился. Но то, что ты не сможешь вести дела так же эффективно, как делаю это я, – это факт. Подданные Утренней Звезды привыкли жить сыто, как они отреагируют на то, что им придется ужаться в своих аппетитах – хотя бы немного и ненадолго? Тебя возненавидят, Эвин, тебя возненавидят твои же подданные. Ты еще не знаешь людей… Поднимется волнение, которое можно будет подавить только силой. Внутренние неурядицы ослабят графство. А значит – ослабят замок Утренняя Звезда. А значит – ворота в Арвендейл перестанут быть такими надежными, какими были раньше. Что скажет на это Золотой Рог? Что скажут на это Крадрекрам и Эллосиил?

– Но я смею надеяться, дядюшка, что ты будешь рядом со мной… Будешь помогать мне советом и наукой…

– То есть править буду я, а ты – занимать престол Утренней Звезды? Гордо восседать на своем месте? Этого ты хочешь?

Эвин даже побледнел:

– Совсем не этого!

– А чего же тогда? Каков твой план?

Юноша не знал, что ответить. Кажется, он не ожидал, что разговор повернется такой неожиданной и жуткой стороной.

– Я представлял себе все совсем по-другому… – потерянно пробормотал он.

– И ты собирался взойти на престол вооруженным только своими представлениями? Я вижу перед собой мальчишку, но не мужа, Эвин! И уж конечно – не лорда!

– Я думал… я ведь все равно остаюсь твоим наследником… – совсем уже тихо и подавленно выговорил юноша и опустил голову. – У тебя нет сыновей, и когда-нибудь… когда ты уйдешь на покой, я сменю тебя. Я вовсе не собирался отбирать у тебя власть… Мы могли бы править рука об руку…

Сэр Альва подергал себя за бороду:

– Эвин, мальчик мой, как же ты еще скверно разбираешься в том, что такое власть! – заговорил уже мягче. – Правит всегда один человек. Решения принимает – всегда один человек. Тот, кто

достоин. Ибо мнение нескольких – это мнение толпы. А толпа не может руководить сама собой. Несомненно – ты мой наследник, и на тебя я оставлю графство и замок. Но к тому времени, когда это произойдет, ты должен многому, очень многому научиться. Твое время еще не пришло. Послушай, мальчик мой. Я не вправе запретить тебе отказываться от Утренней Звезды сейчас. И никто не вправе. Даже сам его светлость герцог Руэри Грир. Даже его величество Император. Но я прошу тебя, Эвин. Прошу тебя, мальчика, которого знаю с рождения, прошу тебя, сына моего брата, поступить так, как велит тебе разум. А не… твое дурацкое чувство.

Эвин переглотнул. В голове его шумело, сердце гулко стучало, точно стремилось вырваться в горло.

Сэр Альва ждал его ответа.

– Я сделаю это, – сказал Эвин. – Я откажусь от престола. И… прости меня, дядюшка!

Он порывисто шагнул вперед, ловя руку Альвы, и тот с готовностью позволил ему поцеловать ее.

Несколько минут они молчали. Эвин – приходя в себя, а сэр Альва – собираясь с мыслями.

– Ты обещаешь мне? – выговорил наконец граф.

– Да!

– Хвала Сестрам-помощницам. А теперь осталось еще одно дело, мальчик мой.

– Какое?

– Спасти твою жизнь, естественно! – разведя руками, подался вперед Альва. – А ты думал, все ограничится одним-единственным покушением? Напасть на виконта Эвина Сторма, наследника Утренней Звезды и, не будем забывать, лучшего воина Арвендейла, – отчаянный поступок. И тот, кто решился на этот поступок, вряд ли остановится после первой неудавшейся попытки. Да уж, заварил ты кашу, Эвин… «Найти свое место!»… – передразнил сэр Альва племянника. – Придется очень постараться, чтобы этим твоим местом не стала могила!

Эвин вздохнул:

– Но как мы узнаем, кто именно желает мне смерти? Ведь выгодна она многим?

– У того, кто хочет тебя убить, есть один день – чтобы осуществить задуманное злодеяние, – начал рассуждать граф. – При любых раскладах уже завтра к полудню ты будешь в безопасности. Надеюсь, не надо объяснять почему?

Юноша, подумав, кивнул. Да, это понятно… После того как сэр Альва вступит в законное право владения графством, смысл в убийстве его племянника отпадает сам собой. А если

предположить (только лишь предположить, конечно!), что он, Эвин, все же сам займет престол Утренней Звезды – убийцам добраться до него будет ну очень сложно. Ритуал вступления в действительные права лорда подразумевает наложение на вступающего целого комплекса охранных чар, преодолеть который под силу далеко не каждому магу. И это еще не говоря о присягнувших новоиспеченному графу войсках, о многочисленной страже…

– Иными словами – нам необходимо продержаться всего один день и одну ночь, – подытожил сэр Альва. – У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

– Меня не так-то просто убить! – заявил Эвин.

– Да, в честном поединке тебя вряд ли кто сможет одолеть, – согласился Альва. – Только глупо было бы надеяться на честный поединок. Такого рода предприятия осуществляются тайно и подло, исподтишка. Яд, магия, удар в спину…

– Большинство Темных тварей ядовиты, дядюшка, – сказал Эвин. – Полуночных Егерей учат заклинаниям, временно блокирующим действие любого яда, а зелье, выводящее отраву из организма, может приготовить даже новичок. Яд меня не убьет. Магия? Наши боевые заклинания составлены специально против Темных, а, значит, чтобы противостоять гораздо более слабым противникам – людям, – достаточно самого слабенького. Мне не страшна магия. Удар в спину? Что ж, один раз мне уже удалось выстоять против такого удара, я уверен, что и дальше не оплошаю. Я не боюсь никого, дядюшка… кем бы они ни были.

– А я боюсь! – Граф прихлопнул обеими ладонями по подлокотникам кресла. – За тебя боюсь. За дочерей. За невинных людей, которые могут ненароком оказаться рядом, когда убийцы нанесут удар. За себя, наконец! Что станет с графством, если меня зашибут случайно за компанию с тобой?

Эвин дернул ртом, невольно оглянулся по сторонам, точно подозревая, что злодеи прямо сейчас могут таиться где-то рядом.

– И что же делать? – спросил он.

– Я знаю, что делать, – уверенно сказал сэр Альва. – Ты публично объявишь о том, что не намерен претендовать на престол Утренней Звезды в день своего совершеннолетия. И пусть Белое Пламя гарантирует искренность твоих слов.

– Это… – юноша поморщился. – Это похоже на капитуляцию…

– Мне плевать, на что это похоже, – ровно произнес Альва. – Я несу ответственность за своих близких, за тебя в том числе, поэтому изволь поступать так, как я сказал.

Юноша тяжело вздохнул.

– Хорошо, – проговорил он. – Я согласен.

– Вот и ладно, – пристукнул граф в сухие твердые ладони. Он пошевелился, чтобы подняться, но… не поднялся, остался сидеть. Потому что Эвин вдруг протянул к нему руку:

– Дядюшка!

– Что такое?

Эвин помедлил еще немного, прислушиваясь к себе.

– Кажется, я не смогу, – сказал он.

– Это еще почему? – изумился Альва. – Ты ведь сам только что обещал мне отказаться от престола! Эвин, мальчик мой, что с тобой происходит?

– Я обещал, да. И я выполню свое обещание, можешь не сомневаться. Но Белому Пламени нельзя солгать. Я готов сделать так, как ты хочешь… так, как надо, как будет лучше для всех, но в глубине души я все равно чувствую, что я… прав. Я понимаю, как важно то, чем занимаются Полуночные Егеря, но я… не могу гордиться тем, что я Егерь. Быть может, потому что дело истребления Темных тварей дается мне много легче, чем остальным… Мне не место среди Полуночных Егерей – ведь только тогда ты на своем месте, если гордишься тем, что делаешь. Я поступлю так, как ты хочешь, дядюшка, но я чувствую, что этим я обману себя. А значит, обману и Белое Пламя. Я чувствую, что Утренняя Звезда должна принадлежать мне и что мое время пришло. И никак не могу от этого избавиться. Если я произнесу формулу, Белое Пламя испепелит меня.

– О, Сестры-помощницы!.. – выдохнул Альва.

Эвин удрученно молчал.

Сэр Альва Сторм снова поднялся. Заложив руки за спину, коротко прошелся туда-сюда. Развернулся к племяннику.

– Тогда остается только одно, – сухо вымолвил граф. – Ты должен скрыться до дня своего совершеннолетия. Спрятаться так, чтобы никто тебя найти не смог…

– Спрятаться?!

– И это не обсуждается, – отрезал Альва. – Ты знаешь какое-нибудь укромное место в пределах графства?

– В пределах графства сколько угодно укромных мест, – уныло ответил юноша. – Я исколесил его вдоль и поперек.

– Выбери поукромнее. Ну?..

– Скажем… – Эвин на мгновение задумался. – Вороний утес. Это достаточно далеко, и людей там никогда не бывает.

– Вороний утес? Хорошо. Также разумно будет взять с собой спутника. Но такого, кому ты доверял бы безоговорочно. Есть у тебя такой человек?

– Командор Крэйг, – не раздумывая ответил Эвин.

– Отличный выбор, – одобрил сэр Альва. – Я дам ему знать, чтобы он был наготове.

Он поднялся, отпахнув полы плаща, упер руки в бока, нахмурился, видно, размышляя о том, чем еще помочь племяннику в этом мероприятии.

– Уйдете из замка ночью, – проговорил он. – После третьей стражи, не раньше. И до сумерек лучше не покидать своей комнаты. И будь начеку: амулет, разрешающий войти в графские покои, не так-то сложно раздобыть – это, кстати, одна из причин, по которой тебе нежелательно оставаться в замке. Ты ведь доверял этому Гагу?

– Как и любому из братьев-Егерей, – вздохнул Эвин. – Как самому себе…

– Вот видишь… Так, что еще? Охрану… охрану у твоей комнаты, пожалуй, лучше не выставлять. Ни к чему давать знать злоумышленникам, что мы обеспокоены твоей безопасностью. А вот у входов в графские покои я караулы удвою, пусть проверяют каждого, кто сюда направляется – это вполне нормально накануне праздника. Ну что ж… – сэр Альва приобнял племянника за плечи, серьезно покивал ему. – Встретимся завтра на торжественной церемонии. Обещай же мне, мальчик мой, это!

– Обещаю, – сказал юноша.

– Ты всегда выполняешь свои обещания, – удовлетворенно кивнул граф, хлопнул еще раз Эвина по плечу и вышел.

Оставшись в одиночестве, юноша проделал два шатких шага к кровати и опустился на нее. Шагов графа и его стражей уже не было слышно. Тихо было в комнате, тихо было в коридоре, тихо было в замке Утренняя Звезда. И почему-то показалась юноше эта тишина не обычной, а напряженной, что-то предвещающей – так смолкают птицы и звери перед грозовым ливнем, так затихают деревья и трава.

И снова воспоминания о жизни в Красном лесу нахлынули на него.

Глава 5

Эвин сидел под деревом, натягивал новую тетиву взамен истрепавшейся старой, когда услышал это. С недалекой опушки доносились голоса. Три голоса: два мужских – грубых, сладострастно взлаивающих. И женский, отчаянный, надтреснуто-безнадежный. Похоже было, что трое на опушке жестоко бранились, а то и дрались… Эвин услышал эту перебранку издалека. Уж очень она резко дисгармонировала с обычными лесными ладными перепевами, которые он приноровился понимать так же ясно, как людскую речь.

Уже второй год Эвин жил в лесу с Дедушкой. Он не просто сдружился со стариком, он практически сроднился с ним. И, конечно, многому от него научился. Несмотря на малый возраст (ему шел уже девятый год), он мог сутками бродить один по Дедушкиному лесу, ничего не боясь и ни в чем не испытывая неудобств.

А старик все реже и реже составлял ему компанию. Какая-то хворь точила Дедушку последние полгода: он почти ничего не ел, только пил воду, мало и неохотно говорил… А то вдруг случались с ним странные припадки: он вдруг застывал на одном месте, раскинув руки ладонями вверх, подняв застывшие глаза к небу – и стоял так сутки, а то и больше. Неподвижный и безмолвный, он очень походил на сухое древнее дерево с двумя сохранившимися ветвями, и на голову ему, в косматую неизменную шапку, садились птицы, как в гнездо.

В общем, скверное что-то творилось со стариком. Эвин, конечно, спрашивал: что, мол, такое? Как называется эта болезнь? Какое лекарство от нее есть?

– Какое лекарство может быть от старости? – пожимал плечами отошедший от очередного припадка Дедушка. – Разве что только смерть…

– А ты… очень старый? – спрашивал Эвин, пытаясь детским своим умом постигнуть истинный смысл этих далеких слов «старость», «смерть».

– Очень.

– Сколько тебе лет, сто?

– Больше, – не задумываясь, отвечал Дедушка.

– Полтораста?

– Больше…

– Ну сколько же? – недоумевал Эвин по поводу, как это так – не знать, сколько тебе лет. – Двести?

– Не помню, юный господин. Как раз после двухсот я считать

перестал. Надоело.

– А разве люди по столько лет живут?

– Нет, не живут.

– Так ты, что же, получается, не человек?

– А ты, юный господин, кого перед собой видишь? Белку? Жука-светляка? Или головастика озерного?

– Не… Тебя. Человека.

– Ну, значит, я и есть тот, кого во мне видят – человек.

– Но ведь люди по полтораста лет не живут?

– Знамо дело, не живут.

– То есть выходит, ты все-таки не человек?

– Выходит, что не человек…

– Да кто же тогда?

– А кого ты перед собой видишь, юный господин?

– Тьфу ты, опять снова-здорово! Я вижу… Постой… А сам себя ты кем видишь?

– А вот это ты в точку спросил. Только дело в том, юный господин, что такое сплошь и рядом бывает: мы себя видим одними, а окружающие – совсем другими. Оттого и не понимаем друг друга…

Серьезно Дедушка говорил в тот момент или намеренно запутывал, Эвин тогда так и не смог понять. Но он четко знал одно: старик никогда зря языком не треплет. Даже если и скажет какую-нибудь очевидную нелепицу, все равно спустя какое-то время становится понятно, что он имел в виду.

Эти последние полгода Эвин с грустью вспоминал дни, когда старик был в силе, часто смеялся, беспрестанно рассказывал, объяснял и обучал, раскрывая мир перед ним, как освобождают цветок от лепестков до самой сокровенной сердцевины… И нередко мальчику казалось, что его настоящая жизнь – вот она, здесь, она только началась в Дедушкином лесу, а то, что было раньше – было словно как и не по правде, было только подготовкой к настоящей жизни.

…Как и было условлено, через два месяца в лесу они снова встретились с Симом на том самом хуторе, где Эвин провел свою последнюю ночевку под деревянной крышей, на кровати с соломенным матрасом. Сим за время разлуки заметно отъелся, залоснился (все-таки дядюшка Альва на лечение племянника выделил хорошие деньги). И сидел парень теперь за столом не на гостевом месте, а на семейном, рядом с дочкой хозяина хутора.

Сим откровенно расстроился, что вольготное бездельное времяпрепровождение закончилось и нужно возвращаться в Утреннюю Звезду. Но Эвин его успокоил, сообщив, что Красного леса покидать не собирается. Сошлись на том, что пошлют

дядюшке Альве весточку: мол, Эвин Сторм просит позволения задержаться, потому что не вполне еще оправился от душевной хандры. Так и сделали. Ответ пришел через пять дней: дядюшка милостиво разрешил Эвину оставаться в лесу столько, сколько понадобится для полного выздоровления. Мальчику было, конечно, неловко обманывать дядюшку, но он успешно убедил себя, что еще немного подышать воздухом леса краснодубов не помешает. Пусть он сейчас отлично себя чувствует, а если недуг вернется?..

– Смотрите, ваше сиятельство!.. – шутливо погрозил ему пальцем на прощание повеселевший Сим (дядя передал с посыльным еще один кошель с монетами). – Не одичайте там, в глуши-то…

…Конечно, даже и речи не могло быть о том, чтобы Эвин «одичал», как выразился Сим! Помимо всего прочего, старик обучал мальчика грамоте, счету, а с особенным увлечением и энтузиазмом – истории. Некоторые события из прошлого Империи, Арвендейла, Крадрекрама, Эллосиила он подавал с такими подробностями, что можно было подумать, будто он сам был свидетелем этим событиям. А вот о своем собственном прошлом старик почему-то не рассказывал никогда и ничего… «Это неинтересно даже мне самому, – говорил он в ответ на приставания Эвина. – Значит, тем более не будет интересно кому-нибудь еще…» Учил он мальчика понемногу еще и магии, магии целительства, поскольку никакой другой не владел. Кроме того, мальчик со стариком время от времени покидали лес, навещая окрестные поселения, – к старику то и дело посылали с просьбами помочь захворавшему крестьянину или занемогшей скотине. Местные жители быстро привыкли к тому, что теперь Дедушку сопровождает Эвин, а неместные пучили глаза, когда малолетнему мальчонке с нечесаными отросшими белобрысыми волосами, в волчьей куртке, с самодельным луком за спиной деревенские мужики и бабы кланялись в ноги и называли «ваше сиятельство». А Дедушка всякий раз, когда им за пределами леса встречался незнакомец, торжественно объявлял имя Эвина, его дворянский титул и род, к которому он принадлежит. И следил за тем, чтобы и незнакомец, и сам мальчик вели себя при встрече подобающим образом.

«Никогда не следует забывать о том, кто ты есть, – говорил он мальчику. И нередко добавлял, как бы не для него, а для себя. – Если тебе посчастливилось быть хоть кем-то…»

С опушки доносились голоса. Мужские – будто хриплыми хищными ястребами метались вокруг жалобного женского, терзали и рвали его на отдельные отрывистые вскрики. Мужские

голоса были незнакомы, а женский Эвин узнал сразу…

Мальчик быстро и неслышно скользнул под кустарник, густо сковывавший пространство между редкими на краю леса деревьями.

То, что увидел Эвин, заставило жарко вспыхнуть его лицо.

Двое лохматых, бородатых оборванцев – один жилистый, верткий с узкими злыми глазами, другой костлявый, долговязый с каким-то несуразно плоским лицом, на котором чужеродным наростом смотрелась бесформенная шишка носа, – валяли по траве истрепанную женщину, Мэйди, жену кузнеца из близлежащей деревни; пинали, рявкали, драли волосы, явно наслаждаясь ее беспомощностью и страхом. Не спешили переходить к, собственно, делу… А к какому именно делу, какая участь была уготована несчастной – насчет этого Эвин, несмотря на свое малолетство, не сомневался. Он много всяких-разных разговоров наслушался по деревням… Да и Дедушка не смущался откровенно отвечать на те вопросы, которые иногда осмеливался задавать ему мальчик.

Эвин инстинктивно потянулся за луком. И только теперь понял, что забыл свое оружие впопыхах там, где застали его крики с опушки. Нож? И нож, которым мальчик подравнивал новую тетиву, остался торчать из земли рядом с луком. Только колчан со стрелами болтался у мальчика за спиной – и больше никакого оружия при нем не было.

– Дедушка! – мысленно простонал Эвин.

Да что дедушка? Старик далеко в лесной чаще, до него отсюда ходу – несколько часов. Кричи не кричи – он не услышит…

– Кричи-кричи! – отозвался эхом его мыслей один из оборванцев, обращаясь, конечно, не к мальчику, которого не мог видеть, а к испускавшей истошные полувизги-полурыдания Мэйди. – Никто тебя тут не услышит…

Эвин вытащил из колчана стрелу. Все-таки какое-никакое, а оружие.

А носатый бродяга тем временем поднял женщину с земли, заломив ей руки за спину.

– А ну-ка, ну-ка, покажи, чем богата! – с хлюпаньем втянул слюну жилистый, прыгнул к Мэйди вплотную и рванул на ней сорочку.

С треском разошлась ткань, крупные розовые груди колыхнулись в прорехе, и злые глаза жилистого сузились еще сильнее.

Эвин Сторм, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов, понял, что медлить больше нельзя.

Он шагнул вперед, громким воплем отвлекая на себя оборванцев.

– О, – удивился безо всякого страха жилистый. – Это что еще за волчонок?

– Гы!.. – нелепо распялил в бороде мокрый рот носатый. – Мальчонка…

Жутковатая ласковость звучала в его голосе.

Мэйди узнала Эвина.

– Ваше сиятельство! – завопила она. – Спасите, ваше сиятельство!..

– Сиятельство? – еще больше удивился жилистый. – Ты что, милая, совсем умом тронулась?

Носатый швырнул Мэйди на землю.

– Ну тебя, толстомясая! Я с сиятельством потолкую… Мальчонка, брось свою палочку… У меня для тебя другая есть…

Вытянув руки, он пошел на Эвина. Мальчик прыгнул влево и тут же вправо, вынуждая оборванца остановиться, чтобы определиться с направлением – и внезапно скакнул на него, вытянув перед собой руку с крепко зажатой в ней стрелой.

Стальной отточенный наконечник клюнул носатого в живот. Бродяга ойкнул и с изумлением уставился на красное пятнышко на своей изодранной рубахе. Словно не веря, что этакий малец сумел достать его.

– Ах ты, мелкий… – поразился он, сунулся было опять к мальчику и снова получил весьма ощутимый укол – на этот раз в бедро.

– Ну, сучонок… – взвизгнул носатый, попытавшись выхватить у Эвина стрелу, но через секунду отскочил, сжимая левой рукой изрядно оцарапанную правую.

– Отойди, дурак! – гаркнул на него жилистый. – Пока из тебя решето не сделали! – и поднял из травы увесистую дубинку.

И пошел на Эвина, размеренно и неторопливо пошел, зорко и настороженно следя за его движениями, как бы сознавая в нем серьезного противника.

– Бегите, ваше сиятельство! – крикнула с земли Мэйди, точно это не она умоляла только что о помощи. – Бегите в лес!

Жилистый бродяга, проходя мимо, не глядя пнул ее ногой в живот, и женщина задохнулась в хрипе.

Мальчик растерялся. Попятился назад. Боковым зрением он углядел злорадно ощерившегося носатого и отпрыгнул от него в сторону, чтобы иметь возможность следить за обоими врагами.

Что делать дальше, он не знал. Бежать в лес, как советовала Мэйди? Он, безусловно, сумеет там спрятаться, но что тогда эти ублюдки сделают с женщиной?

И тут что-то заставило Эвина оглянуться. Он понимал, что этого делать ну никак нельзя, но удержаться не смог.

За его спиной куст, росший на границе леса и поля, заколыхался, вытянувшись и сузившись до приблизительных очертаний человеческого тела. Округлилась сверху голова, два листа на ней потемнели провалами глаз, искривился разрез рта – и через мгновение от куста отделилась вполне живая фигура.

– Дедушка! – изумленно хрипнула с земли Мэйди.

Оборванцы опешили, разинув рты. Остановились.

Старик, поправив всегдашнюю свою шапку, спокойно шагнул к Эвину, отнял у него стрелу, а самого мальчика пихнул себе за спину.

– Ты еще откуда взялся, хрыч? – заревел жилистый, бросаясь на Дедушку.

Тот, не шелохнувшись, подпустил его почти вплотную и уклонившись чуть вбок, коротко и точно ткнул стрелой в глаз. Жилистый выронил дубину, которой уже начал замахиваться, взвыл и заплясал на месте. Между пальцами его, пришлепнувшими уязвленную глазницу, брызнула кровь. Не сходя с места, Дедушка снова махнул стрелой. Носатый с криком прянул назад, упал, взбрыкнув ногами… Впрочем, по-прежнему называть его носатым было бы уже неправильно. Несуразная шишка его носа, кувыркаясь и фонтанируя кровью, отлетела в траву.

Все это заняло не больше одной секунды.

– Как ты здесь оказался? – ахнул Эвин.

– Услышал тебя и пришел, – ответил Дедушка. Голос его звучал глухо, болезненно. Он щурился на ярком солнце. Эвин прямо-таки физически почувствовал, как старика тянет обратно в пряную лесную прохладу.

Мэйди поспешно поднялась, с ненавистью лягнула все еще приплясывавшего с воем жилистого оборванца и со всех ног кинулась в сторону деревни.

– Я и не думал, что ты умеешь так сражаться! – восхищенно воскликнул Эвин, когда они вернулись в лес. – Почему ты никогда не учил меня этому?

– Разве не учил? – неслышно шагая между деревьями, Дедушка постепенно становился таким, как раньше, все заметнее оживал. Может, короткая схватка разогнала его кровь, пригасила – хотя бы на время – неизлечимую болезнь. – Разве не учил? Я ведь второй год твержу тебе: в мире нет мелочей. Когда научишься по малому определять большое, тогда тебе любое мастерство станет под силу – воинское в том числе. Человек не способен произвести и крохотного движения без подготовки, он

обязательно так или иначе сгруппирует тело перед тем, как что-либо сделать – будь он даже самым что ни на есть опытным бойцом. Сгруппирует тело и тем самым известит тебя о том, что намерен предпринять. А у менее опытных намерения можно легко прочитать по выражению лица, по движению глаз – куда и каким образом он собирается бить… А если знаешь следующий шаг противника, то вовсе не трудно этот шаг предупредить…

– Но все равно! Мы никогда не упражнялись именно в воинском искусстве! Научишь меня, а? Научишь?

– Вряд ли я успею, – безо всякого сожаления и безо всякой горечи констатировал старик. – Мне ведь совсем немного осталось.

Мальчик осекся.

– Все-таки они слишком легко отделались, эти ублюдки, – проворчал он. – Надо было их порешить прямо там. Они… они такое чуть не сотворили! С Мэйди… И со мной… – тише добавил он. – Зачем таким злодеям жить? Ты их пощадил, а они скоро, не ровен час, опять поймают кого-нибудь!..

– Они всего лишь люди, – ответил Дедушка. – А среди людей нет ни настоящих злодеев, ни настоящих праведников. Любой человеческий поступок в большей степени определяется обстоятельствами. Поэтому вчерашний злодей назавтра вполне может совершить доброе деяние. А вчерашний праведник вдруг соблазнится на зло. Люди…

– Как это? – не понял Эвин, которому показалось, что старик говорит о человеческом роде как-то отстраненно, будто сам к нему и не принадлежит.

– Ну смотри… Высокие и Могучие – истинно Светлые расы, близкие к природе, которая естественно созидательна. Темные расы – орки, тролли и прочие – представляют разрушительное начало. А посередине Светлых и Темных – люди, в которых может сочетаться и то, и другое; у людей есть право выбора, в какую сторону склониться. И этим они подобны богам. Теперь понял?

– Не очень, – искренне ответил мальчик.

– Тогда постарайся запомнить. А поймешь позже, когда поумнеешь…

Эвин хотел было попросить, чтобы старик объяснил ему еще раз, как-нибудь попроще, но вдруг ахнул и остановился. Ему только сейчас пришло в голову то, что должно было прийти в первую очередь.

– Ты ведь говорил, что не знаешь никакой магии, кроме магии целительства? А сам… Услышал мои мысли за много-много шагов! И сумел перенестись ко мне мгновенно! Вот бы мне так уметь! Представить только: захотел я – и р-раз! Уже в

Утренней Звезде. Захотел – и р-раз! Опять в Красном лесу.

– Ну вряд ли, – улыбнулся Дедушка. – Это работает только в пределах леса.

– А почему ты раньше ничего подобного не показывал?

– Не было в том нужды, вот и не показывал.

– И то неплохо, что в пределах леса! – не утратил воодушевления мальчик. – Можно за секунду от одной опушки до другой скакать! Захотел – и р-раз!.. Научишь, а?

– Нет… – покачал своей шапкой старик. – Не получится. Этой магии невозможно научить. Это врожденный магический талант. Я родился с ним.

– Я урожденный дворянин! – обиженно воскликнул Эвин. – У каждого дворянина есть талант к магии!

– Ну, допустим, это не совсем так. Талант к магии определяется чистотой крови, верно? А что такое чистая кровь?

На это мальчик не знал ответа.

– Истинно чистая кровь – понятия времен Прародителей. А с тех пор много воды утекло… И крови. Многое перемешалось. Разве не бывает такого, что у отпрыска славного и древнего рода совсем нет способностей к магии?

– Бывает, да…

– Разве редко встретишь магический талант у простолюдина?

– Не редко… Но и не так, чтобы уж часто!

– Вот тебе и весь сказ. Но – возвращаясь к твоей просьбе – боюсь, ты все-таки меня не вполне правильно понял… Этот мой магический талант не из тех, что даруется человеческой расе.

– Как это? – когда смысл сказанного дошел до Эвина, мальчик так удивился, что застыл на месте.

И Дедушка тоже остановился. Было видно по его лицу, что он колеблется. Впрочем, колебался он недолго. Через несколько секунд глаза его устало моргнули, а рот покривился в невеселой усмешке.

– Все равно уж… – выговорил он. – Недолго осталось… Видишь ли, юный господин, я – не человек. Вернее, не совсем человек. Наполовину человек.

– А наполовину… – прошептал Эвин, – кто?

И тут случилось то, чего не случалось никогда за все то время, пока они были знакомы. Дедушка снял свою шапку. А под шапкой обнаружилась белая, давно не видавшая солнца плешь. И ту плешь окружал венчик нежно-зеленых волос. И торчали из этого венчика удлиненные уши с заостренными кончиками.

– Эльф… – выдохнул Эвин.

– Эльф-полукровка, – уточнил Дедушка. И многолетняя затаенная горечь плеснула-пролилась из этих слов. – Ты знаешь,

что это значит? Не человек и не эльф. Никто. Ты знаешь, кто такой – никто, юный господин? Никто – тот, у кого нет своего места. Тот, кого никогда не примут ни те, ни другие. Тот, кто всегда и для всех будет чужаком.

– А как найти свое место? – спросил мальчик.

– Ты сразу поймешь, когда найдешь его. Если гордишься тем, что делаешь, если совесть твоя спокойна, если понимаешь, что твои усилия не напрасны и жизнь твоя не зря, только по-настоящему понимаешь, а не успокаиваешь себя, – значит, ты на своем месте.

Эвин очнулся от дремоты еще до того, как открылась дверь в его комнату… в его бывшую то есть комнату – в коридоре зашелестели мелкие и легкие шаги. Когда открылась дверь, качнув сквозняком непрозрачный полог балдахина, сна у него уже не было ни в одном глазу.

Юноша инстинктивно нащупал ладонью рукоять лежащего рядом меча, с которым – по традиции Полуночных Егерей – не принято было расставаться ни при каких обстоятельствах; как и с полудюжиной магических амулетов, традиционно укрепляемых шнурками на левом запястье. Впрочем, юноша уже понял, опасность ему не грозит. Шаги не были крадущимися, а через секунду по комнате заплясал, то удаляясь, то приближаясь, воркующий голосок: пришелец… точнее, пришелица – беспечно напевала какую-то песенку. Даже пританцовывая при этом, о чем можно было судить по характерной ритмичной поступи. Эвин осторожно потянул ноздрями… Аромат благовоний, тот самый аромат, который пропитывал все вокруг, стал сильнее и как-то… свежее – и заметно примешивался к нему теперь запах женского тела. Звонко цвиркнуло огниво, раз, другой – за пологом балдахина засветилось расплывчато теплое пятно зажженного светильника… В общем, сомнений не было: новая хозяйка явилась в свои покои.

Эвин озадаченно молчал, не шевелился, спрятанный пологом балдахина, не зная, что ему делать. Хладнокровный, неустрашимый, умелый в бою и с чудовищем, и с лихим человеком, он не имел ни малейшего понятия, как правильно вести себя с представительницей противоположного пола. Так уж складывалась его жизнь, что тесно общаться ему приходилось преимущественно с мужчинами: сначала Красный лес, затем казармы Полуночных Егерей, потом ближние пределы Тухлой Топи и, наконец, глухие закоулки графства Утренней Звезды, где чаще всего обнаруживались подлежащие уничтожению Темные твари… Нет, конечно, ему случалось разговаривать с женщинами и девушками, он даже – ловя на себе заинтересованный взгляд

какой-нибудь деревенской прелестницы – догадывался о том, что привлекателен для них, но никогда дело не заходило дальше мимолетного разговора. Его не-искушенность в этой стороне жизни стала одной из тем для шуток среди братьев-Егерей. Даже командор Крэйг иногда высказывался, поглаживая пышную свою бороду: «Мой отец еще говаривал: во всем надо и толк знать, и меру… За каждой юбкой бегать – недостойно и неразумно, ибо чем больше похоть свою чешешь, тем сильнее она зудит. Но и совсем-то без женщин обходиться тоже нельзя, неправильно это. Человеку плодиться и размножаться завещано. У него, например, у отца-то моего, к твоему возрасту уже двое сыновей было… Разве мало веселых домов в округе? Сходил бы, ничего тут постыдного нет…»

В этот момент обыкновенно инициативу подхватывал или Мюр, или Манго, или Гаг:

– А ежели нормальных баб пока боишься, вона – телушка молодая пасется, пошли, я тебя поучу, что куда пихать… А ты потренируешься!

– Пусть лучше на зазнобе твоей потренируется… как ее?.. которую ты в прошлый раз в стогу мял. У нее вымя-то побольше, чем у этой телушки. Я бы и сам, честно сказать, с такой потренировался!

– Да не, братья, ничего вы не понимаете! Нашему сиятельству-то: что деревенская баба, что шлюха из веселого дома, что корова – все одно. Не под стать виконту немытое вымя тискать. Ему, видно, благородную леди подавай!

– Ну-ка, придержали языки, жеребцы! – всегда обрывал развеселившихся Егерей командор. – А то враз укорочу их сейчас. А ты, Эвин, этих дураков не слушай. А, правда, как-нибудь навести веселый дом. Только не забывай: перед серьезной битвой надобно воздерживаться от любовных утех, чтобы мана, необходимая для боевых заклинаний, попусту не тратилась…

Воркующее пение стало приближаться, но не прямо, а словно скользя кругами – новая хозяйка покоев Эвина явно пребывала в чудеснейшем расположении духа, раз не могла двигаться иначе, чем в танце. За пару шагов до кровати женщина остановилась. Пение наконец смолкло, сменившись неторопливым шорохом снимаемой одежды. «Она ведь готовится ко сну!» – запоздало догадался юноша.

Положение его было отчаянным. Следовало сразу дать о себе знать, как только она вошла в комнату. А теперь даже представить страшно, какой визг поднимет эта особа, обнаружив в своей постели совершенно постороннего ей мужчину, притом в запыленной и порядочно истрепанной одежде, в кожаном ратном

нагруднике да еще и с мечом в руках. И что она вообще здесь делает? Дядюшка Альва же ясно сказал: Эвин может оставаться в своих покоях столько, сколько ему заблагорассудится…

Полог балдахина распахнулся. И перед юношей предстала девица, конечно, абсолютно голая, молодая, пухлая, розовая; из-за крутого зада и сильно выдающихся вперед остроконечных грудей удивительно напоминающая голубицу.

– Не бойтесь!.. – выпалил Эвин, заранее жмурясь в предвкушении пронзительнейшего вопля.

Но вопля не последовало.

– Ой… – очень ненатурально поразилась девица. – Какая неожиданность! Кто вы, милорд?

Эвин поднялся и сел, неловко подтянув колени к груди. Вряд ли в такой одежде с первого взгляда в нем можно было опознать «милорда». К тому же никакого удивления, а тем более страха, в круглых и темных, как черешни, глазах девицы юноше разглядеть не удалось. Она явно прекрасно знала, кто он такой; более того, с самого начала прекрасно знала и о том, что застанет его здесь.

– Леди?.. – вопросительно начал Эвин.

– Леди Гризель, милорд, – не делая никаких попыток прикрыться, жеманно сообщила девица. – Я фрейлина виконтессы Сенги, – доложилась она, без тени смущения усаживаясь на край кровати и поправляя волосы, словно перед ней был не мужчина, а зеркало. – Ее сиятельство была так добра, что разрешила мне занять эту комнату…

– Ее сиятельство разве не знает, кому принадлежит эта комната? – спросил юноша, изо всех сил стараясь не смотреть на обнаженные груди, покачивающиеся прямо перед его глазами.

– Конечно, знает, милорд! Все знают, милорд… Но вы ведь не появлялись здесь уже почти три месяца, поэтому ее сиятельство, видно, и решила, что вы намерены сменить апартаменты, милорд.

«Врет, – уверенно определил Эвин. – Узнаю свою милую сестрицу Сенгу… Когда-то подкладывала мне лягушку в чашу с водой, теперь вот девку в постель. С одной лишь целью – выставить на посмешище… Не любит она нас, сыновей Адама Сторма. Да и есть за что. Не забыла еще те прилюдные оплеухи накануне Кровавой Субботы…»

– Не судите строго ее сиятельство, милорд, – тараторила тем временем леди Гризель, пододвигаясь к юноше все ближе. – У нее столько забот, столько забот! Ведь завтра такой важный день для всех нас!

– А вы и не знали, что ваша комната… то есть еще моя комната – сегодня занята?

Но леди Гризель вместо ответа прыснула звонким смехом,

прикрыв ладошкой пухлые губы:

– Какая я глупая! – отсмеявшись, проговорила она. – Я от неожиданности совсем забыла, в каком виде перед вами, милорд… Простите меня, милорд, я ведь не обидела вас ничем?.. – фрейлина забралась в постель уже с ногами, приблизилась к юноше вплотную, прижавшись пухлой грудью к его коленям, понизила голос до интимного шепота. – Знаете, милорд, при дворе есть такие… нехорошие люди… Которые болтают про вас всякие гадости… Мол, вы совсем не интересуетесь девушками, предпочитая им общество себе подобных… А я не верю! Никогда не верила! На вас как только посмотришь – никаких сомнений нет: настоящий мужчина!

– Д-да… – выговорил Эвин, чувствуя через одежду волнующее живое тепло. Все возможные вопросы вылетели из его головы, и чтобы хоть немного прийти в себя, он попытался отвести взгляд в сторону, но оказалось, что и это невозможно – черешневые глаза леди Гризель не отпускали его.

– Настоящего мужчину сразу видно! – продолжала ворковать фрейлина, и руки ее, как две ласкающиеся змеи, поползли по его бедрам. – А правду говорят, милорд Эвин, что сэр Альва – после того как вы откажетесь от престола Утренней Звезды – дарует вам любой замок графства, какой вы только пожелаете?

– Правда…

Тут леди Гризель внезапно отстранилась. Юноша получил возможность вздохнуть свободнее, но фрейлина и не думала отпускать его. Она деловито принялась стаскивать с него сапоги, и снова Эвин не нашел в себе решимости сопротивляться.

– Каждому замку нужна хозяйка, – ловко управившись с сапогами, фрейлина взялась за штаны. – Я, милорд, вовсе не претендую на ее место, но… Как это расстегивается? Ага, вот… Но ведь настоящий мужчина никогда не удовлетворится одной женщиной. Настоящий мужчина – если он, конечно, настоящий – должен иметь столько женщин, сколько может себе позволить… Вы ведь не забудете про леди Гризель, милорд, когда придет время?

«Да что же это такое? – изумился своей беспомощности Эвин. – Какая-то магия… Представляю, как завтра будет потешаться весь двор: мол, вперся сдуру к первой попавшейся фрейлине, занял ее постель, будто свою…»

– Поднимите руки, милорд! – ожег его лицо влажный шепот леди Гризель. – Где завязки у вашего панциря?.. Все, нашла…

«А, с другой стороны, если я сейчас сбегу, потешаться будут стократно…»

Эта мысль мгновенно овладела им, заслонив все остальные.

Эвин будто рухнул в жаркий розовый туман, в котором не было видно ничего, кроме сумасшедше будоражащих округлостей женского тела.

– Ой! – довольно пискнула фрейлина, когда юноша, больше уже не сдерживаемый ничем, неумело, но сильно стиснул ее плечи. – Какой вы страстный, милорд! Я так и знала – настоящий мужчина!..

Эвин отвел в сторону полог балдахина, взглянул в окно. Вспученное брюхо ночи протискивалось в комнату, и на нем, как золотые пуговицы на темно-синем кафтане, поблескивали крупные звезды. До третьей стражи оставалось совсем немного – определил юноша.

Он соскользнул с постели, поднял с пола свою одежду.

Леди Гризель сонно заворочалась, высунула из-под одеяла встрепанную голову:

– Куда вы, милорд Эвин?

– Спите, леди…

– Леди Гризель, – отчетливо проговорила девица. – Вы ведь не из тех, кто забывает имя девушки, проведя с нею ночь?

– Еще не знаю, – хотел было признаться юноша, но вслух произнес. – Вероятно, нет…

– Мне остается робко надеяться, что вы отыщете меня, когда вам понадобится… та, что будет скрашивать вам жизнь в вашем новом замке, – на одном дыхании выпалила леди Гризель, для подкрепления своих слов полностью откинув одеяло.

– Я… буду иметь это в виду, – пробормотал Эвин, торопясь одеться.

Но девица явно была не намерена отпустить его так просто. Перевернувшись, она ловко схватила юношу за руку и потянула обратно в постель. Неохотно подчинившись, Эвин уселся на край кровати с натянутыми до колен штанами.

– Почему вы так торопитесь? – проворковала Гризель, обвивая юношу руками. – До утра еще далеко. А мы не сомкнули глаз ни на минуту. Вам нужно отдохнуть… Ой, да вы ранены! Как я раньше не заметила!

– Просто царапина…

– Ничего себе царапина! Это… коготь оборотня, да?

Она осторожно провела пальцем вдоль начавшего уже подживать пореза.

– Он ведь не заразил вас?

– Конечно, нет. Тем более что это вовсе не оборотень…

Эвин, мягко высвободившись, хотел было подняться, но вдруг замер. Ему внезапно пришло в голову, что леди Гризель прочертила по его спине линию, параллельную длинному порезу

– именно в том направлении, в каком был нанесен удар. Слева направо.

– Слева направо… – вслух проговорил он.

– Что, милорд?

Эвин встал.

– Почему бы вам не остаться со мной еще пару часов?.. – затянула свою песню бестолковая девица, опять пустив в ход свои жаркие руки-змеи. – Знаете, любовь залечивает любые раны, и мы могли бы…

– Прошу простить, леди, мне уже пора.

– Леди Гризель!

– Мне нужно идти, леди Гризель, – закончил Эвин и быстро натянул штаны.

Спустя пару минут, после того как он покинул комнату, по коридорам замка покатились короткие приглушенные выкрики:

– Смена караула!.. Смена караула!..

Заступала третья стража.

Через несколько шагов юноша остановился – за поворотом кто-то был, и этот кто-то явно не хотел, чтобы его заметили: он не издавал ни малейшего звука, даже дышал неслышно. Единственное, что выдавало его, – это запах металла, пота и выделанной бычьей кожи. Да еще верескового масла. Впрочем, вряд ли обычный человек смог бы выделить эти запахи в букете витавших вокруг обычных для замковых коридоров ароматов: камня, пыли и факельной гари. Эвин кивнул сам себе и скользнул за поворот.

Командор Крэйг вздрогнул и отпрянул назад, когда юноша возник прямо перед ним. На груди Крэйга блеснул маленький, с монету, кругляшок амулета, разрешающего пересечь барьер графских покоев.

– Фу ты! – разглядев Эвина, выдохнул Крэйг. – Ходишь тихо, а перед собой не смотришь! Прямо на меня выскочил! А если б то не я был, а кто-то другой? Убийца, тебя подстерегающий, например?

– Вряд ли, кроме тебя, кто-то еще во всем Арвендейле смазывает бороду вересковым маслом, – ответил юноша.

Крэйг недоверчиво понюхал свою бороду.

– Почти и не пахнет, – сообщил он. – Разве что совсем чуть-чуть. Потому и пользуюсь вересковым, а не сандаловым или розовым, как все… Хотя, это ж надо учуять! Да еще на расстоянии…

– Когда долго живешь в лесу, поневоле привыкаешь прислушиваться, приглядываться и принюхиваться ко всему. Нет мелочей в мире вокруг…

Крэйг вдруг усмехнулся и с шумом потянул ноздрями воздух, наклонившись к Эвину:

– Ха, а я тоже кое-что учуял! С какой-то цыпочкой развлекался, да? То-то бабскими благовониями от тебя несет! Ну, с почином на новом поприще, брат-Егерь Эвин.

– Благодарю, – буркнул юноша. – Послушай, я хотел спросить тебя… – начал было он. Но не стал продолжать. Словно внезапно возникшая мысль остановила его, не дала говорить дальше.

– Что?

– Ничего. Не важно.

– Ладно, – командор снял с плеча и развернул пару темных плащей с глубокими капюшонами. – Держи! Надевай и пошли. Нелегко будет незамеченными просочиться через двор. Хоть уже и третья стража сменилась, а народишко то и дело шлындает; то прислуга, то придворные. Готовится Утренняя Звезда к большому празднику.

Они уже добрались до Галереи Славы, когда за окнами, выходящими во двор, заметались огненные отблески, загомонили голоса, загудели трубы. Прислушавшись, Крэйг с удивлением определил причину переполоха:

– Его светлость герцог Арвендейла сэр Руэри пожаловал! Ну теперь в этом тарараме не составит труда уйти!

Эвин хмыкнул. Вот почему дядюшка рекомендовал ему покинуть замок не раньше третьей стражи! Видно, рассчитал, что именно к этому времени поспеет в Утреннюю Звезду герцог.

– Хотите еще вина? – учтиво осведомился мастер Аксель. – Или мяса?

– Извольте, – с готовностью согласился Фарфат.

– Вина или мяса?

– И того, и другого. Э-э… если это вас не затруднит, конечно, – спохватился Фарфат.

– О, что вы! Нисколько!

Мастер Аксель поднял руку, прищелкнул пальцами, и его гость невольно огляделся по сторонам, ожидая, что вот сейчас откуда-нибудь выскочит слуга с кувшином и тарелкой. Но никто не выскочил. Да и – кстати сказать – откуда бы этому слуге появиться? Просторная комната, в которой ничего не было, кроме стола и пары стульев, имела только три окна, закрытых плотными ставнями, и одну дверь; ту самую, через которую Фарфат вошел сюда с окраинной улочки Предместья замка Утренняя Звезда.

– Прошу вас, – проговорил мастер Аксель.

Фарфат повернулся снова к столу и вздрогнул, увидев, что кубок его опять полон вином, а на тарелке (с которой куда-то исчезли обглоданные им кости) исходит теплым парком новая

порция вареной говядины.

– Благодарствуйте… – пробормотал Фарфат.

Он осторожно отпил вина из кубка. Вино как вино. Такое же, как и то, что он допил минуту назад. Он потрогал вилкой мясо. И мясо вроде настоящее.

– Вижу, вам нечасто приходилось иметь дело с магами? – с улыбкой осведомился мастер Аксель.

– Признаюсь… да, – ответил Фарфат.

– Это заметно. Пожалуйста, не смущайтесь и ничего не бойтесь. Тому, кто пришел ко мне с миром, ничего не угрожает.

Легко сказать, не смущайтесь! Фарфату и впрямь раньше редко выпадало общаться с настоящими магами; то есть с теми, кто посвятил свою жизнь изучению этого искусства, а не с теми, кто знает несколько несложных фокусов. И вынес он из этого своего скудного опыта общения лишь одно: услуги магов стоят дорого. Очень дорого. И не только в плане финансов. Надо еще сколько нервов потратить, надо еще сколько покланяться и поюлить, чтобы получить, что причитается за изрядную плату, потому как эти умники вечно строят из себя невесть кого, подчеркивая свое превосходство над простыми смертными. Чуть что не так, сразу принимаются гневаться – мол, даже и не думай, жалкий червь, быть чем-то недовольным! Хочешь в лягушку обратиться? Нет? Плати, помалкивай и будь благодарен! Если заквакать не хочешь…

В случае же с мастером Акселем дело обернулось довольно неожиданно.

Начать с того, что аудиенцию у одного из самых сильных магов Арвендейла, известного затворника, удалось получить безо всякого труда. Более того, кабатчик из «Уснувшего льва», с недоумением почесывая затылок, сообщил, что мастер Аксель сам изъявил желание как можно скорее встретиться с господином Фарфатом, лишь только узнал, о чем именно пойдет разговор. Дальше – больше. Слуга кабатчика провел Фарфата по закоулкам Предместья к высоченной башне черного камня, замшелой понизу, зубчатой поверху, страшной. Молча указал на низкую массивную дверь, поклонился и был таков. Фарфат постучал в дверь и, не получив никакого ответа, толкнул ее. Она легко отворилась. Сырая темень клубилась за ее порогом. Господин Фарфат тоскливо вздохнул, предвкушая изнурительно долгий подъем по крутым извивам лестницы, где наверняка мечутся летучие мыши, угрюмо таятся в щелях камней пауки и черт его знает еще какая гадость… Вздохнул и перешагнул порог.

И вдруг все изменилось. Темень растворилась в неярком и теплом свете, а вместо лестницы с летучими мышами и пауками

ему открылась обыкновенная комната обыкновенного городского дома – вот эта самая комната, в которой он сейчас находился, и где никакого хода наверх не наличествовало, будто вся высоченная башня, кроме первого этажа, была нелепой бутафорией. И в этой комнате за столом сидел приятный, чисто и со вкусом одетый мужчина со светлыми, аккуратно зачесанными назад волосами, тщательно выбритым доброжелательным лицом. Никакой тебе черной бесформенной хламиды, всклокоченных косм и горящих на бледном лице сумрачных глаз, ничего такого… А на столе, между прочим, помещались две серебряные тарелки и два серебряных же кубка. В тарелках было мясо, а в кубках вино.

– Я хотел бы увидеть мастера Акселя… – робко сообщил господин Фарфат.

– К вашим услугам, – сказал мужчина.

– Меня привело к вам важное дело… – начал было Фарфат, но мужчина мягко прервал его:

– Суть вашего дела мне уже известна. А вот мы с вами – незнакомы. Посему предлагаю отужинать, за добрым вином и горячим мясом люди скорее находят общий язык…

Когда господин Фарфат вторично опорожнил тарелку и кубок, мастер Аксель, с улыбкой наблюдавший за ним, проговорил:

– Приятно видеть человека с хорошим аппетитом. У вас, вероятно, столько дел, что вам и поесть недосуг?

Фарфат хотел было согласиться, но вовремя сообразил, что врать магу, тем более такому магу – даже и в мелочах – не стоит. Он конфузливо прокашлялся в пухлый кулачок и сообщил:

– Я, видите ли, мастер Аксель, придерживаюсь принципа разумной экономии. У всего есть своя цена, и тот, кто способен точнее ее угадать, остается в барыше. Но большинство людей всегда переплачивают. В силу разных причин: тщеславия, лени, глупости… К чему платить серебром за вино, если можно купить пива за медяк? К чему платить медью за пиво, если жажду с тем же успехом можно утолить водой – и совершенно бесплатно. К чему тратить время и силы в пустом разговоре, если можно помолчать, подумать о чем-нибудь важном… Пусть мне сейчас не хочется есть, но коль вы так добры, что угостили меня ужином, я не откажусь и сэкономлю себе пару монет.

– Кажется, это называется жадностью? – осведомился Аксель.

– Вовсе нет! Жадность – это стремление во что бы то ни стало удовлетворить свои желания. Желания, а не потребности. Жадный никогда не остается в барыше. Человеку на самом деле не так уж и много надо. Мне это хорошо известно, потому что я, видите ли,

рос в небогатой семье. Отказаться от излишков, довольствоваться лишь необходимым – это разумно.

– А разумные всегда доят сильных… – договорил Аксель.

И Фарфат подпрыгнул на стуле, как ужаленный:

– Откуда вы знаете?!

– Вы произносите эту фразу часто и вкладываете в нее особый смысл, – охотно объяснил мастер Аксель. – Понимаете… от человека не сразу отлетает то, о чем он думает и говорит. Работающие с тонкими материями могут чувствовать эту… м-м… ауру – кто-то лучше, кто-то хуже.

– Ауру?

– Что-то вроде незримого, но осязаемого информационного облака.

Фарфат поежился:

– Это что же… Вы, получается, только взглянете на человека и все о нем узнаете?

– Далеко не все. Только то, что м-м… на поверхности его сознания.

– Очень удобное умение. Представляю себе! Только выйдешь на рынок, посмотришь по сторонам, и сразу всех это… прочитаешь. У того товар лежалый, у этого свежий, этот нормальную цену предлагает, а другой сверх меры нажиться хочет…

– Этот хозяина обокрал и теперь дрожит, как бы он не прознал, – в тон ему продолжил Аксель. – Тот, глядя на хорошенькую покупательницу, представляет, что бы с ней сделал, дай ему волю, другой мечтает отравить ненавистную супругу… Видеть ауру окружающих – удобно, не спорю. Только иной раз довольно противно. Потому я и стараюсь меньше бывать на людях.

– А что на поверхности моего сознания? – тут же задал господин Фарфат вопрос, который на его месте задал бы любой.

– Извольте. Прежде всего вы опасаетесь, как бы я не узнал больше того, что вы предполагаете мне рассказать. Не переживайте. Меня мало интересуют игры, в которые играют люди, – мастер Аксель склонил голову, как бы желая взглянуть в лицо собеседнику под другим углом, быстро нарисовал в воздухе какой-то знак между собой и Фарфатом. – Ну да, так и есть… – проговорил он. – Ничего оригинального. Козодои!

Фарфат снова крупно вздрогнул.

– Так называете себя вы и ваши м-м… соратники, – продолжал Аксель, разглядывая его, будто и вправду читая на его лице. – Козодои. Остроумно… Сообщество торговцев… состоятельных торговцев. Среди вас совсем нет истинно

высокородных. В основном простолюдины… разбогатевшие простолюдины и те, кто совсем недавно купил себе дворянский титул. У вас много золота, но мало реальной власти. И поэтому вы не можете чувствовать себя в безопасности в этом мире, где правят лишь избранные, представители древних родов. Вы… зорко следите за тем, что происходит в Империи, стремясь вовремя приспособиться к переменам. Или повернуть их на выгоду себе. Все как всегда, – пожал плечами Аксель, оторвав взгляд от своего гостя. – Люди желают сладкой жизни, каковую может обеспечить золото. Разбогатев, люди вдруг обнаруживают, что золото сохранить не так-то просто. Нужно быть сильным. А по-настоящему силен тот, у кого власть. А возможности завладеть властью у вас нет. И если нельзя взять власть в свои руки, остается влиять на тех, кто могущественней вас, исподволь, тайно… С помощью того же золота. Вы – тайное общество, – заключил мастер Аксель.

К тому моменту, как он закончил говорить, Фарфат вспотел.

– Не думайте, что мы… посягаем на существующий порядок! – пролепетал он. – Мы… вовсе нет! Единственная наша цель – сохранить то, что мы уже имеем!

– Разумные доят сильных, – с улыбкой повторил Аксель.

– Доят – не то чтобы на самом деле доят… – заблеял Фарфат, – здесь, видите ли, некая аллегория… Не стоит полагать, что мы представляем какую-либо опасность для Империи, нет и нет! Мы – напротив – всей душой за то, чтобы его величество правил долго и счастливо! Сестры-помощницы, хорошо, что мы с вами сейчас одни, а то… такие сведения…

– Ну, во-первых, мы не одни, – сообщил Аксель. – Кроме вас, у меня гостит еще один человек… Но это ничего не значит.

Фарфат с обалделым видом заозирался по сторонам, силясь высмотреть этого гостя. Аксель улыбнулся:

– Я еще раз говорю, мне – как и ему, впрочем, – неинтересны игры людей… До тех пор, пока люди не влезают в то, во что влезать ни в коем случае нельзя, – договорил мастер Аксель.

– Мы и не влезаем, нет! – поспешил заверить его господин Фарфат.

– Я не о вас сейчас. Я имею в виду то дело, с которым вы ко мне пришли. Итак, – хозяин башни подался вперед, положив локти на стол; в глазах его явственно блеснул азарт. – Завалено четыре гномьих рудника. Сожжено восемь эльфийских священных рощ. Нескольких злодеев, ответственных за эти преступления, уже удалось задержать. Только вот допрос их не дал многого. Попросту потому что злодеи сами многого не знают. Они лишь исполнители. А вас, как я понимаю, интересуют заказчики.

– Да, – кивнул господин Фарфат. – Высокие и Могучие Арвендейла в ярости. Торговые каналы с ними обрываются один за другим, и многие из наших терпят значительные убытки. Надо что-то предпринимать, мастер Аксель, и как можно скорее! Мне доверено сообщить: если вы поможете выявить заказчиков преступлений, мы щедро отблагодарим вас!

Аксель невнимательно кивнул, возможная награда его явно не волновала.

– Я гляжу, вы уже начали копать? – сказал Фарфат. – Следовательно, и вам происходящее не безразлично?

– Не безразлично. Но, боюсь, совсем в другом аспекте.

– У вас уже есть какие-нибудь догадки? Кому может быть выгодно нарушение торговых связей между истинно Светлыми расами и людьми в Арвендейле? Видите ли, не все коммерсанты Империи принадлежат нашему обществу. У нас множество конкурентов, мы хотели бы знать, кто именно…

– Конкуренты? – с веселым удивлением переспросил Аксель. – Вы полагаете, за этим могут стоять ваши конкуренты?

– А кто ж еще? – в свою очередь удивился Фарфат.

Мастер Аксель посмотрел в глаза собеседнику и рассмеялся.

– Есть такая старинная притча, – проговорил он. – О дурне, который, услышав неподалеку рев дракона, испугался того, что оглохнет, не догадываясь бояться самого дракона. Вы, господин Фарфат, уж простите великодушно, напоминаете мне сейчас этого дурня.

– Я… – заморгал Фарфат.

– Пойдемте наверх, – сказал мастер Аксель. – Я вам кое-что покажу.

Он поднялся, жестом приглашая встать и Фарфата.

– Наверх? – пробормотал тот, шаря взглядом по комнате, в которой, как уже сказано, и намека не было ни на лестницу, ни даже на какое-нибудь подобие люка в потолке. – А как же?..

– Вот сюда, – Аксель шагнул к входной двери, открыл ее и перешагнул порог. Стрекот ночных насекомых, уличная прохлада и приглушенный шум Предместья – потекли из темного дверного проема.

Ничего не понимающий господин Фарфат последовал за Акселем, вышел за дверь. И очутился вовсе не на улице, а в просторной и светлой оранжерее. Разлапистые листья неведомых каких-то растений сверкали сочной зеленью, красочным разноцветьем блестели бутоны небывало крупных цветов. Фарфат протер глаза.

– Как это?.. – выдохнул он. – Где мы?

– В моей башне, – ответил Аксель. – Где же еще? На

последнем этаже.

– Но как?!

– Скажите, что легче и удобней: подниматься-спускаться по лестницам или просто пройти в дверь?

– Само собой, в дверь…

– Тогда зачем себя утруждать? Пространство ведь относительно, разве вам это не известно?

– Н-нет…

– Ах, да, простите, не подумал. В том, что я редко общаюсь с обычными людьми, как видите, есть не только плюсы, но и минусы. Ну да не важно. Смотрите!

Мастер Аксель вычертил в воздухе еще один неведомый знак.

– Смотрите! – повторил он.

Господин Фарфат послушно затоптался на месте, поворачивая голову во все стороны.

– Видите?

– Нет, – хотел было ответить Фарфат.

И вдруг увидел.

Меж ветвей оранжерейных растений бесшумно порхали птицы… Или не птицы? По крайней мере, эти создания были очень похожи на птиц – но на птиц не обычных, а каких-то… словно прилетевших сюда из другого мира, неизмеримо более прекрасного, чем этот. Сотканные из нежных лоскутков чистейшего света, эти существа сновали по листьям и цветам, то вдруг растворяясь, то появляясь снова – будто с легкостью пронзая ткань действительности. И такое необычайное порхание почему-то навевало удивительное умиротворение; казалось, ничего гармоничнее этого порхания-танца быть просто не может. Завороженный Фарфат и сам не заметил, как на глаза его навернулись слезы.

– Люмии, – проговорил за его спиной мастер Аксель. – Создания магии Света. Высшие маги используют их в качестве запасников маны, поскольку люмии прекрасно аккумулируют светлую энергию. Впрочем, то, что вы видите сейчас, это лишь проекция.

– А? – не отвлекаясь от чарующего зрелища, переспросил Фарфат.

– Проекция. Изображение того, что здесь было раньше.

– А?

На этот раз в ответ Аксель просто щелкнул пальцами.

И в оранжерее сразу стало тускло и зябко. Люмии исчезли. Вернее, не совсем исчезли. Обратились в едва видимые полупрозрачные силуэты, которые сероватыми тряпочками вяло колыхались между ветвями. Фарфат не удержался от

разочарованного восклицания.

– А вот какова реальность, – констатировал Аксель.

Господин Фарфат помотал головой. Ощутил слезы на глазах, смущенно вытер их рукавом.

– Что с ними случилось? – спросил он. – С этими… люмиями?

– Создания Света чутко реагируют на энергию Тьмы, – ответил Аксель. – Когда концентрация таковой превышает допустимую норму, они теряют свою силу. Ну, как рыбы не могут жить в отравленной воде, как птицы задыхаются в задымленном воздухе… Сейчас, пожалуй, во всем графстве не осталось ни одной люмии. Понимаете, что это значит?

– Ну-у… – неопределенно протянул Фарфат.

– Основа всего сущего – равновесие. И если равновесие нарушается, жди великих перемен. То, что люмии потеряли способность выживать в нашем мире, первый признак грядущего катаклизма. Теперь понимаете?

Аксель говорил внятно и медленно, как бы стараясь, чтобы смысл сказанного дошел до его собеседника в полном объеме. Глаза его вдохновенно блестели.

– Ну-у… – снова промычал Фарфат. – Хотите сказать, это как-то связано с нашим делом? С иэллиями и грааблами?

– Неужели это может быть непонятно? – Вежливость на лице мастера Акселя треснула паутинкой раздражения. – Это ведь так просто!

– Нет, понятно… – забормотал господин Фарфат, явно силясь увязать в своей голове вполне материальные проблемы, приведшие его сюда, и хитросплетения неосязаемых стихий, о которых толковал хозяин башни. – Конечно, понятно, только… Как-то непонятно… В том смысле, что… Вы беретесь за предложенное вам дело? – прямо спросил он.

Аксель с минуту смотрел на него, почесывая выбритый подбородок, потом вздохнул и опять усмехнулся:

– Говоря доступным вам языком, господин Фарфат: да, я берусь за предложенное мне дело.

– Вот и отлично! Не сомневайтесь, награда вас не разочарует!

– Мне не нужна награда, – пожал плечами хозяин башни. – Но кое-что от вас все же потребуется.

– Все, что угодно! – с готовностью пообещал Фарфат. – То есть все, что в наших силах… – тут же поправился он. – Так чего вы хотите?

– О, немногого. Мне нужно, чтобы вы организовали одно м-м… скажем так, мероприятие.

– Какое же? Что вы задумали?

– Видите ли, я смею полагать себя экспертом в магии Света.

Но, к сожалению, почти ничего не смыслю в магии Тьмы. А в Университете изучение этой области магического искусства по понятным причинам не практикуется. А мне нужно больше знать о Тьме! Мне нужно знать о Тьме все, что когда-либо было известно об этом людям. Ведь чтобы сокрушить врага, его необходимо сначала изучить. Поэтому… Вы слышали когда-нибудь о Доме Соньи?

– О чем? Какой еще Соньи? Не…

– Действительно, откуда вам… Ну да не важно.

Мастер Аксель прищурился. Затем в нескольких фразах высказал – то, что задумал; причем Фарфату показалось, что короткая эта речь была подготовлена заранее, еще до того как произошло знакомство хозяина башни и посланника козодоев.

Фарфат выслушал Акселя, еще раз мысленно прокрутил все сказанное им. И наконец проговорил, разведя руками:

– Но это невозможно! Кто согласится на такое? Это… совершенно невозможно!

Мастер Аксель поглядел на своего гостя со снисходительной жалостью. И шагнул к окну, распахнул ставни.

– Посмотрите, господин Фарфат, – предложил он.

Фарфат, опасливо приблизившись, выглянул в окно. И немедленно отшатнулся, с криком зажмурившись. Аксель поддержал его за локоть, толкнул обратно и спросил громче и настойчивей:

– Что вы видите?!

Посланник козодоев осторожно открыл глаза. Темно-синее, почти фиолетовое небо удушающе нависало над ним. Звезды, очень крупные, такие близкие, что, казалось, их можно потрогать рукой, равнодушно сияли в этом небе. Далеко-далеко внизу мерцало огоньками Предместье, теснящееся к замку Утренняя Звезда, который даже и с такой высоты выглядел громадным. Угрюмые вершины Драконьей гряды тяжелой тучей, почти сливающейся с ночным небом, темнели за стенами и шпилями замка. И над вершинами гряды зыбко и страшно тлела багровая дымка – это рассвет нового дня надвигался на Арвендейл со стороны Тухлой Топи.

– Что вы видите, господин Фарфат?!

– Горы, замок, небо… – плаксиво дрожащим голосом принялся перечислять сбитый с толку Фарфат. – Звезды…

– Не то! Не то! – нетерпеливо перебил его Аксель. Куда только подевалась спокойная его вежливость? Непонятный азарт полностью охватил мага.

– Дома… – пискнул Фарфат. – Огоньки всякие… Да что вы от меня хотите? Что я должен увидеть-то?

– Поле великой игры! – взволнованно выдохнул мастер Аксель. – Равновесие нарушилось, а значит, началась игра! Ставки уже сделаны, и первые фигурки подвинуты навстречу друг другу незримой рукой рока! Близится противостояние Тьмы и Света, грандиозная космическая игра, равной которой еще не знал мир! Неужели вы не испытываете дрожь в сердце от того, что вам выпала счастливая возможность принять в ней участие?!

Фарфат, конечно, испытывал дрожь – и не только в сердце, а и во всем теле целиком. Но причина этой дрожи была вполне заурядна: уж больно резка оказалась перемена в поведении Акселя, уж очень пугающе гремел его голос, и жутко блестели распахнутые его глаза.

– Невозможно, говорите вы? – продолжил Аксель. – Да ведь для вас, разумных, нет ничего невозможного… Эту фразу вы тоже повторяете довольно часто.

– Но… но…

– Все свяжется, господин Фарфат. И все сбудется. Я знаю это, я это вижу.

Хозяин башни отпустил Фарфата, и тот шлепнулся на задницу. И вжался в пол, боясь двинуться с места.

Мастер Аксель перевел дыхание, пригладил волосы… И улыбнулся прежней своей любезной улыбкой:

– Просто делайте, как я говорю, господин Фарфат… Игра уже началась.

В горах светает быстро. Ночная чернота стремительно растворялась в небе, звезды гасли, а острые вершины Драконьей гряды сначала порозовели, затем быстро стали багроветь – будто невидимое пока солнце раскалило их. Шпили башен Утренней Звезды остались далеко позади и внизу. Командор Крэйг, пробиравшийся между массивных бесформенных валунов, остановился, поднял голову, приложив к глазам сложенную козырьком ладонь.

– До Вороньего утеса рукой подать, – сказал он.

Затем подождал отклика от идущего позади Эвина и, не дождавшись, добавил:

– Слышишь?

И на этот раз ответа он не получил.

Тогда Крэйг обернулся.

Эвин стоял лицом к нему, спиной к большому валуну, который они только что обогнули, к валуну, напоминавшему гигантское измятое вареное яйцо – стоял и молча смотрел на своего командора.

– Ты что? – удивился Крэйг.

– В трактире с тобой не было твоего двуручника, –

проговорил юноша.

– Понятно, не было, – пожал плечами Крэйг. – Велика честь для тех головорезов – с оружием против них выходить. А к чему это ты?

Эвин шевельнулся, немного отведя в сторону полу плаща. Сталь обнаженного клинка высверкнула под плащом. Командор прищурился:

– Да что с тобой?

– Лучше я спрошу, – голос юноши звучал напряженно. – Кто?

– То есть?

– Кто заплатил тебе за мою жизнь?

– Не понимаю я тебя, Эвин! – мотнул головой Крэйг.

– Прекрасно понимаешь, командор, – не сбился юноша.

– Ты меня с Гагом, что ли, перепутал?

– Гаг тут совершенно ни при чем. И тебе это известно.

Крэйг чуть помедлил. В глазах его мелькнул хищный проблеск. Сколько раз Эвину приходилось видеть этот взгляд командора! Взгляд воина, готового к бою.

– Объясни, – сухо потребовал Крэйг.

– Зачем?.. – сказал Эвин. Но все-таки продолжил, видимо, все еще на что-то надеясь. – Там, в трактире… Удар мне в спину был нанесен не справа, как было бы удобнее праворукому Гагу. А слева. Значит, кто-то ударил меня левой рукой. А среди Полуночных Егерей нет левшей. Кроме разве что тебя, командор. Ты ведь тоже в тот момент был за моей спиной. Рядом с Гагом. Которого подставил под мой удар. Намеренно или по удачной для тебя случайности – уже не важно.

– Я не левша, Эвин… – медленно выговорил Крэйг.

– Нет, – согласился юноша. – Но скверно владеешь правой рукой после давней раны – по каковой причине и перешел на двуручный меч. Следовало бы мне догадаться раньше…

Эвин смотрел прямо в глаза командору, и тот не отводил взгляда.

– Нет мелочей в мире вокруг нас, – негромко проронил Крэйг, – так ведь ты всегда говоришь…

– Кто заплатил тебе за мою жизнь?

– Да при чем здесь деньги? – пренебрежительно сморщился командор. – Я сколько раз повторял тебе: если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий и большой крови… Первая кровь пролилась три дня назад в том безвестном трактире. И сегодня снова прольется…

– Это ведь ты убил Гага! – выкрикнул юноша. – Брата-Егеря Гага!..

– Разве моя рука сломала ему шею?

– Ты подставил его под удар! Ты пытался убить меня! А теперь меня же во всем и обвиняешь?!

– Думаешь, мне доставляет удовольствие убивать своих братьев? – Крэйг повысил голос, кажется, немного сильнее, чем требовалось – и это не ускользнуло от внимания юноши. – Все должно оставаться так, как есть! Если бы не твоя дурацкая идея, что ты вбил себе в голову, ничего подобного не случилось бы!.. Нельзя просто так ломать то, что работает!

Он чуть качнулся назад, поднимая руки. Эвин отпахнул полу плаща рукой, которой сжимал меч:

– Не нужно. Ты не успеешь обнажить оружие.

Крэйг замер. Затем осторожно опустил руки.

– Верно, не успею. Да и драться с тобой мне смысла нет. Ты все равно сильнее меня, хотя я и вдвое больше.

Юноша промолчал.

– И что ты теперь намереваешься делать? – усмехнулся командор Крэйг, уловив растерянность в этом молчании. – Зарубишь меня безоружного?

– Ты должен сказать, кто велел тебе убить меня!

– Тебе я ничего не должен, Эвин.

– А кому должен?

Командор Крэйг прикрыл глаза, будто бы собирая в себе силы для ответа.

И вдруг, мгновенно напрягшись, пронзительно выкрикнул:

– Гха-эронг!

Это короткое слово-формула на Древнем языке словно на миг сгустило воздух вокруг обоих Егерей. Плащ Эвина точно ожил, встопорщился и тут же захлестнул тело юноши от шеи до самых щиколоток, оставив свободной только заранее выпростанную правую руку. Эвин от неожиданности рванулся и едва не упал. А Командор закинул руки за голову и с лязгом вытянул из ножен длинную и широкую полосу убийственной стали своего двуручника.

– Гха-ронга! – крикнул юноша, тут же почувствовав недостаточность магической энергии в произнесенной им блокирующей формуле.

Хватка плаща только чуть ослабла. Крэйг прыгнул вперед, Эвин шатнулся за валун – и клинок двуручника звучно клацнул по камню, вышибив из него сноп ослепительных желтых искр. Крэйг взревел и тут же ударил снова – юноша отбил двуручник по касательной… Командор наступал на юношу, вращая меч над головой, то и дело выбрасывая клинок по направлению к Эвину и каждый раз возвращая его на страшно гудящую траекторию. Дважды юноше удалось уклониться от смертоносного лезвия,

дважды удалось отбить могучие удары.

– Гха-ронга! – снова крикнул Эвин, вложив в формулу всю имеющуюся ментальную силу.

И на этот раз проклятый плащ не поддался. Лишь дрожь пробежала по пропитанной энергией ткани, лишь черные дымные всплески метнулись от плаща в разные стороны. Полы бились по ногам юноши, пытаясь спутать шаги, шнурок впился в горло – Эвину приходилось отчаянно напрягать мышцы шеи, чтобы не задохнуться.

– Разве забыл? – крикнул ему Крэйг после очередного выпада, очень громко крикнул. – Перед серьезной битвой надобно воздерживаться от любовных утех, чтобы мана попусту не тратилась…

Они двигались вокруг яйцеподобного валуна, который только и спасал Эвина от неминуемой гибели. Пока спасал, лишь ненадолго отдаляя тот момент, когда громадный двуручник пробьет-таки стесненную оборону, вонзится в тело, разрубая мышцы и кости… Кажется, ни единого шанса не осталось у юноши выстоять в схватке. Разве что…

Амулеты! Полдюжины амулетов на запястье левой, прижатой к телу руки! Каждый из этих амулетов даст недостающую энергию, чтобы избавиться наконец от чертова плаща! Эвин попытался освободить руку – безуспешно, ткань только затрещала, словно зашипела от злобы, выстрелив новой порцией дымных брызг… И шнурок плаща еще сильнее сдавил юноше горло, заставив вспухнуть вены на висках, обдав горячей болью страдающие от недостатка кислорода легкие.

И тогда он решился. Отразив еще один выпад, он развернулся и ринулся по тропе вниз. Командор, явно не ожидавший такого маневра, промедлил какую-то ничтожную долю секунду, прежде чем броситься вдогонку – и этого времени Эвину хватило. Юноша, раня себя, просунул клинок между плечом и плотно охватывающей тело тканью и с силой рванул наискось и вниз, срезая плащ, будто кожу. Кровь и дым брызнули на камни, рука высвободилась, но воспользоваться амулетами юноша не успел. Подоспевший Крэйг обрушил на него мощный удар. Режуще лязгнула сталь о сталь, и Эвин полетел кувырком дальше по тропе: отбить двуручник своим мечом он сумел, а вот удержаться на ногах – нет. Крэйг прыгнул следом, снова широко размахиваясь… Эвин едва успел катнуться в сторону, почувствовав, как чудовищное лезвие ухнуло совсем рядом, окатив его фонтаном искр и острых каменных осколков. Юноша пнул противника под колено, выиграв необходимое мгновение, чтобы безопасно подняться – и, вскакивая, наступил на

извивающийся, точно щупальце, большой лоскут плаща, отрывая его напрочь. С пронзительным треском ткань разъехалась, выпустив косматое облако черного дыма, в которое тотчас влетел с занесенным для нового удара двуручником командор. На этот раз Эвин не стал ни уклоняться от громадного клинка, ни парировать его. Поднырнув под жутко свистнувшую сталь, он врезался плечом Крэйгу в живот.

Само собой, у юноши не получилось опрокинуть великана – командор только шатнулся назад. А Эвин поддел острием своего меча агонизирующе извивавшийся на камнях лоскут и швырнул его Крэйгу в лицо. Лоскут, истекающий дымом, точно черной кровью, облепил голову командора, и тот приглушенно заорал, топчась на месте и вслепую размахивая во все стороны смертоносным двуручником. Улучив момент, юноша проделал короткий молниеносный выпад. Двуручник отлетел на пару шагов, лязгнул о камни. Отрубленная по локоть рука командора все еще сжимала рукоять громадного меча. Крэйг упал на колени.

Где-то далеко наверху послышались голоса. Несколько камешков скатились оттуда, запрыгали по валунам. Эвин прикинул расстояние до Вороньего утеса и время, за которое то расстояние можно преодолеть, – если спешить, хватит и двух-трех минут. Вполне достаточно…

Он сорвал с запястья первый попавшийся амулет – тепло пульсирующий кристаллик – и, торопясь, раздавил его в ладони. И с восторгом чувствуя, как наполняет его тело желанная магическая энергия, прохрипел сдавленным горлом:

– Гха-ронга!

Шнурки бессильно повисли, отпустив горло юноши. Эвин содрал с себя помертвевший, все еще слабо дымящийся плащ и швырнул его как мог далеко. И, кашляя, с надсадным, рвущим горлом хрипом, наполняя грудь воздухом, повернулся к своему командору.

Крэйг стоял на коленях, прижимая к себе правой рукой короткую культю левой – из которой широкой темно-красной лентой хлестала кровь, заливая нижнюю часть туловища командора. Лоскут плаща – теперь уже обычная темная тряпица – валялся рядом.

Сверху встревоженно перекликались, все приближаясь, голоса.

– Жаль… – подняв к Эвину быстро бледнеющее лицо, проговорил Крэйг. И не стал продолжать.

– Полагаешь себя правым, командор? – спросил юноша.

– Полуночные Егеря для того и существуют, чтобы защищать жизнь и безопасность людей, – ответил Крэйг. – А людям

угрожают не только Темные твари и злодеи-разбойники… Но, случается иногда такое, еще и глупые мальчишки.

– Последнее время мне часто приходилось слышать о том, что сам факт моего существования представляет опасность для Арвендейла. К такой мысли трудно привыкнуть… Ты ведь воспитывал и учил меня, командор, целых пять лет, – проговорил юноша уже совсем другим голосом. – И напал на меня, чтобы убить.

– Воспитывал… С этим я опоздал. Ты попал к нам уже… воспитанным. А я всегда поступал так, как должно, – сказал Крэйг. – Нравилось мне это или нет. Долг – единственное, что может иметь значение. Скверно, что я так и не смог тебе втолковать это…

– Дедушка всегда повторял: никогда нельзя забывать о том, кто ты есть.

– Твой Дедушка… – Крэйг попытался усмехнуться и закашлялся. Сплюнул и стал заваливаться набок. Но не упал, утвердился на локте единственной уцелевшей руки.

– У тебя совсем не осталось времени, командор, – напомнил Эвин. – Скажешь что-нибудь напоследок?

Крэйг прищурился на солнце. Темно-красная лужа все расплывалось под ним, а лицо совершенно побелело, так, что выделялись на нем только глаза и борода.

– Пасть в бою – лучший способ отправиться к праотцам для всех нас, – проговорил Крэйг. – И пусть никто и никогда не скажет обо мне худого слова…

Он запрокинул голову, подставляя горло под удар.

– Прощай, командор.

– Прощай, Эвин, – Крэйг закрыл глаза.

Эвин взмахнул мечом.

Еще несколько камешков, слетевших сверху, заплясали вокруг юноши. Те, кто спешил сюда с Вороньего утеса, уже не переговаривались; верно, услышав шум схватки, они решили подобраться незаметно. Вот только это выходило у них не очень хорошо…

Юноша отлично знал эти места. Не медля больше, он скользнул за груду булыжников, оттуда – к скальной стене, по которой вилась, будто пристывшая змея, едва заметная тропка наверх. Через минуту он уже лежал на небольшой площадке, откуда открывался прекрасный вид на яйцеподобный валун, чуть поодаль от которого в луже крови громоздилось устрашающее даже в смерти обезглавленное тело великана-командора. У тела суетились, озираясь, пятеро в темных одеждах с обнаженными мечами в руках. Некоторое время Эвин внимательно наблюдал за

ними, отмечая мельчайшие особенности поведения каждого. Затем принялся бесшумно спускаться.

Что ж, вряд ли хотя б один из этих пятерых обладает твердостью духа, подобной той, что обладал командор Крэйг.

Скоро Эвин узнает имя того, кто так настойчиво желает его гибели.

А потом вернется в Утреннюю Звезду. Потому что обещал дядюшке Альве, а данные обещания нужно выполнять. И тогда пусть граф Альва Сторм сам решает, какому наказанию подвергнуть злодея, покушавшегося на жизнь его наследника.

Часть вторая

Глава 1

Кэйлин проснулся от чувствительнейшего тычка под ребра, и мир навалился на него самым бесцеремонным образом: уши сдавило от многоголосого гомона и многоногого топота, в ноздри ударил могучий аромат прелой соломы, немытых тел и конского навоза. Кэйлин тут же решил погодить пока открывать глаза, справедливо опасаясь атаки окружающей действительности еще и на органы зрения, натянул воротник куртки на голову и повернулся на другой бок, но получил второй пинок, сильнее прежнего.

– Вставай, задрыга, хорош валяться!

– Отвали… – прохрипел Кэйлин. – Отвали, а то как сейчас дам…

Третий пинок оказался таким жестоким, что Кэйлин против своей воли подпрыгнул, принял сидячее положение и завыл:

– Убью!

Растрепанный парень с рябым лицом – тот самый безжалостный экзекутор – усмехнулся и сунул ему под нос глиняную кружку с отбитой ручкой. Почуяв запах пива, Кэйлин моментально сменил гнев на милость. Схватив кружку обеими руками, он прикусил ее дрожащей челюстью и жадно захлюпал. А выхлюпав до конца, протянул кружку обратно:

– Еще!..

– Чего? – гоготнул рябой. – Да ты, никак, вообразил, что в трактире?

– А то где же? – удивился Кэйлин, озираясь.

Нет, это был явно не трактир. Это был… какой-то сарай. Как и полагается всем сараям, грязный, полутемный… только небывало большой. И весь заваленный-заставленный бочонками, бочками, тюками, корзинами, ларями… И сновали среди той поклажи взмыленные кричащие люди, что-то уносили, что-то приносили, сталкивались друг с другом, ругались… У Кэйлина закружилась голова.

– Где я? – жалобно спросил он.

– И меня не узнаешь? – поинтересовался парень.

Минуту Кэйлин вглядывался в рябое лицо, и кое-какие воспоминания зашевелились в похмельной его голове. Ну да, был трактир, было, само собой, пиво, много пива, а потом был самогон, а потом опять пиво, а потом опять самогон, а потом даже ужасающий гномий бардамар, был этот рябой…

– Очухался, что ли, задрыга? Давай, шевели костями!

Кости! Точно, они играли в кости! И… А что дальше-то было?

Кэйлин открыл было рот, чтобы окончательно прояснить ситуацию, но рябой вздернул его за шиворот, поставил на ноги.

– В Утренней Звезде ты, вот где! Теперь вспомнил?

– В Утренней Звезде?!! – ахнул Кэйлин. – Эка меня занесло!

И замычал, внутренне, про себя: «Ой, как голова кружится и болит. Вот бы еще кружечку пива!»

– Вот бы еще кружечку пива! – проговорил Кэйлин последнюю мысль вслух, но рябой парень, видимо, исчерпал свой запас добродушия. И уже безо всякой усмешки он толкнул Кэйлина к здоровенной бочке, опрокинутой набок:

– Кати, задрыга!

Чтобы не упасть, Кэйлин оперся о бочку обеими руками, а она стронулась с места, покатилась, и несчастный в целях сохранения равновесия поковылял за ней, перебирая всеми данными ему богами конечностями.

Маневрировать ему не удавалось. Бочка все набирала скорость. Своротив по дороге несколько корзин, сшибив кого-то с ног, сопровождаемый проклятиями и тычками, Кэйлин промчался через весь сарай и, миновав широкие распахнутые ворота, вылетел куда-то на яркое утреннее солнце, которое тут же ослепило его.

Почти сразу же бочка остановилась. Да так внезапно, что Кэйлин врезался в нее подбородком, больно прикусив язык.

– Очумел? – осведомился густой бас у него над головой.

Кэйлин протер глаза, опасливо поднял взгляд и узрел высоченного широкоплечего мужика, который, крякнув, схватил бочку, оторвал ее от земли и переместил в телегу, стоящую рядом. Кэйлин огляделся по сторонам. От увиденного у него отвисла ушибленная челюсть.

Теперь он находился в центре большого, шумного и многолюдного двора, с трех сторон замкнутого мощными крепостными стенами. Позади же Кэйлина тянулся тот самый сарай, при дальнейшем рассмотрении оказавшийся вовсе не сараем, а хозяйственной пристройкой к огромной башне, шпиль которой сиял в солнечных лучах высоко-высоко в небе. Но больше всего поразило Кэйлина то, что вдоль крепостных стен располагались ряды скамей, ступенеобразно возвышавшихся друг над другом. Нечто подобное он видел один раз в жизни и очень давно – когда ему мальчишкой удалось пробраться во двор замка Золотой Рог во время проведения там рыцарского турнира.

– Я в замке! – ужаснулся Кэйлин. – В замке Утренняя Звезда! Да как я здесь очутился-то?.. Вот дело, как в графство меня занесло, не помню, а тут вон, оказывается, я еще и в самом замке…

И снова неясные воспоминания пробудились в его голове… Трактир, пиво, самогон, бардамар, кости, рябой парень… И снова этим воспоминаниям не дали хода.

Широкоплечий мужик отвесил Кэйлину подзатыльник и заорал:

– Чего встал, раззява? Плетей захотел? А ну марш обратно, мне тут весь день торчать недосуг!..

Не осмелившись спорить, Кэйлин спотыкающейся рысцой заспешил обратно в пристройку, в тесной и суетливой полутьме которой скоро потерялся. Рябого нигде не было видно, а ведь этот парень был, кажется, единственным, кто мог рассеять хмельной туман забвения…

Его ухватили за плечо. Какой-то толстяк в насквозь мокрой от пота рубахе свирепо зарычал:

– Волынишь, гад? Шкуру спущу! Быстро схватил вот это и отнес Красавчику Татуму! – и пихнул ногой большую корзину, в которой смутно белели вареные бараньи головы.

– Чего ты командуешь-то? – попытался было огрызнуться Кэйлин.

– Что? – изумился толстяк. – Как же мне не командовать, когда я над вами, огрызками, главным поставлен?

– Но я не служу здесь…

– Чего-о? Голову мне морочишь? Коли не служишь, так что ты тут делаешь? С какой целью пробрался?

– Я… не пробирался… Я, понимаете, вчера засиделся в трактире…

– В каком еще трактире?

– Н-не помню…

– Так ты пьяный, что ли? Сволочь, в такой день с самого ранья ужрался! Уши оборву, крысиное отродье!

– Во имя Сестер-помощниц! – взмолился Кэйлин. – Скажите хотя бы…

– Ты долго языком своим поганым трепать собираешься?! Праздник вот-вот начнется, скоро господа собираться станут, а ты, болван, пререкаешься… Шкуру спущу! Да крышкой накрой, а то вон как несет из корзины… Говорил же, как остынут, надо в ледник спустить, жара ведь на дворе. Чего глазами хлопаешь?! Пошел! Кости переломаю!..

«Кости!.. Проклятые кости!.. – досадовал на самого себя Кэйлин, волоча тяжеленную корзину, сам не зная куда. – Сколько раз клялся не играть в кости! Особенно по пьяной лавочке! Ведь всякий раз это заканчивалось какой-нибудь бедой!..»

Через несколько шагов его нагнала целая ватага баб, тащивших в охапках пронзительно вопящих гусей и уток. От

гвалта и толкотни Кэйлин совсем растерялся. Ватага втянула его в себя, закружила и выбросила у подножия какой-то лестницы, воняющей кухонным чадом. Прикинув, что лестница выглядит не особенно крутой, а где искать Красавчика Татума, он все равно не имеет ни малейшего понятия, Кэйлин взвалил корзину на плечо и пошел по ступенькам.

И снова его толкали, пихали, проклинали… Отупев от бесконечной и бестолковой неразберихи, он блуждал по каким-то коридорам, переходам, галереям. И всюду было полно народу, крикливого, озабоченного и неласкового. После двенадцатой затрещины Кэйлин перестал справляться у каждого встречного-поперечного о местонахождении мифического Красавчика Татума и просто шел куда глаза глядят. Пару раз его заворачивали обратно стражники, пару раз ему удавалось просочиться мимо стражников вместе с какой-нибудь шумной компанией. И в конце концов измотанный и отчаявшийся Кэйлин выбрел в широкий коридор, чистый, светлый и безлюдный, вдоль стен которого в глубоких нишах помещались гигантского роста каменные мужики и бабы, а на потолке сияли громадные люстры совершенно сказочного вида. Осмотревшись, Кэйлин не на шутку перепугался: вот уж сюда ему точно никак не следовало соваться! И услышав неподалеку шаги, он спрятался в одной из ниш, притаился в ногах у каменного мужика, робко выглядывая из-за его колена.

Через минуту в поле его зрения показалась пара закованных в сияющие доспехи стражников с алебардами в руках. Завидев стражников, Кэйлин сжался и зажмурился, молясь Сестрам-помощницам, чтобы его не заметили. Но только он начал молитву, как металлически грохочущий топот смолк – стража остановилась прямо напротив его укрытия! Кэйлин затаил дыхание, как вдруг услышал перестук множества легких ножек и девичьи смеющиеся голоса:

– Ой, ваше сиятельство, оборочка отошла!

– Позвольте я вам помогу!

– Вот так, подколоть надо…

– Не лезьте, леди Айли, своей лапищей, вы ее сиятельству сейчас все платье изорвете!..

– Ах, оставьте, леди Кенна, пальцы у меня не толще, чем у вас… Зато чище.

– Зато у меня бородавок нет…

– Зато вы дура…

– Пусть леди Гризель ее сиятельству оборочку подколет, у нее пальчики ловкие, это все знают…

Последнее замечание почему-то вызвало у невидимых Кэйлину барышень приступ веселья.

– Леди Гризель, говорят, своими пальчиками умеет выделывать тако-ое!

– И не только пальчиками…

– То-то виконта Эвина все утро не видать!..

– Леди Гризель вытянула очередной билетик! Интересно, на этот раз он окажется счастливым?..

– Не окажется, – положил конец дискуссии девичий голос, заметно отличавшийся от остальных, холодноватый и властный. – Что там с оборкой? Долго будете возиться? Ну, пошли!..

Дождавшись тишины, Кэйлин опасливо высунулся из ниши… И тотчас юркнул обратно, услышав, как снова, приближаясь, мерно загрохотали шаги стражников, знаменуя, что по коридору движутся еще какие-то важные персоны. И опять обмирающий от страха Кэйлин уловил обрывок чужого разговора:

– С Вороньего утеса не было вестей?

– Не было, ваше сиятельство…

– Скверно, очень скверно!

– Ваше сиятельство, не извольте беспокоиться, все сложится. Ну никак не может не сложиться, ведь все точнехонько рассчитали!

– Точнехонько-то точнехонько, но почему вестей нет?..

Отстучали шаги, и снова стало тихо. Кэйлин выждал немного, затем выполз из своего укрытия, вытянул корзину с бараньими головами. Бежать, бежать отсюда как можно дальше! Ведь если поймают, точно плетьми не отделаешься, можно и жизни лишиться! И корзину дурацкую не бросишь, не ровен час по ней опознают потом… Кажется, опять сюда кто-то идет… Скорее!

– А ну стоять! – ожег Кэйлина, как плетью промеж лопаток, грозный окрик.

Он обернулся, мысленно прощаясь с жизнью, и увидел запыхавшегося господина в пропотевшем под мышками кафтане, в сбившемся набок берете с петушиным пером. За господином маячила длинная вереница слуг, каждый из которых тащил в руках если не корзину, то мешок или ларь.

– Ты что тут делаешь?

– За-за-за… – заблеял Кэйлин. – За-заблудился я…

– Вот болван, козлиная отрыжка! Откуда вас таких только понабрали?! Ну, встань в строй, орясина!

Не посмев пререкаться и полагая, что еще легко отделался, Кэйлин побежал со своей корзиной к веренице и втиснулся между парнем, держащим на плечах мешок, и парнем, под мышкой у которого виднелась деревянная коробка. Господин в берете с петушиным пером торопливо двинулся дальше, а следом и вся вереница стронулась с места.

Скоро они оказались в просторном зале, от великолепия которого Кэйлин на минуту даже забыл о своих проблемах. Какой это был зал!.. Стены и пол, выложенные отполированными до зеркального блеска каменными плитами, сияли под лучами солнца, что, проходя сквозь цветные витражи, превращались в потоки радужного света. А потолок был так высок, что захватывало дух, и от обилия света казалось, будто он весь затянут золотой дымкой. У стен выстроились вперемежку придворные и стража, а в самом центре зала, в отдалении от всех, помещались двое – мужчина средних лет и юная девушка (судя по одежде, очень важные господа!) – и фигурки их посреди пронизанного золотым солнцем пространства смотрелись крохотными, совсем игрушечными.

Дальше порога слуг, в числе которых находился теперь Кэйлин, не пустили, и ему оставалось только выглядывать из-за плеч дюжих стражников, с разинутым ртом наблюдая за происходящим.

Тот важный господин в центре зала – высокий такой, представительный, с заплетенными в косу светлыми волосами и острой бородкой, торчащей клином вперед и вверх, – нетерпеливо прохаживался туда-сюда, взметывая полы серого плаща на резких поворотах, время от времени наставительно и громко проговаривая что-то своей спутнице. Прислушавшись, Кэйлин узнал голос господина: это он тогда в коридоре, где каменные мужики с бабами стоят по нишам, справлялся насчет вестей с Вороньего утеса. Девушка, такая же светловолосая, как и важный господин с бородкой клинышком, белокожая, красивая какой-то редкой, утонченно-ледяной красотой – торопливо повиновалась ему: то оглаживала платье, то поправляла высокую сложную прическу. Только раз она воспротивилась очередному замечанию важного господина: недовольно передернула обнаженными снежно-белыми плечиками, притопнула ножкой:

– Ах оставьте, папенька, сколько можно?!

Но господин враз поставил ее на место – так глянул, что она тут же потупилась и послушно подняла повыше и потуже затянула алую ленту на поясе.

«Нервничают, – понял Кэйлин. – Ждут чего-то… А голосок-то девицы тоже знакомый. Не она ли недавно в том же коридоре оборвала болтовню насчет ловких пальчиков какой-то леди Гризель?..»

– Слышь, друг, а это кто такие? – спросил Кэйлин у одного из слуг, бережно держащего у груди большую богато украшенную шкатулку.

Тот посмотрел на него, как на дурака:

– Его светлость граф Альва Сторм с дочерью, виконтессой Сенгой…

– Ого!.. Граф Альва Сторм! Виконтесса Сенга!.. Не брешешь?

– Кто ж еще? Своих господ никогда в лицо не видел, балбес?

– Не… – пробормотал Кэйлин.

Слуга оглядел его опухшее лицо, помятую одежду, остановил взгляд на корзине с бараньими головами, подозрительно принюхался:

– А ты сам-то кто? Откуда здесь взялся?

Кэйлин не успел ответить.

С грохотом распахнулись двойные створки дверей на противоположной стороне зала, и профессионально громкий голос возвестил:

– Его светлость герцог сэр Руэри Грир из рода Красных Вепрей, правитель и владетель великого Арвендейла, лорд Золотого Рога и окрестных земель!..

«Ничего себе!.. – ухнуло в голове Кэйлина. – Теперь и сам его светлость герцог! Вот это да!..»

– Его светлость маркиз Рон Грир из рода Красных Вепрей, наследник Золотого Рога и окрестных земель!..

«С сыночком пожаловали!..» – умилился Кэйлин, уже представляя, как будет рассказывать об удивительной встрече с самыми влиятельными персонами Арвендейла в первом же трактире, который встретится ему на пути, только он выберется отсюда.

В зал вошла, мерно и тяжело лязгая оружием и броней, большая группа, от которой почти сразу же отделились двое. Почтительная тишина обволокла зал, лишь поступь двух пар ног звучала в той тишине.

Герцог Руэри Грир – очень крупный мужчина лет пятидесяти, с пышной черной бородой и густой шапкой смоляных волос, в которых поблескивала герцогская корона – ступая как-то монументально, будто оживший памятник, приблизился к склонившему голову графу и к виконтессе, что отступила назад, присев в безукоризненном этикетном поклоне. Маркиз Рон Грир держался позади отца. Несмотря на молодость, он был толст, даже грузен – и передвигался неловко, слышно дыша на ходу. Облаченный не в церемониальные доспехи, а в простой темный кафтан, удивляющий обилием карманов; большой, но от обилия жира, а не мускулов, он походил на тень герцога Руэри, размытую, темную, волочащуюся следом.

– Благодарю за гостеприимство, сэр Альва, – заговорил герцог густым, как из бочки, басом. Величаво воздвигнувшись перед графом, он подбоченился, огляделся вокруг, положил большую

ладонь на массивную рукоять меча у пояса. – Давненько не приходилось нам навещать Утреннюю Звезду.

– Ваш визит – большая честь для всех нас, ваша светлость, – поднял голову Альва. – Хорошо ли спалось в отведенных вам покоях? Всем ли довольны?

Рон Грир, сопя, остановился рядом с отцом. Он тоже огляделся, но в этом его движении совсем не было сановной уверенности. Он стрельнул вокруг себя глазами, будто школяр. И взглянув в последнюю очередь на виконтессу Сенгу, вздрогнул и тотчас отвернулся.

– Всем довольны, сэр Альва, – благодушно прогудел герцог. – Я – воин, сызмальства привык спать на земле: головой на седло и плащом укрываться. А сын мой, хоть ратной жизни не хлебнул, к роскоши тоже не приучен. Ему лишь бы в книжку упулиться, ничего другого не надо…

Юный маркиз Рон шевельнулся и что-то смущенно пробормотал.

– Великие боги для всех нас имеют свой план, – быстро проговорил сэр Альва. – Если кому-то предначертан ратный путь, то ничто его с этого пути не свернет. Если суждено стать великим ученым-книжником, то так тому и быть. Все мы ничтожны перед волей богов.

– Я бы все-таки предпочел наследника-лорда наследнику-книжнику, – усмехнулся герцог, и в этой усмешке черной ниткой проскользнула давняя горечь. – Ну да что уж теперь… Что минуло, то минуло.

– Надо дела сегодняшние решать, – подхватил Альва. – Насущные дела делать надо…

И тут маркиз Рон Грир встрепенулся, всполошился, задышал еще громче, зашарил по своим многочисленным карманам, роняя на сверкающие плиты пола обрывки бумажек, огрызки перьев, крошки и какой-то еще не поддающийся идентификации мусор – и вытащил на всеобщее обозрение… чудеснейшую диадему, золотую, тончайше узорную, выполненную в виде короны и увенчанную очень крупным бриллиантом. Диадему он неуклюже сунул куда-то под нос виконтессе Сенге, глядя при этом в сторону и конфузливо забормотав:

– Прошу, миледи, принять это в дар в знак моей глубочайшей признательности и обещания, что я… чтобы вы… навсегда вместе… – и смешался.

Виконтесса на секунду растерялась. Как, впрочем, на секунду растерялись, замолчали и замерли все, кто находился в тот момент в зале, даже граф Альва, даже герцог Руэри. Сенга вопросительно оглянулась на отца, тот глянул на герцога, а

герцог, колыхнув бороду усмешкой, пожал плечами.

Сенга торопливо приняла диадему, с помощью примчавшихся фрейлин не без труда укрепила ее на высокой прическе:

– Это большая честь для меня, ваша светлость!

– Эка торопишься! – хлопнул сына по плечу, отчего тот заметно покачнулся, сэр Руэри. – Невтерпеж, ага? Понимаю-понимаю…

Альва выдохнул и поддакнул:

– Порывы юной души вершат историю!

– Томления плоти вершат историю! – простецким солдатским хохотком поправил его герцог.

– Простите, я… очарован… – булькнул в свое оправдание Рон. – Красотою виконтессы Сенги очарован…

Альва, мельком обернувшись к дверям, из которых появился в зале, махнул рукой.

И господин в берете с петушиным пером, напряженно следящий за каждым движением графа, тут же деятельно оживился:

– Приготовиться всем! – зашипел он, пихая слуг, нагруженных поклажей. – Смотрите, чтобы без единого сучка и задоринки! Как дам сигнал, так сразу и пойдете… Один за другим, поднесли, поставили, поклонились, сказали, что надо – и обратно. И быстренько, быстренько, в темпе! Попробуйте только опозориться, балбесы! Если что не так… лично запорю!

Придворные, осознав, что, собственно, произошло, зашумели, восторженно заулюлюкали, зааплодировали.

– Признаться, я полагал, что его светлость сделает предложение Сенге в более… торжественной обстановке, – негромко проговорил Альва, обращаясь к герцогу. – Немного позже… после церемонии моего вступления в права лорда Утренней Звезды. Сейчас я просто собирался принести вам традиционные дары вассала…

– Ну уж… – ответил на это сэр Руэри. – Получилось, как получилось. Да и на руку вышло. Недосуг нам задерживаться здесь, уж не обессудь, милорд. Или… – он вдруг нахмурился. – Есть какие-то причины волноваться? Мне докладывали, твоего племянника вдруг совершенно неожиданно обуяла жажда власти? Я думал, ты разобрался с этим.

– Разобрался, – заверил Руэри граф. – Просто… м-м…

– Что? – еще грознее сдвинул черные брови герцог. – Я не хочу никаких сюрпризов! Я женю своего сына на дочери лорда Утренней Звезды, а не на бывшем регенте, оставшемся без обширных земель и легендарного замка! Что «просто», сэр Альва? Чего ты мычишь?

– Все в порядке, – справившись с собой, поклонился Альва. – Все будет в полном порядке, не сомневайтесь.

– Так о чем тогда беспокоиться? – в бороде герцога снова обозначилась широкая ухмылка. – Не вижу радости на твоем лице, граф. Ты получаешь мою высочайшую поддержку и родственное благоволение в любых делах. Мальчишка получает Сенгу. А род Гриров – Утреннюю Звезду. Само собой, не сию минуту. Со временем. А Золотой Рог и Утренняя Звезда – это и есть Арвендейл. Наши владения богаче всех остальных в моем герцогстве вместе взятых… Все, как договаривались.

– Да, – опять поклонился Альва. – Все, как договаривались. А теперь, ваша светлость, пришло время традиционных даров вассала сюзерену. Прикажете начинать?

– Отчего не приказать? Прикажу…

Граф Альва, подняв руку, щелкнул пальцами.

Короткого этого разговора, промелькнувшего в общем ликующем шуме, не услышал никто, кроме четверых в центре зала.

– Начали! – сипнул господин в берете, пинком посылая первого слугу за порог.

Словно пущенная из лука стрела, тот пронзил гудящую пустоту зала, поставил у ног герцога небольшой бочонок, заученно пролаял:

– Земляничное прозрачное десятилетнее! – и с той же скоростью отбыл обратно.

А навстречу ему уже летел следующий с ларем в руках:

– Кубки горного хрусталя с рубиновой инкрустацией!

И пошло…

– Тончайшие шелка Восточного побережья!..

– Руно златорогого тура со Скалистых островов!..

Когда Кэйлин оказался вторым в очереди, он наконец сообразил, в какое ужасное положение угодил. Мгновенно вспотев, он взмолился господину в берете с петушиным пером:

– Мне никак нельзя…

– Пошел! Следующий, готовься!

– Послушайте, я серьезно…

– Заткнись и пошел! Следующий, готовься!

Подчиняясь инерции пинка, Кэйлин промчался до изрядно уже подросшего холма даров, скромно поставил у его подножия свою корзину и собрался было задать стрекача, как герцог Руэри Грир вдруг заинтересовался:

– А у тебя что?

Кэйлин окаменел в неудобной позе – на одной ноге, другую занеся для очередного шага.

– Оглох, что ли? Чего ты мне приволок, таракан?

Кэйлин не придумал, что ответить. Тогда сам его сиятельство граф Альва приподнял крышку, шевельнул тонкими ноздрями… и выронил крышку. Герцог заглянул в корзину, озадаченно почесал бороду и медленно выпрямился.

– Это что, шутка такая?.. – прогудел он, прищурившись на графа.

И сразу стало очень тихо.

Впрочем, Альве понадобилось всего несколько секунд, чтобы найти спасительный ответ:

– Шутка, ваша светлость, – напряженно улыбаясь, проговорил он. – Именно, что шутка. В стародавние времена обычным делом для вассала было одаривать своего сюзерена отрубленными головами его врагов… Но у вашей светлости не осталось врагов, поэтому я лишен такой возможности…

– Действительно, был такой обычай, – робко подал голос Рон Грир.

Граф перевел дыхание.

– С другой стороны, традиции надо чтить, – продолжил он, с благодарностью глянув на будущего зятя. – А кто способен злоумышлять против властителя великого Арвендейла? Лишь безмозглые бараны…

Герцог гукнул в бороду, покрутил головой. И вдруг расхохотался:

– Правильно мыслишь, сэр Альва!

Граф Альва, обернувшись, мигнул страже.

Кэйлину дали покинуть зал. И скрутили, как только он перешагнул порог. Кэйлин предпринял отчаянную попытку оправдаться, но не успел проговорить и двух слов, как получил такой силы удар по несчастной похмельной головушке, что на какое-то время потерял сознание.

Очнулся он уже во дворе, под ярким солнцем. Его волокли под руки двое дюжих закованных в доспехи стражников. Куда?.. Этого Кэйлин, конечно, знать не мог. Однако догадывался, что ничего хорошего ему не светит. Тут уж не плетьми пахнет, а самой настоящей виселицей! И стал Кэйлин брыкаться, извиваться в руках стражников, орать, как мог связно, о случившемся чудовищном недоразумении – даже не надеясь, что его выслушают, разберутся и отпустят, а просто, чтобы хоть что-то делать.

Стражники хранили молчание, держали крепко, шагали мерно. Да и народ, суетящийся во дворе, понятное дело, тоже не спешил вступаться – раз графская стража кого-то куда-то тащит, значит, так распорядился его сиятельство, а уж перечить воле его

сиятельства будет только безумный.

И замаячил впереди зарешеченный вход в темный подвал.

И вдруг Кэйлин, уже охрипший и почти обессилевший, углядел в толпе спешащих по своим делам оби-тателей замка знакомое лицо. И лицо это, серенькое и тусклое, вдруг волшебной вспышкой озарило его затуманенный мозг. И сразу, прорвав застойную плотину похмельного забытья, хлынул в ошалевшее сознание поток воспоминаний.

…Вот он, Кэйлин, благопристойно-трезвый, трясется на облучке собственной повозки по Восточной Торговой дороге. А впереди тонко чернеют, все приближаясь, шпили замка Утренняя Звезда, а позади, в крытой кабинке повозки, скучно молчит вот этот вот самый серый господин…

…Вот уж вокруг веселые огни Предместья, вот уж и сплавлен прибывший по месту назначения серый господин, а сам Кэйлин, освободившийся, получивший плату за свои услуги, изрядно приободрившийся по этому поводу, направляется со своим новым знакомым в ближайший кабак…

Ну, а в кабаке известно что – пиво, самогон, бардамар. И кости. Случайный знакомец куда-то сгинул, завертелся вокруг Кэйлина калейдоскоп рож, среди которых, между прочим, чаще других мелькала рябая физиономия… Красавчика Татума! Так вот, оказывается, кто он такой, этот рябой, это он, оказывается, Красавчик Татум и есть! Это ему и надо было передать злосчастную корзину с бараньими головами… А он, Кэйлин, одуревший с перепоя, все позабывший, потащился за каким-то чертом в замковые покои…

В общем, все вспомнил бедолага Кэйлин. И как проиграл в кости сначала имеющуюся наличность, потом свою лошаденку, потом и саму повозку. Как отыграл и то, и другое, и третье – и снова проиграл. И опять отыграл все обратно, да еще порядочную сумму в придачу… Крутила перед ним удача хвостом, как голодная псина – то взмывал Кэйлин на гребне барыша, то низвергался в пучину проигрыша. А кончилось все так, как и всегда кончалось. Кэйлин проигрался в дым. Тогда вынырнул откуда-то из кутежного чада рябой Татум, икающий, пошатывающийся и благодушный (еще бы ему не быть благодушным, повозку-то именно он выиграл!) – и похлопал полумертвого от расстройства и выпитого Кэйлина по вялому плечу:

– Да не хнычь, братан! Сегодня убыло, завтра прибудет. Жизнь, она, падла, такая… А хочешь, я тебе работенку подкину? Завтра-то… то бишь, уже сегодня праздник в замке большой будет. Слыхал, небось – его сиятельство в права владения

Утренней Звездой вступает? Вот и… того… Я, знаешь, в замке по хозяйству прислуживаю. Могу тебя в свои помощники взять. Жалованье приличное, столование дармовое; правда, и поработать придется, его сиятельство бездельников не любит… К тому ж в праздничные дни всегда поживиться можно чем-нибудь. Ну как? Договорились?

– Догово… ри-ри… ли-ли!.. Ага!.. – всполошился Кэйлин, воспрянув духом – насколько это позволяло его состояние.

Эх, знал бы он, чем все дело кончится, бежал бы от Красавчика Татума, как от чумного!..

– Добрый господин! – взмолился Кэйлин, забившись снова в крепких руках стражников. – Добрый господин, вы меня помните?! Это я вас сюда привез! Добрый господин!

Этот… серый, в шляпе с птичьими перьями, остановился, прищурился на Кэйлина.

– Выручайте, добрый господин! – заверещал тот. – Мы ж с вами земляки!.. Наверное… Выручайте!

Он был, кстати, не один, серый господин. С ним были еще двое: один высокий, очень представительный, богато одетый, удивительно похожий на его сиятельство графа Альву, с которым Кэйлин имел несчастье сегодня познакомиться; а другой… какой-то неприметный, в темном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо… почему-то с длинным дорожным посохом в руке…

Представительный, отчего-то заинтересовавшись происходящим, тоже остановился и небрежно взмахнул рукой.

Стражники, явно обратившие внимание на схожесть представительного с графом, тотчас замерли как вкопанные. Правда, Кэйлина из рук не выпустили.

– Помогите! – продолжал причитать Кэйлин. – Господа хорошие! Я вам… век буду благодарен! Я ведь ни в чем не виноват, ни за грош гибну! Я вам… в услужение пойду! Бесплатно служить буду до самой смерти, за кусок хлеба и глоток воды только! Клянусь! Спасите во имя Сестер-помощниц!..

– Бесплатно? – оживился серый господин в шляпе с перьями. – Бесплатный слуга?! Это очень экономно. Мастер Аксель? – обратился он к представительному.

Тот несколько секунд размышлял. И принял решение:

– Именем брата моего, его сиятельства сэра Альвы – требую освободить этого человека. Вину его, коли она есть, я беру на себя.

Стражники переглянулись, колеблясь.

– Ну! – повысил голос мастер Аксель. – Выполнять!

И Кэйлин, которого перестали удерживать, шлепнулся на

землю.

– Принимайте нового слугу, господин Фарфат, – усмехнулся мастер Аксель. – Не стоит благодарности, вы ведь мой гость.

– Вы так добры, так добры!.. – закатил глаза серый господин.

– Так добры, так добры!.. – подвыл своему свеже-обретенному хозяину Кэйлин.

– Полноте! – усмехнулся снова мастер Аксель. – Пройдемте на наши места, праздник вот-вот начнется!

Через час с небольшим Кэйлин уже сидел в ногах у господина Фарфата, время от времени с обожанием касаясь щекой голенища хозяйского сапога.

«Вот это поворот! – блаженно размышлял он. – Вот уж повезло так повезло! Прямо шеей веревку почувствовал – и хоп – выпрыгнул! Да и куда выпрыгнул – вона как высоко запрыгнул! Слава Сестрам-помощницам, слава заступницам! Подкинули мне этого… Фарфата вовремя. Ну и пусть он зануда и бука, пусть служить ему бесплатно придется… Зато живым остался! Да и наперед-то если посмотреть, это „бесплатно“ может некислым барышом обернуться… Сам он, Фарфат, человечек, оказывается, оч-чень непростой. Знакомства-то у него – ой-ей-ей!.. – Кэйлин внутренне похихикал, радуясь собственному исключительному везению. – Только что чуть в петлю не угодил, а сейчас – на праздник зван в качестве гостя, а не прислужника, и на самых наилучших местах восседаю. Какие господа вокруг, ай да господа! Камзолы в золоте, аж глаза слепит… Вон он – мастер Аксель, родной брат графа Альвы – через одного человека сидит! А вон там, где стража возле полога кучкуется, видно, сам граф усядется с его светлостью герцогом… Рукой подать!..»

Ни лорда Утренней Звезды, ни даже самого герцога Арвендейла Кэйлин уже не боялся. А чего бояться, если мастер Аксель объявил во всеуслышание, что берет его, Кэйлина, вину на себя? Душа бывшего возницы была легка, ибо ничего так не облегчает душу, как ответственность за собственные поступки, переложенная на кого-то другого…

Тут до слуха Кэйлина донеслись призывные крики виночерпиев. Вельможи в золоченых камзолах вокруг него засуетились, задвигались. Оживился и господин Фарфат:

– Скажите, мастер Аксель, за вино же платить не надо?

– За все сегодня платит мой брат! – рассмеялся мастер Аксель.

– Эй, ребята! – тут же замахал обеими руками господин Фарфат. – Которые с бочонками! Сюда! Живо!..

Получил свою чарку и Кэйлин. Вино оказалось удивительно вкусным; не особенно крепким, но на старые дрожжи плеснуло

чувствительно. Кэйлина разморило, и он прикорнул у хозяйских ног, блаженно подергиваясь, словно собака на жаре.

Сквозь ватный сон доносился до него шум толпы, похожий на мерный гул прибоя большой реки. Потом шум стал тише. Кэйлин приоткрыл один глаз в желании знать, что случилось, но увидел, конечно, только ряды пыльных сапог. И тогда забубнил нарочито скорбным голосом невидимый ему глашатай:

– Бу-бу-бу… его сиятельство… бу-бу-бу… с великой горечью сообщает… бу-бу-бу… гибели его любимого племянника… бу-бу-бу… наследника графства Утренней Звезды… бу-бу-бу… выполняя свой долг Полуночного Егеря… Эвин Сторм…

Вокруг заахали, но продолжалось это совсем не долго.

Кэйлин зевнул, уронил голову и захрапел.

И храпел до того момента, пока не грянула, всколыхнув собравшихся, громкая музыка, знаменующая начало праздника.

Глава 2

Стража у Красных ворот не посмела задержать его. Никто из стражников даже не пикнул, когда он – в запыленной одежде, с ног до головы испятнанный подсохшими кровавыми брызгами, с мечом, покрытым свежими засечинами, в руках – прошел под воротным сводом, не глядя на стражников, глядя прямо перед собой.

Ратники, выстроенные в две шеренги на входе в Красный двор, тоже не решились преградить ему дорогу.

– Сестры-помощницы!.. – ошарашенно ахнул кто-то из них. – Мертвяк идет…

– Какой тебе мертвяк, дурачина!.. – ответили ему из второй шеренги. – Как есть живой! Подранный только маленько…

Красный двор, клокочущий музыкой и праздничным многоголосым шумом, распахнулся перед ним. Сотни лиц, покуда еще не обращенных к нему, увидел он.

Не убирая меча в ножны, он направился в центр двора, туда, где на открытом пространстве, широко и высоко окруженном ступенеобразно поднимающимися рядами скамей, полными народу, изо всех сил терзали свои инструменты музыканты.

И пока он шел наискось через двор, люди изумленно смолкали, привставая на своих местах, чтобы лучше рассмотреть…

Музыканты, увлеченные игрой, заметили его последними. Развеселая музыка потеряла стройность, ритм запрыгал, как по кочкам; мелодию будто потянули в разные стороны, распустили, словно коврик… Один за другим музыканты, бросая инструменты, прыскали прочь.

Он остановился в центре двора. Случайная лютня жалобно пискнула под его ногой.

И наступила тишина.

Все, кто присутствовал в тот момент на Красном дворе, уставились на него одного. Впрочем, полная тишина длилась всего несколько мгновений. Это было похоже на то, как начинается дождь: сначала возникает едва слышное шуршание, затем оно становится громче, перерастая в бормотанье тысяч капель, потом повсюду – позади, спереди, по сторонам – вскипает бурный клекот… Подобно вспухающим и тут же лопающимся пузырям на воде, открывались и закрывались изумленные рты собравшихся на праздник.

Но он не смотрел по сторонам и не оглядывался. Взгляд его был вонзен в одно лишь лицо, белеющее в теневом полумраке

полога шагах в двадцати прямо перед ним. Лицо графа Альвы, родного его дядюшки.

Первым пришел в себя капитан замковой стражи, старый Хунт, служивший еще прежнему лорду Утренней Звезды, Адаму Сторму.

– Виконт Эвин Сторм! – потребовал Хунт, шагнув несколько раз по направлению к юноше. – Вложите оружие в ножны!

Юноша оторвал взгляд от неподвижного лица дядюшки, посмотрел на меч в своих руках… как-то не-внимательно посмотрел. И снова поднял глаза на графа Альву.

– Виконт! – громче повторил капитан Хунт. – Вложите оружие в ножны!.. Не надо, Эвин… – тише попросил он.

Юноша на этот раз и вовсе не отреагировал. Он молча стоял и смотрел.

У полога, под которым сидели Альва с дочерью и Руэри Грир с сыном, задвигались, забряцали доспехами рыцари графской и герцогской свит. Двое-трое рыцарей двинулись было к Эвину, но тут же замешкались… И смущенно вернулись обратно. Видно, фраза, произнесенная кем-то позади них свистящим шепотом: «Это ж тот самый… из Полуночных Егерей…», – охладила их пыл.

Эвин безошибочно стрельнул взглядом туда, где среди прочих сидели на скамье его товарищи: Манго и Мюр. Братья-Егеря сидели прямо, но каждый из них смотрел себе под ноги…

Капитан Хунт сжал зубы. И, отступив, подал знак.

Пятеро стражников бросились к Эвину. А тот, тяжело качнувшись, тронулся с места, пошел вперед – не навстречу стражникам, а навстречу графу Альве.

Вооруженные неуклюжими алебардами стражники не смогли даже затормозить движение юноши.

Подоспевшего к нему первым Эвин, поднырнув под его замах, сшиб ударом гарды в лицо. Второму в длинном выпаде обрубил наконечник алебарды и просто оттолкнул, обезоруженного, в сторону. Третьему молниеносным ударом снес шлем, повергнув ратника бесчувственным на землю. Четвертый и пятый, не рискуя нападать, какое-то время пятились, бессильно тыча остриями в юношу, затем один из них споткнулся и упал, а тот, что остался на ногах, бросил алебарду и поднял руки.

Эвин прошел мимо них, не удостоив взглядом.

– Виконт, остановитесь! – выкрикнул капитан Хунт.

До мест, занятых герцогом и графом с их детьми, юноше оставалось менее десяти шагов. Залязгали, вылетая из ножен, мечи рыцарей.

И тут опомнился наконец герцог Руэри.

– А ну стоять! – громыхнул он, расправив плечи, грозно

встопорщив черную бороду. – Ты что возомнил о себе, щенок?! Ты не видишь, кто перед тобой?! Брось меч и преклони колено, виконт Эвин Сторм!

Юноша шагнул еще раз… И остановился. Встал на одно колено, поклонился и поднялся. Но меча не бросил.

– Сэр Альва! – зарявкал герцог, смотря то на Эвина, то на сидящего рядом – все еще в окаменении – графа. – Не можешь справиться с одним-единственным юнцом, как у тебя вообще получается целым графством управлять?! А ты… виконт! Не погиб, значит… исполняя долг… Ошибочка, значит, вышла. Что ж… Что такого случилось, что ты прешь с оружием на своих господ?

– Признаться, случившееся до сих пор не укладывается у меня в голове, – ровным, хотя и несколько придушенным голосом проговорил Эвин. – Но, может быть, кто-то из присутствующих поможет мне разобраться – что случилось… – и снова уставился на дядюшку. – Может быть, мы все вместе, честные жители великого Арвендейла, попробуем разобраться?..

Альва вздрогнул, поспешно вскочил, сбросив с себя осколки лопнувшей оторопи, метнул в Хунта ошалелый взгляд.

Капитан Хунт дважды взмахнул рукой. Со всех четырех сторон споро потекли к Эвину меж рядами скамеек стражники, заколыхались на полуденном солнце острия алебард. Высоко над головами зрителей застучали сапоги бегущих по стенам арбалетчиков. Ломаные тени засуетились вокруг юноши на свеженасыпанном отливавшем солнечным золотом песке.

Эвин взмахнул мечом, принимая боевую стойку.

Собравшиеся заахали, привставая со своих мест.

– Ой, что сейчас будет!.. – возбужденно каркнул кто-то.

– Эвин!.. – негромко произнес Альва, коротко оглянувшись по сторонам. – Мальчик мой… Очень прошу тебя, не делай глупостей!

Голос графа не был испуганным или заискивающим, не был угрожающим; граф говорил почти спокойно, даже как-то доброжелательно. Видимо, с того самого момента, как Эвин появился на Красном дворе, Альва не пребывал в безмысленном трансе от изумления и страха. Он напряженно размышлял о том, как выкрутиться из создавшейся ситуации. И вот – нашел верный ход. А быть может, подготовил его заранее.

– Не делай глупостей, Эвин! – повторил Альва. – Ничего для дворянина не может быть дороже чести его рода. Вспомни о своем отце, Эвин, о моем брате! Пусть его честный прах не будет опозорен. Ибо позор одного члена семьи – позор для всей семьи!

Альва не повышал голоса, слышали его немногие. А

истинный смысл его слов из тех немногих поняли единицы. Сенга, например, поняла – одобрительно поджала и без того тонкие губы. Рон покраснел, опустив голову. А герцог Руэри Грир поморщился:

– Ну это уж слишком… – пробурчал он.

Эвин, кажется, даже не очень удивился дядюшкиному ходу.

– Ты всегда знал, что для меня лучше.

– А как иначе? Я старше и опытнее. Ведь чем отличается зрелый муж от зеленого юнца? Юнец не в силах сопротивляться собственному сиюминутному желанию. А зрелый муж в своих действиях руководствуется интересами не личными, а тех – ответственность за кого на нем лежит. И часто принимает решения, которые ему вовсе не по душе.

– Хватит! – прервал семейный разговор герцог Руэри, звучно шлепнул себя громадными ладонями по коленям. – Тебе, сэр Альва, только бы языком трепать… А не дело делать. А ты, парень… – обратился герцог к Эвину. – Живой-здоровый остался – поблагодари за то Сестер-помощниц, и будет. Иди сюда, сядь рядом со мной… Посидишь молчком, отдохнешь. Вона как нехорошо выглядишь. Посмотришь церемонию с лучших мест. Эй вы, расступитесь!.. Иди, парень, сюда! Как тебя?.. Эвин! Рон, потеснись-ка…

Эвин остался стоять там, где стоял.

– Ты что? – округлил глаза герцог. – Недослышиваешь, что ли? Сэр Альва, он у тебя глуховат? Или глуповат? Подойди ко мне, виконт Эвин Сторм, кому сказано!

На Красном дворе снова стало очень тихо. Слышно было только, как глухо шумит за стенами замка разгулявшееся уже с утра Предместье.

– Подойди ко мне! – заревел, приподнимаясь, герцог. – Я приказываю тебе!

– Я здесь, чтобы… взять свое по праву, – проговорил юноша, чуть дрогнув голосом на середине фразы. – А не для того, чтобы смотреть, как мое уходит тому, кому оно не принадлежит.

– Я приказываю!..

– Вы не можете приказать мне отказаться от Утренней Звезды, сэр Руэри. И никто не может. Даже сам Император. Правда, дядюшка?

В напряженной тишине коротко и отчетливо звякнуло – это Сенга выронила из рук кубок. Сэр Альва сжал в кулаке свою острую бородку.

– Более того, – продолжал Эвин, и голос его набирал силу. – Я прошу вас, сэр Руэри, как властителя Арвендейла – быть гарантом законности в этот день. Вы подтвердите обоснованность

моего требования?

Герцог с минуту громко дышал, переводя испепеляющий взгляд с Эвина на Альву и обратно. Затем буркнул:

– Ну… подтверждаю.

Эвин кивнул. Он вдруг совершенно успокоился. Удивительное, редкое, сильное ощущение – знать, что ты прав, по-настоящему прав. И никто во всем свете не сможет этой правды оспорить.

– Почтенные маги! – повернулся он туда, где темнели своими балахонами придворные графские маги. – Вы, знающие волю Сестер-помощниц, подтверждаете обоснованность моего требования?

Черные балахоны недолго и негромко пошуршали, совещаясь. Затем степенно поднялся мастер Алвис, старший графский маг. Несколько секунд помолчал, потирая залысый лоб, на котором красовалось похожее на размытого паука красное пятно – то ли родимое, то ли след давнего ожога, то ли последствия неудачного магического эксперимента…

– Не можем не подтвердить, – дипломатично высказался мастер Алвис.

– Благодарю вас, мастер Алвис. Благодарю вас, сэр Руэри, – обернулся Эвин к герцогу. – Благодарю вас, – кивнул он и дядюшке Альве. – За то, что стояли на страже великого Арвендейла, правили замком и землями моего отца и вашего брата, пока не пришло время мне взойти на престол.

– Эвин… – предостерегающе протянул Альва.

А Руэри Грир ничего не сказал. Но посмотрел на юношу так, что тот на мгновение растерялся. Но лишь на мгновение.

Эвин снова обратился к Альве:

– Впрочем, дядюшка, вы можете решить дело Поединком Богов. Закон Империи позволяет это.

– Да, Поединок Богов! – несколько оживился герцог Руэри. – Сэр Альва! Каждый, кто имеет право претендовать на престол, можешь сразиться сам или вы-двинуть вместо себя своего бойца. Если полагает, что его конкурент по каким-либо причинам не достоин престола. И пусть боги рассудят, кто прав, а кто виноват.

Альва мрачно усмехнулся. И оглядел своих рыцарей. Те чего-то заскучали, пряча глаза, отворачиваясь. Среди свиты герцога охотника вызваться на Поединок с лучшим из Полуночных Егерей тоже не нашлось.

– В таком случае, – проговорил Эвин, – мастер Алвис, благоволите начинать церемонию.

– Не спешите, мастер Алвис, – прозвенел вдруг громкий, чуть насмешливый голос.

И весь Красный двор обернулся на этот голос.

– Не спешите, мастер Алвис, – повторил, неторопливо поднявшись, Аксель Сторм. – И вы не спешите, виконт…

– Дядя Аксель… – поклонился юноша.

– Здравствуй, Эвин, давненько не виделись… – любезно откликнулся Аксель и обернулся к Альве:

– Ваше сиятельство! У меня есть боец, готовый сразиться за вас.

Герцог густо захохотал:

– А? Ага?! Вот молодец, как тебя?.. Мастер Аксель – вот молодец!

Граф Альва не удержался от облегченного вздоха.

– Кто же этот храбрый рыцарь? – спросил он.

– Мой боец – не рыцарь.

– Не рыцарь? – удивился Альва. – Но… он хотя бы благородного происхождения? Простолюдин не может участвовать в Поединке Богов.

– О, ваше сиятельство!.. – улыбнулся Аксель. – Как только вы увидите моего бойца, вас покинут все сомнения относительно его благородного происхождения…

– Что скажешь теперь, парень? – гаркнул сэр Руэри в сторону Эвина. – Обнаружился-таки смельчак! На всякого силача всегда найдется силач покруче, так люди говорят.

Эвина не особо взволновало неожиданное заявление дяди Акселя.

– Я уверен в исходе Поединка, – сказал он. – Сила – вовсе не залог победы, ваша светлость.

– Ну да, рассказывай, сопляк… Я за свою жизнь в стольких боях участвовал, сколько ты яблок не съел.

– Простите, но… смею предположить, меня учил воин опытнее вашей светлости.

Усмешка потерялась в черной бороде герцога Арвендейла:

– Давно мне не попадался наглец вроде тебя…

– Я не имел намерение оскорбить вашу светлость. Если угодно, есть три условия победы. Первое: видя в малом большое, предугадывать намерения противника. Второе…

– Заткнись, – посоветовал Эвину сэр Руэри. И махнул рукой мастеру Акселю:

– Давай своего бойца!

Аксель поклонился. Сидевший рядом с ним человек поднялся и сбросил с себя плащ.

Придворные маги встревоженно зашушукались. В толпе зрителей изумленно заохали. Герцог Руэри непонимающе прищурился на скинувшего плащ, Сенга коротко взвизгнула, а

Рон Грир открыл рот.

– Но этого… не может быть… – не без труда выговорил граф Альва.

– Эдгард Сторм, – объявил мастер Аксель. – Сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов.

Дедушка порылся в куче хвороста, приготовленной для костра, выбрал пару палок примерно одинаковой длины. Одну оставил себе, другую бросил Эвину.

Мальчик поймал палку, припомнив уроки воспитателя из Утренней Звезды, старательно принял боевую стойку. Провел несколько стандартных выпадов, стараясь двигаться с непринужденной плавностью. Ну надо же ему было показать, что он вовсе не новичок в ратном деле!

Старик неодобрительно покрутил головой, утяжеленной косматой шапкой.

– Сражение – не танец, – сказал он. – В сражении нет внешней мишурной красоты. В нем – лаконичная красота завершенности. Идеально проведенный поединок состоит из одного-единственного удара. Точного, быстрого удара. Смертельного или нет – это уж тебе решать… У твоего противника не должно быть ни единого шанса уклониться или парировать этот удар. И, уж конечно, у твоего противника не должно быть возможности нанести удар самому. Давай-ка попробуем…

Дедушка отшагнул, отвел руку назад, всем своим видом показывая, что намеревается ткнуть Эвина палкой в грудь. Мальчик, конечно, легко отбил этот выпад. И второй выпад, нацеленный ему в голову. И третий… И четвертый… Старик двигался медленно, словно под водой, всякий раз обстоятельно готовя очередной удар. Палка сухо и редко стучала о палку, мальчик оборонялся, безо всякого труда угадывая, как и куда именно Дедушка будет атаковать. Это было просто, даже скучно. Притомившись однообразием боя, Эвин начал нападать сам, резко бросаясь вперед или в сторону, но палка его неизменно встречала Дедушкину палку, причем старик отражал удары все с той же унылой медлительностью. Раззадорившись, мальчик принялся хитрить. Притворившись, что сейчас ткнет старика в живот, он в последний момент изворачивался, чтобы хлестнуть сбоку. Или бросал мимолетно примеривающий взгляд на стариковскую шапку, как бы готовясь атаковать в голову, а сам бил снизу-вверх по корпусу… Но ни одна из этих уловок ни разу не увенчалась успехом.

Эвин и сам не заметил, когда Дедушка начал ускоряться. Скоро мальчику уже стало не до нападений. Он отступал, прыгал вправо-влево, едва успевая защищаться – палка старика все чаще,

прорывая оборону Эвина, больно стучала мальчика по плечам и ногам, а то и по голове. Так продолжалось довольно долго. Эвин стал выдыхаться, ноги его ослабли, заспотыкались… Когда он впервые упал, Дедушка снисходительно усмехнулся. Эта усмешка разозлила мальчика. Он поспешно вскочил и опять оказался под градом ударов. И – не прошло и минуты – как свалился вновь, запнувшись о предательски высунувшийся из-под жухлой листвы корень.

Эвин падал и вставал еще несколько раз. В конце концов, снова очутившись на земле, он уже не смог подняться.

– Сдаешься? – осведомился Дедушка.

– Стормы… – хрипнул мальчик, задыхаясь, – никогда не сдаются!..

Превозмогая усталость, он встал, опираясь на палку, – и опять ринулся в бой. Впрочем, сил его хватило ненадолго. Минут через пять из ослабевших пальцев Эвина на замахе вылетела палка, а в следующую секунду он свалился и сам.

Дедушка встал над ним, закрыв своей косматой шапкой просвечивающее сквозь паутину ветвей голубое небо. Несильно ткнул палкой в грудь:

– Убит!

Мальчик не сразу смог ответить.

– Убит, убит… – отдышавшись, огрызнулся он. – Зато не сдался! Ты меня убил, а я не сдался, так ведь?

Дедушка снова усмехнулся. Помог Эвину приподняться – мальчик сел, привалившись спиной к стволу дерева. Тело его ныло и гудело, будто в нем поселился рой лесных пчел, избитые плечи и ноги горели. «Завтра будет еще хуже…» – мельком подумал Эвин.

– Разве я тебя убил? – присев рядом, спросил вдруг старик.

– А то кто же?

– Разве я свалил тебя на землю?

– Ну… – пожав плечами и тут же зашипев от боли, проговорил мальчик. – Я сам упал…

– Разве я вышиб из твоих рук палку?

– Не…

– Получается, вовсе не я тебя победил. Ты сам себя загнал до такой степени, что тебя любой калека сумел бы приткнуть ножом.

Эвин не успел ничего возразить, а старик продолжал, обернувшись к нему, глядя прямо в лицо своими удивительно зелеными глазами:

– Ты вступаешь в битву, какова твоя цель?

– Одолеть противника, конечно… – Эвин снова хотел пожать плечами, но вовремя поостерегся.

– Каков кратчайший путь к любой цели?

– Прямой…

– Следовательно?

Мальчик вздохнул:

– Мне нужно было нанести один-единственный решающий удар, – ответил он.

– Так чего же ты выплясывал передо мной битых два часа, лишая себя сил?

– Да-а! – вскинулся мальчик. – Нанесешь тут тот самый решающий удар, когда с таким, как ты, противником, дерешься!

– Неужто было трудно прочитать меня? Трудно было определить, что я собираюсь предпринять в тот или иной момент?

– Не так уж и трудно… Но…

– Что – «но»?

– Я не успевал. Я видел, как мне действовать, но не успевал. Ты всегда оказывался быстрее. Хотя вроде никуда и не спешил…

– Получается, видеть малое в большом – недостаточно для победы? – спросил его Дедушка.

– Получается, так…

– Что же нужно еще?

– Скорость, – выдал Эвин очевидный ответ.

– Итак, – подытожил старик, – мы определили два условия победы. Первое: видя в малом большое, предугадывать намерения противника. Второе: опережать противника не только умственно, но и телом. Понял?

– Понял…

– И тому, и другому следует долго учиться. Чтобы стать великим воином, надо непрестанно упражнять в себе внимание и сноровку. У меня для этого были столетия… У тебя времени поменьше. Так что нужно поднапрячься, занимаясь усерднее. И тогда во всем мире не будет воина, равного тебе. Понял?

– Понял, – сказал снова Эвин. – Это что же выходит? – вдруг сообразил он. – Ты и есть воин, равного которому нет в целом мире?

– Видимо, так, – равнодушно ответил Дедушка.

– Правда?!

– Я давно не покидал леса, – сказал старик. – Может, за то время и появился кто-то сильнее меня… А может, и нет. А может, и ты когда-нибудь станешь величайшим воином. Это ведь высшая награда для учителя, когда ученик превосходит его…

Мальчик встал на ноги, позабыв о боли и усталости. Вот это да! Только подумаешь, что Дедушка уже ничем тебя удивить не сможет, как он подкидывает очередной сюрприз.

– Я стану! – воодушевленно выкрикнул Эвин. – Обязательно стану величайшим воином в мире! Чего трудного-то? Условия победы я уже знаю! Первое условие! Видя в малом большое, предугадывать намерения противника! Второе: опережать противника не только умственно, но и телом! Внимание и сноровка! Только и всего!

– Не торопись, – качнул своей шапкой Дедушка. – Есть еще и третье условие.

– Какое? – жадно спросил мальчик.

– Всему свое время. Скоро узнаешь.

Со дня этого разговора прошло две недели.

Утро было тихим и прозрачным. Эвин быстро шагал по тропинке, ведущей из Дедушкиного леса к ближайшей деревне. На душе мальчика было легко, тропинка бежала вперед ровно и споро. Шутка сказать: первый раз выдалось передохнуть-прогуляться за без малого четырнадцать дней постоянных тренировочных боев с утра до вечера! А тут вдруг сегодня на рассвете старику заблажило хлебнуть медовухи, да не какой-нибудь, а той, что варит Рыжий Олл с Коровьих Выселок. «Сбегай, – сказал Дедушка, – к Оллу, принеси мне кувшинчик. Туда-обратно – к полудню обернешься…»

А Эвин и не спорил. Оно, конечно, великим воином стать – кто ж не желает? Но две недели без устали прыгать с палкой, беспрестанно получая синяки и шишки – это очень, знаете ли… утомительно. Правда, вон Дедушка вроде как и не устает совсем, молодцом держится, хотя и говорит постоянно, что недолго ему осталось, Эвину поторапливаться следует, перенимая у него опыт и знания; Дедушка заметно приободрился, оживел за последние две недели. Только вот чудить начал: медовухи ему подавай, да еще не обыкновенной, а особенной. Раньше таких закидонов за ним не замечалось, довольствовался тем, что в лесу раздобыть можно…

Тропинка, время от времени разветвляясь, бежала вперед, Эвин бежал по тропинке. Вот миновал он по правую руку Зеленую Лощину, вот миновал по левую – Кривой Хвост. Теперь осталось обогнуть вон тот холм, на пологой вершине которого сиротливо скрючилась открытая всем ветрам одинокая березка, а за холмом уже и Коровьи Выселки. Мальчик даже пожалел, что прогулка оказалась такой недолгой.

Приблизившись к холму, он немного замедлил шаги. У подножья сидел прямо на земле какой-то парень… лет семнадцати-восемнадцати, незнакомый. Одетый так, как одеваются многие в этих краях: штаны из волчьей шкуры и такая же куртка на голое тело. Голова парня была низко повязана

платком, выцветшим и вылинявшим настолько, что первоначальный цвет его определить было невозможно.

Завидев Эвина, парень неторопливо поднялся.

– Здоров!

– Доброго дня, – кивнул мальчик и пошел было дальше, но парень преградил ему дорогу:

– Далеко собрался?

– До Коровьих Выселок, – ответил Эвин, почуяв недоброе.

– И что ты там забыл?

– Рыжего Олла навестить надо.

– Который медовуху варит? – выказал свою осведомленность парень.

Был он толстогуб и неприятно смугл. Глаза его, такого же неопределенного цвета, как и платок на голове, смотрели с наглым вызовом.

– Тот самый, – сказал мальчик, шагнув чуть в сторону, чтобы обойти парня.

Но тот снова встал у него на пути.

– Чего тебе? – нахмурился Эвин, уже оценивающе оглядывая парня: верткий, худой, высокий, длиннорукий, жилистый, да и подраться, сразу видно, не дурак – серьезный противник, во всем его превосходящий. Разве что вот – очень уж нахальный, чересчур уверенный в себе. Это можно использовать…

– Чего мне? – ухмыльнулся парень. – А ты… кем Рыжему Оллу приходишься?

– Никем… – удивился Эвин вопросу.

– Ну, в таком разе гони монетку, – заявил парень. – Рыжий Олл – образина скупая, только родне в долг и верит. Остальным за деньги свою медовуху продает. Ну?!

Эвин уже вошел в боевой режим, соображал быстро и четко: главное – заставить этого долговязого согнуться, а там уж бить точно в челюсть, чтоб упал и не поднялся… Но перво-наперво мальчик втянул голову в плечи, поднял руку, вроде как собираясь пошарить за пазухой. А когда в глазах парня сверкнул победный огонек, резко пнул того под коленку.

Парень оказался на удивление проворным – успел отпрыгнуть, удар пришелся вскользь. И в тот же миг Эвина ослепила белая вспышка…

Очнулся он через несколько секунд на земле. Паскудный парень, все так же гадко и нагло ухмыляясь, подбрасывал на ладони монетку… Его, Эвина, монетку, ту самую, что дал сегодня на рассвете Дедушка.

– Ну, бывай! Может, еще встретимся… – сказал парень и неторопливо отбыл за холм.

Мальчик с трудом соскреб себя с земли. В глазах еще кружились разноцветные червячки, скула болела, наливаясь подкожной кровью…

В лес он вернулся ни с чем. На вопрос Дедушки буркнул:

– Потерял монетку…

– А с лицом что?

– Упал, – отвернулся Эвин.

Ну в самом деле, не рассказывать же про эту позорную драку? Стыдно…

День прошел, как и обычно, в тренировках. А следующим утром мальчик опять получил монетку и приказание купить кувшин медовухи.

На этот раз Эвин, отчего-то уверенный, что Враг (так он окрестил про себя мерзкого грабителя), снова ждет его у холма, захватил с собой увесистую дубинку.

И, как оказалось, не зря захватил. Вернее – зря…

Парень-то и вправду караулил его на подступах к Коровьим Выселкам. А вот дубинка не очень-то и помогла. После короткой драки Эвин опять отправился в лес без дубинки и без монетки. Зато с рассеченной губой. Враг, правда, тоже приобрел неплохую шишку на лбу, но исход-то боя оказался в его пользу!

– До завтра, Кошелек! – крикнул в спину мальчику Враг. – Я теперь тебя так буду звать! Ты ведь мой Кошелек теперь, ага!

– Опять монетку потерял? – осведомился Дедушка по возвращении Эвина.

– Не потерял… – проворчал мальчик, нащупывая языком распухшую губу.

– А что тогда? – спросил старик, поправив надвинутую по самые брови шапку.

– Кувшин… того… Разбил по дороге. Споткнулся, упал.

– Интересно ты падаешь. Все время головой. Ну, хватай палку, время упражняться.

На третий день Эвин, честно говоря, смалодушничал. Пошел окольной дорогой, то и дело оглядываясь, хоронясь в кустах при малейшем подозрительном звуке. Но проклятый Враг каким-то непостижимым образом вычислил его маршрут, подкараулил у самой деревни и снова избил, отобрав монетку. Что с того, что мальчик успел кусануть его за руку да пнуть в живот? Победа все равно осталась за Врагом.

Явившись в очередной раз без денег и медовухи, Эвин долго молчал, искоса поглядывая на ничего на расспрашивающего Дедушку, а потом – когда они, вооружившись своими палками, как обычно, принялись за упражнения, – спросил:

– А третье?

– Что?

– Третье условие победы? Кроме сноровки и внимательности? Какое?

– Придет время, – ответил старик, – и узнаешь.

Ночью четвертого дня мальчик долго не спал, ворочаясь, прикидывая, как ему одолеть ненавистного Врага. Ничего толком не придумал, но решил взять с собой нож. На нож-то этот гад не полезет, побоится жизнью рисковать из-за медяшки!

Однако Враг не испугался ножа. А вот Эвин в короткой схватке не осмелился пырнуть противника, хотя такая возможность ему представилась. И кончилось все, как и всегда. Враг получил свою монетку, а Эвин – несколько синяков.

– Да чего тебе от меня надо?! – заорал он в отчаянье, поднимаясь с земли и вытирая кровь, обильно сочащуюся из расквашенного носа.

– Как что? – гоготнул Враг. – Монетку. Что ж еще? Ты ж мой Кошелек, да?

– Я не Кошелек! – выкрикнул мальчик. – Ты знаешь, кто я, мерзавец?

– Кошелек! – все издевался Враг. – Кошелек ты, вот кто!

– Я – Эвин Сторм! Виконт Эвин Сторм, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов!

– Сын Адама Сторма!.. – взялся за тощий живот ненавистный Враг. – Слыхал я про твоего папашку! Это который командор Полуночных Егерей был, ага? Говорят, всю жизнь с Темными тварями валандался, так среди них пообвыкся, что ихних самок трахал, на человеческих баб смотреть не мог! У-ха-ха!..

Эвин, не помня себя, бросился на проклятого Врага. И не угомонился, пока тот не отвалтузил его до бессознательного состояния.

Следующий день мальчик отлеживался в лесном шалаше. На скупые вопросы Дедушки вовсе не отвечал, отворачивался. Но не просто так валялся, конечно. Разрабатывал план, как сокрушить наконец заклятого своего противника. К рассвету план был готов. Эвин стал собираться. Никакой монетки старик ему не давал и о медовухе больше не заикался, да и сам Эвин про то не думал. При чем тут монетка, при чем тут медовуха? Не осталось в мальчике больше ни страха, ни обиды, ни стыда. Только мерно перекатывалась в холодной голове угрюмая великая ненависть, готовность умереть, но не проиграть. Даже странно: на этот раз мальчик нисколько не сомневался, что победит. Пусть ценой собственной жизни, но победит. Ведь погибнуть в бою, не отступив перед врагом, – это тоже победа.

Когда солнце со стороны Тухлой Топи зажгло красные

вершины дубов Дедушкиного леса, Эвин двинулся в путь.

Враг ждал его у подножия холма, на котором, словно штандарт злодейского воинства, трепыхала редкой листвой кривая березка.

Когда расстояние между ним и Врагом сократилось до сотни шагов, Эвин на ходу поднял лук, вытянул из заплечного колчана первую стрелу.

Все-таки Враг был изумительно ловок. Эвин, за свою лесную жизнь приноровившийся стрелять без промаха, опустошил колчан, пуская стрелу за стрелой в противника, но только последняя поразила цель, впившись Врагу в левую ногу.

Испустив боевой клич, мальчик отбросил прочь лук и пустой колчан, выхватил из ножен нож и бросился в атаку.

Они схватились поодаль от холма, в болотистой низинке, куда мальчик сознательно загонял Врага своими стрелами. Там, в липкой чавкающей грязи, раненому противнику пришлось несладко. Но все равно – даже и в таком состоянии, даже и в таком невыгодном для себя положении Враг действовал храбро и разумно. Выбрасывая перед собой длинные жилистые руки, утяжеленные убийственно-мощными кулаками, он удерживал мальчика на расстоянии, не подпуская к себе, изматывая.

Это уже потом Эвин удивлялся тому, что не испытывал ни усталости, ни боли от точных ударов кулаков Врага. А тогда, в расцвеченной кровью грязи, он просто сражался, планомерно атакуя противника слева, с уязвимой стороны.

Долго длился бой. И наконец, подгадав удачный момент, мальчик в решающем рывке бросился вперед. Железные костяшки Врага мазнули ему по лбу, разорвав брызнувшую красным бровь, но это Эвина не остановило. Он ударил Врага ножом в левый бок, под ребро. Тот отчаянно извернулся, подставив под клинок бедро – но итог схватки был решен.

Протяжно вскрикнув, Враг повернулся и пустился наутек – так быстро, как позволяла ему цепкая грязь и нанесенное увечье.

Мальчик не стал его преследовать.

Выбравшись из болотца, Враг обернулся.

– Ну ты даешь, Кошелек!.. – плачуще выговорил он.

Затем швырнул себе под ноги пригоршню медных монеток:

– Получай!

Неизъяснимое блаженство долгожданной победы вспузырило душу Эвина.

– Эй, ты! – крикнул мальчик. – Молись, чтоб мы не встретились снова!

Ничего не ответив, Враг поспешно заковылял прочь.

А Эвин двинулся в сторону Дедушкиного леса.

Впрочем, через некоторое время он повернул назад. Подобрал отвоеванные монетки, навестил Рыжего Олла, купил у него кувшин знаменитой медовухи – победа должна быть полной.

Дедушка принял кувшин без вопросов. Погрел его у костра, отпил глоток и блаженно сощурился:

– М-м… Давненько такой вкуснотищи не пробовал!

Отпил еще глоток и вдруг серьезно поинтересовался:

– Теперь понял?

– А? – не сразу откликнулся Эвин, чьи не остывшие еще мысли были там, в болотистой низине у холма.

– Третье условие победы?

Мальчику не надо было долго думать, чтобы ответить.

– Понял, – сказал он. – Чтобы победить, нужно быть уверенным, что проигрыш невозможен. Чтобы победить, нужно точно знать, за что ты сражаешься.

– Верно, – кивнул старик.

В этот день они не упражнялись. Дедушка, оказывается, пока Эвин отсутствовал, подвернул левую ногу. Да так неудачно подвернул, что еще неделю после этого прихрамывал.

Сейчас, в этот яркий осенний полдень, на Красном дворе замка Утренней Звезды Эвин Сторм смотрел на своего брата и видел самого себя. Самого себя, только одетого в простые просторные штаны и рубаху, босого, с наголо обритой головой. Видел самого себя и чувствовал, как победная уверенность в исходе предстоящего Поединка, только что заполнявшая собой все его тело, неумолимо тает, оставляя тело пустым, легким и бессильным.

Когда-то они, три брата, были одним целым. А теперь ему предстоит… Сражаться с самим собой?..

Эвин облизнул губы. С силой провел ладонью по лицу, на мгновение крепко зажмурившись, точно хотел убедиться: то, что он видит, не морок, не наваждение…

Эдгард никуда не исчез.

Он стоял там же, где и стоял, такой знакомый и в то же время незнакомый, нездешне сложив руки пониже груди, стоял спокойно, как-то странно умиротворенно улыбаясь. Как-то надмирно улыбаясь. Будто ничего в мире его не волновало, будто он давно про всех все узнал и понял, и нигде и ни в ком не осталось для него никаких загадок.

Братья встретились взглядами. Эдгард улыбнулся Эвину – отдельно, точно подтверждая, что тоже узнал и тоже рад встрече… Только почему-то она его нисколько не взволновала. И все-таки что-то ободряющее было в этой улыбке. Словно не бой им предстоял, а безмятежное братское застолье.

– Эдгард Сторм?! – герцог покрутил головой, и золотой зубчатый ободок короны ослепительно сверкнул в его густых черных космах. – Тот самый… Помнишь его, Рон? – пихнул он сына в бок. – Еще бы тебе его забыть, руку-то он тебе тогда так…

Рон Грир кивнул, не сводя глаз с лица стоящего прямо и молча Эдгарда.

– Привалило тебе сегодня племянничков, граф… – заметил еще сэр Руэри.

Альва поднялся с прижатыми к груди руками. Бородка его чуть заметно подрагивала. Сложный день выдался ему, нечего сказать. Кажется, новый сюрприз опять сбил с толку всегда по-деловому уверенного в себе графа.

– Эдгард Сторм… – пробормотал Альва. – Но… Как? Откуда? Это и вправду ты, мальчик мой?..

Последний вопрос явно был лишним. Сходство двух сыновей Адама Сторма никто не смог бы подвергнуть сомнению.

Эдгард поднял лежавший у ног посох, длинный, легкий на вид дорожный посох, и стал спускаться.

Эвин медленно отступил на шаг назад. Вдруг он вскинул руку.

– Тебе незачем сражаться! – крикнул он брату, явно осененный внезапной мыслью. – Ты старше меня, престол Утренней Звезды по праву твой! Не дядюшки Альвы, твой!

Эдгард не остановился.

– Эдгард Сторм сражается не за себя, – громко, для всех, пояснил Аксель. – Он сражается за сэра Альву. Эдгарду не нужен престол.

Эвин опустил руку и отступил еще на шаг. И опять остановился:

– Пусть мой брат говорит сам за себя!

– Говори! – разрешил Аксель.

– Я буду сражаться за сэра Альву, – сказал на ходу Эдгард. – Мне не нужна Утренняя Звезда.

Эвин воткнул меч в песок. И, поколебавшись, снова взял его в руки.

– Я не хочу биться с братом! – выкрикнул он.

Альва с готовностью поднялся:

– Ты отказываешься от Поединка Богов, мальчик мой?..

– Я… – начал было Эвин, но его опередил Аксель:

– Боюсь, все не так просто, Эвин. Ты уже бросил вызов. И не можешь отказаться от Поединка. По правилам остаться в живых после боя должен только один из сражающихся. Если же побежденный не погибнет в бою, его надлежит казнить. Ты признаешь себя побежденным?

Юноша медлил до тех пор, пока его брат не спустился к нему.

– Я не признаю себя побежденным, – сказал Эвин.

– Хватит рассусоливать! – рыкнул сэр Руэри. – Дайте бритому мальчишке Сторму доспехи и меч, пусть начинают!.. Чего тебе, Рон? – отвлекся герцог на своего сына, несмело потянувшего его за рукав.

Волнуясь и торопясь, Рон Грир что-то прошептал на ухо своему отцу. Лицо Грира-старшего досадливо покривилось.

– Твоя правда…

– Что такое? – встревожился Альва.

– Да вот еще незадача… – с явным неудовольствием сообщил герцог. – Рон напомнил мне, что мальчишка Сторм… который Эдгард – вообще не может драться. Ему запрещено брать в руки какое-либо боевое оружие. Под страхом казни. Я же сам этот указ и издал. Когда он Рона-то покалечил… Час от часу не легче.

– Чего же проще, – шепнул Альва. – Вы, ваша светлость, издали указ, вы этот указ и того… отмените…

– Дело! – снова повеселел сэр Руэри.

– В этом нет необходимости! – снова подал голос мастер Аксель, для которого, видимо, никакого труда не составило услышать шепот старшего брата. – Эдгард Сторм будет биться своим посохом… Посох ведь не считается боевым оружием, верно?

По скамьям прокатились вздохи удивления, скоро сменившиеся смешками.

– Палкой драться будет! – громко хохотнул кто-то.

– Впрочем, – добавил Аксель, – Эдгард может биться и голыми руками.

– Но разумно ли?.. – попытался протестовать сэр Альва. – То есть я хотел сказать – справедливо ли выставлять безоружного против вооруженного? Эвин – лучший воин среди Полуночных Егерей. А значит – лучший воин во всем Арвендейле…

Мастер Аксель, улыбнувшись, убедительно проговорил:

– Даю вам слово, ваша светлость, что бойца, подобного Эдгарду Сторму, Арвендейл еще не видывал.

– Но я не могу биться с безоружным! – воскликнул Эвин.

– В таком случае признай себя побежденным, виконт, – мгновенно отреагировал мастер Аксель.

– Да сколько можно?! – зарычал сэр Руэри. – Болтают, болтают… Можно-нельзя… Раз больше никаких закавык не осталось… Деритесь уже!

Поднявшееся было гудение толпы снова утихло, когда два брата встали друг против друга на импровизированной арене. Утихли смешки и выкрики. Зрители следили за каждым

движением бойцов. Наверное, все на Красном дворе понимали… а если не понимали, то чувствовали – что сейчас на их глазах творится история. Им, зрителям церемонии вступления лорда Утренней Звезды в свои права, было обещано: угощение, музыка и представления лицедеев. Но на деле оказалось, что они станут свидетелями чего-то неизмеримо более захватывающего. Шутка ли!..

– Мастер Алвис! – позвал Аксель. – Прошу вас!

С такой торжественностью он возгласил это, что многим сразу стало ясно: ему зачем-то очень было нужно, чтобы состоялся этот поединок между его племянниками. И вот теперь, когда все получилось так, как он хотел, Аксель не скрывал своего удовлетворения происходящим.

Мастер Алвис поднялся. Передернув плечами, сухо потер маленькие, как у женщины, ладошки друг о друга и аккуратно развел их в стороны на расстояние в четверть метра.

– Смерть возьмет свое и не тронет ей не принадлежащего, – размеренно проговорил он стандартную формулу. – Да свершится справедливость по воле богов! Пусть они рассудят, кто прав, а кто виноват!

Едва он успел закончить, как между его ладонями вспыхнуло на мгновение и пропало… что-то яркое, молниеносное… будто, проявившись из другого мира, открылся и закрылся внимательный нечеловеческий глаз…

Мастер Алвис, в одну секунду уставший, стер с меченого лба пот, шумно выдохнул. Произнесение формулы вытянуло из него изрядное количество маны.

– Сражающимся запрещается прибегать к помощи третьих лиц и использовать магию, – севшим голосом напомнил он. – Поединок Богов начинается! – И сел – почти упал – на свое место.

Эвин демонстративно снял с себя все амулеты, оглянулся, точно ища, кому их отдать… и, не найдя, конечно, никого подходящего, швырнул их подальше.

– Вперед! – заорал герцог Руэри. – Деритесь!

Сэр Альва сжал в кулаке свою бородку.

Братья одновременно тронулись с места. Не торопясь сближаться, они двинулись по кругу.

– Здравствуй… – проговорил Эвин.

– Здравствуй, – приветливо и спокойно откликнулся Эдгард.

– Это действительно ты?

– Конечно, – Эдгард улыбнулся. Странная была эта улыбка. Родная до боли, но почему-то какая-то… непонятно отстраненная.

– Почему ты… такой? – не удержался от вопроса Эвин.

– Какой?

– Как оледенелый. Будто ты… Будто с тобой… Не знаю, как сказать… Где ты был? Что с тобой было? Впрочем, это не так важно. Послушай, ты многого не знаешь!.. Дядюшка Альва, он…

– У нас еще будет время поговорить. Сейчас не совсем подходящий для этого момент, не находишь?

– Будет время?.. О чем ты? В живых останется только один!

Эдгард снова улыбнулся.

– Я не стану убивать тебя! – сказал Эвин.

– Конечно, – снова ответил Эдгард, словно услышал нечто само собой разумеющееся.

– Но… что мне делать? Что ты собираешься делать? Я… вовсе не хочу сражаться с тобой!

– Просто делай что должен, – сказал ему Эдгард. – Наши желания не имеют никакого значения.

Делай что должен! Но как?..

И тут в голове Эвина четко высверкнула спасительная мысль: он победит брата! Безусловно, победит, у того ведь нет ни единого шанса выстоять против лучшего из Полуночных Егерей. Победит, но убивать не будет. Тем самым он все равно подпишет Эдгарду смертный приговор, так ведь… В случае победы сегодня же Эвин станет графом, полноправным лордом Утренней Звезды. А уж властитель легендарного замка найдет способ, как вызволить из беды родного брата. Родного – вновь обретенного – брата!

Был, правда, еще один способ спасти Эдгарда из той смертельной ловушки, куда он по какой-то неясной пока причине влез. Поддаться, проиграть ему.

Но тогда лордом Утренней Звезды станет дядюшка Альва. А Эвина казнят – дядюшка уж постарается, чтобы на этот раз не сорвалось… Но главное – самое главное! – Эдгард наверняка будет следующим. Он ведь тоже наследник графства… И дядюшка Альва вряд ли будет рисковать, оставляя его в живых…

– Долго мне эту тягомотину терпеть?! – не сдержался сэр Руэри Грир. – А ну сражайтесь! Бей его! А ты его!.. Бей!

– Бей! – подхватил кто-то из толпы зрителей.

– Бей!

– Бей!.. – застучали ногами, засвистели, заулюлюкали люди. – Бей! Бей!..

Эвин крутанул меч, примериваясь. Сначала нужно, конечно, обезоружить Эдгарда…

То, что случилось ничтожной долей секунды позже, он никак не смог предугадать. Эдгард вдруг закрутил свое тело гудящим винтом, метнулся к нему по непредсказуемо кривой траектории – и замер, выставив перед собой посох… Оконечье которого, ударив

Эвина в грудь, отбросило юношу на несколько шагов…

Эвин прыжком вскочил на ноги. Грудь жгло режущей болью, в глазах плавали призрачные пятнышки.

Эдгард, совершенно спокойный Эдгард, мягко ступая босыми ногами, шел к нему, легко вращая свой посох между пальцами отведенной в сторону руки. Эвин качнулся. Удар был силен, очень силен… небывало силен для такого легкого посоха. Но не это занимало сейчас мысли юноши. Он пропустил удар! Как такое могло произойти? Да вот как – противник очень быстр, неестественно быстр…

Эдгард крутнулся куда-то в сторону. Рывок этот оказался настолько молниеносным, что Эвин просто не успел проследить его глазами. Каким-то образом Эдгард снова очутился рядом с ним, опять юноша запоздало услышал короткий свист рассекающего воздух посоха.

На этот раз удар пришелся по ногам.

Эвин покатился по песку.

Поднявшись, он резко развернулся, ища противника… Который обнаружился за его спиной, в нескольких шагах.

– Что ты делаешь?! – задыхаясь, выкрикнул Эвин.

– То, что должен, – спокойно ответил Эдгард.

Эвин бросился в атаку, не имея намерения поразить его, выцеливая лишь проклятый посох. Но Эдгард не дал приблизиться к себе. Он метнул посох в брата. Не как копье метнул, а, перехватив за один конец, закрутил в свистящую размытую окружность. В другое время Эвин и вовсе бы не обратил внимания на такое – подумаешь, деревянная палка, какое повреждение она может нанести? Отбить на ходу и все… Или увернуться – тоже труда не составит. Но в том, что посох – никакая не обычная палка, Эвин уже имел возможность убедиться… Вернее, палка-то, может, и обычная, вот только обращается с ней его брат так, что следует поостеречься.

И он замедлился, следя, как летит к нему посох…

И в это же мгновение получил еще один сокрушительный удар – в живот. Эдгард каким-то чудом успел домчаться до брата быстрее запущенного посоха…

Эвин кувыркнулся через голову, рухнул навзничь и проехался несколько шагов на спине.

Подняться у него вышло не сразу.

Тело болело, все, целиком. В глазах плясали кровавые пятна, а дыхание получалось отрывистым, обжигающим, судорожным – и не насыщало легкие достаточным количеством воздуха.

Эдгарда нигде не было.

Эвин рывком развернулся, ища его.

Снова никого. Что ж он, брат? Пользуясь своей невообразимой ловкостью, прячется у него за спиной, выставляет его на потеху?..

Он снова развернулся, одновременно взмахнул мечом – клинок рассек пустоту.

Кровь шумела в ушах Эвина. Кровь шумела в его ушах, и не мог он слышать восторженный вой толпы. Кровь мутно плавала в глазах, и не мог он видеть, как его дядюшка в первых рядах потрясает возбужденно кулаками, как гогочет, восхищенно мотая черной курчавой головой герцог Руэри Грир, как рукоплещут блистательному воину Эдгарду дочери сэра Альвы, а самая младшая и красивая из них – Сенга, сидящая рядом с отцом, кокетливо прикрывает ладошкой запунцовевшие губки, следя за пируэтами новоявленного кузена, а жених ее, Рон Грир, вовсе не смотрит Поединок, а смотрит на нее, и огонек ревности блестит в его глазах… Не видел Эвин и второго своего дядю, Акселя, недвижно и спокойно сидящего среди бушующей толпы, с полным удовлетворением во взоре наблюдающего происходящее…

Он снова развернулся, ударив мечом наугад.

И на этот раз краем глаза успел-таки ухватить змеино-ловкое движение позади себя. Но было уже поздно. Мир вокруг Эвина сотрясся и перевернулся.

И погас.

Глава 3

Утих взбалмошный крикливый день, угомонилась суматошная огненная ночь – отшумело долгожданное торжество, выдавшееся для его виновника таким не-ожиданно нервным.

Теперь, когда с пределов Тухлой Топи поползли по небу к замковым башням красные тени рассвета, братья Альва и Аксель Стормы, услав всех слуг, уединились в одной из спален графских покоев Утренней Звезды.

Сэр Альва, утомленно расслабленный, против своего обыкновения изрядно пьяный, раскинулся на постели прямо в одежде, с кубком в руке: сапоги попирают подушки, камзол на груди лоснится от пролитого вина, а по лицу плавает удовлетворенная улыбка. Очень был похож сэр Альва на путешественника, который долго-долго был в пути и вот наконец достиг своей цели.

Мастер Аксель сидел в кресле боком к уютно потрескивавшему камину, мастер Аксель был свеж, трезв и собран. Видно, его путь еще только начинался…

– Н-да… – проговорил Альва, пошевелился и снова невольно плеснул на себя вином из кубка. – Занятные вещи рассказываешь, братец… Значит, великое противостояние Тьмы и Света грядет? И… что же? Чем это грозит всем нам?

– Кому – нам? – счел нужным уточнить Аксель.

– Ну нам… Людям. Человекам.

Мастер Аксель вытянул руки к огню.

– Трудно сказать, – произнес он, глядя на пляшущие язычки пламени, на крохотные алые искорки, небольно жалящие ладони. – Подобные катаклизмы происходят с определенной периодичностью, раз в несколько тысяч лет – мир словно сбрасывает старую шкуру, обновляясь. К сожалению, рассчитать эту периодичность не представляется возможным – ни людям, ни Могучему народу, ни даже Высокому народу. Век смертных чересчур короток для этого. Но приближение очередного катаклизма вполне реально предсказать по очевидным признакам…

– Так чем грозит-то?.. – отхлебнув вина, поинтересовался Альва, не пожелав вникать в подробности объяснений.

– Я же говорю: трудно сказать. Может, будет большая война. Или череда войн. Эпидемия. Голод… Или же наоборот – какой-нибудь прогрессивный прорыв. Образование нового великого государства, открытие неведомого ранее континента. А может быть, люди и вовсе каких-либо изменений не заметят. Но

очевидно одно – эти изменения обязательно случатся. Метаморфозы в высших сферах непременно отразятся на мире людей…

– И когда же нам ждать этих… изменений?

– Ну, не завтра, – усмехнулся Аксель. – И не в этом году. Космос неторопливый, шаги его следует мерить столетиями.

– Столетия! – фыркнул Альва. – Так чего ж нам сейчас беспокоиться?..

– Как ты не понимаешь! – мастер Аксель отвернулся от огня, подтянул ноги, сел прямее. – Это ведь Великая Игра Света и Тьмы! – он так и произнес эти слова, выделив каждое, обозначив в каждом исключительную важность. – Принять в ней участие, прикоснуться к звездной механике, причаститься воли богов, подняться в высшие сферы, хотя бы умственно… что в жизни может быть более… значительным? Только так мы, смертные, способны приблизиться к Вечности…

Сэра Альву явно не впечатлило то, что говорил брат. Он отхлебнул еще вина. На минуту задумался о чем-то… И хихикнул.

– Помнишь Сверра? – спросил он.

– Сверр? – смешался Аксель. – Какой еще Сверр? При чем здесь Сверр?

– Ну отцовский псарь! Сверр!

Аксель поморщился, потрогал себя за кончик носа.

– Отцовский псарь, – повторил он. – Такой… старичок, да? Вредный, косматый и пронырливый, как бурундук? Припоминаю…

– Ну, какой старичок… – поправил его Альва. – Он ненамного старше нас сегодняшних был. Не стригся просто, не брился, вот и выглядел хрычом. Это нам тогда он стариком казался, мне, тебе и Адаму – нам ведь по восемь-девять лет было.

– Так. И что?

– Помнишь, играли в Зигруда и Чащобного Дракона?

Мастер Аксель снова почесал кончик носа и вдруг, кивнув брату, рассмеялся – таким простецким обычным человеческим смехом.

– Помню! – сказал он. – Играли! И сторожевую башню сожгли!

– Ага, ага! – сэр Альва тоже хохотнул, что-то просверкнуло в его глазах: то ли отблеск каминного огня, то ли память далекого детства. – И я хорошо помню. На Эфа-портного, пьянчужку, свалили! Ох, отец тогда рассердился! Как даст Эфу кулаком по лбу. А кулак у отца был… Он, Эф-то, и окосел. Один глаз туда смотрит, другой туда. Дерево обойти не мог, обязательно лбом врезался, в дверной проем не попадал. А уж о том, чтобы

ремеслом своим заниматься, шить, и речи не шло. И самое удивительное: как только кружку-другую накатит, так глаза на место становились. И ходить мог, и шить. Так ему – помнишь? – специально наливали, чтоб дело делал. Так мы, получается… Услугу ему оказали! Он нам, верно, по гроб жизни благодарен был!

Некоторое время братья смотрели друг на друга, умильно щурясь. Затем Альва спохватился:

– Да! Что дальше-то было, помнишь?

– А то!

– Сверр-то, гад, видел, как из башни драпали, когда пламя уже в бойницах заплясало, – тем не менее стал рассказывать граф. – Кстати, кто тогда масло-то разлил? Я, ты, Адам? Этого не помню.

– И я не помню.

– Да, да. А через денек-другой Сверр ко мне подошел и говорит: знаю я, мол, чьих рук дело-то. Вы, ваше сиятельство, мне серебряшку дайте, тогда не скажу папеньке-то!

– И ко мне подходил, – улыбаясь, качнул головой мастер Аксель.

– И к Адаму тоже. И с каждого из нас по отдельности барыш имел. Сколько мы ему всего перетаскали! А ему все мало было!.. А как нам стало нечем ему за молчание платить, так он, сволочь, пошел и отцу донес. Чтоб и с него за службу деньгу срубить.

– Срубил! – захохотал Аксель. – И ведь срубил же! Только не он, а отец. И не деньгу, а башку дурную паскудному фискалу! Ну и нам, конечно, влетело…

– Да! Да… Попало знатно!

Отсмеявшись, Аксель вдруг посерьезнел. Посмотрел внимательно на брата, который шатко свесился со своей постели и плескал в кубок из кувшина, стоявшего на полу.

– Ты к чему это все? – спросил Аксель.

Сэр Альва, пыхтя и разливая вино вокруг себя, снова устроился на подушках.

– К чему это я? А к тому, братец, что я не того… не одобряю. Неразумно лезть к тем, кто неизмеримо могущественнее тебя. А уж тем более пытаться как-то манипулировать ими… высшими. Это всегда плохо кончается. Все шишки на тебя и посыплются. Не боишься, а?

Мастер Аксель прищурился. Он снова стал собой обычным: сосредоточенным, собранным.

– Боюсь, – ответил он. – Честно признаюсь, боюсь… Но в этом-то и все удовольствие. Страх, он привлекает. Горячит, будоражит, веселит. Ведь что такое веселый страх? Азарт! А

жизнь без азарта – как еда без соли. Проглотить проглотишь, да приятности не испытаешь. Ну довольно лирики.

Аксель, видимо, оценил состояние брата: еще немного, и тот, непривычный к алкоголю, утратит способность мыслить конструктивно.

– Вот что, – проговорил он. – Я оказал тебе большую услугу. Теперь ты поможешь мне.

Сэр Альва насторожился. Мотнул головой, словно в попытке вытряхнуть оттуда опьянение.

– Я тебя ни о чем не просил, – осторожно сказал он.

– Ты оказался в отчаянном положении. Обязательно попросил бы, представься такая возможность.

– Ты играешь в свою игру, Аксель, эта твоя услуга, скорее всего, была выгодна не столько мне, сколько… – начал было Альва, но брат довольно бесцеремонно перебил его:

– Я оказал тебе услугу, – тверже повторил он. – Теперь ты должен мне помочь.

– Чего ты хочешь? – помолчав немного, спросил Альва. – Имей в виду, я последнее время прилично поиздержался. С этими торжествами, приемами, вассальными дарами… Моя казна почти пуста.

– Я не прошу у тебя денег. Это касается нашего беспокойного племянника…

– Эвин должен быть казнен! – громче, чем требовалось, заявил граф. – Никто и ничто не в силах отменить его казнь! Он с непонятным его упрямством – страшная угроза для Утренней Звезды… А значит, и для Арвендейла целиком. На одной чаше весов глупый мальчишка – на другой весь Арвендейл. Что важнее?

– Арвендейл. И собственное старательно выстроенное благополучие, – добавил к явно перевешивающей чаше Аксель.

– Да! – раздраженно ответил Альва. – Собственное старательно выстроенное! Сенга станет невесткой герцога Руэри! Это немало значит! И для меня, и для всего графства! А через неделю и остальных дочек разберут, как… как горячие лепешки в день гуляний. И не кто-нибудь разберет, а – самые завидные женихи Арвендейла! Пройдет еще полсотни лет, и наш род станет править в герцогстве. Упрочит и умножит свои славу и богатство! А кто этого добился? А? Разве сэр Руэри Грир взял бы для своего сынишки-тюфяка мою дочь, если Утренняя Звезда не была б таким процветающим краем, каковым является сейчас? А?

– Верно, верно. Не горячись… Слушай… А не жалко парнишку?

– Жалко, – сделав длинный глоток из кубка, подтвердил Альва. – Конечно, жалко, что я, зверь, что ли, какой? Только вот…

Слишком уж большая ставка. И мальчишка сам виноват. Не рыпался, жил бы припеваючи до самой глубокой старости. Нет, даже не проси помиловать Эвина. Это невозможно.

– Я и не прошу для него помилования, – мягко проговорил мастер Аксель. – На какой день назначена казнь?

– На завтра.

– Как ты собираешься казнить его?

– На плахе, конечно, – пожал плечами граф. – Ему отрубят голову – как и положено поступать в подобным случаях с человеком благородных кровей.

– А если я попрошу тебя применить иной вид казни?

– Это не хитрость какая-нибудь? – нахмурился сэр Альва. – Не думаешь ли ты оставить ему лазейку к спасению?

– О, не беспокойся! Мой способ такой же надежный, как и отрубание головы. Ручаюсь тебе в этом.

– Ну, в таком случае… – граф распрямил светлые брови. И тут же снова свел их на тонкой переносице. – Кстати, по поводу второго нашего племянника. Внезапно объявившегося. Он ведь тоже… ну… может претендовать… И где ты его только выкопал?

– И насчет этого тебе тоже не стоит беспокоиться, – уверил брата Аксель. – Эдгард отправится вслед за Эвином.

– Неплохо, – оценил Альва. И криво усмехнулся. – А тебе – не жалко, а?

– Эдгарда? Жалко. Как и тебе – Эвина. Да и Эвина мне тоже… Мы ведь не звери с тобой… Но… Тут ты правильно заметил: слишком высоки ставки. А уж у меня-то – гораздо выше, чем твои. Ведь у меня – игра совершенно иного уровня. Совершенно иная Игра!

Тут сэр Альва промолчал, не оспаривая и не соглашаясь с братом по поводу степени важности их предприятий. Снова приложился к своему кубку. Опорожнил его и зябко поежился:

– Холодно что-то. Ну-ка…

Он щелкнул пальцами, что у него получилось только с третьей попытки. Пламя в очаге метнулось в сторону, позеленело и с тихим шипением умерло.

– Проклятое вино! Давай лучше ты…

Мастер Аксель поднялся с кресла, потянулся, хрустнув суставами. Затем небрежно ворохнул рукой, заставив огонь вспыхнуть сразу с полнокровной яркостью. Подошел к окну. Помедлил там и обернулся:

– Ты посмотри-ка! Снег наконец выпал…

– А чего удивительного? – заметил Альва. – Дело к зиме…

Старые люди говорили, что Драконья гряда когда-то давным-давно и вправду была настоящим драконом – невероятно

огромным, самым большим драконом из тех, что когда-либо рождались в этом мире. Великим Драконом. Но и Великим Драконам приходит время умирать. И обессилел он однажды, и лег, тяжело придавив собою землю, раскинув крылья, вытянув хвост. И раскрыл он пасть в последнем зевке, и последним огненным выдохом уничтожил все живое на много-много дней пути перед собой. Да так и почил – на то, чтобы сомкнуть оскаленную пасть, времени жизни ему недостало. И земля приняла Великого зверя, и окаменела чешуя его, и стали островерхими скалами гребни его. И пришли люди, и поселились близ крыльев и хвоста его. А на выжженной земле – по ту сторону дракона – ничего человеческого не осталось. Трупные яды, сочившиеся из навсегда разверстой пасти, убили в той земле Жизнь и Свет. Так появилась Тухлая Топь, не могущая порождать из недр своих ничего, кроме ползучих гадов, поганых грибов, кривых черных деревец с колючими ветвями и узкими, как змеиные языки, листьями… Да еще – Темных тварей…

Так ли было на самом деле или как-то по-другому, вряд ли теперь кто-то скажет… Доподлинно известно одно: когда расплодились Темные в Тухлой Топи сверх всякой меры, вошли они в земли людей через глубокое ущелье, и впрямь чем-то напоминающее драконью пасть. И бились люди и твари, и длилась война эта до тех пор, пока не закрыли люди Пасть железом, закаленным магией Света. И не воздвигли над Пастью замок Утренняя Звезда – надежный запор на границе с Тухлой Топью…

Выпавший ночью снег осветил уступы Драконьей гряды – они засияли новорожденной белизной, будто укрытые свежими простынями. И от этой свежести, пропитывавшей воздух, холод не ощущался чем-то неприятным, наоборот: бодрил, веселил. Так и хотелось скинуть обувь, пробежаться по снегу босиком.

Впрочем… таковое желание враз отпало у кого бы то ни было при виде входа в Пасть, непроглядно черным пятном зиявшую понизу заснеженных уступов. Очень уж зловеще смотрелась Пасть. Очень уж глубок был ее мрак, очень уж опасно посверкивали могучие – в обхват взрослого! – прутья громадной решетки, закрывающей ее. Да и вряд ли люди, оказавшиеся этим утром у Пасти, были в настроении совершать подобные детски легкомысленные поступки…

Мартин Ухорез, лязгнув кандалами, почесал давным-давно не бритый подбородок, сплюнул в снег.

– Лучше бы просто вздернули вчера… – раздался за его спиной угрюмый голос, – да и дело с концом. Говорили же, что прямо на празднике нас… того… Нет, тянут! Муку помучительней

выдумывают.

– Радуйся, Стю Одноглазый, – не поворачиваясь, проговорил Мартин. – Еще денек пожил, первый снег вот увидел. Все помирать поприятнее будет.

– Помирать в любой день невесело, – откликнулся на голос Ухореза не Стю, а Тони Бельмо, поставленный в колонне закованных разбойников сразу за Одноглазым. – Только когда тебя в одну минуту придушат – это одно дело. А Темным тварям на съедение идти – совершенно другое…

– Будет Темным сегодня знатный обед! – высказался и Цыпа Рви-Пополам, помещавшийся между Тони и Лютым Рамси. – Нас шестеро, да вон еще… который в повозке.

Мартин мельком глянул в сторону повозки, наглухо задрапированной черной тканью, окруженной ратниками. Снова сплюнул и проговорил:

– Видать, благородный какой-то в немилость графу угодил. Вот же ж гадство! Даже и на смерть благородные не как простые смертные – не пешком идут. На повозочке, мать их… С комфортом.

– Ну-ка, рот закрой! – гавкнул на него стражник. – А то!..

– Что – а то? – огрызнулся Ухорез. – Что ты мне сделаешь, говнюк? Пинка дашь? Мне жить осталось – хрен да маленько! Не страшно…

– Поднима-ай! – заорал, задрав голову к башне с высеченным в скале основанием, капитан стражи.

Заскрипело, заухало, загремело… И поползла вверх чудовищная решетка ворот. И разбойники, и стражники замолчали, замерли – уж очень жутко это выглядело. Будто Пасть была и вправду пасть… Жадно распахивающаяся, поднимающая зазубренные прутья-зубы, чтобы впустить в себя жертв, чтобы потом сомкнуть чудовищные челюсти за ними. И сразу как будто сумрачно стало вокруг, сразу как будто потемнел свежий, только что выпавший снег.

– Пошли-и-и!.. – протяжно скомандовал капитан.

И они пошли, колонна обреченных на смерть преступников. И тронулась за ними, скрипнув колесами, повозка. И скрип колес, и стук сапог, и звон цепей, и бряцанье доспехов и оружия поглотила глухая тьма…

И выплюнула спустя четверть часа…

В Тухлую Топь.

– Закрыва-а-ай!..

И могучая железная челюсть Пасти со скрежетом поползла вниз.

Здесь не было снега. И солнечного света не было. Тухлая Топь

была сера и безжизненна. Плотный полог неподвижного тумана низким потолком нависал над пустынным океаном липкой грязи. Редко-редко где взгляд мог зацепиться за кривое деревце, черное, прижатое к земной поверхности пропитанным гнилой влагой воздухом и царящей здесь атмосферой унылой безнадежности.

Закованные бандиты притихли.

Позади них была только отвесная скальная стена, где-то высоко-высоко переходящая в стены замка Утренняя Звезда. А обочь и впереди – тоскливые пространства Топи.

Мартин переступил с ноги на ногу, под каблуком его что-то хрустнуло. Он поддел это что-то носком сапога – из грязи выглянула длинная часть белой кости.

– Человечья, вроде… – негромко проговорил позади Мартина Стю. – Рука, что ли?..

Ухорез брезгливо поморщился и пнул находку, подняв фонтан тяжелых грязевых брызг. Кость отлетела только на полшага – на ней обнаружились насквозь проржавевший кандальный браслет и обрывок цепи…

Мартин Ухорез невольно содрогнулся.

Он родился в Предместье Золотого Рога, в самом конце самой крайней улицы, в утлой хибарке, больше напоминавшей шалаш. Мать его, некрасивая худая женщина, похожая на сухое надломленное деревце, жила тем, что прислуживала торговцам на рынке; а отца Мартин никогда не знал. Хотя и предполагал, повзрослев, что ответственность за его появление на свет могли в равных долях разделить между собой все рыночные торговцы мужского пола. Оборванный, тощий, вечно голодный, с торчащими пучками ярко-рыжими волосами на угловатой голове – Мартин был частым объектом насмешек и издевательств со стороны всех окрестных пацанов. Частым, но не вполне удобным, так как драться научился с раннего малолетства и отхватывал только тогда, когда противников было больше, чем двое-трое. Впрочем, как только ему стукнуло двенадцать, издевательства прекратились. Сразу и навсегда. Да и вообще… вся жизнь его круто изменилась тогда.

Он потом часто вспоминал тот момент… Узкий переулок. Трое сзади, трое спереди, у каждого если не палка, так камень в руке. Бежать некуда, разве что птицей взлететь на крышу ближайшего дома… «Ну что, крысеныш рыжий? – процедил через оттопыренную губу верзила Барт, сын местного башмачника, демонстрируя Мартину свежий багровый укус на своей руке. – Помнишь? Чья работа? Ага… Вот сейчас ты за нее и расплатишься…»

Первый удар прилетел сзади – палкой по голове. Тут же, не

дав опомниться, Барт пнул Мартина ногой в живот. Мартин согнулся и упал на колени. «Топчи его! – торжествующе заорал кто-то из пацанов. – По зубам бей, по зубам! Чтоб в следующий раз кусаться было нечем»! Мартина обступили, сопя, мешая друг другу, заработали палками и ногами. Били долго, пока не устали. Рыжий сын рыночной прислужницы на какое-то время даже потерял сознание, а, когда пришел в себя, приподнял окровавленную голову, увидел, что враги против обыкновения, выколотив на нем свою злость, не ушли. Они стояли кружком, о чем-то возбужденно совещаясь. «Может, не надо, а? – разобрал он чей-то неуверенный голос. – Как бы чего не вышло…» «Надо! – безапелляционно рявкнул верзила Барт. – Хорошенько накажем, больше рыпаться не будет. А если он в следующий раз палец кому-нибудь оттяпает? Или ножом пырнет? От этого полоумного всего можно ожидать…»

Мартин опустил голову и закрыл глаза, делая вид, что еще не пришел в себя. Надо было, конечно, попытаться улизнуть, но как? Излупили его основательно, долго и быстро бежать он не сможет…

А враги тем временем продолжали обсуждение… И скоро Мартин с ужасом понял, что ему предстоит. Они, эти сволочи, собирались облить ему спину горючей смолой и поджечь. Он видел: так иногда мужики Предместья поступали с каким-нибудь залетным попавшимся на воровстве бродягой – обезумев от жуткой боли, бедняга метался по улицам, сопровождаемый хохотом и улюлюканьем. Самые догадливые бежали к ближайшей речке, но до речки было полтысячи шагов… и добегали далеко не все.

Ужас очень быстро сменился гневом. Руки стиснулись в кулаки, зубы крепко сжались. Пусть его мать самая бедная на всей улице и, наверное, даже во всем Предместье, пусть она за медную монетку и миску похлебки удовлетворяет любые желания разохотившихся рыночных торговцев… Но ведь их маленькая семья всю жизнь живет на этой улице, у них свой дом, они всех знают, их знают все. Они тутошние, местные, а не какие-то бродяги! Такого позорного наказания, ужасного наказания Мартин точно не заслужил. Почему это верзила Барт должен решать – жить ему или умирать? Ну, кусанул он его руку. Так ведь тот же Барт сколько его колотил!..

И вдруг что-то странное, что-то новое сделалось с Мартином. В голове будто зажегся свет, и в этом свете окружающая действительность стала выглядеть как-то… по-другому. Она стала какой-то очень простой и доступной, эта действительность. Вот валяется на земле палка, которой его только что били. И, кажется,

чтобы поднять эту палку, вовсе не обязательно брать ее в руку, достаточно только посмотреть, захотеть, и она сама…

Он посмотрел и захотел. Палка чуть шевельнулась. И медленно, чуть колыхаясь, поплыла вверх по воздуху.

Мартин даже не удивился. В тот момент он подумал, что так и должно быть.

Он встал на ноги.

Его увидели, заухмылялись. Их было уже пятеро – одного Барт послал за горшком со смолой. Что ж, пятеро так пятеро. Да хоть десятеро! Мартин уже ничего не боялся и не сомневался в неожиданно открывшемся в нем даре.

Он огляделся вокруг и взмахнул руками, подчиняя своей воле все неживые предметы, попавшие в область его зрения.

И палки, и камни, и старые кости из канавы, и куски черепицы с крыш – все это поднялось высоко и вдруг обрушилось на врагов рыжего сына рыночной прислужницы. Разлетелось в стороны и снова обрушилось… Верзила Барт первым попытался сбежать, но Мартин только глянул на него – и он запнулся, перевернулся и завис в воздухе, будто кто-то невидимый схватил его за ногу. И с размаху шмякнулся оземь…

Этот странный свет, пробудившийся в Мартине, скоро улегся, успокоился. И с такой мощью больше уж никогда не проявлялся. Но с того дня Мартин понял, что не такой, как все. Нет, не в том смысле, что хуже всех (как твердили ему раньше), а совсем наоборот. Что есть в нем нечто, чего нет во многих других людях – есть в нем талант магии. Понял Мартин и еще кое-что. Рано или поздно весть о случившемся дойдет до магов Золотого Рога, и тогда ему несдобровать. Ведь всем известно: магическим талантом обладают лишь люди благородного происхождения. А если простолюдин вдруг станет демонстрировать необычные способности, всем понятно: дело тут не обошлось без вмешательства Сумрачных Сестер. Это только в глухих деревеньках на мужичков-целителей смотрят сквозь пальцы. Вроде как считается, что подобные слабенькие способности вполне допустимы. А тут – такое… Да от двенадцатилетнего пацана!

И Мартин бежал из дома, не дожидаясь неприятностей. Жалко было мать одну оставлять, да куда деваться…

Несколько лет он бродил по Арвендейлу, изучая себя самого и мир вокруг. Относительно самого себя он осознал: магические его способности не очень-то и велики, и нужны годы постижения искусства магии, чтобы научиться владеть ими во всякое время, а не только тогда, когда гнев или страх высвобождают внутреннюю силу. Но учиться толком Мартину было не у кого и некогда. Ему

нужно было выживать. Как-то так получилось, что не попалось ему на пути хороших людей, мир равнодушных, сытых и грубых взрослых не пускал в себя бесприютного рыжего пацана. И тогда Мартин сам отрастил клыки и когти, чтобы выгрызть для себя кусок этого мира. Слабакам, это он знал, остается только прислуживать более сильным.

К семнадцати годам он обзавелся небольшой шайкой и твердыми убеждениями: законы и правила соблюдаются только теми, кому удобно их соблюдать. Жирные с помощью законов держат слабаков на расстоянии от своего добра, слабаки оправдывают законами свою беспомощность. А если ты сильный и жестокий, то плевать ты хотел и на тех, и на других. Просто бери, что тебе нужно, и уходи, заметая следы.

За годы скитаний по Арвендейлу Мартин Ухорез испытал и повидал всякого. Его резали ножом, били кистенями и кастетами, трижды он стоял под арбалетной стрелой, дважды с висельной петлей на шее – он десятки раз смотрел смерти в лицо, не жмурясь и не отводя глаз…

Но сейчас, в этой смертной серой пустоте, он испытывал самый настоящий страх. Он нутром чувствовал, что ближе теперь к черному краю гибели, чем когда бы то ни было.

– А ну, смирно! – рыкнул на Ухореза стражник. – Чего этого… того… ногами тут дрыгаешь?

Мартин не удостоил его ответом.

Чуть поодаль остановилась повозка. Один из сопровождавших ее ратников откинул черный полог, подал руку:

– Пожалте, ваше сиятельство.

Юноша вышагнул из повозки.

– Спасибо, Малок, – негромко проговорил он.

– Да чего спасибо… – глядя в сторону, шмыгнул носом ратник. – Вы, ваше сиятельство, не обессудьте… – начал было он, но не стал договаривать.

Юноша остановился, оглядываясь вокруг, позвякивая кандалами.

Увидев его, разбойники зашевелились, оживляясь:

– Ого, старый знакомец!

– Тебя-то за что, парень?..

– Правильно-правильно!.. Будет знать, как добрых людей уродовать!

– А я знаю, за что! Слышал, как стражники между собой базарили. Этот дворянчик против своего дяди попер. Замок они не поделили… Вот и получил!

А Стю Одноглазый даже заржал от удовольствия:

– Вот так номер! Сам нас графу приволок, сам же с нами и на

смерть идет! Аха-ха, бывает же! Все-таки есть в мире справедливость!

– Заткнуться! – прикрикнул на него все тот же неуемный стражник, все стремящийся навести порядок среди отчаянных обреченных.

– Да пошел ты…

– Чего-о сказал?!

– А что слышал.

– Двинь ему, Стю, чтоб не базарил!

– Заткнитесь, душегубы, стоять смирно! Пор-рублю сейчас к чертовой матери всех!

Ответом ему был дружный смех:

– Испугал шлюху мясной оглоблей!.. Вояка!.. Давай!

– Меня первого!

– Нет, меня!

– Еще спасибо скажем!..

Мартин не участвовал в перебранке. Он засмотрелся на юношу – очень уж неожиданным было выражение его лица: какое-то детски-наивное удивление, смешанное… с обидой, что ли? С непониманием… Словно он, этот юноша, всю дорогу сюда и до сих пор находился в недоумении: как это так могло получиться, что он тут оказался?..

Повозка снова чуть вздрогнула – это спрыгнул с козел возница: неприметный человек в черном балахоне. Спрыгнул, откинул капюшон, явив высокий лоб с красным пятном.

И перебранка, и смех улеглись. Разбойники как-то сразу поняли: вот оно. Начинается.

– Именем его сиятельства полноправного лорда замка Утренняя Звезда сэра Альвы Сторма из рода Стальных Орлов… – затянул мастер Алвис, развернув перед глазами свиток. – Разбойники, убийцы и воры… Мартин Ухорез… Стю Одноглазый, Тони Бельмо, Рамси Лютый, Цыпа Рви-Пополам… Курша Бочонок и Лысый Черт… за многочисленные ужасные злодейства приговариваются к смертной казни Тухлой Топью!

Разбойники угрюмо молчали.

Алвис выдержал паузу, прокашлялся и продолжил:

– Именем его сиятельства полноправного лорда замка Утренняя Звезда сэра Альвы Сторма из рода Стальных Орлов… его сиятельство виконт Эвин… – тут мастер Алвис снова покашлял, искоса глянув на юношу, – Сторм из рода Стальных Орлов повинен смерти как потерпевший поражение в Поединке Богов!

Эвин не пошевелился.

Мастер Алвис свернул свиток, спрятал его за пазуху и махнул

рукой:

– Приступайте!

С разбойников по очереди срезали одежду – до самой последней тряпочки. Сапоги Мартина Ухореза, впрочем, портить не стали. Тот самый стражник, лаявшийся с приговоренными, забрал их себе, причмокнув губами напоследок:

– Тебе уже ни к чему, а мне пригодятся.

Затем отсоединили и вытащили общую цепь, которой разбойники были скованы вместе. Ручные и ножные кандалы оставили.

– Так положено, – пояснил стражник. – А теперь – стоять на месте.

– Открыва-а-ай! – заорали от повозки.

И снова гигантская челюсть Пасти поползла вверх. Первой в Пасть вкатилась повозка, которой правил мастер Алвис. За ней, пятясь спиной, щетиня в сторону бандитов мечи и острия алебард, пошли ратники и стража.

Один из приговоренных – Курша Бочонок, крепенький коротконогий мужик с массивным брюшком, – рванул было следом; легкомысленно надеясь то ли прошмыгнуть в ущелье, то ли принять быструю смерть от клинка… Но его ловко сшибли с ног древком алебарды.

– Закрыва-а-ай!..

И приговоренные остались одни. Минуту они мялись босыми ногами в липкой грязи, голые, испещренные отвратительными шрамами и корявыми татуировками, ежились, пряча ладони под мышками, позвякивали цепями, смотрели друг на друга. От сомкнутой в скальной стене Пасти им явно не хотелось отходить в туманную жуткую неизвестность. И, когда глухая тишина стала звенеть в ушах, Рамси Лютый проговорил:

– Говорят, гацане знают тайные пути в Топь и обратно…

– Ты видишь здесь гацан? – поинтересовался Мартин. – Нет? Как увидим, так обязательно спросим…

И снова все надолго замолчали.

Вдруг Стю Одноглазый мотнул головой и, сжав кулаки, хрустнул пальцами.

– Ну что? – осведомился он у товарищей. – Начнем?

– Чего начнем? – переспросил Тони Бельмо.

– Как чего? Этого субчика что, в живых, что ли, оставим? Из-за него, пакостника, нас сюда упекли! У-у, сука, дворянчик, гадина!..

Все повернулись к Эвину, про которого как-то на время забыли.

И юноша повернулся к ним. Страха не было в его глазах.

Только все та же детская вопросительная обида. Без одежды юноша выглядел совсем мальчишкой: худой, тонкокостный… Но вот он пошевелился, ступив назад – когда Стю с Рамси двинулись на него – и сразу стало видно, как он легко и быстро двигается, сразу же под его кожей натянулись крепкие, как веревки, мускулы.

За Стю и Рамси направились к Эвину и остальные: Цыпа, Тони и Лысый Черт. Все, кроме Мартина. И Курша, который еще не пришел в себя после прощального подарка стражников.

– Ша! – сурово прикрикнул на товарищей Ухорез. – Назад!

– Да ты чего, верховод?! – обернулся Рамси. – Наказать гада имеем право!

– Назад, я сказал! Забыли, кто он есть такой?

– Забудешь, как же…

– Он – один из Полуночных Егерей, – веско проговорил Мартин.

– Да не демон же, – заметил Лысый Черт. – К тому же самый хлипкий из них, из Егерей этих. Во – глянь!.. К тому же без оружия. И один. А нас семеро! То есть шестеро… Их ведь тогда почти вровень с нами было, вот они и сумели нас заломать.

– Не болтай! – поморщился Мартин. – Он и один бы справился.

– Ну-у… – усомнился Стю. – Это еще как посмотреть…

– Он – Полуночный Егерь. – повторил Ухорез.

– Да слышали уже, верховод!.. Я ж и говорю…

– А ты еще раз послушай, Стю Одноглазый! – резче произнес Мартин. – Он – Полуночный Егерь! А их работа в чем? В том, чтобы Темных тварей мочить. И в Тухлой Топи он, в отличие от нас, не единожды бывал. Да за такого товарища в нашей ситуации я парочку из вас придушу! Неужто не понятно, умники?

– Хы-ы… – растерянно выдохнул Стю.

– А ты думаешь, верховод, что мы еще поборемся, да? – саркастически хмыкнул Тони. – Что у нас шанс есть?

– А по-твоему, прямо здесь и сейчас ложись и помирай?

Разбойники переглянулись. И отошли. Тогда к Эвину шагнул сам Мартин.

– Здорово! – сказал он. – Ты извини, ребята побузили немного… Не от большого ума. Ты на них зла не таи. Нам теперь вместе держаться надо, мы теперь в одной лодке. Значит, смотри. Этот вот – Стю Одноглазый. Из бунтовщиков, поэтому вас, благородных, не очень жалует. Это Тони Бельмо, балбес и насмешник, но рубака хороший.

Вышеозначенный Тони, видно, в силу легкомысленного характера быстро менявший гнев на милость, не преминул

отвесить дурашливый поклон.

– Это Рамси Лютый… – Мартин указал на невысокого сухопарого разбойника с длинным сухим носом, похожим на клюв. – Мужчина ничего, серьезный, рассудительный; ворчун, правда… Своего никогда не упустит, за свое будет насмерть грызть любого. Потому и Лютым прозвали. Но ты его не бойся, он без выгоды, просто так, не кинется. Ты вот этого бойся…

Ухорез указал на громадных размеров угрюмого мужика с мясистым тупым лицом:

– Это Цыпа Рви-Пополам. Бревно бревном, но ежели в раж войдет, не остановится, пока все в округе не разгромит или сам с проломленной башкой не ляжет. Отморозок, одним словом… Это вот Лысый Черт, он…

– Ты, верховод, дворянчику прямо готов на каждого из нас биографию с картинками предоставить, – хмуро брякнул Стю Одноглазый. – К чему это?

Мартин сбился. Глянул на Стю неодобрительно, но речь свою все же свернул:

– Ну… Мое имя ты знаешь, да и твое нам известно… Держи клешню, что ли?

Ухорез протянул Эвину руку.

Тот отчего-то заколебался. И Мартин моментально понял – отчего.

– А-а… – протянул он, сузив глаза. – С отбросами ручкаться не желаете, ваше сиятельство? С душегубами? Ах ты ж… Пошли отсюда, ребята!

Похоже, он угадал. Похоже, именно означенное обстоятельство и не позволило юноше пожать протянутую руку. Мартин уже поворачивался от него, одновременно отступая, когда Эвин вдруг окликнул его:

– Постой!

Мартин остановился.

– Я с вами, – сказал юноша. – Если позволите.

– Во как! – усмехнулся Ухорез. – Все-таки и Полуночные Егеря могут бояться? А, ваше сиятельство? Пукан-то не железный?..

– И не называй меня больше «вашим сиятельством».

– Да как же так можно, позвольте, добрый господин? – издевательски прищурился Мартин. – Все должно быть приличненько, по полочкам. Мы – отбросы и душегубы, а ты – ваше сиятельство. Мы пеходралом, а ты даже на казнь на повозочке. У каждого свое место и звание.

Это «свое место» подействовало на Эвина как пощечина. Его лицо вспыхнуло. И тут же потемнело.

– Нет у меня больше никакого звания, – сказал он. – И никакого места… И никакого имени.

– И как же нам тебя называть? – осведомился Стю. – Ежели ты от имени своего отказываешься?

– Да как хотите…

– Тихоня! – ляпнул Тони Бельмо. – А что – на вид прям как есть Тихоня!

– Подходящая кликуха! – хмыкнул Лысый Черт.

Эвин поморщился… И пожал плечами.

– Тихоня так Тихоня, – негромко проговорил он.

Они шли, скользя в холодной и вязкой, как слизь, грязи, но не падали, крепко держались, не ныли и не жаловались. Только иногда кто-нибудь выплевывал крепкое словцо на очередную коварную кочку, не вовремя вылезшую под босую ступню, да еще кто-нибудь отпускал сальную шуточку – просто так, чтоб не молчать. Это шли сильные люди.

Серый мерзкий туман теперь был везде. Глухо давил их сверху, окружал со всех сторон, как бы далеко они ни ушли. Туман и неровная поверхность грязи, похожая на застывшее штилевое море, да кое-где выплывающие из тумана кривые деревца – вот и все, что они могли видеть вокруг.

А часа через полтора местность стала меняться. Сначала на пути попался один торчащий из грязи камешек, черный, острый, точно коварно поджидающий, когда на него наступят. Через сотню-другую шагов камни уже торчали так часто, что семерым приговоренным приходилось внимательно смотреть под ноги. Впрочем, еще через сотню-другую – необходимость в этом отпала – камни «подросли». Между ними, черными краеугольными иглами, высившимися в человеческий рост, уже приходилось лавировать. У идущих создавалось такое впечатление, будто они пробираются через костяные наросты на панцире гигантского зверя. Давным-давно сдохшего зверя, успевшего уже погрузиться в земную твердь и там окаменеть…

– О! – вдруг вскричал Курша, быстро – насколько ему позволял его живот – нагибаясь под одну такую «иглу». – Смотрите, парни, гриб!

Он выпрямился, держа в окованной кандальным браслетом руке бесформенный черный комок, похожий на кусок теста:

– Как же я жрать хочу! Эй, Егерь, а это какой гриб – ядовитый или не очень?

– Это вообще не гриб, – коротко сказал Эвин, обернувшись к нему. – Это ара-гара, хитрый падальщик. И на твоем месте я бы его вообще не трогал.

Черный комок в ладони Курши конвульсивно дернулся.

– Это… живое? – обрадовался разбойник. – Мясо лучше, чем грибы! Можно его сожрать?

– Скорее он тебя сожрет.

– Это он-то? Меня-то? Такая маленькая какулька…

– К этой… какульке, как ты изволил выразиться, не смеют приближаться иные Темные твари, стократно больше и сильнее ее.

– Да ладно! Что этот падальщик может такого сде…

Ара-гара снова дернулся, на его тельце обозначился вдруг маленький ротик, полный совсем уж крохотных зубов. И Курша вдруг замолчал и замер. Он как-то оплыл весь, обмяк. Лишь глаза его бешено забегали из стороны в сторону, подернулись белым налетом ужаса.

– Положи падальщика, – приказал Эвин.

Курша повиновался, да так и остался в согнутом положении. Эвин раздавил существо босой ногой и отдал разбойнику еще один приказ:

– Вставай и пойдем дальше. Поторапливайся, а то и так отстали.

Курша неуклюжей из-за кандалов походкой послушно побежал догонять товарищей. Догнал, начал обгонять, но Эвин и тут подкорректировал его поведение:

– Иди вместе с остальными.

Разбойник снизил скорость и зашагал ровно. Со стороны ничего странного в нем заметно не было. Только вот глаза… Перепуганные, судорожно мечущиеся, немо кричащие о помощи…

Тони Бельмо несколько раз окликнул Куршу и, не получив ответа, спросил у Эвина:

– А чего это такое с ним?

– Скоро пройдет, – буркнул юноша.

– Что пройдет-то? Чего он, как… кукла на ниточках, что скажешь ему, то и делает? – не отставал Тони.

Эвин вздохнул:

– Хитрый падальщик – несмотря на свой безобидный вид – довольно опасная Темная тварь. Магия, которой обладает ара-гара, пленит сознание живого существа. Попавший под влияние хитрого падальщика словно запирается в собственном теле, которым уже не в силах управлять. Он остается в неподвижности, пока тварь питается его плотью. Много съесть за раз ара-гара не в состоянии, поэтому агония бедолаги, который, кстати, все видит, слышит и чувствует, может длиться до тех пор, пока он сам не умрет от голода и жажды.

– А чего он тебя слушается-то?

– Его сознание не реагирует на внутренние приказы, зато подчиняется внешним… Не может не подчиняться. Если человек попался падальщику, следует увести его подальше, тогда связь с тварью оборвется, и жертва постепенно придет в себя. Но горе тому человеку, кто попадется падальщику в одиночку. Такого некому будет спасти.

– Ух ты! – восхитился Тони Бельмо. – Отличная магия: жертва молчит и делает, что прикажешь! Если б у меня был такой арагара… ручной! Я тогда и не женился бы никогда!

Мартин Ухорез мельком взглянул на них. И обратился к Эвину:

– Далеко еще твой схрон?

– А есть ли он вообще, этот схрон?.. – тут же не преминул включиться в разговор Стю Одноглазый – он при каждом удобном случае не мешкал продемонстрировать свою неприязнь к Эвину.

– Он не мой, – суховато ответил ему юноша. И, обращаясь подчеркнуто к Мартину, сказал:

– Около пяти-шести часов ходьбы. Но нашей ходьбы – шесть-семь часов.

– Сколько?! – ахнул Лысый Черт. И присовокупил такое ругательство, что, кажется, даже кривые черные деревца, несмело выглядывающие иногда из-за черных «игл», согнулись еще ниже. – А неужели эти… – он кивнул в сторону давно скрывшейся за пеленой тумана Пасти, – не знают про этот ваш схрон?

– Схроны, – поправил Эвин. – Их несколько, не один… Может, знают, может, не знают. Скорее всего, нет, не знают. На протяжении многих лет Егеря вели записи о своих походах. Мой отец, предыдущий командор Полуночных Егерей свел записи в единый том Хроник Тухлой Топи. Книга хранится в библиотеке Утренней Звезды в открытом доступе. Я еще мальчишкой читал и перечитывал Хроники много раз… А больше никому до них дела нет и не было. Так вот, эти схроны строили и укрепляли Полуночные Егеря первых поколений, много-много лет назад… – он говорил так, будто ему приходилось делать это через силу. – Когда тут все кишмя кишело Темными. Там ведь давно ничего не хранится, в этих схронах. Патрули Егерей укрываются в них на ночь, когда активность Темных возрастает. Тот схрон, к которому мы идем, ближайший.

– А следующий? – тут же спросил Лысый Черт.

– Следующий в двух днях ходьбы. Нашей ходьбы – три-четыре дня.

– Тьфу!

Впереди смутно забелело сквозь туман что-то большое. Разбойники опасливо замедлились, а Эвин, на-оборот – ускорил

ход, очевидно, заметив привычный ориентир.

Это белое и большое приближалось, все яснее выступая из тумана. И вскоре очертания его обозначились со всей возможной четкостью.

Это был скелет. Невероятно огромный, величиной с хороший дом этажа в три. Мощные ребра, дочиста обглоданные временем, криво торчали кверху, чудовищный череп, вытянутый, зубастый, слепо уставился в пустоту.

Банда Мартина Ухореза замерла, задрав головы, отвесив челюсти.

– Кто это… был? – внезапно севшим голосом спросил Тони Бельмо. – Что за тварь?

– Малый Топтун, – равнодушно ответил Эвин, взбираясь на хребет и устраиваясь поудобнее в ложбинке громадного позвонка.

– Малый?! – поразился Тони. – А что… значит, есть и Большой?

– Когда-то были. Теперь нет. Как и Малых, впрочем. Их всех сожрали Темные твари помельче и попроворнее – еще до того, как люди пришли к Драконьей гряде. Темные здесь, в Тухлой Топи, питаются мелким зверьем и друг другом, им ведь больше некого жрать…

– Вот и жрали бы, чего к людям лезут? – проворчал Рамси Лютый.

– Чтобы существовать, порождениям Тьмы нужна не только материальная пища, – сообщил Эвин не такой уж и малоизвестный факт. – Им необходимо еще поглощать эмоции жертв: такие, как страх, отчаяние, боль… А эмоции – это продукт скорее сознания, а не тела. Понятно, что разумные создания способны на более развитые эмоции, чем зверье. Вот поэтому обладающие разумом люди, эльфы и гномы – для Темных тварей куда как более лакомый кусок, чем животные…

– Какая ж тогда громадина – Большой Топтун! – проговорил Тони Бельмо, который, кажется, вовсе не слушал юношу. – Хотел бы я на него посмотреть… Издалека, конечно.

– Так посмотри, – равнодушно пожал плечами Эвин.

– Куда?!

– Вокруг, – Эвин кивнул на торчащие повсюду остроугольные камни. – Видишь, эти каменные иглы, похожие на гигантскую щетину? В Тухлой Топи много таких мест. Есть легенда, что эти иглы и вправду… – не договорив, он махнул рукой. – Впрочем это только легенда… Полезайте сюда, отдохнем и двинем дальше. Нам некуда спешить, а силы нужно беречь.

Разбойники не сразу приняли это предложение. Минуту колебались, затем, видимо, решив, что сидеть на твердом и

относительно чистом удобнее, чем в грязи, один за другим полезли на хребет.

– Слышь! – толкнул Эвина локтем примостившийся рядом Тони. – А какие еще тут Темные твари водятся? Ну, кроме тех, о которых все знают?

Эвин закрыл глаза, поморщился и покачал головой, давая понять, что не намерен говорить. Тони подождал немного ответа и сам откинулся на громадное, удобно изогнутое ребро.

Как-то Эвин здорово набрался с братьями-Егерями в одном случайном трактире. Он никогда столько не пил до этого и потому удивился, как после впервые позволенных себе десяти кружек все в один миг разительно изменилось. Над их столом будто зажгли ярчайшую лампу – стало светлее, теплее, веселее. Захотелось петь, дурачиться, смеяться… Все, на кого падал взгляд, враз становились родными и близкими: и братья-Егеря, и егозливые служки, и монументальный трактирщик за стойкой… и даже те трудноразличимые силуэты, шарахающиеся вокруг…

А наутро мир словно вывернули наизнанку. В отяжелевшей голове метались остатки дурного сна: словно Эвин кого-то бил… или его били, он за кем-то гнался… или наоборот – кто-то преследовал его. Было стыдно и тревожно. Точно он накануне сделал что-то очень нехорошее, но никак не мог вспомнить – кому и что. И все вчерашние поступки казались сегодня отвратительными, и все те, на кого он вчера смотрел с любовью, гадкими.

Вот и сейчас, сидя с закрытыми глазами на холодном позвонке давно подохшей чудовищной твари, он испытывал нечто подобное.

Мерзкое и мутное похмелье после продолжительного хмельного буйства.

С той только разницей, что он помнил все произошедшее.

Хотя и не хотел вспоминать.

Как же все так вышло?..

Как вышло, что люди, окружавшие его последние годы, все, кого он привык считать близкими, родными, оказались – по каким бы то ни было причинам – врагами ему?..

Он поморщился, стиснув зубы. Нет, нет, не надо. Даже и не думать об этом. Слишком больно, слишком стыдно, слишком мучительно…

– Слышь, Егерь! – снова толкнул его Тони Бельмо. – Эй, Тихоня! А тут, в ближних пределах, вообще Темные часто шлындают?

Эвин открыл глаза.

– Мы регулярно патрулируем ближние пределы, – ответил он

и тотчас опять поморщился. – Патрулировали то есть…

Мысль о том, что контролировать ближние пределы Топи теперь – по большему счету – и некому, чувствительно уязвила его. А еще больнее стало, когда он вспомнил о том, что сам в том и виноват.

– А?

– Ничего, – нехотя вернулся к теме разговора Эвин. – Зачищаем территорию от нор, гнезд, кладок. На день пути от Утренней Звезды Темных не должно быть. Ближние пределы – безопасная зона. Относительно, конечно… Бывает, что и сюда забредет какая-нибудь стая…

– Первая хорошая новость, – заметил сидящий с другого стороны от юноши Мартин Ухорез. – Сдохнем не от когтей тварей, а просто от голода и жажды.

– Впрочем, последнее время у нас было много работы, – добавил Эвин. – Темных явно стало больше. И подходят они ближе к Утренней Звезде, чем раньше. Не знаю, с чем это связано… Может, ослабели охранные заклинания замка и пришла пора их обновить? Но мы еще недостаточно далеко отошли, пока можете ничего не опасаться.

– Да? – переспросил Мартин каким-то странным голосом. – А это тогда что такое? Это нормально?

Эвин рывком выпрямился. Глянул туда, куда показывал закованной рукой Мартин.

Сестры-помощницы!

Произошедшее накануне выбило его из колеи сильнее, чем он предполагал – он перестал контролировать действительность вокруг себя. Он перестал видеть малое. А тот, кто не видит малого, тот не увидит и большое. Это плохо. Это на самом деле плохо, нельзя так себя распускать…

Шагах в пятнадцати от скелета Топтуна туман словно немного рассеялся. Стал прозрачнее… Приглядевшись, можно было заметить, что он – везде неподвижный – там слегка шевелился, переливался сам в себе.

– Это плохо, да? – снизив голос до хриплого шепота, проговорил Мартин.

Глухой рык долетел из клубящегося тумана. Затем глухой удар, будто тяжелое тело приземлилось после прыжка. И снова раздался рык – уже много ближе, чем мгновение назад.

Что-то приближалось. Что-то большое и, конечно, совсем не дружелюбное.

– Кто это? – хрипнул Ухорез по одну сторону Эвину.

– Что это за хрень? – простонал Тони по другую.

Юноша не успел ответить.

Туман бесшумно выплюнул черное осклизло-верткое существо, мелкое, размером с кошку – и чем-то действительно похожее на кошку, только бесшерстную и с шестью длинными тонкими лапами. Быстро вертя туда-сюда ушастой головой, существо широким зигзагом пронеслось по грязи и ловко вскарабкалось на ближайшую каменную иглу. Оттуда скакнуло на острие соседней иглы, оттуда на острие другой… И пошло прыгать, все приближаясь к громадному скелету Топтуна, на котором замерли от страха и омерзения люди.

Впрочем, бандиты скоро опомнились.

– Ну, е-мое! – сплюнул Одноглазый Стю. – Чуть не обделались! Было б от чего! Такого-то уродца я двумя пальцами задавлю…

– Как эта тварь называется? – спросил Мартин у Эвина, который почему-то при виде этой вроде не очень-то ужасной зверюшки нисколько не расслабился.

– Глоза, – ответил юноша. – На Древнем языке. А на нашем – Попрыгунья…

– Ее можно жрать? – немедленно осведомился Курша, с вожделением глядя на замершую на острие очередной иглы зверюшку, которая в свою очередь смотрела на него с вполне оправданной тревогой.

– Глоза – излюбленное лакомство…

– Ура!

– Каррхамов, – закончил Эвин.

И тут туман, чуть колыхнувшись, снова на мгновение расступился, пропуская действительно жуткую тварь. Глоза, взвизгнув, сиганула вниз, как черная молния, скользнула меж игл и куда-то пропала. Но тот, кто вышел за ней, не обратил на это никакого внимания. Он увидел добычу поинтереснее.

Это был довольно крупный каррхам – по грудь высокому человеку. Почуяв людей, он замер, низко опустил по-змеиному плоскую башку. Несколько раз сильно, с хрипением и клекотом, выдохнул через широко распяленные ноздри: облачка черного, как угольный дым, дыхания окутали его морду и медленно рассеивались. И сквозь эту подвижную черноту жадно замерцали багровые огоньки его крохотных глазок.

– Ну на хрен… – выговорил Тони Бельмо и, развернувшись, полез вверх по изогнутому ребру, под которым сидел.

Его примеру тут же последовали Стю Одноглазый, Лысый Черт, Цыпа Рви-Пополам, Рамси Лютый и Курша Бочонок.

– Вот это зверюга… – прошептал Мартин Ухорез Эвину, не отрывая взгляд от Темной твари, медленно и бесшумно двинувшейся вперед – к ним, к людям.

– Никогда не видел каррхамов? – осведомился юноша.

– Живых – никогда. Не довелось. Что нам делать?

– Ничего. Оставайтесь здесь, сидите смирно. Ничего не делать, – повторил он.

– А ты?

Вместо ответа Эвин спрыгнул с хребта Топтуна.

– У тебя… есть шансы? – только и спросил его напоследок Мартин.

– Есть, – не обернувшись, ответил юноша.

Шансы действительно были. Но минимальные. Без оружия, нагишом, да еще в кандалах, которые не давали развести руки на ширину плеч и сделать полный шаг… Даже магией воспользоваться нельзя – мастер Алвис вовсе не дурак, знал, с кем имеет дело. Именно он, видно, и наложил на кандалы юноши чары Безмолвия, блокирующие любой энергетический импульс со стороны того, кого эти кандалы и сковывали. Да и кандалы Мартина Ухореза, скорее всего, тоже свою порцию чар получили…

Будь Эвин свободен в движениях и с мечом в руках – другое дело. Но сейчас каррхам представлял поистине смертельную опасность. Впрочем – как ни странно – кроме именно этой твари в данный момент Эвина беспокоило еще кое-что…

Каррхам, видимо, забрел откуда-то из глубины Топи, куда никогда не доходили Полуночные Егеря. Поэтому человека он совершенно не боялся, полагая его просто беззащитной жертвой. И действовал исходя из этой установки.

Эвин остановился между двумя каменными иглами. И каррхам, поймав этот момент, тут же прыгнул на него – мгновенно, мощно и без разбега. Юноша крутнулся, уходя в сторону. Тварь, еще в воздухе инстинктивно попытавшись изменить направление полета, с размаху напоролась могучей грудью на одну из игл, расшибла ее на множество острогранных, будто ледяных, осколков и, потеряв ориентацию, кубарем покатилась по грязи, круша прочие иглы, разбрызгивая осколки и холодную грязь. Когда каррхам снова вскочил на все четыре лапы, вонзив когти глубоко в грязевые пласты, Эвин снова стоял лицом к нему, поигрывая цепью на руках, будто дразня. Тварь злобно оскалилась, с шумом выпустила из ноздрей дымную черноту – на несколько секунд ее морда снова превратилась в хищную демоническую маску: свирепые угольки глазок и сокрушительные сабли зубов, прорезавшиеся в колышущемся облаке тьмы…

Еще один молниеносный прыжок.

Эвин увернулся, предоставив каррхаму сломать грудью очередную каменную иглу…

Еще прыжок – и снова Темная тварь потерпела неудачу.

…И гораздо более серьезную, чем раньше, – игла, расколовшись наискось вдоль, кинжалоподобным основанием вспорола ей брюхо.

Яростный рык раскатился по округе; казалось, скелет чудовищного Топтуна вздрогнул от этого рыка, едва не стряхнув с себя повисших на громадных ребрах бандитов. По крайней мере, Курша съехал на несколько метров вниз… И тут же принялся карабкаться снова, сопя и истекая потом.

А Мартин, стоявший, расставив ноги, на хребте, с силой врезал себе кулаком по колену и захохотал. Да этот Егерь, оказывается, действительно смышленый парень!

Раненый каррхам ринулся на Эвина, уже не разбирая пути. Кровь – очень темная и очень густая – хлестала из длинной раны твари, ошметки внутренностей трепыхались под брюхом. Прыжок!..

Ухорез застыл с разинутым ртом. На этот раз Эвин не увернулся от броска каррхама.

Громадная зверюга снесла юношу с ног и вместе с ним покатилась по грязи.

– Сожрал, сука, нашего дворянчика… – подал голос с гигантского ребра Тони Бельмо.

– А кто б сомневался… – мрачно проговорил с соседнего ребра Рамси Лютый.

– Значит, и до нас скоро доберется эта тварюга, – поддакнул Стю Одноглазый. – Не будем же мы висеть тут вечно. Постряхивает, как груши, и…

– Глядите! Глядите! – заорал вдруг Лысый Черт. – Не сожрал! Ай да парень! Молодец, мать его!..

Каррхам бился в грязи и каменных осколках, пытаясь сбросить с себя Эвина, который крепко держался на шее твари, стиснув коленями ее загривок. Цепь ручных кандалов он пропустил поперек пасти каррхама, не давая тому сомкнуть челюсти – и теперь тянул цепь на себя изо всех сил. Черные дымные струи били из ноздрей твари, разлетались рваными лохмами, таяли; зубы скрежетали о металл, высекая искры и мелкую стружку. Чудовищные когти взрывали грязь…

– Гляди! Гляди! – восторженно орал Лысый Черт. – Оседлал! Ага-а! Взнуздал!

– Братцы!.. – прокряхтел Курша Бочонок, облапивший ребро всеми данными богами конечностями, припавший толстой щекой к холодной и гладкой ее поверхности. – Что там, а? Мне ж не видно… Кто кого, а? Скоро все кончится? А то я долго не выдержу… Руки-ноги слабеют! Сползаю, братцы!

Ему не ответили. Кажется, бандиты стали осознавать – что-то не так, рано радоваться…

– Как-то долго она не подыхает, – проговорил вдруг Стю. – Слышь, верховод? У твари брюхо распорото, кишки наружу, а она вон – брыкается, того и гляди скинет Тихоню…

– Темные твари отличаются живучестью, – сказал Мартин, не отрывая потемневшего взгляда от кипящей схватки. – Я слыхал, если каррхаму башку отрубить и на палку насадить, она еще с полчаса зубами лязгать будет…

– На что же он тогда надеется, дворянчик-то?

– Может, на нас? – вдруг предположил Ухорез.

Он решительно зашагал по хребту.

– Сбросил! Сбросил Тихоню! – закричал Лысый Черт, но Мартин не обернулся и не остановился.

Только ускорился. Достигнув нужного места, он подпрыгнул и сдернул за ногу с ребра сильно сползшего уже Куршу. Тот с пронзительным воплем полетел в грязь. Смачно шлепнулся, затих на мгновение, а потом заорал пуще прежнего:

– А-а-а-а, верховод, ты рехнулся? Я ногу сломал! А-а-а-а, кость вылезла! Помогите, втащите меня обратно! Больно, братцы!..

Мартин Ухорез предупреждающе зыркнул на свою банду. Но и без этого никто, кажется, помогать Курше Бочонку не собирался.

Эвин поднялся так быстро, как смог. Каррхам, освобожденно взревев, рванулся к нему. Юноша успел наотмашь ударить его изгрызенной цепью по морде, но тварь даже не замедлилась. Тяжеленная туша, рыкающая черным смрадом, осклизлая от крови, грязи и вывалившихся внутренностей, навалилась на Эвина, снова сбила с ног. Защищая горло и лицо, юноша вздернул руки, скрепленные цепью – и клыки зверюги опять заскрежетали о металл.

Сил удерживать чудовищную морду на весу уже не оставалось. Черные клубы дыхания твари горячо резали глаза, обжигали лицо, от них было кисло и мерзко на языке. Эвин почувствовал, как руки его тяжелеют, теряют крепость…

«И это – все? – мельком подумал он, отметив еще, что не чувствует ни страха, ни боли в избитом теле. Только досаду и отвращение. – Вот так – кончится жизнь? Это и есть мое предназначение?.. Здесь – мое место?»

И вдруг – словно ответом на этот непроизнесенный вопрос – тяжесть исчезла. И кислая вонь черного дыхания твари – тоже…

Он встал, остро ощущая себя живым; ощущая физически, всем телом, как силы возвращаются в него.

В десятке метров от него, под скелетом, на котором немо застыли разбойники, каррхам с распоротым брюхом яростно рвал зубами жирное тело, густо перепачканное грязью. Курша уже не орал. От Курши во все стороны разлетались веерные брызги крови и куски плоти. Каррхам самозабвенно жрал, инстинктивно чуя, что только так может восстановиться после тяжелой раны.

Эвин бросился к Темной твари, увлеченной трапезой. Вскинув над головой скованные руки, он прыгнул на спину каррхама. На этот раз захват прошел точно – цепь накрепко стиснула горло зверюги.

Через четверть часа бандиты один за другим спустились с оголенного хребта Малого Топтуна.

– А мне никогда не нравился этот жирный ублюдок, – жизнерадостно заявил Тони Бельмо. – Нытик он… был. Не перевариваю нытиков.

– Зато Темные твари переваривают, – заметил Лысый Черт. – Всяких. И нытиков, и не нытиков.

– А где «спасибо»-то? – весело осведомился у Эвина, стоявшего над задушенным каррхамом, Мартин Ухорез. – Я сразу догадался, что ты в первый раз промахнулся, не так хотел зверюгу цепью захлестнуть. Если б не я, тебе бы…

Он осекся и нахмурился, не увидев на перепачканном лице юноши радости от победы. А бандиты между тем продолжали праздновать отсрочку гибели.

– Наш верховод завсегда на шаг вперед думает! – хохотнул Тони. – Голова! Что и сказать – голова!

– Ты молодец, Тихоня, – сдержанно похвалил Эвина и Стю Одноглазый. – Не ожидал… Хотя на самом деле, если б не Мартин, хрен бы у тебя что получилось.

– Зато какой обед у нас теперь, – хмуро проговорил громадный Цыпа Рви-Пополам, – из двух блюд обед.

Эту реплику никто комментировать не стал. Хотя совсем не было похоже, что Цыпа шутил. Впрочем, судя по физиономии Рви-Пополам, этот бандит был из тех, кто шуток не понимает и шутить не умеет.

– Из восьми блюд обед, – вдруг проговорил Эвин. – И не у нас.

– А? – повернулись к нему разбойники.

Откуда-то из туманного далека долетел к скелету Топтуна хриплый рык. И этот рык тут же поддержали – воем, визгом, свистом и лаем – множество других нечеловеческих глоток: кажется, со всех сторон.

– Поясни, – быстро потребовал Мартин.

– Я же сказал, – ответил Эвин. – Ничего не предпринимайте.

Не вмешивайтесь.

Короткая пауза сразу наполнилась недоуменным молчанием – как кувшин под тугой струей пива из полной бочки.

– Во-первых, – сказал Эвин. – Каррхамы всегда охотятся стаями. Этот, видимо, оторвался от сородичей, погнавшись за слишком резвой Попрыгуньей. А во-вторых, все Темные твари чуют кровь представителей Светлых рас за много-много шагов.

Глава 4

Комната, которую сэр Альва отвел новобрачным в графских покоях, была просторна – но так обильно завешена гобеленами, праздничными покрывалами, шелковыми рюшами и прочими ненужными украшениями, что новоиспеченный супруг маркиз Рон Грир чувствовал себя в ней тесно и неуютно. Словно внутри большого свадебного торта.

Маркиз сидел прямо на полу, сгорбившись над пюпитром с раскрытой книгой. Еще один пюпитр, предназначенный для письма, стоял рядом, на нем помещались свиток и чернильница с пером. Время от времени, когда уставала спина, маркиз, кряхтя, скособочивался то в одну, то в другую сторону, опирался локтями о стопки книг, поставленные под руки. Чернила в чернильнице уже подсыхали, покрываясь сверху ломкой корочкой, а Рон еще ни разу не умокнул туда перо, и свиток его был чист.

Он бездумно перелистнул страницу, тут же позабыв, что прочитал… И вдруг вскинул голову, колыхнув толстыми розовыми щеками.

Нет, никого… Послышалось… Чтобы окончательно убедиться, посмотрел на один из пары напольных подсвечников, установленных у полуоткрытой двери – он успел уже опытным путем определить: когда кто-нибудь проходит по коридору мимо комнаты, пламя свечей начинает рвано метаться.

Свечи горели ровно, и в коридоре было тихо.

Рон встряхнулся, решительно взял перо, уставился в книгу.

– Дело всей жизни, – привычно пробормотал он, безуспешно стараясь наладить в себе рабочий настрой. – Дело всей жизни…

Но уже через секунду он снова вздернул голову, как собака, услышавшая где-то вдалеке подозрительный шум.

Опять никого…

И пухлые плечи маркиза опустились сами собой, перо выпало из пальцев.

– Дело всей… – вышептал он и затих.

Нет ее!

Нет и нет. Все нет и нет…

Вчера – в законную брачную ночь – она сказалась усталой, попросила разрешения ночевать у себя, в девичьей. А он согласился.

А как ему не согласиться? Разве он не понимает… Она вон какая – словно Эферра, королева снежной ночи, которой поклоняются варвары далеких Бронзовых гор, белолицая, ясноглазая, точеная, будто ледяная статуя, прекрасная,

прекрасная!..

А он…

А он просто толстый сухорукий тюфяк, нелепый и неловкий, который в ее обществе даже слова внятного сказать не в состоянии. Толстый тюфяк, урод, да при том еще и тряпка. Они ведь уже законные супруги. И он-то сам по себе не кто-нибудь, а – маркиз Рон Грир, наследник Золотого Рога, один из самых знатных и богатых людей Арвендейла… Мог и настоять. Мог приказать в конце концов! Но не настоял. И не приказал. Сник и послушно кивнул в ответ на ее просьбу.

Рон встал. Закусив перо в зубах, словно курительную трубку, принялся прохаживаться по комнате с целью размяться и отвлечься… Но уже через пару шагов запутался головой в свисающей с потолка цветастой рюше, прянул в сторону, зацепился за складку ковра, едва не упал, пробежал несколько неуклюжих шагов, сам не видя куда, – и едва затормозил перед высоким зеркалом в золоченой раме, чудом не ткнувшись в него головой.

Из зеркала на него смотрела круглая румяная физиономия, чуть опушенная понизу пушистой бородкой. Маркиз вынул изо рта перо и привычно вздохнул. Дурацкая бородка! Дурацкий нос картошкой! Дурацкие кудряшки! Дурацкие пухлые губы!.. Вельможи Золотого Рога говорят, что он очень похож на своего отца, сэра Руэри. Льстят, конечно. Но и не очень врут. Маркиз знал: они с отцом действительно похожи, но все, что было в Руэри Грире крупного, мужественного, грубовато-волевого – в его собственном облике расплылось и размылось, как глина под дождем, превратилось в мягкое, бесформенное, бабье…

Вспомнив об отце, Рон вспомнил и тот день – около полугода тому назад, – как он стоял рядом с ним у такого же почти зеркала в замке Золотой Рог.

– Ну? – весело гукнул тогда герцог Руэри. – Не терпится, поди, глянуть?

И не дожидаясь ответа, мазнул небрежный знак перед собой и легко дунул на зеркальную поверхность. Их отражения поплыли, поплыли… И вместо отражений вдруг ясно вспыхнул блистательный лик виконтессы Сенги.

– Нравится? А? Нравится? Кака-ая бабе-еночка! Я б тоже такую помять не отказался!..

Рон сегодняшний поморщился, отвернулся от зеркала.

Где же Сенга? Почему она не идет? За окном уже прокричали вторую стражу, а ее все нет! Где она, милая? Хоть бы посмотреть на нее!

Рон рассеянно повторил отцовский знак и подул в свое

отражение.

Ничего не произошло.

Да и не могло произойти.

Наследник Золотого Рога маркиз Рон Грир из рода Красных Вепрей от рождения был лишен магических способностей. Начисто. Совсем.

Вначале, в детстве маркиза, это, как водится, пытались скрывать. При помощи амулетов, снадобий и даже наемных магов, которые из укрытия проделывали за Рона на публику кое-какие фокусы. Но публика-то тоже не дураки. Магические способности подразумевают умение человека аккумулировать ману и концентрировать с ее помощью энергию, и любой, могущий это делать, тотчас распознает подобного себе. Или не подобного себе.

Какое-то время окружающие успешно притворялись, что верят уловкам, но в конце концов, конечно, правда всплыла наружу. И… не случилось ничего. Все-таки не такой уж экстраординарный случай, когда представитель знатного рода оказался вдруг обделен по части магического таланта. Да и к тому же – кто посмеет сказать дурное слово про сына самого герцога Арвендейла? Вот все и молчали. Правда, Рону от того было ненамного легче… Великим, подобно отцу, воином ему не стать. Так еще он ни красотой, ни мужественным видом не блещет. Так еще – магией не обладает…

Впрочем, кое-какие врожденные достоинства у маркиза имелось. Ясный ум и склонность к размышлениям. Именно это и помогло ему постепенно справиться с комплексом собственной ущербности.

«Общепринятое правило, – анализировал подросший Рон больную для себя тему, – гласящее, что способности к магии зависят от благородного происхождения, соблюдается далеко не всегда. И это вполне объяснимо. Как бы ни оберегалась чистота знатных родов, но кровь людская смешивается век от века, и примеси древней божественной крови в жилах дворян становится все меньше; следовательно, в жилах плебеев – больше. Сообщающиеся сосуды, элементарная вещь… Многие аристократы уже теперь либо вовсе не владеют магией, либо способны на какую-нибудь недостойную внимания ерундовину. И напротив – некоторые простолюдины иногда довольно сильны в магическом искусстве…»

Само собой, ничего нового в рассуждениях маркиза не было. То, о чем он думал, знали все. Хотя предпочитали вслух не говорить. Мало ли что… На правилах строятся законы. А на законах стоит власть. А власть имущие очень не любят, когда

законы и правила нарушаются…

Видимо, именно поэтому никто, кроме Рона, не сообразил очень простую, казалось бы, штуку. А что будет дальше? Когда кровь людей окончательно перемешается? Когда дара богов, растворенного в ней, станет на всех – и мужиков, и дворян – поровну? Понятно, это случится не завтра, не послезавтра и даже, может быть, не через сто лет, но случится обязательно. Что будет тогда?

Все станут одинаковы? И аристократа от холопа будет отличать только имя и объем кошелька? Как тогда понять, кто достоин править, а чей удел – лишь подчиняться? Если не будет у избранных божественного преимущества магического таланта? Если не будет самих избранных… Дальше мысль Рона не шла… Разум не мог продвинуться за сгущавшуюся на пределе понимания туманную пелену хаоса.

Но одно маркиз осознавал отчетливо: надо что-то с этим делать. Надо начинать действовать уже сейчас. Ведь если опоздать с решением – весь мир полетит в тартарары… И кому действовать, как не ему – Рону Гриру из рода Красных Вепрей? Раз уж всемогущие боги вложили эту идею в его голову, раз осветили ту голову огнем ясного разума… Видно, не зря обделен он другими достоинствами. Так боги распорядились – чтобы не распылял свое время зря…

И в поисках решения проблемы взялся Рон Грир за книги.

«Дело всей жизни, – так патетически он обозначил свое занятие. – Это дело всей моей жизни! Боги выбрали меня для спасения мира, значит, я должен сделать все, что в моих силах!»

И с тех пор всегда, каждый раз, когда жизнь, изворачивая хвост, била его по уязвимым местам, напоминая о том, что он хуже всех этих славных воителей, искусных магов, блестящих сердцеедов, Рон вспоминал: «Дело всей жизни»! И преисполнялся гордостью своего особого предназначения. И чувствовал себя лучше и легче.

Ему только время от времени странно становилось, что идею его никто не считает насущной, серьезно применимой к не такому уж и далекому будущему реального мира. Пару лет назад Рон даже представил на суд Университета трактат, содержащий остроумные, как он сам считал, мысли на тему: как обезопасить грядущие поколения знати от угрозы истощения магического потенциала. Идея его была несложна и остроумна. Ведь что такое по сути маг? Аккумулятор энергии, которую черпает из подпространства и превращает в ману. Чем больше у мага аккумулятивная способность, тем сильнее маг. Но человеческое тело не вечно. Бездушная вещь переживет века, а человек умирает

через какие-нибудь жалкие восемьдесят-девяносто лет. Следовательно? Следовательно, нужно бессмертную душу сильного мага заточить в бездушной вещественной ловушке, создав тем самым могучий амулет, имея который, обычный человек – обладая, конечно, определенными навыками, – сам будет сильным магом. Только и всего…

Он-то считал, что трактат его произведет фурор. Но… Маги-ученые Арвендейла отнеслись к выкладкам юноши, лишенного возможности сотворить даже простенькое заклинаньице, холодновато. Лучшие умы Университета, впрочем, признали трактат довольно ценным, но лишь в теоретическом плане… А не лучшие – почтительно покивали, стараясь не выдать плавающую в глазах насмешку: мол, чем бы дитя ни тешилось…

А Рон Грир не сдавался. Он был уверен, что уже нашел путь, ведущий к решению поставленной задачи, и теперь упорно продвигался вперед, шаг за шагом… Теоретическая часть дела-всей-жизни закончена, осталось довершить практическое руководство. И еще одна деталь его пока что смущала. Кто из сильных магов по своей воле согласится на вечное заточение? Ведь, как известно, бессмертную душу нельзя ни к чему принудить. Бессмертная душа ничего не боится, она должна сама пожелать перейти в вековую тюрьму амулета…

Но это все частности. Идея у него есть. Кое-какие наработки по практической стороне дела тоже имеются. Есть даже пустой амулет, способный принять и удержать бессмертную душу, купленный за большие деньги в Университете. Вот бы еще найти возможность эксперимента!..

И в предвкушении этого эксперимента жизнь маркиза была полна смысла и почти счастлива.

До тех пор, как он не увидел впервые в глубине мутно колеблющейся зеркальной поверхности прекрасное лицо своей будущей жены…

Маркизу снова почудилось движение в коридоре. Он дернулся к двери, замер, весь наструнившись. Опять ничего. Ничего и никого…

– Дело всей жизни… – проговорил Рон, в очередной раз попытавшись возбудить в себе интерес к работе, и сам поразился тому, как жалобно звучит его голос.

Дело всей жизни, научная работа, результаты которой способны спасти мир, – каким отстраненно ненужным воспринималось им это теперь!

Что ему сейчас эта работа? На что ему весь мир? Если его обожаемая супруга совсем не любит его… Нисколечко даже не уважает. Не видит в нем ни мужа, ни господина, ни даже просто

мужчину. Брезгует в постель с ним лечь.

И Рон вдруг разозлился.

Да что ж это такое! Муж он все-таки или не муж?! Коли так дело дальше пойдет, над ним даже слуги смеяться начнут!

Ступая твердо, Рон вышел в коридор. Остановился, помялся (он понятия не имел, где искать девичью своей супруги), но уже через минуту, всколыхнув в себе уверенность, пошел в произвольном направлении. Ничего, найдет. Попадется по дороге кто-нибудь из челяди, отведет его.

И действительно – скоро в ночном коридоре, гулко потрескивавшем от чадящих факелов, послышались шаги. Двое шли навстречу Рону, невидимые пока за поворотом, шли и беспечно и весело беседовали о чем-то. Один голос был мужским, молодым, ясным, а второй – женский, негромкий, но звонкий… какой-то холодновато звонкий. И такой знакомый!

– Сенга! – не удержавшись, воскликнул маркиз.

Голоса тотчас стихли, перестук шагов спутался, смолк…

Рон ринулся вперед. И на повороте коридора едва не сбил с ног свою супругу.

Сенга Грир была одна.

Минуту маркиз вообще ничего не мог сказать. Все мысли мигом выдуло из его головы, он лишь глупо улыбался, ослепленный долгожданным сиянием супруги. Она что-то сказала ему, а он не услышал. И ей пришлось повторить:

– Прогуливаетесь, мой господин?

– Я искал вас, моя госпожа, – пролепетал Рон.

– Я как раз направлялась в наши покои. Незачем было беспокоиться.

Она двинулась дальше, приглашающе кивнув ему. Маркиз неровно засеменил рядом – то выскакивая вперед, чтобы умильно заглянуть ей в лицо, то сразу же отставая, чтобы не вызвать ее неудовольствие своей назойливостью.

В голове Рона постепенно прояснялось. Он вдруг заметил, что прическа Сенги, всегда безукоризненная, сейчас несколько растрепана, платье немного помято, а один конец корсетного шнурка оборван. И прекрасное лицо супруги необычно расцвечено румянцем. Заметив все это, Рон тут же припомнил и еще кое-что…

– Мне показалось… – робко кашлянув, проговорил он, – что вы… что вас кто-то провожал…

– Конечно, мой господин, – спокойно отреагировала на это Сенга. – Один из стражников Утренней Звезды. Не подобает маркизе Грир передвигаться по ночным коридорам в одиночку. Хотя бы и в отцовском замке.

– И… куда же он подевался, тот стражник?

– Я отпустила его. Зачем он нужен, если теперь вы со мной?

– А… – начал было новый вопрос Рон, но Сенга каким-то образом догадалась, что его интересует:

– Мое новое положение связано с таким множеством забот! – сообщила она. – Совершенно не успеваю за собой следить, да еще и девчонки-фрейлины разболтались… Прошу прощения за свой внешний вид, мой господин… Вы ведь простите меня?

И провела тонким пальчиком по кучерявой бороде супруга. Маркиз аж задохнулся от такой нежданной нежности.

Рон Грир из рода Красных Вепрей был определенно умным юношей, и уж в наличии развитого аналитического мышления ему вряд ли кто мог отказать. Но любовь, как известно, оглупляет и самого умного. Вернее, не то чтобы оглупляет… Лишает желания и воли мыслить холодно и трезво – вот так правильнее. Достаточно прикосновения возлюбленной, достаточно одного-единственного ласкового слова, и не остается уже никаких вопросов и никаких опасений.

– Прямо падаю с ног! – вздохнула еще Сенга. – Так устала! Позвольте мне и сегодня ночью отдохнуть, мой господин? А уж завтра мы наверстаем упущенное. Не сердитесь и простите меня. Вы ведь простите?..

– Д-да… – пробормотал неумолимо разъезжающимися в счастливой улыбке губами Рон Грир. – Конечно, моя госпожа!..

Стая каррхамов, вышедшая к Малому Топтуну, насчитывала двенадцать голов. До сих пор охота стаи явно не была удачной – тела Курши Бочонка и удавленного Эвином каррхама твари растерзали и сожрали в несколько мгновений. После этого зверюги переключили свое внимание на людей, снова высоко взобравшихся на громадные ребра чудовищного скелета.

Вожак, тварь, почти в полтора раза крупнее своих сородичей, легко вскочив на позвоночник, поднялся на задние лапы. Острые когти поскребли по изогнутой поверхности древнего ребра, высекая белую крошку, облачка черного дыхания окутали окровавленную морду. Каррхам облизнулся, продемонстрировав острые зубы, похожие на кривые ножи.

– Какие теперь будут предложения? – мрачно осведомился Мартин, с трудом оторвав взгляд от жадно пылающих глазок твари; это под «его» ребром оказался вожак.

Вопрос предназначался по большей части Эвину, но Эвин не ответил. Прищурившись, он медленно поворачивал голову из стороны в сторону, словно выискивая пути к спасению.

Путей к спасению не было. И это понимали все. Странно, еще недавно разбойники всерьез думали о быстрой смерти, но сейчас,

когда им представилась такая возможность, никто не спешил обрывать свою жизнь. Видимо, такова природа человека: даже в самый черный, в самый невозможный момент все еще на что-то надеяться…

– Держаться, пока руки-ноги не устанут… – хрипло выговорил Рамси Лютый. – А потом шлепаться живоглотам на обед. Или прыгнуть прямо сейчас и покончить с этим. Вот какие предложения. Целых два. Может, у кого другие есть?..

Через четверть часа сорвался Лысый Черт. Он даже не успел коснуться земли, был разорван на кровавые куски и сожран тварями, настигнувшими его еще в воздухе.

– Вот и второй, – констатировал Ухорез. – Кто следующий?

– Я! – неожиданно вызвался Тони Бельмо. – Уж очень тоскливо тут висеть. Такая смерть ничем не хуже любой другой. По крайней мере, быстро. Раз – и все. Прощайте, братцы…

– Стой! – вдруг вскинулся Эвин.

Удивительно, но при этом восклицании встрепенулись не только разбойники, но и каррхамы, вожделенно облизывающиеся под скелетом Топтуна.

Впрочем, кажется, вовсе не голос Эвина заставил тварей забеспокоиться.

В нескольких шагах от исполинского остова, над истоптанной грязью, усеянной осколками черных игл, забрызганной кровью – появилось голубое свечение. Сначала призрачно слабое, очень быстро оно набрало силу, превратившись в шар размером с кулак.

Стая откатилась от скелета Топтуна; рыча и припадая к земле, заклубилась вокруг этого шара, который вдруг начал испускать тонкие ломаные искорки… И расти.

– Не упустим момент, а? – прохрипел, повернувшись к Эвину, Мартин. – Прыгаем и бежим, пока они этой хренью заинтересовались…

– Погоди.

– Не стоит, думаешь?.. Что это такое вообще? Этот шар? Еще какое-то чудище?

– Погоди.

Разрастаясь, шар становился бледнее, точно растягивался, сплющивался, становился широким диском. В центре диска проклюнулась точка, скоро превратившаяся в пятно, пятно превратилось в дыру… быстро расширяющуюся дыру с черными, словно обугленными краями, и в той дыре вдруг вспыхнули и причудливо засверкали-запереливались все возможные цвета… Прореха в реальности – вот, на что была похожа эта дыра. И замелькали в прорехе, в разноцветной ее глубине, невнятные темные силуэты… среди которых окреп и четко обозначился один

– человеческий, тонкий, высокий. Обозначился и подался вперед.

И вышагнул в Тухлую Топь.

Это оказался мужчина средних лет, сухощавый, с зачесанными назад светлыми волосами, в простой опрятной одежде, безо всякой брони и оружия.

И он явно не ожидал увидеть здесь то, что увидел, этот пришелец.

Каррхамы замерли – все до одного, – приготовившись к прыжку.

Лицо пришельца вздрогнуло. Он даже чуть отступил, словно намереваясь вернуться туда, откуда появился. Но вовремя удержался. Судорожно взмахнул рукой, пробормотав что-то, – и все вокруг залила ярчайшая белая вспышка.

Рванувшийся от руки мужчины ослепительный белый свет мгновенно закрутившейся косой выжег все в радиусе десятка шагов. Каррхамы сгорели молниеносно, оставив после себя лишь горстки пепла, тоже, впрочем, сразу развеянные потоком воздуха, пронесшимся следом за губительной волной света. Круговая «коса» зацепила и нижнюю часть скелета Малого Топтуна. Древние кости заметно истончились и пожелтели, скелет гиганта, угрожающе скрипнув, покачнулся и стал заваливаться…

Шестеро приговоренных друг за другом заскользили по ребрам вниз, сообразив, что еще несколько секунд – и костяная громадина, опрокинувшись, попросту раздавит их…

А их нежданный спаситель вдруг побледнел и шатнулся. Видно, с перепугу переборщил с объемом вложенной в заклинание маны… Неверной рукой он нашарил на поясе обтянутый кожей пузырек, неловко откупорил и опорожнил в несколько глотков.

Когда шестеро поднялись на ноги, мужчина уже пришел в себя. Стер с порозовевшего лица пот и облегченно улыбнулся.

– Не знаю, кто ты такой… – проговорил Мартин, медленно двинувшись к нему, – но спасибо тебе…

Впрочем, никакой благодарности в глазах Ухореза не было. А вот что было, так это – хищный интерес. Рамси, Стю, Тони и Цыпа, переглянувшись, потянулись за своим верховодом. Внимание всех пятерых было приковано к искрящемуся проему пространственного портала за спиной мужчины.

– Дядя Аксель? – раздался позади разбойников настороженно удивленный голос Эвина.

Мартин остановился, поднял руку, заставив замереть на месте своих людей.

– Еще один дядя? – с опаской проговорил Ухорез.

Ясно читалась в интонации его голоса фраза:

– Погодите, парни, напролом переть… Как бы промашки не вышло…

– Здравствуй, мальчик мой, – откликнулся мастер Аксель. Затем скользнул глазами по разбойникам, пересчитывая их. – Пятеро… – резюмировал он. – Двоих, значит, уже потеряли. Скверно. Но это не моя вина. Энергетический фон здесь довольно… своеобразный, трудно было вас найти. А еще труднее портал провесить. С третьего раза только получилось, времени порядочно ушло. А еще Темные… Вот уж не думал, что в ближних пределах Топи вы наткнетесь на них…

Аксель разочарованно цокнул языком.

– Тухлая Топь оживает, – добавил он. – Изменения происходят быстрее, чем я предполагал…

Портал полыхнул змеистыми голубыми искрами, черные его края раздались пошире. И в Тухлую Топь вышел… Эдгард Сторм, точно такой же, каким видел его Эвин в последний раз, на Красном дворе Утренней Звезды: босой, в простецкой рубахе и штанах, с дорожным посохом в руке.

– Эвин, – поклонился Эдгард. – Здравствуй, брат!

Синие отблески искр плясали на его чисто выбритой голове.

– Эдгард… – неопределенно отозвался Эвин.

– И это тоже твой родственник? – хмыкнул Мартин Ухорез.

– Тот, который его чуть насмерть не забил, Тихоню-то! – сообщил осведомленный Тони Бельмо. – Я ж говорю, слышал, как стражники базарили… Ну и семейка…

– Этот? Тихоню? – усомнился Мартин.

– А сколько еще народу оттудова вылезет? – пробасил Цыпа. – Из этой дырки?

– Вопрос не в том, сколько вылезет, – подал голос Стю Одноглазый, – а сколько залезет.

Он оглянулся на своего верховода. Тот со значением моргнул: мол, разрешаю, попробуй, может, что и получится…

Однако ничего у разбойников не получилось. Когда они, четверо, звеня цепями, ринулись к порталу, мастер Аксель проворно отступил в сторону, а на его место встал Эдгард. Четырьмя взмахами своего посоха Эдгард раскидал четверых здоровенных мужиков, как тряпичных кукол.

Ухорез восхищенно передернул плечами.

– Хорош! – оценил он силу и сноровку среднего из братьев Сторм. – Действительно, еще и получше нашего дворянчика будет…

– Кто-то еще хочет попробовать? – осведомился Аксель, остановив взгляд на Мартине.

Тот отрицательно качнул рыжей головой.

– Полагаю, теперь нашей беседе ничего не помешает, – сказал Аксель. – Время дорого, энергия портала скоро иссякнет…

– Какого хрена ты сюда приперся!.. – простонал, с трудом поднимаясь, Стю. – Зачем нас выручил из пастей Темных, если не намереваешься забрать отсюда?.. Рано или поздно нас все равно сожрут!

– На кой ляд мы ему сдались? – угрюмо произнес Рамси Лютый, усаживаясь в грязь и растирая ушибленную татуированную грудь. – Кху… Племянника своего он забрать желает, а не нас. Мы ему не нужны.

– Нужны, – вдруг признался мастер Аксель. – Только не там… – кивнул он в сторону портала. – А здесь.

– А? – вытаращился на него Цыпа. – Как это? Говори яснее!

– Чем реже вы меня будете перебивать, тем скорее поймете. Опять же – энергия портала иссякает, времени у меня в обрез. Итак…

– Зачем я вам понадобился?! – выступил вперед напряженно молчавший до этого Эвин. – Чего вы еще от меня хотите?! Чем я вам еще мешаю, что вы и здесь меня достали?!

– Ну вот опять… – досадливо поморщился Аксель. – Я же просил: постарайтесь не перебивать меня, пока я не закончу.

– Я не пойду с вами! – решительно заявил Эвин. – Я вам не верю. Никому теперь не верю! Ни дядюшке Альве, ни вам, дядюшка Аксель… Ни тебе, Эдгард.

Эдгард лишь безмятежно улыбнулся в ответ.

– Я не зову тебя с собой, Эвин. Я не могу забрать тебя, – сказал мастер Аксель. – Приговор уже вынесен. А значит, очередной ход сделан… Игра уже идет полным ходом.

– Верховод, чего ему надо, я никак не возьму в толк? – обратился к Мартину Тони Бельмо. – Игра какая-то…

– Помолчи, – очень серьезно проговорил Ухорез. – Сказано тебе: не перебивай, – добавил он и тут же не удержался сам:

– Эй… мастер Аксель! Ты, видать, что-то намерен нам предложить? Говори, не тяни, мы на все согласны.

– Нам терять нечего! – присовокупил Цыпа.

– Само собой, – развел руками Аксель. – Вы слышали когда-нибудь что-нибудь о Доме Соньи?

Разбойники пожали плечами. Аксель глянул на Эвина. Тот почему-то помедлил, перед тем как ответить:

– Да.

Это было давно. Очень давно, когда еще люди не селились близ Драконьей гряды, по западную ее сторону. И потому не селились, что с востока, через сумрачное ущелье Пасти, все чаще и чаще проникали за гряду Темные твари. И поодиночке, и

стаями, и, бывало, целыми ордами. Светлым расам хватало и других мест для жизни, обширных, безопасных и плодородных, ибо были тогда народы Светлых немногочисленны. А там, где шумят теперь веселые поселения графства Утренней Звезды, было безлюдно и тихо. Лишь бродило зверье и одинокие отчаянные охотники. Да и то – ни зверье, ни охотники не осмеливались соваться ближе чем на тысячу шагов к отрогам Драконьей гряды, где вольготно рыскали Темные твари.

Вот на этой-то условной границе между Тьмой и Светом стояла одинокая молельня Сестрам-помощницам, невысокая башня с колоколенкой под крышей. И в те черные ночи, когда твари с другой стороны Драконьей гряды подбирались к ее стенам, одна из послушниц взбиралась на колоколенку. Не любили Темные прозрачного перезвона серебряных колоколов, смущал и пугал он их, как пугает волков-людоедов факельный свет в ночи и громкие крики вооруженных загонщиков.

Только и дел было у послушниц, что молить Сестер-помощниц о ниспослании благодати на земли Светлых рас, собирать себе пропитание в близлежащих лесах и реках, да привечать случайно забредших охотников – где охотникам было найти более сохранного ночлега в тех диких краях?

Оно, конечно, не положено, чтобы мужчина переступал порог молелен, да куда ж деваться, не оставлять же истомленных долгой дорогой звероловов на прокорм Темным тварям? Да и мать-настоятельница всегда строго следила и за гостями, и за своими послушницами, не давала им оставаться наедине. Но как-то раз, видать, не уследила…

Согрешила одна из послушниц с забредшим в молельню охотником, не устояла. И как ей было устоять, юной, с бессловесного возраста и не по своей воле отданной в услужение Сестрам, когда парень оказался красивым, статным да и на слова всякие завлекательные ловким? Правда, к чести того парня следует сказать, что и в мыслях у него не было позорить послушницу. Забрал он ее с собой из молельни. Мать-настоятельница повздыхала-повздыхала и благословила образовавшуюся пару. И отпустила. А что ей еще оставалось делать? Заповедовали же Сестры-помощницы: люби и прощай. Вот молодые люди и полюбили друг друга, а мать-настоятельница простила их.

Как звали того молодого охотника, уже никто и не помнит.

А имя послушницы было – Сонья.

Из семьи она была не простой, а знатной. Говорят, младшая дочь какого-то мелкопоместного барона. Барон-отец молодой чете, только они явились в его владения, послал энную сумму

серебра, но во двор своего замка не пустил. Не подобает все-таки в благородную семью принимать простого охотника. Соседи не поймут.

Поселились Сонья с мужем неподалеку от баронских деревень, в ладном домике. Завели они крепкое хозяйство и зажили мирно и счастливо. Божественный огонь горел в дворянской крови Соньи, магического ее таланта вполне хватало на то, чтобы лечить местных да и себе мелкую удачу приваживать: вроде обильного урожая в поле и огороде и густого промысла для мужа, не оставившего своего лесного дела… Пошли у них дети, как полагается. Пять девочек родила Сонья, а красоты не утратила, поддерживая ее силой своей магии.

Но не суждено было ей прожить до старости в мирной благодати. Споткнулось колесо ее судьбы. Споткнулось и завертелось в обратную сторону.

Любимый муж ее нарвался в лесу на матерого вепря; вепря-то убил, но сам не уберегся – распорола зверюга клыками мужчине бедро. Еле-еле добрался он до родного жилища, упал на пороге. Могла бы спасти Сонья мужа, да, на беду, не оказалось ее дома, пользовала приболевшую козу на соседском хуторе. Истек кровью охотник. И умер.

Велико было горе женщины, не знала она, как с этим горем справиться, не умела она с горем справляться. Всю жизнь берегла от несчастий и бед Сонью судьба, муж берег ее и серебро отца-барона. А оставшись одна в перевернутом мире, Сонья принялась за то, чего в таких случаях делать никак нельзя. Стала она винить в произошедшем: и себя, что не осталась в тот день дома; и живучего вепря; и соседа с его треклятой, так не вовремя разболевшейся козой; и дочек, что только плакали от страха при виде истекающего кровью отца, не догадавшись вовремя бежать за помощью…

Взмолилась она Сестрам-помощницам: верните мужа!

Не ответили ей Сестры-помощницы, ибо законы бытия нерушимы. И никому не позволено возвращать людей из царства мертвых.

И тогда обратилась Сонья к Сумрачным сестрам. Достало у нее для этого знаний и сил.

И Сумрачные сестры отозвались. Научили обезумевшую от отчаяния женщину, что предпринять. А когда открылось Сонье, что ей нужно сделать, ужаснулась она – чересчур высока цена оказалась за чудо воскрешения. Но отступиться женщина уже не могла. Когда перед нами открывается возможность получить то, что мы больше всего на свете желаем, разве мы можем устоять?..

Пять дочерей было у нее, пять девочек. Всех забрала она с

собой в лес. Целую ночь окрестные хутора не спали, слушая детские крики, стоны и плач. Самые смелые даже высунули носы в окна – чтобы увидеть отблески мечущегося за ветвями черных деревьев зловещего алого пламени. Под утро те, кто смог заснуть в ту ночь, подскочили в кроватях, разбуженные длинным чудовищным, разрывающим душу воем.

И все кончилось.

Три дня сидела Сонья одна в своем опустевшем доме. Местные не решались навестить ее. А на четвертый день муж-охотник постучался к Сонье в дверь. Постучался рукой, перепачканной свежей кладбищенской землей.

Конечно, обманули Сонью Сумрачные сестры. Ибо законы бытия нерушимы, и никому не позволено возвращать людей из царства мертвых.

С виду муж был тем самым, прежним. А внутри совсем другим. Звериную душу подсунули Сумрачные сестры в человеческую оболочку. Не говорил мужчина, и человечьего языка не понимал. И человечью пищу не признавал. Сначала за деревенской скотиной охотился, а затем и за людей принялся. Но людей не всех жрал, нет. Каких жрал, а каких просто кусал, пуская в кровь отравленную Тьмой слюну. И укушенные им люди становились такими же, как он – с виду людьми, а на самом деле кровожадными зверями.

Поднялся над теми краями вой и зубовный скрежет. Десятки обращенных рыскали по округе, наводя ужас и сея смерть. Едва-едва удалось баронским ратникам навести порядок. Больше тысячи людей погибли, с полсотни деревень и хуторов сожгли: на всякий случай. Чтоб Темная зараза, упаси боги, дальше не распространилась. И только улеглось все, стали, как водится, виноватых искать. И первым делом, само собой, вспомнили о Сонье. А Соньи-то уже и не было. Пуст был ее домик. А Сонья тем временем отправилась в ту самую далекую молельню, куда отдали ее несмышленым ребенком. Шла она не скрываясь. Не останавливаясь, чтобы поесть-попить и отдохнуть. Ужас осознания произошедшего гнал ее вперед, не отпуская ни на секунду. Да, шла она в молельню. А куда ей было еще идти? Барон-отец скончался от сердечного удара в самый разгар боев с обращенными, да и разве нашел бы он в себе силы принять дочь-преступницу?

Перехватили Сонью всего-то в полудне пути от молельни. Она и не сопротивлялась. Она вроде бы даже и рада была, что ее настигли, что не надо больше никуда идти, что кончился ее скорбный путь.

И стали думать, что с ней делать. Какую такую муку

выдумать, чтоб была равноценной тому каскаду кошмаров, что она обрушила на их земли? Какую казнь изобрести, чтоб хотя бы примерно соответствовала совершенным ею чудовищным преступлениям?

Думали-думали и не придумали. Решили послать за матерью-настоятельницей, пусть мать-настоятельница спросит совета у Сестер-помощниц. Послали, спросили. «Приговор уже вынесен, – таков был ответ матери-настоятельницы, – и казнь свершена. Мы будем молиться за великую грешницу, ибо это есть воля Сестер-помощниц».

Удивились посланники и пошли обратно. А пока шли, говорили меж собой… и кое о чем начали догадываться. А чтоб подтвердить свои догадки, вернувшись, развязали Сонью и дали ей в руки меч.

Женщина равнодушно приняла оружие, повернула его острием к себе движением привычным, приноровленным – и ударила себя в грудь.

Сломался клинок.

Тогда поняли, какая казнь уготована женщине за дерзновенную попытку преступить законы бытия, за совершенные ужасные злодеяния. Никогда Сонье не соединиться с тем, кого она любила больше жизни. Потому что нет ей дороги в царство мертвых. Вечно ей скитаться по земле в тщетной попытке сбежать от воспоминаний о содеянном. Поистине справедливой посчитали люди эту казнь.

Сестры-помощницы наказали Сонью бессмертием.

Не ради мести вовсе, а в предостережение тем, кто осмеливается бунтовать против существующего порядка вещей.

Отступили люди от Соньи, оставили ее одну. И врата молельни перед Соньей не открылись.

Направилась она по ту сторону Драконьей гряды. В Тухлую Топь, все на восток, на восток, туда, где сильна Тьма. Ибо магия Света ведает жизнью, а магия Тьмы – смертью. Говорят, выстроила себе Сонья Дом в самом сердце Тухлой Топи. И вот уже сотни лет изучает Тьму, чтобы разгадать секрет: как переступить порог между миром живых и миром мертвых. Ни один чернокнижник, ни один проклятый колдун, покровительствуемый Сумрачными сестрами, не знает о магии Тьмы столько, сколько постигла за долгие-долгие годы изгнания Сонья. А главный секрет все не открывается ей. И неизвестно, откроется ли когда?..

– Вы слышали когда-нибудь что-нибудь о Доме Соньи?

– Да, – ответил Эвин. – Насколько я понимаю, вам нужно, чтобы мы отыскали Дом?

– Нужно, – согласился Аксель. – Очень нужно. Но не только

мне. Всему Арвендейлу. Всему миру людей.

– Ну, раз нужно, тогда отыщем! – беспечно заявил Тони Бельмо. – Где наша ни пропадала!

Мартин посмотрел на Эвина, Эвин посмотрел на Тони. И усмехнулся.

– Если верить легенде, – сказал юноша, – Сонья возвела свой Дом в самом сердце Тухлой Топи…

– И что? Ты же Полуночный Егерь. Ты эту Топь вдоль и поперек исходил. Мы целый день продержались здесь вот в этих вот штуках… – он позвенел своими цепями, – голышом и безо всякого оружия. А если согласимся отправиться на поиски, железяки с нас снимут, да? – Тони стрельнул глазами в сторону Акселя. – И барахлишка кой-какого дадут, ага?

– Несомненно, – кивнул Аксель.

– А что, – деловито осведомился Рамси Лютый, – нельзя вот через такой же портал в этот Дом попасть? Обязательно пехом туда переть?

Аксель посмотрел на него с жалостью:

– Было б это возможно, разве я стал усложнять себе жизнь?

– Я согласен, – гукнул Цыпа.

Стю Одноглазый ничего не сказал. Хмуро пожал плечами, неприязненно глядя на Акселя, которого, кажется, с момента первой встречи по понятной причине люто невзлюбил, как и Эвина.

– Тихоня? – снова обратился к юноше Мартин Ухорез. Тот опять усмехнулся:

– Он не понимает. И ты не понимаешь. И ни один из вас не понимает. И… дядюшка Аксель не понимает. За все время, когда люди первый раз ступили по эту сторону Драконьей гряды, никто и никогда не заходил дальше Мертвого Омута.

– Что за Омут?

– Он – в недели пути на восток отсюда. Только сам я этого Омута ни разу не видел. Уже более ста лет Егеря не отдаляются от Пасти дальше чем на три-четыре дня пути. А что там, за Мертвым Омутом, никто не знает. Ни один из отрядов братьев-Егерей, каким бы ни был многочисленным, хорошо вооруженным и подготовленным, никогда не пересекал Омута. Нам лишь одно известно: территория, лежащая между Пастью и Омутом, – ничтожная часть всей территории Тухлой Топи. Вот и все. А Дом Соньи – если он, конечно, вообще существует, – лежит далеко за Мертвым Омутом…

– Если мы откажемся от твоего предложения… – начал Мартин, повернувшись от Эвина к Акселю.

– Я немедленно удалюсь, и вы меня больше никогда не

увидите, – сказал Аксель. – И, боюсь, вы вообще ничего и никого больше никогда не увидите…

– А если согласимся?

– Я сниму с вас кандалы и дам все, что необходимо для долгого перехода по Тухлой Топи.

– Ну, это само собой, – снова встрял Тони. – Не с голым задом же нам по твоим делам мотаться. А потом что? Когда мы этот Дом отыщем?..

– Мне положительно нравится твой оптимизм, – улыбнулся Аксель. – Потом, когда вы отыщете Дом Соньи, я отправлю вас в любое место Империи, какое пожелаете. За исключением, естественно, Арвендейла.

– Идет, – быстро сказал Рамси Лютый.

– По рукам, – буркнул Цыпа Рви-Пополам.

– Хитрые вы, дворянчики! – скривился Стю Одноглазый. – Добраться до сердца Тухлой Топи! На такое предприятие ни один нормальный человек ни за какие деньги не подпишется. Это ж… Все равно что у гацан украсть – бессмысленно и смертельно опасно. А у нас выбора нет. Ловко… Не удивлюсь, если ты все специально подстроил с самого начала…

– Уверяю вас, я здесь ни при чем, – сказал Аксель. – Все, что ни происходит на этом свете, вершится по воле Великого Космоса, и…

– Договорились, – очень невежливо оборвал его Мартин Ухорез.

Аксель, не снизойдя до обиды, тотчас замолчал и кивнул. Но смотрел он не на разбойников, а на Эвина. Юноша молчал.

– Эвин, мальчик мой, – позвал Аксель. – Портал не может держаться долго…

Юноша переступил с ноги на ногу, обнял себя за плечи, звякнув цепью.

– Днем раньше, днем позже… – проговорил он. – Смерть все равно найдет нас здесь, в Тухлой Топи. Это лишь вопрос времени.

– Вся наша жизнь – вопрос времени.

– Что ж… Я согласен.

– Я не сомневался в этом, – сказал Аксель.

– Еще бы! – сплюнул в сторону Стю. – В нашем положении на что угодно согласишься.

Аксель кивнул Эдгарду. Эдгард ткнул концом своего посоха в портал, и тот снова вспыхнул искрами, выпустив в Тухлую Топь невысокого человечка со следами недавних побоев на лице. Человечек тащил на спине сумку. Вполне себе обычную сумку, кожаную, с полудесятком креплений на боку, в которые были вложены тубусы для свитков… Но почему-то вместо лямок у этой

сумки наличествовали толстенные цепи. И вот еще странность: хоть размер сумки совсем не поражал воображение, человечек вел себя так, будто нес на спине целого быка – шатался на трясущихся подгибающихся ногах (словно под невесть какой тяжестью), кряхтел и дышал тяжело, с хрипами и хлюпаньем. Свалив сумку прямо на землю, он испуганно огляделся по сторонам и тут же юркнул обратно в портал…

…Сияние которого стало заметно тускнее; видимо, вследствие неоднократных перемещений энергия портала иссякала быстрее. Тень легкого беспокойства пробежала по лицу Акселя.

– Помните! – сказал он еще, обращаясь на этот раз к Мартину. – Единственный шанс для вас выбраться отсюда – отыскать Дом Соньи. Даже с тем снаряжением, что я вам дал, перебраться через Драконью гряду у вас не выйдет. А других путей из Тухлой Топи нет. Разве что если пересечь ее и поискать выход по ту сторону…

– Да понятно, понятно… – сказал Мартин. – Легче этот самый Дом найти, коли он посерединке-то… А где твое снаряжение, а? Одна сумочка и все, что ли? Да сколько в нее поместится? В ней места на пару ковриг и флягу с водой.

Мастер Аксель оглянулся на все бледнеющий портал.

– Пространство относительно, – сказал он с таким видом, будто сообщал что-то давным-давно всем известное. – Как этого можно не понимать…

Он шагнул поближе к порталу… Невозмутимый Эдгард уступил ему дорогу. Но Аксель снова остановился. Секунду помедлил, точно подбирая слова для предстоящего важного сообщения. Лицо его стало серьезным, даже строгим.

– Эвин! – проговорил он с нотками торжественности. – Постарайся уяснить… Сложность и важность выпавшей тебе миссии невероятна. Но, пожалуй, никто во всем Арвендейле не способен справиться с ней лучше, чем ты. Понимаешь, что это значит? Не я возлагаю на тебя эту миссию, а – воля Космоса!

Эвин смотрел в сторону. На слова своего дяди он лишь пожал плечами – слегка, даже цепи не звякнули. Мастера Акселя, кажется, несколько насторожило такое отношение племянника к данному ему поручению. И тогда он сказал кое-что еще:

– Кто-то всю жизнь ищет свое место. А кого-то его место находит само. Может, Утренняя Звезда – это совсем не то, что тебе нужно? Может, Утренняя Звезда – совсем не твое место? Может, пройдя по уготованному тебе Космосом пути, ты обретешь то, что истинно предназначается тебе?..

Эвин вздрогнул и поднял на него глаза:

– Как вы сумели?..

– Аура твоих мыслей и слов, – пояснил Аксель, вытянув к племяннику растопыренную пятерню, точно хотел пощупать его лицо, – очень плотная… Последнее время ты говоришь и думаешь только об этом.

Маг шагнул в портал.

– Эй! – крикнул ему Мартин. – Родственничка не забудь! Который с голой башкой! Или нам сразу двоих оставляешь?

– Эй, а снаряжение-то где?! – крикнул Тони Бельмо.

– Эй, а цепи-то?! – крикнул и Стю Одноглазый.

Аксель, хлопнув себя ладонью по лбу, обернулся назад.

– Чуть не забыл… – бормотнул он, наполовину погруженный в разноцветно пульсирующую прореху в реальности. – Прошу простить великодушно.

Он щелкнул пальцами, и кандалы со звоном опали с рук приговоренных сами собой. Аксель полностью нырнул в портал, с треском стянувшийся за его спиной в крохотную яркую голубую точку. Легкий хлопок – и точка пропала.

Сразу стало как-то особенно тихо… и по-прежнему серо, даже темновато.

Пятеро разбойников и Эвин молча смотрели на Эдгарда, спокойно стоявшего, опершись на свой посох.

– Я не понял… – осторожно проговорил Мартин Ухорез. – Ты что, парень, по своему желанию здесь остался?

– Наши желания не имеют никакого значения, – ответил Эдгард и улыбнулся брату. – Мы делаем то, что должно…

– Зачем ты здесь? – прямо спросил его Эвин. – Что это все значит? Зачем дяде Акселю так нужен Дом Соньи? О каких изменениях он говорит? О какой Игре?

– Не знаю, – пожал плечам тот. – Меня это не интересует.

– Но зачем ты остался здесь?!

– Чтобы оберегать тебя.

– Но… зачем?

Эдгард снова пожал плечами. И ответил с выражением на лице «как-же-ты-не-понимаешь-таких-простых-вещей»:

– Потому что должен.

Человек – существо крайне неблагодарное по своей природе. Уже через день после чудесного спасения Кэйлин не очень-то был и рад положению, в котором оказался.

Ну, рассудить трезво: господин Фарфат несмотря на наличие могущественных покровителей, оказывается, поселился в захудалом трактирчике. В тесной каморке без окон под самой крышей. Даже не каморке – чуланчике, места в котором хватало только на топчан, стол и табуретку. На топчане спал, конечно,

сам господин Фарфат, а Кэйлину пришлось ночевать под дверью чуланчика, головой на пороге, ногами на лестничных ступенях. Невеликое удовольствие – учитывая еще промозглые ночные сквозняки и нахальных трактирных мышей. С харчами тоже вышло как-то не очень… Господин Фарфат обещание Кэйлина служить за кусок хлеба и глоток воды воспринял буквально. То есть два дня подряд каждое утро Кэйлин получал от своего хозяина половину ковриги черного хлеба и кружку колодезной воды – и все. И до следующего утра ничего больше. Оно понятно, любой нормальный слуга и при таком положении дел всегда обеспечит себе приличный рацион, доедая обеды и ужины за хозяином… Но в случае с господином Фарфатом и тут вышла промашка. Господин Фарфат – все два дня, пока Кэйлин находился при нем – обедал и ужинал на деловых встречах в Предместье. Видать, эти деловые встречи были очень деловыми, поскольку Кэйлин даже в дом, куда входил с визитом его хозяин, не допускался. Сидел себе под окошками, грустно вдыхая запах недоступных яств, и размышлял о том, что пеньковый воротник по сравнению с голодной смертью штука не такая уж плохая…

Но самое паскудное было в том, что господин Фарфат и запальчивую клятву Кэйлина – прослужить этаким макаром до самой смерти – принял с обстоятельной серьезностью. Кэйлин сам слышал, как он давеча выпрашивал у мастера Акселя свиток Господской Печати. Мастер Аксель обещал поискать Печать у себя в библиотеке, правда, невнимательно пообещал и нехотя, ясно давая понять, что подобной чепухой ему недосуг заниматься.

А что будет, если маг действительно найдет свиток и снабдит им Фарфата? Или сам Фарфат разорится на пару серебряных монет (что, конечно, маловероятно) и купит Господскую Печать в лавке магических товаров? Тогда ведь придется выполнять обещание… А после того как заклятие будет наложено, покинуть своего хозяина Кэйлин сможет лишь по его, хозяина, разрешению. А господин Фарфат не такой дурак, чтобы добровольно отпустить бесплатного слугу… Это ж очень неэкономно!

И придется Кэйлину до конца своих дней таскаться за хитрым молчуном-скупердяем, жить впроголодь и со слезами на глазах вспоминать былые счастливые времена, когда он мог побаловать себя вкусной едой, веселящей выпивкой и прочими радостями жизни…

– Верно говорят, – горько бормотал себе под нос несчастный Кэйлин, сидя на пороге трактира, обеими руками обняв бурчащий живот, – кто всю жизнь птичкой беззаботной порхает, тот рано или поздно попадет в силок.

Утро было солнечным, но холодным. Выпавший вчера снег

давно уже превратился в серую жижу, за ночь эта жижа подмерзла, и хрустко посверкивавшие в ней льдинки напоминали теперь оголодавшему Кэйлину крупинки сахара в доброй гречневой каше. С полчаса тому назад господин Фарфат куда-то удалился, приказав своему слуге вычистить походный плащ, выколотить постель, вымыть ночной горшок и от трактира не отлучаться: мол, пришлет за ним, если тот за чем-либо понадобится. Кэйлин очень был бы рад, если этот круглый гад вообще не вернулся бы, сломил бы где-нибудь свою голову… А что, вполне возможно, что и сломит… Какими именно делами господин Фарфат занимается, он не имел ни малейшего понятия, ясно было только, что – какими-то темными, нехорошими, опасными… Взять хотя бы вчерашнее мероприятие…

Кэйлина даже передернуло, когда он вспомнил, как пришлось ему таскаться с той странной сумкой с цепями вместо лямок. Вроде и небольшая сумка, а тяжеленная какая!.. Да, впрочем, разве дело было в этой тревожной несообразности? Кэйлин непроизвольно сглотнул, когда перед глазами его вновь закачался унылый пейзаж жуткого мира, куда было велено ему доставить сумку. Слава Сестрам-помощницам, ему хватило ума не смотреть особо по сторонам, выполняя поручение. Нырк в портал, нырк обратно… Всего-то несколько секунд, а страху натерпелся… Нет, не доведет до добра служба у господина Фарфата, не доведет… И ведь бежать от него еще страшнее. А ну как хозяин взбеленится от потери дармового слуги? Да пожалуется своему Акселю? Тому-то не составит никакого труда отыскать Кэйлина, где бы тот ни заныкался. Что же делать? Что делать-то? Сгинешь так во цвете лет, и поплакать о тебе будет некому… Ни жены, ни детей… Даже угла своего никогда не было. Даже друзей настоящих. Ничего, словом, постоянного. Прыгал из одного края Арвендейла в другой, брался то за одну работу, то за другую, пил, играл, веселился, все казалось ему: жизнь как-нибудь сама подставит ему сладкий сдобный бок, за который удобно будет надолго уцепиться… Дождался…

И так жалко себя стало Кэйлину, что аж сердце заныло. Вот теперь-то хоть что-то постоянное у него появилось. Пожизненная кабала у господина Фарфата.

Эх, выпить бы! Разогнать тоску! Но и этот проверенный способ теперь был недоступен Кэйлину. Ни гроша в кармане, а трактирщик в долг не нальет – тертый калач, сразу Фарфата раскусил, понял, что с него и гнилого яблока просто так не стрясти…

Бедолага вздохнул… да так и замер на вдохе, носом кверху.

Долетевший откуда-то аромат только что приготовленной

бараньей похлебки взволновал его до слез в глазах. То ли с голодухи, то ли еще по какой-то причине Кэйлин мгновенно уверился, что такой похлебки он не пробовал до этого дня и вряд ли попробует когда-нибудь позже. Аромат поднял его с порога, мягко поставил на ноги и повлек за собой… Кэйлин, причмокивая, глотая слюну и беспрестанно потягивая носом, свернул за угол трактира, прошел между низеньким покосившимся забором и пересохшей канавой, обогнул помойную яму (всемогущий аромат похлебки без труда перешибал вонь застарелых отходов), выбрался на грязный пустырь, с трех сторон закрытый слепыми каменными стенами домов… Вот он, источник божественного аромата! Большой закоптелый котел над ровно горящим костром! И аппетитно булькает там обжигающе горячая и, бессомненно, такая вкусная баранья похлебка, приглашающе распространяя далеко вокруг мучительно притягательный дух…

Кэйлин, брызнув слюной, рванулся вперед. И вдруг остановился… Когда в его затуманенное вожделением сознание пробился-таки тот факт, что вокруг костра сидели – самые настоящие гацане. Чумазые, размалеванные варварскими татуировками, увешанные дурацкими разноцветными тряпками и блестящими побрякушками гацане. Чужеродное отребье, бесстыдное ворье, которое ни один нормальный человек на порог своего дома ни за что не пустит, с которыми не то что трапезу разделить, даже и парой слов перекинуться стыдно. Да и опасно. Все знают: гацане такой пакостный народ, что не моргнув глазом оберут тебя, заморочат, на осмеяние выставят, только подставься. На одно только годны эти паразиты – честных людей диковинами веселить; и то – не вздумай с них глаз спускать, вмиг обмишулят. Разделить с ними трапезу? Да кто на такое решится? Тебя потом самого тремя дорогами обходить будут, как заразного… Отобрать еду или украсть? Это Кэйлину не по силам. Хотя разве в этом дело, что – не по силам? Кто ж в здравом уме решится что-нибудь, хоть самую малость – украсть у гацана? Чтобы потом два дня промучиться, а на третий помереть?!

Все это Кэйлин прекрасно понимал. Но просто так повернуться и уйти он не мог, могучий аромат похлебки цепко держал его. Так и топтался бесплатный слуга господина Фарфата на месте, громко сглатывая слюну, набегавшую в рот в просто-таки невообразимых объемах, нервно дергая носом и стуча ногами, как горячий конь. А гацане спокойно сидели себе у огня, тихо переговариваясь на своем тарабарском языке (чаще других мелькало непонятное словечко гойша) и время от времени насмешливо посматривая в сторону страдальца. Гацан было трое: сухая древняя старуха, горбатый длиннорукий мужик и молодая

девка. В какой-то момент Кэйлин вдруг вспомнил, что он видел эту троицу и раньше – по дороге к Утренней Звезде. И это открытие оптимизма ему не прибавило: ловко тогда эти гацане обчистили карманы деревенским зевакам, хорошо дело свое поганое знают.

Горбун, приподнявшись, извлек откуда-то из своих цветастых лохмотьев исполинских размеров деревянную ложку, зачерпнул ею из котла, поднес ко рту (сухо клацнуло губное кольцо об отполированную древесину) и с аппетитным хлюпаньем втянул изрядную порцию похлебки. Одобрительно качнул головой, причмокнул. И вдруг, оглянувшись на Кэйлина, дружелюбно подмигнул.

Кэйлин шагнул вперед, но снова заколебался.

– Гляди, боится! – хихикнула девка, переглянувшись со старухой. – Такой красавчик, а боится!

Именование «красавчиком» слуге господина Фарфата явно польстило, относительно своей внешности он иллюзий не питал. Он невольно тоже хихикнул в ответ. А девка-то очень даже ничего. И под лохмотьями у нее… все в порядке, как он уже имел возможность несколько дней назад убедиться. А этот гортанный акцент даже некоторого шарму ей придает…

– Подходи, чего мнешься, милок? – заговорила и старуха. – Небось не отравим… Вижу, что голодный. А голодного нельзя не покормить, грех это…

Голос старухи был хоть и скрипуч, но вполне себе доброжелателен. А тут еще и горбун вынул из котла, подцепив ложкой, большой такой кусок жирного мяса, понюхал, блаженно сморщился и опустил обратно…

Этого Кэйлин уже снести не мог. В конце концов, чего ему терять? Взять с него нечего. А насчет того, что кто-то его увидит с гацанами… Так тут нет никого, место глухое. А жрать просто смерть как хочется! А, будь что будет!

И, не колеблясь больше, скакнул к костру.

– Ну вот, милок… – скрипнула старуха. – Откушай-ка, не побрезгуй…

Гацане подвинулись, освобождая место, всучили ему ложку, полную миску, горячую, тяжелую… Девка с улыбкой подала солидную горбушку хлеба. Кэйлин, бормотнув благодарность, торопливо и жадно принялся за еду.

И мир тут же перестал для него существовать. Аромат варева не обманывал его голодное брюхо – похлебка и впрямь оказалась удивительно вкусной, такой вкусной, что Кэйлин и не заметил, как его миска опустела. Ему тут же наполнили ее снова. А потом еще раз…

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Кэйлин опять вернулся в реальность. Он вытер вспотевший лоб и осоловело осмотрелся, ощущая, как отяжелел его переполнившийся живот. Пустой котел лежал рядом с потухшим костром. Старуха поодаль оттирала миски золой, поливая их водой из кувшина с отбитым горлышком. Девка укладывала в мешок помытую посуду. Горбатого гацана нигде не было видно. Кэйлин рыгнул и пошевелился, разминая затекшие ноги.

– Это… – проговорил он, понимая необходимость сказать что-то хорошее для своих благодетелей. – Ну, прямо благодать… Угостили так угостили…

Девка оглянулась на него, как-то очень резко оглянулась, аж звякнули ее побрякушки на лице. Скорчила пренебрежительную гримаску и снова принялась за свое дело.

Кэйлин почесал в затылке, озадаченный такой не-ожиданной сменой настроения.

– Стало быть… – произнес он. – Пойду я, ага?

– Иди-иди, – отозвалась старуха. – Набил пузо, так и вали отсюда. Нечего тут рассиживаться… – и что-то еще пробурчала на своем языке.

– Ага… – сказал Кэйлин, поднялся и бочком заскользил с пустыря.

Впрочем, выбравшись к трактиру, он приободрился. Ну, подумаешь, странные гацане! Удивительно было б, если б они оказались нормальными. Главное, что наелся. И что никто его с этими чумазыми бродягами не видел. Подумав так, Кэйлин ухмыльнулся, шлепнул себя по туго надувшемуся животу и повернул за угол, к трактирным дверям.

И оторопел, остановился как вкопанный, точно наткнувшись лбом на невидимую стену.

Из трактира навстречу ему вышел… он сам!

Он сам, Кэйлин, невысокого роста, толстенький, с кривоватыми ножками, пегими, вечно всклокоченными волосами… Даже синяк под глазом и распухший нос – напоминание о близком знакомстве со стражей Утренней Звезды – были в наличии.

Кэйлин охнул, схватившись за грудь, в которой испуганно ворохнулось сердце.

Двойник тоже заметил его. И тоже узнал.

И преспокойно прошел мимо, нагло и как-то очень знакомо подмигнув. Скрылся за тем же поворотом, из-за которого только что вышел сам Кэйлин. И когда скрылся, Кэйлин вдруг осознал, что двойник кое-что сказал ему на прощание.

«Понравилось? Мы можем дать еще. Мы можем дать столько,

сколько вы попросите…»

Бедняга бесплатный слуга господина Фарфата проделал два шатких шага и прислонился к стеночке.

Что же это такое, а? Подмешали, что ли, гацане в свое варево какую-то дрянь? Но зачем? Никогда эти ублюдки просто так ничего не предпринимают, во всем свою выгоду преследуют. И какой же, спрашивается, им резон одурманивать того, у кого гроша ломаного за душой нет и не предвидится?

А подмигивание этого двойника… Такое ощущение, что сегодня Кэйлин уже видел нечто подобное… А эти странные слова? «Мы можем дать столько, сколько вы попросите…» О чем это? К чему? Про похлебку, что ли?

По стеночке он добрался до порога трактирной двери, уселся на обычном своем месте, ожидая хозяина. В голове было пусто-пусто, в груди все еще, никак не успокаиваясь, тревожно бултыхалось сердце.

Господин Фарфат появился спустя час с небольшим. Узрев слугу, он остановился, вопросительно глянул на него.

– Все в порядке! – закивал, вставая, Кэйлин, уже привыкший к тому, что хозяин даже слов не расходует попусту, становясь говорливым только тогда, когда это необходимо. – Плащ помыл, горшок выколотил…

Господин Фарфат угрожающе сдвинул редкие брови.

– Да не пьяный я! – заявил Кэйлин. – На какие шиши-то? Во!..

Он дыхнул в лицо хозяину, тот брезгливо сморщился и прошел мимо него, в трактир.

Кэйлин опять опустился на порог.

Впрочем, просидел он там недолго. Через пару минут трактирный служка, открыв дверь изнутри, пихнул его ногой в спину:

– Эй, как тебя там… Тебя хозяин твой зовет!

– А чего такое?

– А я почем знаю. Но видок у него не очень… Видать, напортачил ты, братец, в чем-то. Получишь сегодня по сусалам! А и за дело! День-деньской задницу тут просиживаешь, вместо того чтобы господину потрафлять! Марш к своему хозяину, орясина!

Средний сын Адама Сторма Эдгард действительно покинул графство Утренней Звезды с гацанским табором. Только в том слухи врали, что – не по своей воле. Хотя как сказать – не по своей… Никто в мешок его не засовывал, никто рта кляпом не затыкал, рук-ног не вязал. А задурить мальцу голову обещаниями показать страны дальние и дива дивные – тут любой справится. Что уж говорить о таких ловкачах, как гацане…

Вначале ему и вправду было интересно. А потом стало не

очень. Когда табор сбагрил его по сходной цене какому-то юркому толстячку с лоснящимся голым лицом, словно щедро смазанным маслом. Толстячок с парнишкой не церемонился. Дал ему отхлебнуть из какой-то фляжки, после чего Эдгард надолго погрузился в странный дурнотный полусон: когда вроде все видишь, осознаешь, ходишь и говоришь, но совершенно не в силах ослушаться приказов; потому что просто не хватает воли на самостоятельные действия. В таком состоянии Эдгард провел около двух недель, пока его везли куда-то в крытой повозке. А когда эффект снадобья прошел, он ощутил себя в корабельном трюме. Темном, тесном, затхлом и тяжело покачивающемся корабельном трюме – в компании нескольких десятков таких же юных бедолаг. Трюм был разделен надвое частой решеткой, сквозь которую нельзя было просунуть и руку, по одну сторону решетки помещались мальчики, по другую – девочки. Здесь было куда как хуже, чем с толстячком. Тот хоть кормил прилично и не бил. В корабельном трюме же царили другие порядки. Кормили хуже некуда. И воды давали ровно столько, чтобы не умереть от жажды. Но это было не самое плохое… Видно, на палубе судна находились и другие пассажиры, которым вовсе не нужно было знать о тех, кто содержится в трюме. Поэтому за малейший шум детей наказывали – к ним спускался всегда один и тот же матрос, краснолицый, худой и мускулистый, точно весь свитый из корабельных веревок, выдирал из толпы первого попавшегося и бил, отшвыривал в сторону и брался за другого… Бил очень больно и искусно – не оставляя следов. О том, куда их везут и зачем, среди мальчишек и девчонок поначалу ходило множество самых разных сообщаемых друг другу боязливым шепотом версий. Но на пятый день плавания ситуация разрешилась. В разгар очередной экзекуции в трюм спустился капитан: рослый мужик с чернющими густыми усами. Осмотрев нескольких детей, он в целом остался доволен мерзким мастерством краснолицего матроса бить, не оставляя следов, но все же настрого приказал ему в дальнейшем не слишком усердствовать. «Чтоб нутро никому из щенков не отшибить, – сказал капитан. – На Востоке за каждого хорошую цену дадут. Товар отличный, штучный; все из благородных семей, воспитанные, девственные, чистенькие… Понимать же надо!..»

А на шестой день грянул шторм. Почти сутки дети бултыхались в ходящем ходуном трюме, как пригоршня горошин в нутре глиняного кувшина… А на вторые сутки корабль налетел на скалу. Эдгард навсегда запомнил мощнейший треск, сотрясший душную тесную темноту вокруг, поток воды, хлынувший в трюм… и последовавшую адскую круговерть,

раздиравшую на куски большой корабль. Это была сама смерть, такая, какой, верно, и должна быть: слепая, яростная, неумолимая. И в тот раз она не приняла Эдгарда.

Избитого и полузадохшегося, все свои силы отдавшего на то, чтобы не выпустить из рук обломок мачты, удачно попавшийся ему в момент крушения, его выбросило на неизвестный песчаный берег.

Еще не понимая, повезло ему или нет, мальчик побрел по песку – сам не зная куда. Лишь бы подальше от этой чертовой массы мутной воды, все еще бесящейся и ревущей, как обезумевший зверь.

Изнывая от жажды и дикой усталости, он добрался до зеленой долины, отыскал родничок и несколько дней не отходил от него далеко – только набрать ягод и фруктов, коих в том месте произрастало в изобилии. Смерть снова погнушалась им: мальчику не попались плоды ядовитых растений. Вошедши в силу, Эдгард двинулся дальше. Теперь ему хотелось найти людей. Он отчего-то полагал, что в таких дивных краях, где сколько угодно дармовых лакомств, чистой воды, беспечных птах и пугливых зверюшек, где не встречаются злодеи и хищники, все люди должны быть ласковыми и гостеприимными.

Долго ему пришлось идти. Но в конце концов он вышел к поселку, раскинувшемуся по берегу полноводной ленивой реки. Диковинного вида были дома в том поселке: высокие, ярко разукрашенные, прилепившиеся друг к другу так тесно, что соприкасались их крыши с причудливо изогнутыми скатами… Поселок напоминал праздничный многослойный торт. Уже не сомневаясь в том, что в этом сказочном месте ему будет оказан самый радушный прием, Эдгард постучал в дверь первого же попавшегося дома. Вышел, видимо, сам хозяин – потому что не может же слуга быть так шикарно одет: в ярко-разноцветный длиннополый халат из самого лучшего щелка, за который в Утренней Звезде платили золотом. На голове хозяина красовалась высоченная конусообразная шляпа с широкими полями, изогнутыми так же, как и скаты здешних крыш… Но сильнее наряда местного жителя мальчика поразило его лицо. Было оно круглое и плоское, словно тарелка, желтое, как коровье масло, чистое – совсем без следа бороды или хотя бы щетины. И глаза… Они были узкие-узкие, прямо щелки, такие узкие, что не сразу и поймешь, открыты они или закрыты.

Местный тоже удивился внешнему виду пришельца. Но не так, как Эдгард. Если мальчику облик чужестранца показался забавным, то сам незнакомец, едва разглядев незваного гостя, подпрыгнул на месте, замахал руками, будто увидел перед собой

не полуголого исхудавшего и грязного пацана, а ужасную Темную тварь, закричал что-то на непонятном языке, похожем на тонкий птичий щебет. И скрылся за дверью.

Дом тотчас наполнился топотом и трелями возгласов. Мальчик потоптался на месте, постучал снова… Дверь открылась не сразу и не полностью. В неширокую щель просунулось копье с громадным (словно изогнутый меч) наконечником – и несколько раз клюнуло воздух, стараясь поразить вовремя отскочившего Эдгарда. Затем откуда-то из-за цветастых заборов, увитых лозами, увенчанных пышными древесными кронами, выбежали сразу с полдесятка местных, все с этими странными копьями в руках. Тонко вереща, они погнали мальчика прочь от поселка, к обрывистому берегу, под которым мерно шумела голубая река.

Эдгард сразу углядел подвесной мост через реку. И рванулся к нему, опасно оскальзываясь на прибрежных валунах. Местные не стали преследовать его дальше начала моста. Мальчик оглянулся на противоположном берегу: они стояли на мосту, потрясая копьями и визгливо вопя.

Не в силах понять причин их поведения, он со слезами в голосе принялся выкрикивать им о том, что ему пришлось перенести, о том, что ему нужна помощь, о том, что он ничего плохого никому не сделал…

Местные притихли, слушая.

А потом со стороны сказочного поселка прилетела первая стрела. Вонзилась в землю у босых ног Эдгарда. Второй и последующих стрел мальчик дожидаться не стал. Повернулся и побежал к темнеющему неподалеку лесу.

Три дня и три ночи бродил Эдгард по лесу, оказавшемуся не таким безопасным и хлебосольным, как та долина, что встретила его на этом берегу. Ягод попадалось мало, фруктов не было вовсе, с ветвей деревьев тут и там свисали змеи. Ко всему прочему первой же ночью Эдгарда разбудил страшный рык неподалеку. Подчиняясь больше инстинкту, чем разуму, мальчик взлетел на ближайшее дерево. И оттуда, напряженно всматриваясь в ночную, чуть подкрашенную лунным светом мглу, разглядел жуткого зверя, бесшумно прокравшегося мимо. Этот зверь походил на обычную кошку, но только намного более крупную и весь полосатый… В общем, до утра Эдгард с дерева не слезал, и две следующие ночи провел тоже высоко над землей, неудобно устроившись в развилке ветвей…

Вечером четвертого дня он вышел из леса. И прямо на опушке увидел дом. Не был тот дом похож на празднично-сказочные строения поселка, встреченного мальчиком ранее. Был тот дом – обыкновенная лачуга из тростника, низкая, маленькая, с плоской

крышей… Эдгард по выработавшейся уже привычке мигом забрался на дерево. Горький опыт научил его. Не спешил он безоглядно и открыто выходить к людям, знал особенности местного гостеприимства. Сначала он, честно говоря, хотел вообще обойти лачугу от греха подальше, но голод и все гложущая, не усмиренная недавним происшествием тоска по людям удержали его. Пару часов провел мальчик на дереве, разглядывая тихие окрестности: небольшое поле, затопленное водой, из которой торчали нежно-зеленые побеги, озерцо, заросшее тростником… суровые горы с белыми вершинами далеко-далеко на горизонте. Из лачуги (сверху Эдгарду было видно черное отверстие дымохода) не доносилось ни звука. Лишь когда совсем стемнело и на небо снова выкатилась луна, безмолвный пейзаж несколько оживился.

Из лачуги выбрел древний старичок, крохотный и сухой, похожий на куклу. Спотыкаясь и кряхтя, он направился прямо к тому дереву, на котором притаился Эдгард. Мальчик замер, боясь дышать. Но скоро успокоился. Во-первых, старичок вовсе не выглядел опасным. А во-вторых, он всего-навсего подошел к опушке набрать хвороста. Из лачуги показался еще кто-то. Еще один старичок? Нет, на этот раз старушонка, такая же высохшая и жалкая. Она потащилась к озеру и вскоре вернулась обратно, с большим трудом таща на плече сосуд из выдолбленной тыквы. Вслед за ней с вязанкой хвороста возвратился и старичок.

Через четверть часа из дымохода потянулся белесый дымок. «Ужин готовят», – сообразил приободрившийся Эдгард. Над тем, как ему поступить дальше, он долго не думал. Спустился с дерева, нашел себе палку потяжелее и поухватистей. И направился к хижине.

А что? Нет, он, конечно, никакой не злодей, не душегуб. Он – виконт Эдгард Сторм, наследник Утренней Звезды, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов! Но если эти узкоглазые сволочи такие бесстыжие, что гонят копьями безобидного мальчонку?.. Как они с ними, так и он с ними! Заслужили!

Он ворвался в хижину с палкой наперевес, истошным криком заглушая собственные страх и стыд.

Хижина была совершенно пуста. Только тлел посередине очаг, и сидели по обе стороны от очага старик со старухой, прямо на земляном полу. Глиняные плошки с дымящейся кашей держали они на коленях скрещенных ног. Повернувшись к мальчику с палкой, они молчали. В глазах-щелках старухи плавал явственный страх, а вот что было в глазах старика, Эдгард не понял – не получилось у него туда заглянуть, так они были узки. Мальчик, не зная, что делать дальше, снова заорал, замахал

палкой, затопал… И тогда старик протянул ему свою плошку. Не судорожным движением перепуганного человека, желающего откупиться от угрозы, а – просто, спокойно и с достоинством.

Это было неожиданно. Эдгард заколебался, опасаясь все-таки ловушки. Но, кажется, эти узкоглазые вовсе не такие злобные, как те, из сказочного поселка.

Мальчик принял плошку, жадно запустил пальцы в теплую рассыпчатую кашу. Когда он доел, старик дал ему чашку с темным горячим напитком. Памятуя о снадобье коварного толстячка с лоснящейся физиономией, Эдгард поспешно отказался, мотнув головой и снова схватился за палку. Но старик улыбнулся (отчего на сухое лицо его легла паутинка мельчайших морщинок) и отпил сам из чашки. Эдгард взял чашку.

Напиток на вкус оказался терпким, но не лишенным приятности. Эдгард выпил еще две чашки.

От еды и питья мальчика стало клонить в сон. Старик, медленно доедающий кашу, которой поделилась с ним старуха, проговорил что-то на птичьем языке. Потом, видя, что его не поняли, знаками предложил Эдгарду ложиться у очага. Сомневаться в добрых намерениях хозяина у мальчика, толком не спавшего трое суток, уже не было сил.

Старика звали Хо. Старуху – Ва. Эдгард прожил у них около месяца, помогая по хозяйству, охотясь с силками в лесу. За это время он выучился понимать птичий язык узкоглазых (обитатели здешних мест называли себя народом змееловов) и сам понемногу начал говорить на нем. И первое, что он спросил, было: почему жители того поселка так обошлись с ним?

– Ты – один из белых демонов, приходящих из-за Большой Воды, – невозмутимо объяснил ему старик Хо. – Богатые люди боятся белых демонов, потому что белые демоны часто грабили их.

– А почему ты не боишься белых… Почему ты не боишься меня? – отозвался на это Эдгард.

– У нас нечего взять. Значит, нам и бояться нечего, – ответил Хо.

Мальчику показалось, что старик произнес эти слова с какой-то… гордостью, что ли? Это удивило его. Как можно гордиться тем, что за всю свою долгую жизнь ничего не нажил? Ничего, что можно было оставить после себя… Он принялся рассказывать Хо о себе, о великом Арвендейле, об Утренней Звезде на краю мира, о Темных тварях, о том, что он, Эдгард Сторм, наследник легендарного замка… Старик слушал внимательно и молча, но мальчику не было ясно, понимает ли он его или нет. Все-таки на птичьем языке говорить было сложно, и многих слов Эдгард не

знал. Или дело тут было вовсе не в языковой преграде?..

В другой раз старик поинтересовался, что Эдгард намеревается делать дальше? Когда наберется сил и подрастет? Нет, он, конечно, может оставаться в лачуге на опушке сколько угодно, но разве здесь, в глуши, жизнь подходит для столь молодого человека?..

У Эдгарда, как у той громадной полосатой кошки в лесу, вспыхнули глаза. Что он намеревается делать дальше? О, в этом мальчик давно уже нисколько не сомневался. Он точно знал – что.

Мстить.

Мстить всем гадам, что причинили ему столько горя. Всем до одного. Начиная с проклятых гацан и коварного толстячка с лоснящейся мордой. Затем – краснолицый матрос и капитан, торговец детьми… Если они выжили, он их найдет. Найдет и жестоко покарает. А змееловов из богатого поселка, прогнавшего его тогда, так нуждавшегося в защите, и искать не надо… Они все не знают, с кем связались! Злые люди должны страдать!

Выслушав Эдгарда, Хо, всегда непробиваемо спокойный, вдруг будто бы разволновался.

– Почему? – спросил он.

– Как почему? – удивился мальчик. – Они сделали мне плохо!

– Тебе плохо здесь, у нас с Ва?

– Вовсе нет, – искренне признался Эдгард. – Мне здесь хорошо.

– Ты оказался у нас благодаря этим людям.

– Но они хотели мне зла!

– А разве не бывает так, что, желая совершить добро, мы совершаем зло?

Эдгард пожал плечами. Его жизненного опыта все-таки не хватало, чтобы ответить на это.

– Они хотели тебе зла… – повторил старик. – Мы хотим тебе добра. Но все происходит так, как происходит. Не важно, кто чего хочет. Наши желания не имеют никакого смысла. Мы просто должны делать то, что должны.

– Я знаю, что должен делать! – упрямо проговорил мальчик. – Отомстить им! Найти и убить!

Хо пристально посмотрел на Эдгарда.

– А теперь и я знаю, что я должен сделать, – сказал старик.

На следующий день Хо собрался в путь.

– Ты пойдешь со мной, – безапелляционно заявил он Эдгарду.

– Куда? – оторопел от неожиданности тот.

Хо указал в сторону далеких гор с белыми вершинами, упиравшимися в небо:

– В Облачный монастырь.

– З-зачем? Я не хочу туда! Должен мстить!

– Ты – мальчишка, едва научившийся держать в руках меч. Кому ты можешь отомстить?

Эдгард промолчал, понимая правду в словах старика.

– Монахи Облачного монастыря – лучшие воины в землях змееловов, – сказал Хо. – Разве тебе нечему поучиться у них?

Глава 5

– В этом монастыре я и стал тем, кто я есть, – проговорил Эдгард. – Вернее, тем, кем я всегда был… А в прошлом Сезоне Цветения Неизъяснимый ниспослал на земли змееловов орду варваров с Севера, из-за Небесных гор. И Облачный монастырь – северные врата земель змееловов – пал первым. Меня и братьев-монахов, тех, кто выжил в резне, переправили на остров Работорговцев, что близ Ледяного континента. Те дни стали черными для меня…

– С вами плохо обращались?.. – негромко спросил Эвин, с огромным любопытством слушавший рассказ брата.

– Дело совсем не в этом. Никто не хотел покупать монахов. Ведь мы не служим никому, кроме Неизъяснимого и тех, на кого укажет Неизъяснимый. Нас было тринадцать, и тот, кто владел нами тогда, не мог нас больше кормить. Поэтому лучший выход, который нашел наш хозяин, – Ледяное море и старая лодка с дырявым днищем… Вот тогда-то я едва не погубил себя – я стал подвергать сомнению волю Неизъяснимого. Он провел меня через столько испытаний, чтобы просто дать сгинуть где-то на краю света? В чем тогда смысл моего существования? Братья пытались вразумить меня, но я был так глуп, что не просто не слушал – я спорил с ними. Понимаешь? Я усомнился и едва не потерял себя. И в самый страшный час моей жизни на острове Работорговцев появился дядюшка Аксель. Он узнал меня и выкупил. И я понял, что Неизъяснимый указал мне того, кому я должен вверить свою жизнь. Я понял, что неисповедимы пути воли Неизъяснимого, и ропщущий на судьбу – есть ропщущий на Его волю. Дядюшка Аксель вернул меня в Арвендейл. И теперь он поручил мне вверить мою жизнь тебе, так же, как я когда-то вверил свою ему. Теперь я с тобой, брат, и буду оберегать тебя и повиноваться тебе, пока мое сознание ведет мое тело. Располагай мною, как тебе будет угодно. Оберегать тебя – мой путь. Моя Сияющая Тропа.

Договорив, Эдгард перевел дух. Лицо его осветилось ровным счастьем абсолютного примирения с действительностью.

– А что твои товарищи? – спросил Эвин.

– Не знаю. Для каждого Неизъяснимым уготована особая Сияющая Тропа.

Мартин Ухорез шел рядом с братьями. И с увлечением прислушивался к их разговору. Вдруг он остановился, схватил Эвина за рукав куртки.

– Впереди… там что-то есть… – прошептал Ухорез. – Не видно что… Чертов туман…

Остановился и весь маленький отряд. В самом деле, в полутора десятках шагов темнело сквозь туман что-то гигантское. Башня?..

– Все в порядке, – отозвался на это Эвин. – Впрочем… не мешает проверить. Быть наготове!

Эвин кивнул Эдгарду, и они вдвоем бесшумно скрылись в туманной мути.

– Приготовиться всем! – еще тише выговорил Мартин. – Слыхали, что Тихоня сказал? Быть наготове!

Стю Одноглазый, Рамси Лютый, Тони Бельмо почти одновременно потащили из ножен мечи. Цыпа Рви-Пополам спустил с плеча сумку, что оставил им мастер Аксель, выдохнул с облегчением, с хрустом расправил спину. И снял со спинной перевязи громадный двусторонний топор. Сам же Мартин не стал обнажать оружия. Что-то бормоча себе под нос, он потер ладони одну о другую, как делают, чтобы согреть руки, затем резко развел ладони в стороны. Пальцы его, нервно подрагивающие, чуть засветились. А между ладонями протянулась тонкая, вибрирующая с едва слышным комариным зуденьем световая ниточка.

Приговоренные шли по Тухлой Топи уже шестой день. Многое они успели перенести. Стю в схватке с тарганом едва не лишился единственного глаза, зато приобрел свежий шрам через всю щеку – Ухорез целый час зашивал многострадальную рожу Одноглазого нитью из конского волоса с помощью специальной, хитро изогнутой костяной иглы. У Рамси до сих пор, уже второй день, несмотря на пропитанную особыми снадобьями повязку кровило плечо. Ползучий ашкал вырвал своим щупальцем кусок мяса из плеча Рамси. Цыпе гхарк отхватил мизинец и безымянный палец на левой руке. Тони досталось, пожалуй, меньше, чем другим. Он вытер потное лицо куском лишайника, который походя содрал с какого-то случайного валуна. И через несколько минут ослеп. Правда, временно. Зрение вернулось к нему уже на следующий день – но исключительно благодаря вовремя приготовленному Эвином отвару.

Многое они перенесли. Только трижды за пять дней им удалось нормально выспаться под защитой надежных каменных стен под аккомпанемент отдаленных воплей, стонов и воя тварей Топи, только трижды за пять дней – больше схронов на пути прямо на восток им не попалось. Но как ни были приговоренные разбойники сейчас изранены и измотаны, по сигналу своего верховода сосредоточенно и дружно приготовились они к очередному бою с Темными, позабыв и про раны, и про усталость.

Потому что так приказал Тихоня.

За эти шесть дней Эвин, кажется, уже перестал восприниматься разбойниками как чуждый элемент. Никто уже давно не вспоминал о том, что он – «дворянчик». Эдгарда (получившего, кстати, от того же Тони кличку «Гололобый») разбойники все еще как-то сторонились – потому что и сам Эдгард держался от них несколько в стороне, тенью следуя за своим братом и почти никогда и ни с кем, кроме него, не разговаривая. Не понимали они, что за человек этот Эдгард, а непонятное всегда вызывает неприязнь. А Тихоня-Эвин стал бандитам почти что своим парнем – главным образом благодаря тому, что и сам ни разу не напомнил о своем знатном происхождении, деля с компаньонами все тяготы пути в равной мере.

Только во время стычек с Темными Тихоня выходил на первый план. Тут его авторитет Полуночного Егеря был непререкаем.

Тухлая Топь не прощает ошибок – этот урок банда Ухореза усвоила быстро и накрепко. Достаточно только один шаг ступить не туда – и конец тебе…

Туман там, куда были устремлены напряженные взгляды всех пятерых, колыхнулся, выпуская обратно братьев Сторм.

– Расслабьтесь! – усмехнулся Эвин. – Пока все спокойно.

– А что там за хрень торчит?

Вместо ответа Эвин развернулся и снова ушел в туман.

– Пошли… – хрипло распорядился Мартин. – Оружие теперь можете убрать.

Это оказалась вовсе не башня. Это было – дерево. Одинокое, невероятно громадное, с серой осклизлой корой, изборожденной глубочайшими морщинами, исписанной защитными знаками магии Света. Толстенные ветви переплетались над головами сгрудившихся под деревом, словно сложный многоуровневый лабиринт. И не было листьев на этих ветвях, только похожие на старческие бороды лоскуты белого мха, поколыхивающиеся, словно от небольшого ветерка. Хотя никакого ветерка не ощущалось, совершенно тиха была сейчас Топь. И множество амулетов, приколоченных к стволу мощными трехгранными гвоздями, висели недвижно.

– Это Пограничник, – пояснил Эвин. – Так старые Егеря прозвали эту махину. Здесь кончается территория Топи, контролируемая Полуночными Егерями. От Пограничника до Мертвого Омута – пару минут ходьбы. Омут – там.

Все повернулись в том направлении, куда махнул юноша рукой. Но ничего, конечно, кроме осточертевшего уже серого тумана, не увидели.

– Дошли, значит… – бледно улыбнулся Мартин Ухорез. – Надо же…

– Дошли, – сварливо повторил Рамси, – до того места, дальше которого даже Полуночные Егеря не рискуют соваться. Чего радоваться?

– Тому, что пока не сдохли, – предложил Тони, – нормальный повод для радости, а?

– Еще пилить и пилить, – вздохнул Стю, потрогав кончиком пальца один из узелков шва на изуродованном лице. – Неизвестно сколько…

После этих слов все замолчали.

– А мне как-то раньше в голову не приходило, – неожиданно заговорил Рамси. – А на чем мы через Омут будем перебираться? Я надеюсь, не вплавь пойдем, а?

– Я тоже об этом почему-то не думал… – пожал плечами Стю.

– Цыпа! – распорядился Мартин. – Пошарь в нашей сумке. Там наверняка лодка имеется!

– Лодки там нет, – сказал Эвин, впрочем, без полной уверенности в голосе.

Но Рви-Пополам уже приступил к выполнению приказа верховода. Он снова снял с плеча сумку с цепями вместо лямок, сунул в нее трехпалую руку и вытянул на свет, видимо, первое, что попалось, – цельную копченую говяжью ногу, почти вдвое превосходящую размерами саму сумку.

– О! – обрадовался Цыпа, отложил находку и снова принялся за поиски, в результате которых рядом с ногой последовательно появились: большая кожаная фляга, с десяток склянок со снадобьями, заботливо обернутые полосами чистых тряпиц для перевязок, две громоздкие вязанки дров, боевой топор, тяжелый арбалет с колчаном стрел, связка вяленой рыбы, пара ножей в ножнах, точило, здоровенный котел, дюжина глубоких мисок, бутылка темного стекла, запечатанная сургучом и несколько немалых мешков, по всей видимости с провизией…

– Достаточно, – остановил Эвин Цыпу. – Нам следует подкрепиться и отдохнуть перед плаванием.

– Да там еще полно всего! – сообщил Цыпа Рви-Пополам, шаря в сумке.

– Так ведь и путь нам предстоит долгий, – заметил на это Эвин.

– Отличная штука! – похвалил Тони чудесную сумку, пока Цыпа убирал в нее обратно все, что не могло понадобиться немедленно.

– Еще бы в ней порядок был, – проворчал брюзгливый Рамси. – А то понапихано чего попало, и хрен что найдешь…

– Ну, ничего идеального не бывает, – сказал Стю.

– Мартин, – обратился к Ухорезу Эвин. – Распорядись насчет костра и ужина. Мы с братом пройдем дозором вокруг. Видите амулеты и защитные знаки на Пограничнике? Они оберегают этот участок Топи, не пуская сюда Темных тварей. Отдохнуть можно спокойно, не боясь, что нас потревожат. Но все-таки осторожность не помешает. Со временем концентрация энергии знаков и амулетов имеет свойство иссякать, а защиту Пограничника давно не обновляли…

– Ща сделаем! – повеселев, отозвался Ухорез. – Эй, Стю! Замастрячь побыстрее костер. А ты, Тони, займись готовкой. Рамси тебе в помощь. Цыпа!

– Ну?

– Отдохни. Даже для такого быка, как ты, тащить эту сумищу целую неделю нелегко…

Подкреплялись основательно, неторопливо и молча. Заговорили лишь тогда, когда первый голод был утолен. Как обычно, разговор у разбойников зашел о том, куда стоит отправиться после того, как они отыщут Дом Соньи. Пока его товарищи перебирали достоинства и недостатки тех земель, о которых им было известно, Одноглазый Стю помалкивал. Но только обсуждение стало стихать, он подал голос:

– А вот интересно, есть ли такие земли, где люди свободны от высокородных паразитов и живут по законам справедливости?

Мартин крякнул от неожиданности, почесал рыжий затылок, неловко оглянувшись на Эвина и Эдгарда Сторм. Увидев, что братья не собираются встревать в перебранку с разбойниками, сам обратился к Стю:

– Хочешь быть свободным, так будь. Чего просто так вздыхать об этом? Когда ты взаправду свободен, кто твоей свободе помешать может?

– Те, кто за мою… за наши головы награды назначают, вот кто, например, – буркнул в ответ Одноглазый.

– А в этом справедливость, о которой ты толкуешь, и заключается, – нашелся Ухорез. – По деяниям и возмездие. Ну? – прищурился он, ожидая от товарища новых доводов.

Но тот только отмахнулся:

– Да ну тебя, я же совсем о другом…

Мартин перевел взгляд на братьев Сторм, словно ожидая, что и они выскажутся на затронутую Одноглазым тему. Он вообще все время путешествия по Тухлой Топи старался держаться ближе к ним. Особенно к Эвину; его вроде как тянуло к нему, что-то… словно родственное чувствовал жестокий верховод разбойников к этому юноше. Эвин напоминал Мартину его самого. Но не

теперешнего, оскалившегося против всего и вся. А давнишнего, сына рыночной прислужницы с окраины Предместья Золотого Рога, рыжего мальчишку, только еще начинавшего осознавать, как жесток и несправедлив мир, но все еще на что-то смутно надеявшегося…

– Свобода – значит делать, что тебе вздумается? – заговорил вдруг со Стю Эвин.

– Да просто жить! – немедленно откликнулся тот. – Просто жить спокойно и по совести, чтоб никто у тебя куска изо рта не вырывал – только потому что у него есть на это власть! Вот она – свобода!

– Странно у тебя все перевернуто в голове, – пожал плечами Эвин. – Власть, какая б она ни была, защищает тех, кто живет «спокойно и по совести». Но то она и власть. И тот «кусок изо рта», о котором ты говоришь, – это справедливая плата за защиту.

– Я и сам за себя постоять могу! Мне защитники не нужны!

Эвин несколько секунд молчал, склонив голову. Видно было, что слова Одноглазого все-таки задели его. Костер потрескивал между юношей и матерым бунтовщиком-разбойником, одинаковые багровые отблески рвано прыгали и по чистому, едва опушенному на подбородке лицу Эвина, и по заросшей грубой щетиной, изуродованной шрамами и черной наглазной повязкой физиономии Стю.

– Возьмешься вести отряд дальше? – вскинув глаза на собеседника, заговорил снова юноша.

Одноглазый фыркнул и отвернулся.

– Через Мертвый Омут, через неведомые территории Топи, где не ступала еще нога человека… к самому Дому Соньи? – продолжал Эвин. Он выдержал паузу, чтобы дать возможность Стю ответить, но, так как тот молчал, говорил дальше. – Я знаю и умею много больше тебя. Много больше любого из вас. Здесь, в Тухлой Топи, вы не проживете и дня, если вздумаете хотя бы раз ослушаться моего приказа. Я имею право на власть над тобой. И над твоими товарищами. И над вашим верховодом. А он имеет право на власть над вами… Надо же кому-то держать вас в узде, чтобы вы не перегрызлись между собой. Власть – это необходимость, Одноглазый Стю! Власть – это ноша! Такая же тяжелая, как чудо-сумка на плечах у Цыпы!

– Э-э, ну чего вы! – недовольно потянулся у огня Тони Бельмо. – Ты, Тихоня, шесть дней с нами из одного котла хлебаешь, а вдруг снова завелся: «власть», «власть»…

– Власть по праву! – огрызнулся Стю. – Вот именно – что по праву! Тогда да, тогда она – необходимость и ноша! Ежели по праву. А вы, дворянчики, получаете ее за просто так! По факту

рождения!

– Воу, воу! – примиряюще вскинул неповрежденную правую руку Тони. – Полегче, парни! Выдалось минутку отдохнуть, а вы собачиться принялись… Кончайте!

– На заре мира боги разлили в крови достойнейших свою силу! – сказал Эвин. – Чтобы достойнейшие защищали и вели за собою других. И это единственно правильно! Разве я не веду вас сейчас?.. Даже после того как… из Эвина Сторма превратился в Эвина-Тихоню…

Против авторитета богов Стю не стал возражать. Только пробубнил себе под нос:

– Где теперь эти достойнейшие?.. Были да сплыли. Тот барон, которому я кишки выпустил, разве из таких был? – Он заговорил увереннее. – Мразь, трус и пьяница. Который только и мог, что крестьянских девок к себе в постель таскать да их мужей, братьев и отцов на конюшне до смерти запарывать. Чтоб возмущаться не смели. Может, власть ему богами дарована, тут я не спорю. А на что он ее употребляет, а? И папаша его, старый барон, такой же гад был. Даже еще похлеще…

– А я своего папашу задушил, – вклинился в разговор равнодушный голос Цыпы Рви-Пополам. – Попону конскую кинул ему на рожу, да сам сверху и сел. Мне тринадцать тогда было. Я уже в силу входить начал, а он меня вожжами еще гвоздил при всяком удобном случае, как малолетку. Я ему раз сказал, два сказал… Ну не понимает человек! Пришлось вона как… проучить.

– Ну, ладно, ладно! – Мартин Ухорез достал из-за спины темную бутылку и потряс ее в свете костра. Веселое бульканье неожиданно легко положило конец и омерзительным откровениям Цыпы, и спору Эвина с Одноглазым.

Мартин зубами сорвал сургучную пробку, понюхал горлышко и одобрительно покачал головой.

– Мы прошли длинный и опасный путь, – заговорил он, держа бутылку у груди. – И остановились на самом пороге… неизвестного. Что дальше будет? Что нас там ждет, за Мертвым Омутом? Не знаю. Никто не знает. Ну и не страшно. Потому что самое страшное, что может случиться, – мы умрем. А я тысячу раз уже умирал. Да вот все живой. Мы все уже шесть дней как должны быть мертвы. А мы живы… и пьем. И знаете, что? Мне по сердцу такая жизнь! Когда все наперед известно, неинтересно…

Мартин глотнул из бутылки, шумно выдохнул, утер заслезившиеся глаза и передал бутылку сидящему рядом Рамси Лютому.

Тот потер свой длинный сухой нос.

– Сколько раз себе обещал, – сказал Рамси, вроде ни к кому и

не обращаясь, уставясь в огонь, – накоплю себе денег на безбедную жизнь и завяжу навсегда. Вот еще одно последнее дело – и все. И еще одно последнее дело – и все. Вот и затянул… Ну, если на этот раз получится живым выбраться – точно завяжу! Разве что еще немного денег подкоплю…

– Как же, завяжешь ты! – хмыкнул Тони Бельмо, принимая бутылку от Лютого. – У тебя сколько нычек по всему Арвендейлу! А ты все глотки режешь, никак угомониться не можешь. Прорва ты, жадина…

– Попридержи язычок! – мрачно посоветовал ему Рамси.

– Да пошел ты… Короче, братцы, я к тосту нашего верховода присоединюсь. Все правильно сказал, Мартин! Мы еще живы, хвала Сестрам-помощницам. И еще мастеру Акселю хвала. Ну и Тихоне вот. Ты ничего так парняга оказался! Ну и братан твой тоже того… полезный!

Бельмо выпил, занюхал нечесаной головой своего соседа, Стю Одноглазого. Ему же и отдал бутылку.

Стю, прищурив единственный глаз, поглядел куда-то поверх сидевших вокруг костра компаньонов.

– Никто ведь не знает, что там, за Тухлой Топью? Никто там не бывал никогда. А что, если там и есть та земля, где царствуют справедливость и равенство?..

Следующим, кому перешла в руки бутылка, оказался Эдгард Сторм.

– Не важно, где мы и что с нами, – сказал Эдгард. – Все, что мы есть – это наше сознание, ведомое Неизъяснимым. Живет и умирает лишь тело. А сознание – вечно… И дурманить его всякими зельями, – добавил он, – чистое безумие. Впрочем, каждый волен сделать свой выбор.

Не пригубив из бутылки, он передал ее Эвину.

И взгляды всех шестерых путешественников сошлись на юноше. Должно быть, все они ждали от него каких-то особых слов, чего-то эдакого… Все-таки именно на него была возложена мастером Акселем миссия поиска мифического Дома Соньи.

Эвину действительно было что сказать. Сейчас, у подножия надежного Пограничника, возле уютно потрескивающего костра, он вдруг почувствовал себя… будто бы дома. И в разбойниках, окружавших его, он не видел уже тех грязных и подлых негодяев, какими они были для него раньше. За время пути сюда он с некоторым удивлением убедился, что они – такие же люди, как и другие, называющие себя добропорядочными. Такие же люди со своими недостатками и достоинствами. Вот только… как прояснили недавние события там, по ту сторону Драконьей гряды, и добропорядочные люди оказываются поразительными

гадами. Когда приходит им время выбирать: сделать добро для других или худо для себя… Стоит ли тогда открывать им душу? Всем им – и добропорядочным, преступникам – без разницы? Кому вообще можно верить?

Поэтому юноша сказал совсем не то, что чувствовал.

– У нас достаточно провизии и снадобий для излечения ран, – проговорил он. – Мы отлично экипированы и вооружены. Кроме того, дядюшка Аксель снабдил нас маной и мощными заклинаниями Света. У нас есть все шансы добраться до Дома… Буде он, конечно, существует.

– Мог и побольше заклинаний отвалить твой дядюшка, – буркнул Рамси, кивнув на чудесную сумку, лежащую у ног Цыпы. Почти половина клапанов для тубусов на сумке была уже пуста.

– Дурак ты! – вступился Мартин, прежде чем Эвин успел что-то сказать. – Что ты можешь понимать? Эти свитки целое состояние стоят! Это тебе не та кустарщина, что в деревенских лавках продается! Тут экземпляры, верно, из Университетской библиотеки! Те свитки, что Тихоня уже использовал, они попроще будут! Самый смак на потом оставлен. Вот это, например, знаешь, что такое? – Ухорез указал на самый большой тубус, обвитый серебряной цепочкой, которую скрепляла серебряная же печать, едва заметно мерцающая синеватым пульсирующим светом. – Тихоня, скажи ему!

Эвин отпил глоток из бутылки.

– Последняя Клятва, – произнес он.

– Слыхал? – осведомился Мартин у Рамси.

– Не…

– Самое могущественное заклинание из тех, что имеется в арсенале боевой магии Света! Даже и предположить боюсь, сколько оно стоит…

– А эта самая Клятва поможет нам через Мертвый Омут перебраться? – поинтересовался Стю Одноглазый, неприязненно глядя на Ухореза. Все-таки для бунтовщика Стю Эвин-Тихоня так и остался «дворянчиком». И еще не нравилось Одноглазому, что его верховод довольно близко сошелся за время путешествия с Эвином. Вертится постоянно рядом, слушает, о чем беседует Тихоня со своим гололобым братцем, встревает еще в их разговоры да сам разговоры с ними заводит. Одно дело беспрекословно подчиняться Егерю во время битвы, а другое – в обычное время перед ним лебезить. Теперь вот его сторону в споре взял… Ослаб, ослаб верховод. И надо с этим что-то делать…

– Неужели вообще ни разу никто из Полуночных Егерей не пытался переплыть Омут? – спросил Стю.

– Вообще-то, была одна такая попытка, – неохотно признался Эвин. – По крайней мере, мне известно только об одном случае. Относительно недавнем, кстати… Около пяти лет назад брат-Егерь Свами Полторы-Руки с четверкой бойцов пустился вплавь на плоту через Мертвый Омут…

– И?

– Никто из них не вернулся, – закончил Эвин.

Стю победно ухмыльнулся, но тут же помрачнел. Когда до него дошло, что может означать для них эта новость.

– А плот, – добавил юноша, – прибило обратно к берегу. Мы с Эдгардом видели его, когда обходили дозором лагерь.

– Так что судно для плавания у нас есть, – проговорил Эдгард. – Плот сделан добротно, он и сейчас выдержит нас шестерых.

– А теперь, – подытожил Эвин, – давайте отдохнем. Мы заслужили этот отдых.

– Э-э-э!? – заревел вдруг Цыпа. – А я?! Мне-то выпить не дали!

Разбойники загоготали. Побагровевший Цыпа схватил бутылку, стоявшую рядом с Эвином, бухнулся на свое место.

– Ну это… – наморщился он, силясь придумать тост, как остальные. – В общем, того… Как это? А, ладно!

Запрокинув голову, он сделал один-единственный глоток. Но какой! Все, что оставалось в бутылке – почти две трети от всего объема – бурля, низверглось в Цыпину глотку.

Оторвав горлышко от губ, Рви-Пополам рыгнул.

– Кончилось… – с удивлением хрипло констатировал он. – А я думал, она, как сумка, бездонная… Бутылка-то…

Мясистая его морда мгновенно набрякла, глаза налились кровью. Цыпа еще раз рыгнул и зашвырнул пустой сосуд куда-то далеко в туман.

– Теперь бабу охота! – заявил он.

Разбойники снова засмеялись.

– Чего ржете, псы?! – ощерился сразу на всех Цыпа. – А ну-ка, я в чудо-сумке посмотрю. А что? А вдруг?

Тонко свистнул через костер, взметнув сноп искр, посох Эдгарда. Выбитая из лапищи Цыпы сумка упала на землю.

– Не нужно, – тихо, но внушительно произнес Эдгард. – Успокойся. Возьми себя в руки. Это неправильно, когда плоть берет верх над сознанием.

– Точно, успокойся, – поддакнул насмешник Тони. – Возьми себя в руки. Отойди вон за Пограничника – и возьми себя в руки. Сразу полегчает.

Огромный Цыпа Рви-Пополам набычился, стал угрожающе приподниматься, и разбойники вмиг подутихли.

– Сядь! – прикрикнул на Цыпу Эвин.

– А ну!.. – демонстративно положил ладонь на рукоять меча Мартин. – Осади!

А Эдгард не стал ничего говорить. Он просто снова поднял свой посох, готовый в любой момент угомонить буяна.

Но ничего предпринимать ему не пришлось. Цыпа Рви-Пополам уже опомнился, очевидно, сумев сообразить, что он не в деревенском трактире, и рядом найдутся те, кому достанет сил справиться с ним.

Он тяжелой глыбой осел на землю. Шаркнул ладонью по налитым кровью глазам. И вдруг мутно подмигнул сквозь затухающее пламя костра Эвину:

– А эта твоя Сонья?.. Она, судя по легенде, ничего так бабенка. Ежели бессмертная, так, наверное, сохранилась неплохо. Как найдем ее, ух я с ней поиграюсь!

И, верно, опять подогретая алкоголем дурь закипела в нем.

– Сонья-а-а! – проорал он в затянутую туманом даль. – Не скучай, дорогая, я уже иду! Сонья-а-а-а!..

– Заткнись, придурок! – вскочил на ноги Мартин. – Совсем ополоумел!

Цыпа Рви-Пополам довольно рассмеялся:

– Все, верховод, все. Буду спать. Уж и пошутить нельзя!

Плот Свами Полторы-Руки был связан жгутами шкур каррхамов из длинных и толстых кривоватых ветвей, явно срезанных с Пограничника. Плот Свами Полторы-Руки был довольно широк, казался неуклюжим и грузным, но надежным. Время вовсе не повредило его, напротив, даже сделало еще крепче: ветви его проморились водами Омута и стали как камень, узлы креплений затвердели настолько, что распустить или разрезать их не представлялось возможным. Спущенный на воду, плот хорошо держал семерых крепких мужчин, так хорошо, что можно было предположить: он выдержит и еще столько же.

Цыпа, поставленный на «корму», оттолкнулся длинным шестом от берега, и плот заскользил по черной неподвижной воде Мертвого Омута, словно по поверхности жирно закопченного зеркала.

Очень тихо было вокруг. Черная вода выглядела какой-то тяжелой, будто смола; ни волны, ни рябь не могли колыхнуть ее вязкую тяжесть, даже в фарватере плота она лишь чуть волновалась пару секунд – и снова застывала.

– Похоже на то, что, если сейчас сойти за борт, пойдешь как посуху, – высказался Тони Бельмо.

Но экспериментировать, конечно, не решился.

Туман быстро скрыл берег, от которого отчалили, и

путешественники оказались в серой пустоте, совершенно безо всяких ориентиров в пространстве. Из-за неестественно глухой тишины и мрачного однообразия пейзажа им чудилось, будто они не плыли, а стояли на месте. Цыпа, которого тоже пленило это наваждение, заработал шестом сильнее, да настолько, что «нос» плота приподнялся, а черная вода в фарватере и по бокам заволновалась хлестче.

– Не спеши! – осадил Цыпу Эвин.

– Чего это? – ощерился тот. – Хорошо же идем!

– Делай, что говорят! – прикрикнул на Рви-Пополам Мартин Ухорез.

Цыпа неохотно сбавил темп.

И тогда откуда-то из-за туманной завеси до путешественников долетел жалобный стон.

– Это еще что? – вздрогнул Тони Бельмо.

Эдгард крутнул в пальцах свой посох, с тугим шорохом рассек им сырой воздух.

Стон повторился – став ближе и протяжнее, воющие нотки появились в нем. Смертная тоска и боль слышались в этом звуке. Разбойники поежились.

Эвин кивнул Мартину. Ухорез вполголоса отдал своим людям команду быть наготове. Те обнажили мечи. Рамси Лютый зарядил арбалет, положил его до поры рядом с собой.

Стон снова прорезал туман… сорвался на всхлип и опять сгустился до тревожного завывания.

– Что бы это ни было… – прошептал Бельмо, – оно идет на нас…

– Или мы на него, – добавил Стю.

Эвин, проговорив что-то себе под нос, начертил перед собой замысловатый знак – и тотчас его правая кисть, которой он делал пассы, окуталась красноватым сиянием, словно появилась на ней призрачная перчатка. Начертил еще один знак – уже левой рукой: и засияла его левая кисть, пальцы на которой заметно вытянулись красными стрелами.

И снова стон… Лающий всхлип, короткий вой… Уже совсем близко.

– Вон! Вон! Смотрите! – взмахнул мечом Тони.

Но и без него уже видели все… прямо по курсу бесшумно всплывший из-под воды человеческий силуэт по пояс.

– Мертвяк… – сдавленным страхом горлом хрипнул Стю Одноглазый. – Утопленник!

Это было действительно жутко. Темный силуэт, в котором нельзя было различить деталей, угрожающе торчал над неподвижной водной гладью, как вбитый в нее уродливый гвоздь.

Прямо на этот силуэт несло плот. Пожалуй, только у Цыпы это зрелище не сжало сердце, воображения Цыпы не хватило на то, чтобы испугаться. Он бросил шест себе под ноги и вытянул из перевязи топор, задорно хохотнув – потому что противник не выглядел для него слишком серьезным: какой-то темный силуэт, безоружный, с пустыми руками, без клыков и когтей, подумаешь…

Вот мертвец (да кто ж это еще мог быть?..) снова испустил стон, еще громче, протяжнее и страшнее, чем раньше.

Слева и справа снижавшего скорость плота ровно и быстро, как поплавки, вынырнули из-под черной воды один за другим еще несколько силуэтов. Раз, два, три… четыре… Пять мертвецов по пояс выглядывали из воды. Усиленный впятеро полувой-полустон хлестнул по черной воде, вспузырил ее, заставив плот остановиться, закачавшись.

И Эвин, держа направление на тварь, появившуюся первой, выбросил вперед правую руку, мгновенно сжав и разжав пальцы, как делают, когда нужно стряхнуть с них капли воды. Красная «перчатка» сорвалась с его кисти, в полете вытянулась в загнутый вовнутрь клинок, напоминавший лезвие косы, – и этот клинок рассек мертвеца наискось через грудь – и без всплеска скрылся под водой.

Верхняя половина торса отвалилась, и стон превратился в шипение освобожденного из раскрывшейся грудной клетки воздуха.

Но то, что осталось от мертвеца, не ушло под воду.

А напротив – стало подниматься.

Человеческий торс оказался лишь чем-то вроде нароста на бесформенном белесом туловище, появившемся из-под воды. Несколько пастей, источая облачка колеблющегося мрака, разверзлись на том туловище, несколько глазок, глубоко посаженных между пастями, заблестели хищными красными огоньками. Мерзкая туша возносилась все выше и выше по мере того, как распрямлялись под ней множество длиннейших суставчатых паучьих лап.

Эвин взмахнул левой рукой вверх. Пять светящихся стрел слетели с его пальцев, пронзили тело твари в пяти местах… и прошли сквозь белесую плоть, как сквозь тесто, оставив пять черных отверстий, которые тотчас сомкнулись. И через секунду туловища не стало видно, оно скрылось в тумане наверху, на виду остались только лапы, тонкие, мокро поблескивающие, словно черненые кости.

Тварь двинулась к плоту, перебирая отвратительными своими лапами, которые оканчивались длинными и тонкими клинками.

Слева, справа и позади плота с тяжким хлюпаньем поднялись из черной воды Мертвого Омута еще четыре чудовища, вознесли свои бесформенные тела в слои тумана, скрыв их от глаз людей. Но пока поднимались они, путешественники имели возможность получше разглядеть вросшие в тварей останки человеческих тел, иссиня-черных, закостеневших, высосанных досуха, тщательно и жадно, до последней капельки крови, боли, страха и отчаяния. Но все равно еще каким-то образом живых… Нет, не живых, а… не умерших окончательно?

У одного из мертвецов вместо правой руки была короткая культя… Рамси пустил арбалетную стрелу в тварь, на которой торчал однорукий стонущий мертвец, и даже, кажется, попал; только вот никакого видимого вреда чудовищу эта стрела не нанесла.

Десятки суставчатых лап затоптались вокруг плота, при каждом шаге взметая в воздух сверкающие клинки, тонкие и прямые, будто клинки шпаг.

Мартину Ухорезу не пришлось тратить время на то, чтобы сконцентрировать энергию для магической атаки. Как когда-то в детстве, обжигающая сила родилась где-то в затылке, сама собой бурным током разлилась по телу… Мартин едва успел направить ее, материализовавшуюся в лохматый комок пламени, вверх, туда, где за серым туманом едва-едва угадывалось белесое очертание туловища одной из тварей.

Бесформенное тело с торчащим мертвым человеческим торсом – мгновенно окуталось щупальцами огня, скорчилось, почернело… Лапы задергались, подогнулись, складываясь в суставах… И тварь ухнула под воду, все еще шипя и обугливаясь.

– Готова, сволочь! – возликовал Мартин.

И тут же сильным толчком был опрокинут на плот. Появившийся над ним Эвин ударом меча отбил клинок паучьей лапы, летевший сверху вниз в голову Ухореза. И еще один – защищая уже самого себя. И еще один, и еще…

И понеслось…

Темные твари атаковали людей костяными шпагами, люди парировали мощные выпады стальными клинками – больше людям ничего не оставалось, до туловищ тварей было не дотянуться; да и если бы они дотянулись? Ни магия Эвина, ни стрела Рамси не могли повредить чудищам… Звон и стук заметались над взбурлившей черной водой, всплески белых искр от столкновений оружия и костяных шпаг то и дело крохотными молниями взрывали серый полумрак. И вот странно: твари не пытались опрокинуть плот или сшибить в воду кого-нибудь из своих жертв или пронзить их, они били своими шпагами только

сверху вниз, метя по какой-то причине исключительно в головы.

Цыпа Рви-Пополам изловчился и подпрыгнул, широко размахнувшись огромным своим топором. Саданул в прыжке изо всех сил могучим лезвием по суставу ближайшей лапы и тяжело приземлился обратно, едва не перевернув плот. И замер на мгновение, отвесив нижнюю челюсть – в руках у него остался обломок топорища. А на лапе атакованной твари появилась лишь небольшая засечина.

Ухорез поднялся на ходящем ходуном плоту, ноги его дрожали от слабости – слишком много маны ушло на первый, подстегнутый адреналином магический удар. Не рассчитал, черт возьми… Да и как тут было рассчитывать и примеряться?.. Краем глаза он углядел несущийся на него сверху высверк паучьего клинка, уклонился (промахнувшийся клинок долбанул плот, вырвав кусок древесины) и, выхватив из ножен меч, на излете этого движения отвел еще одну атаку… лишившись при этом меча – костяная шпага твари выбила оружие из ослабевшей руки Ухореза. Мартин попятился и опять упал – под ноги Эдгарду. Тот, не глядя, переступил через неловкого компаньона, не запнулся. Ухорез мельком подивился тому, как этот бритоголовый ловко выплясывает, держа в одиночку оборону целого фланга; посох Эдгарда так и мелькал в воздухе, отбивая сыплющиеся сверху удары множества сверкающих паучьих клинков. В то время как Рамси, Стю и Тони втроем с трудом сдерживали другую сторону плота, от тесноты мешая друг другу… А Цыпа? Цыпа почему-то так и стоял, тупо пялясь на обломок топорища в руках… А Эвин-Тихоня?

Мартина вздернули за шиворот, поставили на ноги.

– Цел? Держи!

Эвин втиснул ему в руки свой меч, а сам под прикрытием Эдгарда метнулся к чудо-сумке, сорвал с нее один из тубусов со свитком…

И оглянулся снова на Мартина:

– Цыпа!

Что Цыпа?

Пригибаясь, Ухорез завертелся на месте. Цыпа? Вот же он, Цыпа, стоит себе, дубина, целый и невредимый, в непонятной оторопи, уставясь на обломок топорища, пока другие отчаянно отбиваются от смертоносного града бесконечных ударов, стоит себе, а на лице у него…

А на лице у него – бесконечный ужас. Словно увидел Цыпа Рви-Пополам что-то такое невыразимо страшное, что целиком растворился в ощущении кошмара, боли и муки… Только что он такое мог видеть, если смотрел и смотрит на топорище? И через

миг Мартин понял, в чем дело.

Паучья лапа изогнулась над Цыпой, а из затылка Цыпы торчал тонкий и длинный клинок. И тварь, которая изловчилась вогнать в разбойника свой коготь – та самая, подожженная Мартином тварь – теперь сладострастно подергивалась, приподнявшись из воды. И ее почернелое обугленное и съеженное туловище постепенно распрямлялось и вновь светлело, наливаясь похищаемой жизненной силой. Пасти твари вразнобой плотоядно щелкали, выпуская облачка мрака, глазки похотливо моргали…

Ухорез ринулся к Цыпе.

Громадное тело Рви-Пополам дрогнуло, руки его обвисли, выронив бесполезное топорище, ноги подогнулись. Цыпа стал медленно подниматься вверх, влекомый вонзенной в него чудовищной иглой, точно большая рыба на крючке.

Мартин прыгнул.

Он выпустил меч, но успел поймать Цыпу за ноги. «Крючок» не выдержал двойного веса, оба они, Ухорез и Рви-Пополам, рухнули обратно на плот, скакнувший под ними. Цыпа, из пробитого затылка которого, выплеснулась длинная струя крови, тут же ожил, за-орал, задергался, сбрасывая с себя Мартина, забился, отчего сходство с рыбой – теперь уже сорвавшейся с «крючка» и оказавшейся на берегу – многократно усилилось.

Отчаянный крик боли, на мгновение заглушивший вопли Цыпы и шум боя, хлестнул Ухореза, уже перевернувшегося на руки, чтобы встать. Тони Бельмо, сжимая пробитую ключицу, с размаху грохнулся на Мартина, окатив его фонтаном крови из своей раны. Что-то ледяно сверкнуло над головой Ухореза; тут же сообразив – что именно – он дернулся в сторону, и смертоносная шпага Темной твари, предназначавшаяся ему в голову, проткнула плечо. Дикая боль – совсем не такая, как от обыкновенного оружия – залила все тело Мартина, помутила зрение. И в этот момент он с какой-то особенной ясностью понял, что вот это – все, конец. Еще несколько секунд, и твари покончат с ними. Нет, не убьют сразу, не разорвут, чтобы сожрать. Растащат их, обмякших, не имеющих уже сил и воли на сопротивление, по своим телам. И будут медленно-медленно, долго-долго сосать из них их муку, наслаждаясь болью, ужасом и отчаяньем от осознания безысходности бесконечной пытки, как пьяницы в жаркий день наслаждаются бутылкой ледяного вина.

Все смешалось на плоту.

Потухающим зрением Мартин увидел, как скакнул через него Эдгард, еще в воздухе сшибая в сторону своим посохом очередной паучий клинок, норовящий клюнуть в макушку Рамси Лютого. Как вскрикнул Одноглазый Стю, когда его меч переломился

надвое, встретив когти сразу двух тварей.

И как, дочитав свиток, Эвин Сторм вскинул руки вверх, призывая в помощь силу Сестер-помощниц. И взлетел в сырой воздух древний пергамент, и полоска огня, пробежав по нему, превратила его в мгновенно развеявшийся пепел.

И сразу все вокруг изменилось.

Будто дохнул откуда-то нездешний теплый ветер, разогнав туман наверху. И стало светлее.

Твари прянули от плота, сложив суставчатые лапы, настороженно спустили безобразные тела ближе к воде.

И хлынул с освобожденных небес свет, мощный поток света – будто сами боги опрокинули на Мертвый Омут исполинскую чашу с солнечным золотом.

Мертвый Омут преобразился молниеносно и волшебно. Черная вода засверкала радужными отблесками, туман вокруг рассеялся весь и сразу, распахнув пространство. И виден стал тот берег, от которого совсем недавно отплыли путешественники, открылся Пограничник, словно бы обнадеживающе взмахнувший корявыми своими ветвями. И виден стал берег противоположный, далекий-далекий, придавленный угрюмыми валунами, даже с такого расстояния кажущимися огромными.

А Темные твари, опаленные хлынувшим с небес золотым сиянием, заметались, задергались, задымились… И вдруг, вспыхнув ярко и все разом, ухнули с шипением под воду.

И тут же стало все, как прежде.

Только вокруг плота в пяти местах из тяжело и неохотно расходящихся по черной воде кругов поднимались к снова затянутому туманом небу пять тонких извилистых струек мутного мрака.

Мартин Ухорез сел, опершись о тушу затихшего Цыпы. Плечо Мартина онемело, но дикая боль в ране понемногу утихала – становилась обыкновенной, такой, какую можно терпеть.

– Что это… было? – хрипло спросил он.

– Луч Радости, – ответил Эвин.

– Очень круто! – оценил Стю Одноглазый, швырнув обломок меча за борт.

– Неплохо, – одобрительно качнул головой Рамси Лютый.

– Самое прекрасное зрелище, которое мне доводилось наблюдать, – искренне сказал Мартин.

Рядом пошевелился и со стоном приподнялся Тони Бельмо. Отнял пятерню от прокола в ключице, с удивлением потер друг о друга липкие от крови пальцы. Рана его уже не кровоточила. Заметив это, Мартин обратил внимание и на себя: дырка у него в плече выглядела так, будто уже успела поджить, обработанная

лечебным снадобьем. И боль почти совсем прошла, и онемение быстро отпускало.

– Я вот что скажу… – проговорил Тони, ощупывая свою ключицу. – Пусть эти заклинания и стоят целое состояние… Но они того стоят.

А вот Цыпа Рви-Пополам по-прежнему выглядел скверно. Он был без сознания. Лицо его, все еще искаженное мукой, мелко-мелко, почти незаметно дрожало, и по телу то и дело пробегали волны судорог.

– Как эти твари называются-то? – поинтересовался Мартин.

– Вагулы, – ответил Эвин. – Сосущие. Я только читал о них в Хрониках Топи. Не думал, что удастся когда-нибудь увидеть их своими глазами.

– Вот почему никто и никогда не пересекал Мертвого Омута, – мрачно сказал Рамси Лютый то, что и так уже было всем понятно.

Эвин шагнул на середину плота, подобрал свой меч, вложил в ножны. Эдгард повернулся к нему, они обменялись взглядами. И что-то в этом переглядывании очень не понравилось разбойникам.

– Эй, я надеюсь, эти… вагулы сдохли? – забеспокоился Тони.

– Луч Радости не убивает, – сказал Эвин, возвращаясь к чудо-сумке. – Даже Темных.

Разбойники, уже почувствовавшие вкус победы, оторопели от этого неожиданного заявления. А Эвин провел пальцами по оставшимся тубусам, явно выбирая. Надолго задержал руку возле оплетенного серебром тубуса с Последней Клятвой. Эдгард, нигде не пораненный и даже не запыхавшийся, невозмутимо помахивал посохом, перебрасывая его из руки в руку, словно чтобы не дать разгоряченным мышцам остыть.

Черная вода вокруг плота снова заволновалась.

Мартин с ужасом почувствовал, как в нем поднимается паника. Да что ж это такое? Он никогда ничего не боялся! Что с ним сделала эта Тухлая Топь? При мысли, что ему снова придется окунуться в тот кошмар, из которого все они только выбрались, Ухорез покрылся холодным потом.

– Поворачивай обратно! – зашипел, боясь кричать, Тони. – Слышал, Тихоня?! Если они снова набросятся, нам не выстоять!

– Обратно! – поддакнул Рамси, нервно озираясь.

– Обойдем этот проклятый Омут кругом! – высказался и Стю.

– Мертвый Омут не обойти, – просто сказал юноша.

– Тихоня! – не выдержал Мартин Ухорез. – Может, пришла пора для Последней Клятвы?.. Чего ждать?!

Из черной воды показались тела приросших к туловам тварей

мертвецов. Первый, слабый пока еще стон полетел над водой – то «подал голос» однорукий мертвяк.

Этого оказалось достаточно, чтобы у одного из разбойников не выдержали нервы.

– Обратно! – завопил, закатывая глаза, Тони Бельмо. – Поворачивай, мать твою, обратно!..

Что-то большое и темное пронеслось над плотом за пеленой тумана. Рамси и Стю задрали головы.

– Обратно-о-о! – надрывался Тони.

Мартин врезал ему по зубам, и Бельмо заткнулся, часто и тяжело дыша.

Нечто большое и темное пролетело в обратную сторону.

Эвин, не колеблясь далее, снял тубус с Последней Клятвой.

И тогда это нечто закричало. Резко, надрывно, режуще, словно сигнализируя о готовности напасть; так пронзительно закричало, что у путешественников засвербило в ушах.

И случилось то, чего, наверное, не ожидал никто.

Вагулы один за другим скрылись под водой.

Непонятная громадина там, наверху, скрытая туманом, заложила еще один круг… и исчезла.

– Новое дело… – отдуваясь, проговорил Стю. – Слышь, Тихоня… Это… оно… прогнало тварей, что ли?

Эвин опустил тубус, который уже готовился вскрыть.

– Похоже на то, – не очень уверенно ответил он.

– А что это за хреновина? – спросил Мартин, все еще боясь верить в избавление. – Оно ведь прогнало их? Прогнало? Почему оно это сделало?..

– Вот заорал… Аж ухи зачесались, – выдохнул Рамси, – надо ж… Ну и крикун.

– Почему? – настойчиво повторил Мартин, тревожно озираясь. – Что это значит?

– Не знаю, – сказал Эвин. – Странно… В Хрониках Топи о таком ничего нет. Кажется… Вот бы эта тварь показалась, я бы, возможно, узнал ее. Но было бы глупо не воспользоваться моментом. Эдгард, иди на «нос»! Рамси, возьми снадобья, помоги раненым! – скомандовал он, а сам положил тубус и взялся за шест.

Часть третья

Глава 1

Шумная кавалькада выехала из Утренней Звезды в Серебряный лес.

Впереди неслась по широкой наезженной дороге окруженная конными стражниками карета, где уместилась маркиза Сенга Грир со своими фрейлинами. За каретой следовала, отставая на добрую полусотню шагов, еще одна группа всадников: маркиз Рон Грир со своей стражей.

Маркиз Рон Грир пребывал в наисквернейшем расположении духа. Он никогда не был большим любителем верховой езды, передвигаться на дальние расстояния предпочитал в экипажах, и теперь, трясясь в седле на здоровенном жеребце, ругательски ругал чересчур резвых кучеров кареты, где ехала его молодая супруга, и собственную неловкость. Расстояние между каретой и маркизой все увеличивалось, а он не мог ехать быстрее. Он уже пару раз чуть было не свалился позорно на землю, когда позволил себе немного пришпорить своего жеребца.

Неужели она, новоиспеченная маркиза Грир, не в силах догадаться немного умерить бег впряженных в карету коней? Нет, судя по всему, ей это даже и в голову не приходит. Весело бежит карета, то и дело из окошек высовываются размахивающие платочками женские ручки. То и дело наклоняется к одному из окошек один и тот же рослый стражник, скачущий рядом с каретой. Что-то говорит, спрашивает и отвечает… и постоянно хохочет, вскидывая вверх голову в шлеме, украшенном пышным перьевым султаном. Не раз и не два он оборачивался, этот всадник, и тогда Рон Грир видел его здоровую молодую ухмыляющуюся морду, лихие усы с закрученными кончиками, и все существо маркиза пронизывала жгучая ненависть к этому типу… который наверняка отпускает всякие шуточки по поводу отстающей группы.

Вообще, последнее время у юного маркиза, и без того ранимого и мнительного, развилась настоящая мания на тему того, что все вокруг знают про него что-то нехорошее и стыдное, чего он сам не знает. И предположения насчет этого нехорошего у Рона были вполне определенные. Чего только стоит замечание, высказанное недавно его собственным отцом, герцогом Руэри Гриром, что, мол, за женой-то нужно получше следить… а то недаром говорят: то, что плохо охраняется, недолго хранится… Рон сколько уже давал себе обещание поговорить с супругой сурово, по-мужски. Расставить наконец все по местам: он – муж, а она – жена, и значит, все должно быть так, как и полагается. Но…

Но всякий раз прелестная Сенга своим милым щебетом и легкими и редкими, но такими желанными и сладкими прикосновениями – гасила накрученную решимость Рона, и он мягчал, сникал, со всем соглашался и ни с чем не спорил.

«Ничего… – думал он сейчас, отчаянно сжимая толстыми ляжками норовящее скинуть его седло, – вот только минует Цветочная неделя, обязательное для новобрачных время, которое они должны провести в доме родителей недавней невесты, только мы окажемся у меня дома, все будет совсем по-другому! Там-то она уже не отвертится! Сделает все, что полагается жене делать для мужа. Там-то у нее не получится крутить мужем, как хочется!..»

Никому маркиз Рон Грир и под страхом смерти бы не признался, что ни разу еще не делил с молодой женой супружеское ложе. Стыд-то какой! Сестры-помощницы, какой стыд! По старинной традиции за такие штучки полагается вообще-то мужу жену смертным боем бить, но разве у него подымется рука на прекрасную Сенгу?! Прелестную, обворожительную, невыразимо восхитительную Сенгу!..

По прибытии в Серебряный лес выяснилось, что маркиз со своей стражей так отстали, что, когда они достигли поляны, где их ждали накрытые для пикника столы, маркиза с фрейлинами уже успела перекусить и отбыла прогуляться к лесному озеру. Дабы освежиться.

Рон, кое-как сползший с жеребца, покрутил головой. Так и есть. Того рослого стражника с закрученными усами нигде не было видно.

«Что за положение! – в отчаянии подумал маркиз. – Одного моего слова достаточно, чтобы граф Альва законопатил этого молодчика в такую дыру, где единственные существа, перед которыми он мог бы крутить свои усы, были бы пауки да крысы… Но ведь это мое требование надо будет как-то объяснять. И без того слухов обо мне по Утренней Звезде гуляет предостаточно… Ничего, скоро мы уедем в Золотой Рог, и все будет совсем по-другому… Да, да, совсем по-другому!»

Рон присел за стол, отпил вина из кубка, пожевал индюшачью грудку. Все чудилось ему, что слуги и стражники пялятся на него. Что стоит ему только отвернуться, как они начинают кивать в его сторону, строить из пальцев «рога» и издевательски хихикать.

– В Золотом Роге все будет совсем по-другому, – мысленно повторил маркиз Рон Грир.

Не помогло.

– Дело всей жизни! У меня есть дело всей жизни! Я – будущий спаситель мира!

И это тоже не помогало.

Тогда маркиз встал из-за стола и принялся прогуливаться по полянке, пытаясь делать вид, что наслаждается хрустом подмерзших листьев под ногами и видом подсвеченного ярким солнцем инея на ветках. Одиночество угнетало его.

И он не выдержал.

Неуклюже пытаясь продемонстрировать, что интересуется только из праздного ленивого любопытства, он выяснил у слуг, в каком именно направлении находится тот пруд, куда отправилась со своей свитой маркиза Сенга Грир. И двинулся по указанной тропинке старательно прогулочным шагом. Стража устремилась было за ним, но Рон оглянулся на них со столь свирепой физиономией, что ратники, никогда не видавшие своего господина таким, отстали безо всяких уговоров.

Оказавшись вне досягаемости взглядов челяди, маркиз Рон Грир припустил по тропинке бегом.

Впрочем, скоро он запыхался и вновь перешел на шаг.

Идти оказалось недалеко. Рон уже слышал за опушенными инеем деревьями смеющиеся девичьи голоса, слышал раскатистый залихватский мужской бас (паскуды усатого стражника-весельчака, кого ж еще!) – как вдруг его окликнули сзади.

Вздрогнув от неожиданности, маркиз остановился, мельком пожалев, что все-таки не взял с собой стражу.

Но, обернувшись, он уже готов был рассмеяться над своей боязливостью. Под голым кустом, обросшим инеем и оттого похожим на морской коралл, стояла одна из фрейлин его жены. Как же ее?.. Ах да, леди Гризель.

Впрочем, тут же маркизу стало не до смеха. Очень уж лицо фрейлины было… необычным. Он привык видеть эту леди Гризель беспечно болтающей, глупо хохочущей, пошло флиртующей с кем попало (даже со слугами, да!)… А сейчас выражение ее лица было спокойным, сосредоточенным… каким-то хитровато-насмешливым.

«Ну точно, – подумал Рон, – сейчас будет сообщать мне страшную тайну о том, что моя Сенга и этот ублюдок-стражник…»

– Она вас не любит, милорд, – произнесла Гризель.

Рон Грир, конечно, не питал иллюзий насчет истинного отношения Сенги к своей персоне. Но эта фраза была произнесена с такой убийственной простотой, что он опешил. И сердце его сжалось.

– Зна… знаю, – выговорил он.

И как только он это сказал, его словно прорвало. Сам не зная,

зачем, он вдруг принялся выкладывать фрейлине все, что она и сама прекрасно знала: как он ради своей обожаемой супруги готов в лепешку расшибиться, а она нос воротит, только все обещаниями да ласковыми ужимками кормит…

И леди Гризель его слушала, безо всякого сочувствия, не пытаясь поддакивать, ойкая и всплескивая руками, сохраняя на лице это выражение снисходительного понимания. Очень необычное, кстати сказать, для нее выражение. Такое может быть у человека умного, прекрасно сознающего свое превосходство над большинством. Но ведь леди Гризель глупа как пробка, в этом ни у кого, кто хоть раз с ней общался, не могло возникнуть ни малейших сомнений.

И как только Рон осознал эту несообразность, так сразу замолчал. Ему стало не по себе.

Леди Гризель, видимо, решила воспользоваться внезапной паузой.

Она распахнула меховую накидку, достала крохотный пузырек, в котором плескалось что-то красное, как кровь, и протянула маркизу.

– Достаточно одной капли, – сказала она. – Лучше добавить в вино. Так скорее подействует.

– К-как подействует? – разинул рот маркиз Грир.

– Обыкновенно, – пожала леди Гризель плечиками. – Она привяжется к вам раз и навсегда. Она будет следовать за вами всюду, куда бы вы ни пошли. Если вы по какой-либо причине расстанетесь, она будет страдать, пока снова не увидит вас. Вы станете для нее единственным смыслом существования. Ну? Берете?

Тут только Рон заметил еще одну странность. Фрейлина говорила своим обычным голосом, но некоторые слова у нее выходили… как-то неестественно. Словно она вдруг заговорила с каким-то чужеземным акцентом.

– Берете? – повторила Гризель.

И сделала такое движение, будто хотела убрать пузырек.

– Беру! – поспешно согласился Рон.

Он схватил драгоценный подарок, спрятал за пазуху, тщательно спрятал, чтобы – чего доброго – не выронить, не потерять. Уладив наконец это дело, он поднял глаза на фрейлину, чтобы поблагодарить ее.

Но леди Гризель уже не было под кустом, ветви которого еще слегка колыхались, бесшумно осыпая кристаллики инея.

«Шустрая!» – стукнуло в обалдевшей голове маркиза. И он все-таки сказал в пустоту:

– Спасибо вам!

Никто ему не ответил.

Рон, спотыкаясь, побрел дальше. В голове его зудел целый рой горячечных мыслей. Странно все это… С чего бы леди Гризель ему помогать? Да еще бескорыстно? И почему она так необычно вела себя? Эх, обладал бы он магическим талантом, хоть вполовину меньшим, чем у его отца, он бы вмиг ее раскусил. А теперь остается только гадать…

Хотя… Пузырек-то с зельем – вот он! Если предположить, что фрейлина не обманула его, тогда… Тогда все просто замечательно!

До озера оставалось всего-ничего, когда Рон вдруг очнулся от своих раздумий, услышав неподалеку какую-то возню. Сойдя с тропинки на пару шагов, маркиз смог разглядеть источник шума: под закостеневшей в инее елью та самая леди Гризель с юбками, задранными до головы, обхватив обеими руками древесный ствол и отклячив крупный белый зад, с азартом отдавалась стражнику – не тому самому усатому хвату, а какому-то другому.

«Действительно, шустрая, – ошарашенно подумал Рон Грир, краснея и пятясь обратно на тропинку. – И когда только успела?..»

Тут же в его голову толкнулась мысль: что-то здесь явно не так, что-то не сходится… Но моментально эту мысль накрыла, полностью поглотив следующая, радостная, предвкушающая:

– Достаточно одной капли! Лучше в вино добавлять, чтоб скорее подействовало…

Цыпа Рви-Пополам скоро пришел в себя. Рана на его затылке выглядела так, будто ей уже, по меньшей мере, пара недель.

– Ты как, братец? – осведомился Тони, заглянув в Цыпино потемневшее лицо. – Нормально?

Цыпа кивнул.

– Мозг вроде не поврежден, – во всеуслышание констатировал Бельмо и негромко добавил. – Было бы чему повреждаться…

– Посмотрел бы я на тебя, весельчак, если б тебе тварь коготь в башку вогнала, – сказал на это Рамси.

Может, Цыпа и чувствовал себя неплохо, но вел он себя все равно странновато: несколько минут изучал окружающих таким растерянно-подавленным взглядом, будто видел их впервые, и ни на какие вопросы не отвечал.

– Что с ним такое? – спросил Мартин Эвина. – С Цыпой? Похоже на то, что вагул заразил его чем-то… Нас ведь они тоже ранили, да с нами все нормально. Ну, относительно, конечно…

– Вагул не просто ранил его, – ответил юноша. Кажется, он уже обдумывал состояние Рви-Пополам и пришел к какому-то определенному выводу. – Он подверг его воздействию Темной энергетики, пытаясь, видимо, подчинить его волю. Темные твари

– воплощения Тьмы во плоти, а люди восприимчивы к Тьме, кто-то меньше, кто-то больше… Цыпа наверняка из последних.

– И что теперь? – этот вопрос Мартин задал уже шепотом и с оглядкой на окружающих. – Цыпа… станет тварью?

– В какой-то мере – да, – кивнул Эвин. И, прежде чем Ухорез успел сказать что-то, продолжил. – В Хрониках Топи я читал о том, что первые поколения Егерей изготавливали из вытяжек тел Темных снадобье, которое при введении его в кровь делало человека сильнее, быстрее, агрессивнее и безжалостнее в бою. Впрочем, довольно быстро эту практику запретили. Нельзя уподобляться твари даже временно.

– То есть Цыпа оправится?

– Несомненно. Но какое-то время Тьма будет влиять на его решения и поступки. Нужно приглядывать за ним…

Цыпа между тем все-таки более-менее пришел в себя, пробурчал пару связных фраз, принял от Эвина шест и встал на «корму».

– Полный вперед, – скомандовал Эвин, а сам уселся в центре плота, поместив на колени арбалетную стрелу. Обложенный амулетами, тубусами с заклинаниями, принялся излаживать что-то из стрелы – что-то серьезное, судя по тому, как сосредоточенно прошептывал по ходу работы сложные формулы на Древнем языке, время от времени отпивая по глоточку из пузырька с маной. Воздух вокруг юноши постепенно сгустился, словно пропитавшись напряжением; в светлых волосах его то и дело вспыхивали короткие злые искорки.

А над Мертвым Омутом, все так же скрытое пеленою тумана, кружилось неведомое существо. И всякий раз, когда оно проносилась над плотом, Эвин поднимал голову и внимательно следил за перемещением большого темного пятна, вероятно, оценивая скорость и манеру полета. Разбойники тоже не выпускали недавнего своего защитника из внимания.

– Во, опять прошел над нами!.. – тыкал пальцем Стю. – Не спешит прощаться, рядом держится.

– Молча летает, – отзывался Рамси, – не кричит больше. И не надо. В ухах до сих пор зудит.

– А чего ему кричать? Он же не просто так, верно, голосит, а со смыслом. Как эти вагулы-то сразу посваливали, как только он орать принялся… Испугались!

– И летает как-то… необычно. Толчками. Как будто под водой плавает, загребает…

Разбойники уже успели обсудить все обстоятельства своего чудесного спасения и даже присвоили неизвестному существу прозвище: Крикун. Причем Тони Бельмо расчувствовался

настолько, что называл этого Крикуна не иначе как – Крикуша…

– Чего это ты, Тихоня, мастеришь? – обратился вдруг к Эвину Стю Одноглазый. – Уж не злое ли нашему Крикуну задумал?

Юноша не сразу отвлекся от своего занятия:

– Что вы знаете об этой твари? – осведомился он.

– Что она… что она нас всех от ужасной смерти спасла! – тут же с воодушевлением сообщил Стю.

– Если б не Крикуша, болтались б мы теперь на вагулах, как бородавки! – присовокупил Тони. – Вот что знаем.

– По-моему, вполне достаточно, – прибавил и Рамси Лютый.

– Он, Крикун-то, между прочим, сделал то, что Полуночный Егерь с монахом Облачного монастыря не осилили, – заметил Стю. – Вагулов прогнал! За что ж нам его подозревать в чем-то? Ты и не думай ему дрянь какую-нибудь устроить, слышишь?! Эй, Тихоня! Тебе говорят!

– В самом деле… – проговорил Мартин Ухорез, коснувшись плеча Эвина. – Если рассудить логически. Этот… Крикун… мог бы убить нас. Но он этого не сделал. Наоборот – спас. Спрашивается – зачем?

– Вот именно, – сказал Эвин. – Зачем? Если рассудить логически?

Ухорез несколько смущенно усмехнулся:

– Можете, если хотите, смеяться надо мной, но я вот что подумал… Помните, Цыпа на берегу вопил, Сонью призывал? Мол, иду к тебе, жди меня… Когда бутылку яблочного самогона хряпнул?

Это, конечно, все помнили.

– А ну как она и вправду его услышала? – предположил Мартин. – Сонья-то? Для того, кто сотни лет постигает магию Тьмы, это, я полагаю, несложно… А если она заинтересована в том, чтобы мы ее нашли? А? И послала одну из подвластных ей зверюшек помогать нам в дороге?

Кажется, до такого объяснения поведению Крикуна никто из путешественников не додумался. Но оно, это объяснение, разбойникам понравилось. Люди всегда легко верят в то, во что удобнее и спокойнее верить.

– Я, кстати, тоже что-то такое предполагал, – нагло соврал Тони.

– А у тебя какая-нибудь другая версия есть, а, Тихоня? – спросил Мартин Эвина.

– Нет, – качнул тот головой. – Но мы в Тухлой Топи. Здесь никого, кроме Темных тварей, нет и не было никогда, здесь везде Темные твари. А значит – здесь везде враги, некоторые из которых, кстати, имеют зачатки разума. А меня учили не верить

врагам. Особенно тем, кто имеет зачатки разума.

– Ты уверен, – веско проговорил Мартин, – что Крикун – именно враг?

– Он – Темная тварь. А значит – враг.

– Ты уверен? – повторил свой вопрос верховод разбойников. – Что он – Темная тварь? Или, если это все-таки так и есть, в том, что нам не следует доверять ему? Ты, конечно, Полуночный Егерь, и без тебя мы бы не продержались здесь столько времени. Если честно, и дня бы не продержались. Но… иногда мир оказывается вовсе не таким, каким мы его привыкли понимать.

Эвин хотел ответить сразу, но осекся. Видимо, припомнив недавние события, приведшие его сюда… и внутренне согласившись с последним утверждением Мартина.

– Эвин Сторм был бы уверен, – сказал он тихо, словно про себя. – А Тихоня – уже нет…

Впрочем, возиться со стрелами он не прекратил.

– Пф, – скривился Стю. – С вагулам все-таки, Тихоня, ни ты, ни твой братец не справились, – повторил он. – А Крикун – их прогнал, как нашкодивших котов. Поэтому… – он развел руками, не сочтя даже нужным договаривать.

– Зачем Темным тварям люди? – вступил Рамси Лютый, обращаясь к Эвину. – Они питаются их плотью и эмоциями, сам же говорил. Ни за чем другим люди Темным не нужны. Крикун мог бы нас захавать? Да легко! Раз уж он сильнее вагулов. Мог, значит. И сейчас может. Спрашивается, почему не сделал и не делает этого?.. А?

– Не знаю, – сумрачно сказал Эвин. – Но, боюсь, что ответ на этот вопрос таков, что не понравится ни мне, ни тебе…

– Да что там толковать! – всплеснул руками Тони Бельмо. – Крикун нас охраняет, и баста! И не смей пулять в него своими стрелами, а то!..

– А то что? – поднял голову юноша.

И Тони сник:

– А то – то… – бормотнул он. – Чего-нибудь… Не знаю, что именно…

– Сильнее других, да? – немедленно набычился на Эвина Стю. – Силу свою в битве с вагулами надо было показывать. Вы, Полуночные Егеря, клятву приносите людей от Темных тварей защищать, так вот и держи свою клятву! А ты как нас защищаешь, а? Мы из-за тебя чуть не… того…

Эвин на это ничего не сказал, только арбалетная стрела в его руках дрогнула, а из-под лезвия ножа, которым он наносил на древко какие-то знаки, вместе с завитком стружки порхнул снопок голубых искр. Стю осекся.

Эдгард со спокойным интересом наблюдал за спорщиками.

– Забавно получается, – проговорил он в пространство. – Ты, Одноглазый, рассуждаешь о свободе, а сам ответственность за свою собственную жизнь на чужие плечи перекладываешь – когда это выгодно. Пока Эвин вел вас до Мертвого Омута, безоплошно круша Темных, его авторитет для вас был непоколебим. Но стоило ему раз потерпеть поражение, вы уже накинулись на него, как стая шакалов, жадно желая отдаться новому хозяину, даже если он, скорее всего, Темная тварь. Если так свободолюбив, то – пожалуйста – иди своим путем, куда хочешь, на все четыре стороны. А не ищи очередного вожака и покровителя.

– А в этом и есть моя свобода! – тут же вылепил в ответ Стю. – Я никакими обязательствами не связан, как мне удобно, так я и поступаю! И кто мне тут о свободе говорит?! – подбоченился он. – Тот, кто сам себе не принадлежит? То своему дяде в добровольное рабство отдался, то брату! Свобода для смелых духом! Для тех, кто не боится отказаться от каких бы то ни было рамок! А ты – раб! Раб, да!

– А ну, заткнись! – не сдержался на этот раз Эвин.

– Не горячись, брат! – безмятежно улыбнулся Эдгард. – Он просто не имеет понятия, о чем говорит. Свобода… Каждый из нас абсолютно свободен, где бы ни находился и что бы ни делал. Только мало кто это понимает. Мы – это наше сознание, а вовсе не тело. Пойми это, прими это, и ты обретешь совершенную свободу. Мы сами накидываем на себя цепи, сковывающие нас.

– Свобода – это деньги, – произнес Рамси Лютый с какой-то даже жалостью к Эдгарду, не понимающему таких элементарных вещей. – Когда у тебя задница голая и жрать нечего, тут уж под любого прогнешься, себя продашь.

– Растрачивающий драгоценные мгновения жизни, дарованные нам Неизъяснимым, на ублаготворение плоти – вот истинный раб, – сказал Эдгард. – Тело ненасытно, оно всегда будет требовать еще и еще. Эти цепи сковывают нас по ногам, не давая идти туда, куда направляет нас Неизъяснимый. И боясь телесного голода, такой раб стремится обзавестись как можно большим количеством вещей, чтобы ни в чем не отказывать телу. Так мы накидываем на себя цепи, которые сковывают наши руки, не давая делать то, в чем наставляет нас Неизъяснимый. Тот, у кого много вещей, всегда пребывает в страхе: он боится тех, у кого вещей меньше. Ведь они обязательно возжелают его вещи. Он боится тех, у кого вещей больше – те постараются обезопасить себя от того, кто беднее. На что способен человек, который всего и всех боится и не способен сдвинуться с места?

– Свобода – это сила, – сказал Мартин, сказал серьезно, вовсе

не пытаясь уязвить кого-то или кого-то оправдать, а лишь донести свою точку зрения. – Мускулы, боевая хватка, хороший клинок – вот свобода. Кто сильнее, тот и свободен. Потому что способен противостоять кому угодно. Сильному нечего бояться. Сильный выше всех! А только тот, кто выше всех, по-настоящему свободен!

– И здесь, – продолжил Эдгард, – нас подстерегает последняя, нижайшая ступень впадения в несвободу. Все желания человека сводятся к одному: возвыситься над другими, заполучить власть над их телами. Обуянный этой страстью человек не думает более ни о чем другом, кроме как о сокрушении конкурентов. И нет такого преступления, на которое человек не пошел бы ради власти. И эти цепи мы накидываем себе на горло, они сковывают нас, не давая дышать. Откажись от ублаготворения своей плоти, от жажды вещей, от страсти владеть и повелевать – цепи спадут с тебя, и ты станешь совершенно свободен. И Неизъяснимый откроет тебе тысячи дорог, среди которых ты можешь выбрать себе одну-единственную. Свою. Каждый из нас появился на земле не просто так. Каждого из нас Неизъяснимый привел в этот мир для какой-то определенной цели. Вы когда-нибудь глядели с берега на заходящее в океан солнце? Оно прокладывает по воде сверкающую дорожку, отчетливо яркую. И вся штука в том, что всякий видит именно свою дорожку, зажегшуюся на великой воде именно для него – от его ног до самого солнца. У каждого из нас есть своя Сияющая тропа. Понимаете? Главное – увидеть ее. Вообще, можно сказать, получается так, что не мы выбираем Сияющую тропу, а она нас. Но только тех – кто способен ее увидеть. А смотреть на солнце непросто…

Эдгард говорил негромко и ладно, не напрягаясь подыскивать на ходу нужные формулировки, но и не воспроизводя затверженный когда-то текст. Слова словно сами собой шли через него. И так это получалось убедительно, что на него смотрели и его слушали все.

Кроме Цыпы Рви-Пополам.

Цыпа ворочал своим шестом, толкая плот вперед и вперед, по-бычьи опустив голову, глядя куда-то вниз, себе под ноги. Время от времени он вдруг замирал, словно в страхе втягивая угловатую башку в могучие плечищи. Будто бы прислушивался к чему-то, что происходило не вокруг, а внутри него.

– Мудрено говоришь! – высказался Тони Бельмо, когда Эдгард закончил. – Только вот нестыковочка выходит. Ты-то сам со всей своей внутренней свободой не на мягкой травке сейчас лежишь, цветочки нюхая и блаженно болтая ногами… Ты тут, с нами, с приговоренными к смерти, в этой проклятой Тухлой Топи, где только смерть и ужас… и даже солнышка не видно. Вообще

никакого. Какую-то хреновенькую Сияющую тропу ты выбрал, свободный человек! Вообще ни разу не сияющую… Или она тебя выбрала…

– А зачем вообще эту тропу выбирать? – пошевелившись, спросил Рамси Лютый. – Если ты полностью свободен, значит, никто тебя заставить не может что-либо делать. В том числе – какие-то там тропы выбирать. Если тебе ничего от жизни не надо, так лежи себе, отдыхай…

Эти слова почему-то очень рассмешили Эдгарда.

– Разве мы животные? – осведомился он с широкой улыбкой. – Неизъяснимый создал нас, вложив в небесную глину божественную искру вечного устремления. Именно эта искра и делает нас тем, что мы есть – людьми, человеками. Именно она уподобляет нас Неизъяснимому, Творцу всего сущего. В нас вечно горит Огонь Созидающий. И этот огонь, разгоревшийся из божественной искры Неизъяснимого, – есть великое сокровище. Самое дорогое, что можно представить. Как можно просто закопать это сокровище? Человек пришел в этот мир, чтобы творить!

– Что – творить-то?.. – спросил Рамси, несколько оторопев от неожиданно вдохновенной речи обычно спокойного и сдержанного Эдгарда.

– Что угодно. Что-то новое. Что-то свое. Чего до тебя еще не было. Чтобы в конце жизни, оглянувшись, можно было с удовлетворением сказать, что твои годы прошли не зря.

– А вот ты, например?.. – прищурился на Эдгарда Тони. – Ты что творишь? Что созидаешь? Идя по избранной тобою Сияющей тропе?

Юноша снова усмехнулся:

– Дядюшка Аксель говорил, что я творю – Историю.

Это заявление оказалось столь неожиданным, что никто на него ничего не сказал.

Несколько минут прошло в тишине.

– А как понять, что твоя Сияющая тропа – та самая, единственная, правильная? – заговорил снова Эвин. – Что она – не иллюзия?

Он отложил свою стрелу. Похоже было, что этот вопрос его действительно волновал.

– Нужно смотреть на солнце, конечно, – сказал Эдгард.

– На солнце?

– Оно одно, и другого такого нет. Оно – главное для тебя в момент выбора. Ни на что другое смотреть просто нет смысла. Когда ты поймешь, что для тебя важнее всего, ты и увидишь свою Сияющую тропу.

– А как понять… что важнее всего? Как понять, что ты не ошибаешься?

– Это очень просто, – ответил Эдгард. – Если, ступив на тропу, ты не чувствуешь ни малейшего колебания совести, значит, ты идешь туда, куда нужно. Совесть – очень тонкий орган. И доверяющийся ему никогда не ошибется.

– Ни малейшего колебания?.. – медленно переспросил Эвин, словно заново, в который уже раз, перебирая свои недавние воспоминания, свои недавние мысли и чувства. – Да, так оно и было! – твердо сказал он, поднимая глаза на брата. – Ни малейшего колебания! Почему же тогда я оказался здесь, а не на престоле Утренней Звезды?

– Видимо, твоя тропа несколько длиннее, чем ты изначально предполагал, – тут же отозвался Эдгард, пристально смотря на него. – Но ты ведь не сошел с нее, верно? Ты и теперь отчетливо видишь цель? И ты полон уверенности, что рано или поздно достигнешь ее?

Эвин смешался.

– Сам же понимаешь, что – нет… – пробормотал он, опуская голову и вновь берясь за стрелы. – Сейчас я… не знаю, что для меня главное. Не знаю, что важнее всего.

– Смотри на солнце, брат, – с улыбкой пожал плечами Эдгард. – Виконт Эвин Сторм из рода Стальных Орлов, смотри на солнце.

– Я – Тихоня теперь, – буркнул, отвернувшись, Эвин. – А никакой не виконт… И отсюда солнце не видно.

– И что теперь делать? – вдруг с неожиданной жадностью спросил Мартин.

– Кому? – повернулся к Ухорезу Эдгард.

– Ему, Эвину. И… другим. Которые тоже когда-то сбились с пути? Которые чувствуют: то, как они живут, – это неправильно, ненормально? Что делать?

Эдгард не успел ничего ответить.

Одноглазый Стю в сердцах звучно сплюнул в черную воду Омута и сильно топнул ногой, качнув плот.

– Ты-то куда лезешь, верховод? – с досадой воскликнул он. – Чего ты их слушаешь, дворянчиков этих? Эти их разговорчики тухлые?! Совесть! Внутренняя свобода! Сияющая тропа! Созидать-творить!.. Ля-ля! Бу-бу! Тьфу, тошнит! С души воротит! Все они такие, благородные, мать их!.. На словах охрененно умные и прямо святые! А на самом деле… Хуже нас, хуже самых последних душегубов, коли охота приходит похоть свою почесать да брюхо набить! Хотите, дворянчики, я вам кое-что расскажу? – ткнул он помутневшим взглядом Эвина и Эдгарда по очереди. – Эти-то

знают, а вы еще не в курсе… А? Хотите? Ты, Тихоня? И ты, Гололобый?..

– Расскажи, – успокоительно улыбнулся Эдгард. – Изволь, Одноглазый Стю, мы тебя с удовольствием послушаем.

– А по мне хоть с удовольствием, хоть без удовольствия! – рубанул взбеленившийся вдруг разбойник. – Жил я, значит, в Ямах… У нас глины гончарной полно, где угодно копни, там и глина будет: вот поэтому Ямами деревеньку и называют. Жил, говорю, в Ямах, не тужил. С Ингой мы… с детства дружили, а как подросли, так я, конечно, замуж ее взял… – тут Стю почему-то оскалился. С шипением втянул выступившую на губах слюну и продолжал. – Замуж, говорю, ее взял, Ингу мою. Вы бы видели, какая красавица была! Не чета вашим напомаженным. А пела как! А вышивала!.. А я кувшины лепил, обжигал и расписывал. И очень искусно, между прочим! Окрестные торговцы за моим товаром в очередь вставали! И вот как-то барон наш ехал через деревню. Увидал Ингу, поманил пальцем. Хорошо я рядом оказался, а то она, дура, по простоте своей и пошла… Утащил ее кое-как, хоть барон и гневался. А той же ночью он к нам в хибарку прислал пяток парней. Все в железе да при оружии. Башку мне расколотили, глаз выбили. А Ингу мою… Дальше продолжать или и так все понятно?

– И так все понятно, – подтвердил Эдгард.

– Вот тогда, когда я в Ямах жил, я шел по своей Сияющей тропе! Врубаетесь?! Вот тогда я смотрел на солнце! На Ингу мою… А теперь ничего не осталось! Пустота! Ночь! Нет солнца ни хрена! Обрушилось оно в океан и потухло! И мы все здесь такие! У каждого из нас спроси… Вот у Рамси, у Тони, у Цыпы, у верховода, наконец!.. У любого из нас наши солнца снесли с неба, срубили, как головы! Вот Рамси! Думаешь, он всегда разбойничал? О, он серьезным человеком был, уважаемым! Купцом! Не каким-нибудь вшивым торговцем, а – караваны в дальние страны водил. Большим домом жил. Семья… Одних сыновей сколько!.. Сколько, а Рамси?

Рамси Лютый только рукой махнул, отвернулся. Длинный сухой нос его стал словно еще длиннее и еще суше.

– Обманули его компаньоны, лишили всего, хорошо, что живым остался. И разлетелась по свету его семья, кто куда… А Тони Бельмо? В шутах ходил при одном графском дворе. Пока у графской дочки пузо округляться не стало! Тони-то в этом деле совсем ни при чем был, а графская дочка на него указала. Чтоб настоящего милого дружка от петли сберечь. Еле-еле успел Тони ноги нарезать… Каждый из нас сорвался со своей Сияющей тропы! – убежденно закончил Стю. – Не зря же нас всех вместе

судьба слепила, изгоев. И бродим теперь в пустоте, хватая, что под руку подвернется! Нет у нас больше наших солнц. И не будет никогда! А ты говоришь!..

Он замолчал, тяжело дыша.

– Любому из людей Неизъяснимый приготовил его предназначение, – проговорил Эдгард с той же убежденностью. – Надобно верить в это и внимательнее смотреть по сторонам – где зажжется для вас новое солнце. Истинное. Все мы не зря оказались в этом мире. Конечно, не зря. Безусловно, не зря. Сомневаться в этом – значит отрицать самого себя. Значит – признавать себя бессмысленным и бездушным животным. А вовсе не человеком. Разве вы не хотите быть людьми?

– Тьфу! – сплюнул еще раз Одноглазый.

Остальные разбойники смолчали. Впрочем, у большинства из них было такое выражение лица, будто они хотели ответить Эдгарду. И, кажется, утвердительно… По крайней мере, Мартин Ухорез вдруг тихо проговорил, глядя куда-то в затянутую неизбывным туманом пустоту Мертвого Омута:

– Я хочу…

– Если ты хочешь, значит – будешь, – твердо сказал Эдгард. – Это я обещаю тебе.

– Берег! – вдруг выкрикнул Рамси, подскакивая на месте. – Смотрите, вон там! Прямо по курсу!

Здесь, на вершине башни, ночное небо было таким близким, что, казалось, до него можно достать рукой – вот так просто привстать на цыпочки и потрогать пальцами бархатистую синеватую темь. И звезды отсюда выглядели совсем не так, как с земли: сияли редко разбросанные небывало крупные звезды, налитые глубоким желтым светом, как небесные яблоки, а между ними мерцали золотым песком мириады мелких далеких звездочек.

Мастер Аксель сбросил с плеч плащ, тут же передернул плечами от ночного холода. И широко взмахнул руками – можно было подумать, чтобы согреться, но сразу же его движения стали сложнее. Он сплел в воздухе невидимый рисунок, и тут же над его головой возник прозрачный пологий купол. Еще один взмах руками – и на куполе неторопливо проступила диковинная сеть серебряных прожилок; отражения бесчисленных звезд ладно легли на эту сеть, и купол стал похож на схему звездного неба, невероятно замысловатую, но очень красивую.

Мастер Аксель, задрав голову, походил взад-вперед, придирчиво рассматривая свое произведение. Затем хмыкнул, кивнув сам себе, – видимо, остался доволен.

Он щелкнул пальцами, и под куполом из ниоткуда появился

столик, на котором располагалась объемная карта герцогства Арвендейл – удивительно подробная, с миниатюрными объемными замками, поселками, лесами, реками, горами… Отпив из пузырька глоток маны, Аксель проделал еще один сложный пасс.

И купол-схема вдруг засветился. И, качнувшись, стал медленно вращаться… Рисунок прожилок на куполе при этом менялся, но гармоничности своей не терял – звездные отражения скользили точно по прожилкам, как нанизанные на серебряные нитки бусинки.

Свет прозрачного купола легкими струями полился вниз, на карту. Это было похоже на призрачный бесшумный дождь… И под этим дождем на карте закружились-зазмеились проворные туманные полосы: ослепительно-снежные, бело-молочные, рыхло-серые, темные и совсем непроглядно-черные – над шпилями и стенами крохотных замков, над зелеными лесными верхушками, выпуклыми голубыми венами рек, суровыми грядами гор…

Аксель, глубоко задумавшись, углубился в изучение развернувшейся перед ним картины.

Щупальца грозной мглы тянулись со стороны Тухлой Топи, наползали на Драконью гряду…

Ну, в этом-то не было ничего нового. Это Аксель видел уже много раз раньше.

Серые туманные кольца извивались над Золотым Рогом…

Как и вчера, как и неделю тому назад, как и месяц тому назад. Разве что только день от дня эти кольца становились все темнее.

Сегодня – заметил мастер Аксель – среди серых полос над Золотым Рогом замелькали несколько полосок откровенно черных.

Это уже было совсем нехорошо.

Что-то скверное вот-вот произойдет в Золотом Роге, в сердце Арвендейла. Что-то дурное вот-вот случится там…

Аксель поднял взгляд на вращающийся под светом небесных звезд купол-схему. Прищурился, высматривая что-то, что, пожалуй, во всем свете мог разглядеть только он. Ну, может быть, еще пара-тройка старейших магов Университета…

– Через два дня… – обеспокоенно забормотал мастер Аксель. – Или через один. Или уже завтра… Нет-нет-нет! Так не пойдет… Мне нужно время! Арвендейлу нужно время! Дом Соньи все еще не найден, и моих знаний о магии Тьмы недостаточно, чтобы ей противостоять! Сестры-помощницы, даруйте мне свою силу отвести беду!

Тщательно выговаривая каждый слог каждого слова, он

прочитал длинную и сложную формулу на Древнем языке. Затем, не сводя глаз с купола, воздел руки и принялся перебирать пальцами светящиеся струи призрачного дождя, беззвучно лившиеся сквозь купол, – сначала медленно и осторожно, а потом все быстрее и быстрее, будто играл на каком-то музыкальном инструменте. И струи-струны вдруг запели под его пальцами.

А туманные полосы над Арвендейлом, подчиняясь этой музыке, запетляли, заизвивались быстрее и причудливее. И не понять уже стало – какие из них светлее, какие темнее. Клокочущая буря, пульсирующая то угольно-черным, то снежно-белым, накрыла карту.

И буря та продолжалась недолго. Мастер Аксель резко оборвал свою игру, шумно выдохнул, встряхнул утомленными руками. И в наступившей тишине с хрустом размял шею.

Серая масса тумана, теряя однородность, снова расползалась отдельными полосами.

Аксель медлил опускать голову к карте, он устало улыбался, явно предвкушая увидеть на ней какие-то положительные изменения.

А когда все-таки опустил, то вздрогнул и изменился в лице.

Над Золотым Рогом не стало светлее.

И если б только это!..

Над графством Утренней Звезды, где еще пару минут тому назад было умиротворяюще бело, теперь расплывалось отвратительно шевелящееся густо-серое пятно.

– Что за?.. – выдохнул Аксель и тут же осекся. Прищурился.

Тонкая, словно черный волосок, извилистая полоска тянулась от Золотого Рога к Утренней Звезде. Это могло означать только одно: то, что вскоре случится в сердце Арвендейла, отзовется в графстве большой бедой.

Он быстро вскинул голову к куполу, пошевелил губами.

– Когда же? Когда?..

– Очень скоро, – ответили ему переплетения серебряных жилок, по которым скользили бусины звезд. – Завтра… Послезавтра…

– Но что? Что?!

Если примерный ответ на вопрос: «когда?» мастер Аксель получить мог, то ответ на вопрос: «что именно случится?» – был для него неподъемен. Как, впрочем, и для любого человека. Ибо всякий человек – все-таки не более чем человек. И будущее – и далекое, и близкое – никогда не станет для людей открытой книгой.

Аксель выругался. Но тут же спохватился, прихлопнул ладонью губы и произнес формулу обращения к Сестрам-

помощницам. Быть может, они снизойдут к нему, дадут какой-нибудь знак, хоть как-то проясняющий волю Космоса?

Произнесенное осталось пустым звуком – магической силы для того, чтобы наполнить формулу энергией, у Акселя не оказалось. Он схватился за пузырек с маной, но там осталось лишь несколько капель.

Мастер Аксель выцедил последние капли, поднял плащ, вытер им мокрое лицо. Маг-ученый был удручен и напуган. Чересчур стремительно Тьма над Арвендейлом набирала могущество. Слишком уж быстро сдавал свои позиции Свет.

Мимолетным движением брови мастер Аксель заставил все призрачное сооружение, светящееся, кружащееся, переливающееся, застыть и поблекнуть. Затем, уже отворачиваясь от него, Аксель невнимательно махнул рукой. Раздался тонкий звон.

Ладонь мага разбила созданный им мираж на тысячи невесомых осколков, которые растворились в подсвеченной звездами полутьме, не долетев до поверхности крыши.

Мастер Аксель ойкнул спустя секунду после того, как почувствовал укол боли. Потому что мозг не сразу поверил телу, что осколки иллюзии способны причинить какой-либо урон живой и настоящей плоти.

Он поднес к глазам ладонь, на тыльной стороне которой – под указательным пальцем – алел ровный аккуратный порез.

– Да что же такое происходит? – изумленно вопросил ночное небо мастер Аксель. – Как это понимать?

И вдруг странное чувство, новое – и очень неприятное в своей новизне – чувство охватило его.

Он привык чувствовать себя участником Великой Игры. Ну, конечно, не полноценным Игроком. Не тем, кто переставляет фигурки на доске мира. Но тем, кто может повлиять на ход событий. Тем, кто стоит немного в стороне от Игровой Доски, тем, кто немного над ней. Тем, кому понятны и даже в какой-то – не в полной, само собой, – степени подвластны безвольные фигурки, слепыми рыбами плывущие по течению потоков, направляемых Космосом. Их много, этих фигурок, они заменимы, уязвимы и беззащитны. Когда в них отпадает необходимость, их просто сметают с доски… А он, мастер Аксель, конечно, совсем другое дело…

Или нет?

Аксель посмотрел на кровоточащий порез, слизнул алую каплю, натужно сглотнул соленую слюну.

Быть может, это и есть знак, которого он сейчас так жаждал от высших сил?

На порезе проступила еще одна кровяная капля, скатилась на ладонь, оставив за собой красную дорожку.

Глава 2

Вблизи прибрежные валуны выглядели еще внушительней. Весь берег представлял собою сплошную стену, высоченную, неприступную. Словно дикой части Тухлой Топи мало было отгородиться от мира, где еще можно было находиться людям, гибельным Мертвым Омутом…

Впрочем, путешественники недолго плыли вдоль этой стены. Вскоре Эвин заметил проход.

– Стой! – скомандовал он Цыпе.

Тот уперся шестом в дно, навалился на шест всем могучим телом, остановил тяжелый плот.

Тут уж проход увидели все.

Это была расщелина, нешироκая – плот едва-едва протиснулся бы в нее – но длинная. Что там, по другую сторону, не было видно. Темно было в расщелине. И как-то… особенно зловеще. Словом, радости от того, что способ высадиться на берег найден, никто не испытал.

Эвин щелкнул пальцами, создав неяркий белый огонек, сдул его с ладони. Словно светлячок, поплыл огненный белый шарик по воздуху к расщелине, вошел в нее, поплыл дальше, тускло освещая сумрачные стены серого камня… и погас где-то в темной глубине, задавленный мраком. Нет, не погас! На мгновение еще вспыхнул далекой точкой, осветив уже не камень, а какие-то кривые безлиственные кусты.

– Поблизости нет Темных тварей, – констатировал юноша. – В противном случае под воздействием Темной энергии Белое пламя изменило бы цвет.

Юноша выждал еще минуту, чутко прислушиваясь. И наконец скомандовал:

– Вперед.

И тогда в тумане над ними снова затемнело рывками движущееся громадное тело.

– Крикуша вернулся! – обрадовался Тони Бельмо.

Эвин схватил арбалет, заряженный той самой, специально подготовленной стрелой.

– Не тронь!.. – протестующе завопил Тони.

И вопль его тут же потонул в оглушающе пронзительном крике, обрушившемся с затянутого туманом неба. Разбойники покидали что у кого было в руках, зажав ладонями уши. Темное громадное тело, испустив еще пару истошных криков, мелькнуло в туманной гуще и отлетело в сторону, совершенно скрылось из вида.

Эвин опустил арбалет, так и не посмев рискнуть единственным зарядом. В ушах его еще больно вибрировал воющий визг Крикуна, когда он снова приказал Цыпе:

– Вперед!

Рви-Пополам, выронивший свой шест, не двинулся с места. Приоткрыв рот, от выискивал глазами исчезнувшего Крикуна. Лицо его, и раньше не блиставшее интеллектом, теперь и вовсе набрякло бездумной тупостью.

– Цыпа! – гавкнул на него Мартин.

Рви-Пополам перевел на него тяжелый осоловелый взгляд. Поднял руку к ране на затылке…

– Чего-то там не так… – медленно выговорил он. – Темно как-то в голове стало…

– Слышь, Бельмо, замени его!

Тони, привычно подчиняясь верховоду, бросил прочищать пальцами уши и шагнул было к шесту, но Стю внезапно остановил его.

– Куда собрались-то? – осведомился Одноглазый. – В эту… жуткую дыру?

Он стоял расставив ноги, втянув голову в плечи, набычившись – как человек, решившийся на какой-то отчаянный поступок.

– Парни! Верховод! Неужто не понятно, что Крикун нам опять на помощь пришел?! Предупреждает он нас! Чтоб не совались туда!

– Точно! – подхватил Тони Бельмо. – Крикуша ведь не так просто вернулся! Точно!

– Дело говоришь, Одноглазый! – поддержал Стю и Рамси Лютый. Он глянул в темную расщелину и поежился. – Крикун нам до этого помог и теперь помогает.

– Эта тварь – нам не друг, – убежденно проговорил Эвин. – Не мелите ерунды! Вы не знаете Тухлой Топи. Мартин, утихомирь свою команду!

Мартин тоже бросил невольный взгляд в устрашающую тьму прохода. Подвигал нижней челюстью, поскреб заросший рыжей щетиной подбородок.

– Парни, ша! – произнес он. – Тихоня лучше знает, как надо. Он все-таки Полуночный Егерь, он эту Тухлую Топь вдоль и поперек исходил.

Голос Ухореза звучал не очень уверенно. И разбойники мгновенно ухватили это.

– Не всю Топь! Не всю! – тут же с жаром принялся возражать Тони Бельмо. – Только ближние пределы! Он и до Мертвого Омута-то не доходил никогда! А мы уже почти что за Омут

перевалили! Тут все по-другому!

– Считаешь, Тихоня был готов к тем гадам, которые нас только что чуть не сцапали, а, Мартин? – поддакнул Рамси Лютый. – Кишка у него оказалась тонка против них. Одно дело ближние пределы, другое дело – сердце Топи. Тут его знаний и сил недостаточно!

– Был бы Крикун враг – он нас давно бы изничтожил и сожрал! – снова привел уже опробованный аргумент Тони Бельмо. – А он нас спас! От вагулов спас! Он, Крикун, спас! А не Тихоня с Гололобым!

– Чего ты заерзал, верховод! – зло спросил Стю, сверля Мартина единственным глазом. – Ты ж сам Тихоне выговаривал, что не всегда мир таков, каким его привыкаешь видеть. Забыл, что ли? А теперь опять его сторону берешь? Не полезем в ту дыру! Раз Крикун взволновался, предупредил нас, значит, и не надо лезть!

– Вдруг там какие-нибудь твари еще и похлеще тех вагулов? – предположил Рамси. – Да даже если и не похлеще… Нам бы не драться сейчас, а передохнуть немного…

– Эй! Эй! – вдруг заухал, забеспокоившись, Цыпа Рви-Пополам. – Вона! Вона!

Все обернулись туда, куда указывал здоровенной трехпалой ручищей детина-разбойник.

Чудовищное тело зависло над высоким валуном, располагавшимся в сотне метров по берегу от плота… Крикун, видимо, уселся на верхушку валуна, едва видимую за пеленою серой туманной мути. Его самого видно не было почти совершенно. Только размытый силуэт. Да еще два красных глаза, призывно, точно огни маяка, мерцавшие в полусумраке тумана.

– Туда надо плыть! – уверенно проговорил Тони Бельмо. – Он нам путь показывает, Крикуша наш!

– Туда, – согласился Стю. – Там наверняка тоже проход. Другой проход, безопасный.

– Цыпа, хватай шест, – распорядился Рамси Лютый. И, увидев, что Цыпа Рви-Пополам, не спешит повиноваться, обратился к Мартину. – Верховод, прикажи ему!

– Верховод, прикажи! – потребовал и Тони.

Стю молча ждал, когда Мартин примет решение.

– Тихоня! – позвал Эвина Ухорез. – Ты уверен в том, что делаешь?

– Я знаю то, что я знаю, – ответил Эвин. – Вижу то, что вижу. И слышу то, что слышу. От Темных тварей никогда не следует ждать добра.

– Ты точно уверен, брат? – вдруг подал голос Эдгард, до того

лишь следивший за происходящим безмолвно и невозмутимо.

Почему-то Эвин не стал отвечать ему.

– Вперед! – повернулся он к Цыпе. – Бери шест и греби туда, куда я сказал.

– Ты слышал Тихоню, Рви-Пополам! – определился наконец Мартин Ухорез. – Делай, что велено!.. Я доверяю Тихоне! – громко объявил он для всех, но обращаясь, кажется, в первую очередь к Стю Одноглазому, стоявшему позади от него, сбоку. – Мы все-таки и вправду впервые в Тухлой Топи. Он соображает, что говорит. А вы – нет.

– Это не они говорят, – негромко констатировал Эдгард, в позе стороннего наблюдателя опершись на свой посох. – Это в них говорят страх и неуверенность. А ты, брат… – снова обратился он к Эвину. – Ты точно уверен в своем решении?

– Да почему тебе так важно знать это?!

– Потому что я должен оберегать тебя.

– Цыпа! – рявкнул Мартин, оборачиваясь к разбойнику. – Ты оглох?

Ухорез не успел полностью развернуться. Стю Одноглазый коротким молниеносным движением всадил ему в спину нож.

Мартин, коротко застонав, упал на колени. Одноглазый, видимо, вознамерившийся спихнуть его в воду, чуть подался вперед… И тут же замер. Скосив глаз на опасно поблескивающий клинок меча, словно по волшебству появившийся у груди.

– Только дернись, – тихо и тяжело проговорил Эвин, коснувшись острием меча груди Стю. – И ты труп.

За его спиной Эдгард, все так же невозмутимо опиравшийся на посох, переступил с ноги на ногу. Впрочем, взгляд монаха Облачного монастыря был внимателен и заинтересован.

Тони и Рамси, ошарашенные произошедшим, ра-зинули рты. Только Цыпа Рви-Пополам почти не отреагировал на поступок Стю. Прислушиваясь к себе, он то и дело ощупывал свою голову – словно пытаясь понять, что же там в ней происходит…

– Не лезь в наши дела, Тихоня! – прошипел Стю. – Сами разберемся, ты тут не нужен!

– Мартин, ты как? – окликнул Ухореза Эвин.

– Бывало и хуже… – хрипнул тот, осторожно опускаясь набок, опираясь на руку. – Однако ненамного… Одноглазый, сука, всегда я ждал от тебя чего-то подобного… ножа в спину. Бунтовщик никогда не перестает быть бунтовщиком…

– Ну давай! – повысил голос Одноглазый, глядя прямо в лицо Эвину. – Проткни меня, ну! Сколько тогда останется у тебя команды? Давай, чего ты ждешь?!

Что-то такое на мгновение сверкнуло во взгляде Эвина, что

Стю тут же осекся, и по лицу его скользнула едва заметная судорога смертного страха.

Но юноша не стал наносить удар. Но и меча от груди Одноглазого не убрал.

– Парни, верховод спекся! – заговорил Стю громко, но стараясь при этом не шелохнуться. – Какой он верховод, если не сам решения принимает, а идет на поводу у дворянчиков?!

Тони с зубовным стуком захлопнул рот. Потом мотнул головой и сказал:

– Все верно, Одноглазый! Все правильно сделал! Тихоня Крикушу хочет завалить, а Ухорез под его дудку пляшет!

– Рамси, ты как? – окликнул Лютого Стю.

– Я жить хочу, – хмуро ответил Рамси. – А кто верховодом будет, мне без разницы.

– Цыпа!

Цыпа Рви-Пополам не отозвался. Он безотрывно смотрел на алую кровь, обильно натекшую на поверхность плота.

– Цыпа!!

Рви-Пополам облизнул толстые губы и буркнул что-то невнятное.

– Будем считать, что ты с нами, – заключил Стю.

– Да куда он денется! – усмехнулся Тони. – Куда все, туда и он.

– А теперь послушайте вы, дворянчики! – обратился к братьям Сторм Одноглазый. – Ты, Тихоня, и ты, Гололобый… Мы заключили сделку с Акселем: находим Дом Соньи, и он вытаскивает нас из этого гиблого места. Значит, надо найти Дом! Я тут подыхать не собираюсь. Я жить хочу. Как и Рамси вот… как и все остальные. И вы в том числе. Жить! Пусть не в Арвендейле, так где-нибудь еще. Не суть… Только вот в чем загвоздка… Не верю я тебе, Тихоня! Не верю, что ты верно рассудил, решив, что Крикун нам не друг. Не верю я, что ты в правильном направлении нас тащишь! Я лучше Крикуну поверю, хотя понятия не имею, что это за тварь, чем дворянчику!

Мартин переполз за спину к Эвину, морщась от боли, снова сел: опираясь одной рукой на плот, другой – зажимая рану в нижней части спины.

– Даже зарезать человека нормально не можешь, Одноглазый! – криво усмехнулся он. – Я бы тебя с первого удара завалил… Давненько на меня ты зуб точил, да, Стю? Только вот не думал я, что парни тебя поддержат.

– Жить захочешь, кого угодно поддержишь, – буркнул Рамси.

– Ну, это само собой… Только вот под началом Одноглазого не быстрее ли ты скопытишься, чем под моим?

– А ты молчи, падаль! – ощерился на Мартина Стю. – С тебя теперь вообще спроса нет! Ты уже не верховод!..

– И для такой гниды тоже есть своя Сияющая тропа? – осведомился Мартин у Эдгарда.

– Конечно, – серьезно кивнул тот.

– Значит, так, Тихоня! – заявил Одноглазый. – Тут, в Тухлой Топи, малым отрядом не выжить. Ты с Гололобым нужен нам так же, как и мы тебе. Разделимся – смерть всем. А будем вместе держаться, доберемся до этого Дома, будь он проклят. Но! Ты должен уяснить, что командовать ты единолично не будешь! Все теперь решается совместно! Да, парни?!

– Имеет смысл, – коротко согласился Рамси.

– А то! – важно произнес Тони. – Что я, дурак набитый, что меня за веревочку тянуть надо? У меня своя голова на плечах! Дело говоришь, Стю! Все совместно решать будем! Как большинство положит, так и сделаем!

– Не согласны, дворянчики? – продолжил Стю. – Вас никто не держит. Только подумайте о том, кто ваши аристократические задницы прикрывать будет! Кто чудо-сумку потащит!.. Мы-то, может, благодаря Крикуну и останемся в живых, а вы… Вот так вот! Если хотите выжить, нельзя компанию разбивать! А чтобы компанию не разбивать, будем теперь по моим… по нашим правилам действовать. Понял, Тихоня? Пойдем туда, куда нас Крикун поведет. А не куда ты нас тащишь. Точка!

– Точка! – торжествующе подвизгнул Тони Бельмо.

Кажется, Эвин растерялся. Он убрал меч от груди Одноглазого. Обернулся к Эдгарду. Тот хранил молчание, безмятежно улыбаясь.

– Сам подумай, Тихоня! – почувствовав перелом в споре, Стю заговорил еще более уверенно и даже с каким-то покровительственным превосходством. – Ну, куда ты нас приведешь? Базара нет, ты Полуночный Егерь и все такое, много знаешь о Тухлой Топи… Но мы уже за Мертвым Омутом, а здесь тебе не ближние пределы! С вагулами-то как вышло? Если б не Крикун… Получается, есть тут бойцы и покруче тебя с твоим братаном, а? Так что… будем все решать сообща. А то вы, дворянчики, больно о себе высокого мнения! – сбился Одноглазый на излюбленную тему. – Все мы знаем, почему ты здесь оказался с нами, душегубами! Захотел у своего дядьки родовой замок оттяпать! Мол, хочу – не могу! Мол, право на него имею! Сколько ты народу положил во имя этой своей «хотелки», а? Своего командора не пожалел! И что в итоге получилось? Ну?

Уже договаривая, Стю, видимо, сообразил, что зря он так… Меч дрогнул в руке Эвина. И кто знает, может быть, еще секунда –

и повалился бы Одноглазый в черные воды Мертвого Омута с разрубленной головой, но тут Эвин отчего-то потерял к разбойнику всякий интерес.

Юноша рывком развернулся к берегу.

Сумрак расщелины ожил. Что-то ворочалось там, шурша о камни, хлюпая водой.

– Давай, давай, Цыпа! – панически зашептал Тони Бельмо. – Двигаем отсюда! Цыпа! Цыпа, твою мать!

Цыпа Рви-Пополам, никак не участвовавший в разыгравшейся на плоту драме, под шумок присел на корточки над лужей крови из раны Мартина. Словно зачарованный матовой алой жидкостью, он макал туда пальцы и облизывал их, медленно и тщательно. На тупой его физиономии застыло выражение удивленного блаженства – как у ребенка, который впервые попробовал новое лакомство.

– Цыпа! – приглушенно рыкнул Рамси. – Совсем сбрендил!

Рви-Пополам вздрогнул и оторвался от мерзкого своего занятия. Ему сунули в руки шест.

Из расщелины высунулась сплющенная кожистая морда, отдаленно напоминавшая человеческое лицо. Со свистом втянув оттопыренными ноздрями воздух, морда оскалилась, явив редкие остроугольные зубы, зазубренные, точно зубья пилы. И отрывисто зарявкала, выпуская из пасти рваные струйки черного дыхания. Многоголосое рявканье по ту сторону стены из валунов ответило ей.

Цыпа толкал плот прочь от расщелины.

Тварь плюхнулась в Омут. Держа над черной водой жуткую башку, проворно поплыла за путешественниками, по-лягушачьи загребая корявыми лапами. Когти на тех лапах были длинными, кривыми, отливающими металлической синевой. За первой тварью последовала вторая, третья, четвертая… Струи черного дыхания тянулись за ними, словно дым от чадящих факелов.

– Рраава Глог… – прищурившись, определил Эвин. – Серые Мечники… Если верить Хроникам, эти твари встречались в ближних пределах более ста лет тому назад…

Он взялся за один из амулетов с ремешка на запястье. Эдгард полоснул сырой воздух круговым взмахом посоха, разминая плечи.

Но схватка не состоялась.

Громадное темное тело прошелестело над плотом в туманном небе. Пронзительный крик хлестнул Мечников, завернул их обратно в сумрак расщелины. Прогнав чудищ, все так же невидимый Крикун снова уселся на высоченном валуне, куда теперь правил Цыпа под руководством Стю Одноглазого. И снова

призывно зажглись сквозь серую муть красные глазки твари.

– Видал! Видал! – загоготал Тони. – Вот он, наш Крикуша! А ты еще сомневался, Тихоня! А ты еще в него пулять стрелами хотел!..

– Ты вроде говорил, что в том проходе и поблизости не может быть Темных тварей, а? – осведомился Стю у Эвина. Торжество в голосе Одноглазого мешалось с остатками не рассеявшегося еще испуга. – А? Ну что молчишь? Нечего сказать? Вот то-то!.. А ты, Гололобый? То заладил: «точно уверен?», «точно уверен?», то заткнулся… «Точно уверен!» – еще раз передразнил Одноглазый Эдгарда и захохотал. – Уверен он! Сунулись бы сейчас в ту дыру… Эти твари сейчас бы наши косточки обгладывали.

– Ага! Ага! – закивал Тони, подвигаясь поближе к Стю. – Умник такой! «Идите за мной!» И прямо в пасть чудищам привел бы нас!..

– Что, Тихоня? – спросил еще Стю. – До сих пор сомневаешься, какой выбор нужно было делать? За Крикуном идти или туда, куда тебе приспичило?

Эвин промолчал. Судя по его напряженной позе, он что-то мучительно обдумывал.

– Он еще не сделал выбора, – просто ответил Эдгард.

– Какие тут могут быть сомнения? – поразился Стю.

– Когда выбираешь, за кем идти: за человеком или за Темной тварью, всегда есть место сомнениям.

Перед мысленным его взором проносились лица: разные, хорошо знакомые и не знакомые вовсе, виденные только единожды. Но все искаженные одинаковой гримасой предсмертной боли, окровавленные… И было еще одно, что связывало их, – лица эти принадлежали людям, погибшим во имя того, чтобы он, Эвин Сторм, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов… Тихоня достиг своей цели. Взял себе принадлежащее ему по праву, восстановился на своем месте. Гаг, Командор Крэйг, дюжина бойцов там, на Вороньем утесе… Почти полтора десятка человек…

Что же получается, они погибли напрасно? Не во имя торжества справедливости, а просто ради его «хотелки»? Великие боги, как же непросто понять, что истинно в этом мире, а что нет! Тем более непросто, что зачастую из-за принятого тобою решения страдают другие люди.

Если профан взваливает на себя великое дело, жди великих несчастий и большой крови…

Неужто правы разбойники: иногда бывает так, что мир становится не таким, каким его привык видеть, мир переворачивается. И белое становится черным, а черное – белым.

Неужто и на самом деле Темная тварь может оказаться другом и спасителем? И поведи он людей, за которых взял на себя ответственность в тот якобы безопасный проход, он обрек бы их, усталых и израненных, на когти и пасти невесть откуда взявшихся там чудовищ?

Ведь не должно их быть там, в расщелине и поблизости расщелины!

Белое Пламя не могло обмануть. Так не бывает.

Как не бывает и то, что Темная тварь может желать людям добра.

Или?..

Рядом покряхтывал Мартин, которому Эдгард помогал перевязывать рану смоченной в лечебном зелье тряпицей.

Вот еще и Мартин получил нож в спину. Тоже, можно сказать, из-за него, из-за Эвина… Или, как его называют теперь, Тихони…

И вдруг неожиданное воспоминание проклюнулось из глубины сознания. Удачно и ладно, как по заказу, легло в прогал недоуменной пустоты, мучившей юношу.

…Мальчику тогда пришлось на целых три дня покинуть Дедушкин лес. На хуторе у Веселого озера сгорела мельница. Словно назло – в самую горячую для местных мельников пору, когда по окрестностям катались телеги торговцев, скупавших для предместий и дальних поселений продукты крестьянского труда, в том числе и муку. Обычно в подобных катастрофических случаях, грозивших общим убытком, мужики собирались всем миром, чтобы ликвидировать последствия и поскорее исправить положение. Как правило, и Дедушка не оставался в стороне, помогал чем мог. Но в последнее время старик сильно занедужил. Не пошел к Веселому озеру, послал Эвина, рассудив, что от мальчика толка будет больше, чем от него самого.

Возвращался Эвин не налегке. В мешке за его спиной побулькивал большой кувшин с медовухой, шуршали друг о друга хрусткой коркой пара ковриг ржаного хлеба, побрякивали обернутые в ветошь несколько ладных стальных ножей без рукоятей; рукояти можно было выточить самостоятельно, древесины-то в лесу полно…

Деревья опушки встретили мальчика как родного. Ему даже показалось, что они зашумели как-то по особому, склонили ветви к нему, будто в приветствии… Только вот и в этом шуме, и в этих движениях ощущалась непривычная и непонятная истома. Словно деревья были охвачены каким-то единым чувством (то, что деревья, как и все живое, способны чувствовать, мальчик уже знал и не сомневался в этом).

Он встревожился, потому что непонятное всегда тревожит. Он

ускорил шаг, пробираясь между ветвями юного кустарника и могучими древними стволами. Мешок бил его по спине, точно подгоняя. На ходу Эвин мысленно звал Дедушку, он давно приноровился к такому способу общения в лесу: мальчику достаточно было подумать о старике, куда-то запропастившемся и зачем-то вдруг понадобившемся, – и вот он выходил ему навстречу из-за случайного дерева, как из соседней комнаты. Точно Дедушкин лес и сам Дедушка были неразрывно связаны…

Сейчас старик не отзывался. И лес, сонный и вялый, почему-то никак не хотел помочь мальчику отыскать его.

Мальчик нашел старика сам после нескольких часов блужданий.

Дедушка прочно стоял посреди полянки, подняв руки раскрытыми ладонями вверх. В косматой его шапке копошился желтоклювый дрозд. Из-за пазухи выглянула, прыснула на плечо и снова скрылась где-то под одеждой проворная белка.

Эвин заглянул Дедушке в зеленые глаза, пустые и неподвижные, не выражавшие совершенно ничего. И только тогда понял – все. Больше Дедушка не двинется с места, не улыбнется, не заговорит…

Мальчик спустил с плеча мешок, который зачем-то таскал с собой все время поисков. Он не закричал, не заплакал. Он знал, что рано или поздно это произойдет, и… пожалуй, был готов увидеть то, что увидел. Он сел напротив Дедушки, развязал мешок, достал хлеб, отломил себе кусок… Скоро стало темнеть. В лесу вообще темнеет очень быстро. Эвин, конечно, и в темноте сумел бы найти хворост и разжечь костер, но не стал этого делать. Он просидел рядом с Дедушкой всю ночь. Когда рассвело, и дрозд в шапке, проснувшись, вытянул шею и просвистел свою первую трель, мальчик пошевелился… с удивлением отметил, как затекли ноги.

Наступил новый день, и надо было что-то делать. Возвращаться в Утреннюю Звезду, например… Оставаться в осиротевшем Дедушкином лесу одному Эвину не хотелось.

Он поднялся, разминая онемевшие ноги. Он не мог уйти просто так, он должен был что-то сказать старику. Попрощаться? Поблагодарить? Но обычные слова казались Эвину неуместными, а особенного ничего не придумывалось. Тогда мальчик проговорил первое, что пришло на ум:

– Ты станешь деревом, да?

Он, конечно, не ждал ответа. А ответ пришел. Дедушка не разжал губ, но его голос зазвучал в голове мальчика:

– Я был и останусь тем, кто я есть.

Мальчик больше обрадовался, чем удивился. А еще –

почувствовал себя полным дураком. Надо же, сидел и молчал до утра, а можно было, оказывается…

– Вода всегда остается водой, камень остается камнем, дерево остается деревом, – прозвучало в его голове. – Суть вещей не меняется никогда.

После этого Дедушка замолчал окончательно. Мальчик подождал еще, мысленно прокручивая последнюю услышанную от него фразу… но так ничего и не дождался.

Уже уходя, он заметил в уголке глаза старика что-то… какую-то соринку… Поднял руку, чтобы ее смахнуть… и тут же опустил. Это была никакая не соринка. Это был первый пробившийся к утреннему солнцу листочек.

«Вода всегда остается водой, камень остается камнем, дерево остается деревом. Суть вещей не меняется никогда».

Как только Эвин-Тихоня проговорил про себя это, все сразу встало на свои места. Будто разум его, как барахтающийся в воде утопающий, вдруг нащупал под собой твердое дно, на которое можно встать и от которого можно оттолкнуться.

Глава 3

Одноглазый Стю ликовал; но – внутренне. Внешне он ничем своей радости по поводу удачно провернутого дела не показывал. Деловито распоряжался, расхаживал по плоту, закинув руки за спину, – но при этом старался не выпускать из виду Мартина. Который тоже не спускал с вероломного товарища настороженных глаз. И тот, и другой прекрасно понимали: до тех пор, пока один жив, второй всегда будет в опасности, и стоит только кому-нибудь из них расслабиться…

Впрочем, особо переживать из-за свергнутого верховода Стю не собирался. Авторитет у парней Ухорез уже потерял (в схватке-то вышел победителем он, Одноглазый!), и вновь подняться на прежние позиции у Мартина вряд ли получится. И потом… Что он может сделать, измотанный последней битвой, опустошенный энергетическими выплесками, с проколотым клинком вагула плечом и ножевой раной спины? Эх, жаль рука в последнюю секунду дрогнула (экспромтом все-таки действовал, спешил, чтоб не упустить удачный момент). Да и… пырнуть ножом верховода, под началом которого ходил не один год, – это тоже, знаете ли, волнительно. Добить бы его, но… дворянчики уже не дадут. Возможность упущена, сразу надо было!

Ну, ничего. Главное – все получилось. И верховодом стал, и дворянчиков, которым Ухорез продался, под себя прогнул. Последнее даже легче получилось. То, что этот Тихоня – несмотря на все свои бойцовские навыки – тонкокожий сопляк, Стю понял уже давно. Наслушался их разговоров с Гололобым. «Свое место», «свой Путь», «Сияющая тропа»… Чушь собачья, детский лепет. Этот Гололобый, братец его, двинутый монах, ему всякую белиберду задвигает, а тот кушает за милую душу. Переживает, мать его, что людей погубил… Проще надо быть! Ну, сорвался за жирным кушем; ну, не подфартило. Скажи спасибо, что живой остался, а не слезы размазывай… Те, кто погиб, – они сами виноваты. Каждый отвечает только за себя, вот так!.. Размяк Полуночный Егерь, вот и попался на крючок.

Стю не удержался, усмехнулся. Хорошо быть умным! Эти дворянчики себя гениями считают, а на самом-то деле… Вон он, стоит себе, голову опустив, думает о чем-то, мучается своими раздумьями. Ну, думай, думай, дело полезное…

Цыпа, сопя, ворочал шестом, плот быстро летел вдоль каменистого берега. И все рос и рос высоченный валун, на вершине которого горели два алых глаза таинственного Крикуна. И все четче вырисовывались чудовищные его очертания. Нет, он

не был похож на птицу, как первоначально предположил Стю. Он скорее напоминал… человека. Вернее, великана… закутанного в длиннополый плащ. Хотя, может быть, «плащом» казались сложенные крылья? Все-таки еще многое скрывал этот проклятый, до смерти надоевший серый туман Тухлой Топи…

Вскоре открылось путешественникам свободное место между прибрежных камней – удобное, чтобы пристать и высадиться. Одноглазый мысленно закричал «ура», а вслух только небрежно вымолвил, обращаясь к Цыпе:

– Во-он туда правь!

– Не обманул Крикуша! – умильно проговорил Тони Бельмо, задрав голову к темневшему на вершине валуна «великану в плаще», ровно светившему алыми глазами. – Привел куда надо!

– Ну что, Гололобый? – осведомился Стю. – Кто прав-то оказался? За кем идти надо было? За человеком или за Тварью?

– Это каждый решает сам, – спокойно ответил Гололобый, который уже закончил накладывать повязку Мартину и теперь что-то такое мудровал над перевязанной раной, шепча непонятные слова, делая какие-то пассы руками. Надо же, и не жаль ему ману тратить на этого полудохлого неудачника.

– Эй, Тихоня! А ты как думаешь? – не спуская на всякий случай взгляда с Ухореза, поинтересовался Стю.

Тихоня по обыкновению своему промолчал.

«Нечего сказать, – подумал Одноглазый. – Уел я его, конечно…»

Он обернулся к Тихоне, готовясь увидеть его понурившимся, униженным, посрамленным…

И обалдел.

Дворянчик Тихоня, никакой не понурившийся и не посрамленный, а твердый и уверенный, стоял расставив ноги, держа в руках арбалет, стрела в котором – та самая, заряженная магией стрела, по древку которой бежали голубые искорки, – была нацелена вверх, прямо на позволившего людям приблизиться к нему Крикуна.

– Сдурел?! – воскликнул Стю.

– Не надо! – воскликнул Тони.

Тихоня нажал спусковой крючок.

Коротко взвизгнули блоки, сухо тренькнула тетива. Стрела рванулась к цели, оставляя за собой быстро тающий голубой след…

…И полыхнула в туманном небе громадным сияющим шаром! Вспышка, на мгновение осветившая все вокруг, выхватила из туманной мути громадную фигуру Крикуна, явила людям истинное его обличье.

Тварь не была похожа ни на птицу, ни на человека. Больше всего она напоминала морскую медузу: мощное вытянутое туловище, внизу переходящее в извивающиеся лохмотья щупалец, венчала непропорционально малая головка, на которой между двух красных глаз темнел длинный загнутый клюв.

Стрела ударила Крикуна как раз под клюв – вонзилась и целиком утонула в плоти, такая крохотная по сравнению с размерами твари, как иголка! Но от того места, куда она вошла, тут же побежали по всему гигантскому телу багровые прожилки – будто трещинки. Тварь на мгновение замерла, словно окаменела и вот-вот рассыплется на мелкие осколки…

Но этого не произошло, не рассыпалась тварь. Крикун судорожно поджал щупальца и, упруго распрямив их, сорвался с вершины валуна… И заметался над Мертвым Омутом, словно громадный воздушный змей, с трудом удерживаемый под натиском урагана на веревке.

– Что ты наделал… – простонал Стю.

Тони же, видимо, пораженный устрашающим обликом своего «Крикуши», не вымолвил ни слова. Как, впрочем, и все остальные.

И тогда мечущаяся над черной водой тварь начала кричать.

Эти крики очень отличались от тех, которые она издавала раньше. Если вначале вопли Крикуна просто оглушали, тираня барабанные перепонки до острого зуда, то теперь они проникали дальше, в самую голову, обжигая ее содержимое, заставляя его вскипать.

– Закрывайте уши! – прорвалось восклицание Эвина в паузу между криками подбитой твари.

– Чем?! – взвизгнул Тони, у которого из носа до губ протянулась дорожка темной крови.

– Чем угодно! Рвите одежду!

Все, кто был на плоту, поспешили последовать этому совету. Все, кроме Цыпы Рви-Пополам. Он стоял с шестом в руках, чуть склонив огромную башку набок, приоткрыв рот. Словно вопли Крикуна не причиняли ему никакого неудобства. Словно – наоборот – он еще и старался вслушаться в них, будто знал, что в них есть нечто для него очень важное.

А тварь, комканными и дергаными рывками металась над Мертвым Омутом, закладывая непредсказуемо причудливые виражи, то ныряла в плотные слои тумана наверху, то опрокидывалась к самой воде. Время от времени она прекращала кричать, застывая в воздухе, трепеща только своими щупальцами понизу, как рваным подолом, развеваемым ветром… Но через несколько секунд снова бросалась в судорожный полет, как в сумасшедший танец. И снова начинала кричать.

Эвин, чью голову уже плотно охватывали полосы разорванной рубахи, хоть как-то приглушавшие вопли Крикуна, выхватил из рук Цыпы шест, в несколько сильных толчков довел плот до берега. Первым спрыгнул на хрустнувшую под его ногами крупную мокрую гальку. И обернулся, почуяв что-то далеко позади.

Стю, Рамси и Тони, беспрестанно морщась от хлещущих сверху криков, лишь немного смягчаемых повязками, выталкивали с плота Цыпу, на бычьей шее которого висела тяжеленная чудо-сумка. Цыпа не сопротивлялся, но и не повиновался. Шагал вперед только тогда, когда пинок или затрещина от товарищей оказывались наиболее ощутимыми. Эдгард помогал выбраться на сушу Мартину. Эдгард же и заметил первым, как насторожился Эвин.

И тут же обернулся туда, куда внимательно вглядывался его брат.

Далеко-далеко, верно, в самом центре Мертвого Омута, черная вода заволновалась. И один за другим стали подниматься из нее Сосущие.

Эвин махнул рукой, заставляя компаньонов еще поторопиться. Тони закрутил головой, чтобы выяснить причину дополнительной спешки. И, выяснив, страшно побледнел и отвесил Цыпе оплеуху такой силы, что тот встряхнулся наконец и зашагал вперед уже самостоятельно.

Плот даже не стали вытаскивать на сухое. Во-первых, путешественникам было совсем не до этого, а, во-вторых… что толку с этого плота? Теперь, когда путь назад отрезан…

Все семеро поднялись на берег, по широкому проходу пробежали, волоча с собою Цыпу, насквозь через каменную стену.

Неизведанная земля, верно, не знавшая еще человека, открылась им.

Прямо впереди, на юге, темнел могучий лес. Гигантские деревья того же вида, как и прозванное Полуночными Егерями Пограничником, угрюмо плескали седыми бородами на извивах голых ветвей. На западе громоздились массивные бесформенные валуны, подобные тем, что закрывали берег. На востоке утыкались в мутное туманное небо острыми вершинами черные скалы, лес вплотную подходил к ним. А на пути к лесу и скалам лежало пустынное грязевое пространство, сплошь изрытое крупными и острыми осколками камней, трещинами и оврагами. Крутой холм одиноко возвышался в центре этого пространства.

Вопли Крикуна вдруг стихли.

Путешественники будто по команде развернулись к Мертвому Омуту, над которым только что выплясывала тварь.

Теперь Крикун оседал в Омут, конвульсивно подергиваясь, пытаясь еще хоть на минуту задержаться в воздухе. Но силы его явно были на исходе. Отсюда, с высокого берега, было хорошо видно, как тварь погрузилась в тяжелые воды, без брызг, как в болотную пучину. И со всех сторон сразу торопливо сошлись над местом погружения, жадно сгрудились пять вагулов…

Эвин стащил с головы повязку. Глядя на него, то же самое сделали и все остальные.

Должно быть, каждый ожидал застать пустую тишину, к которой располагал необитаемый пейзаж, совершеннейшую тишину, явственнее ощутимую после душераздирающих воплей Крикуна. Но здесь, в диких пределах Тухлой Топи, тихо не было. Какой-то гул, пока неразличимой природы, но вяжуще-плотный накатывал со всех сторон.

– Крикун… – тяжело дыша, вымолвил Стю. – Крикун!

– Крикуша! – простонал Тони Бельмо.

– Нет больше нашего Крикуна… – мрачно констатировал Стю.

– Не Крикун, – поправил разбойников Эвин. – Кром-ган, Черный Хозяин. В Хрониках Топи упоминается о Хозяевах… но как о тварях легендарных, никому, кроме первого поколения Егерей не встречавшихся. В ближних пределах все Хозяева были истреблены и кладки их уничтожены.

– Значит, его не Сонья послала? – осведомился Рамси.

– Глупо было предполагать такое, – пожал плечами Эвин.

– Глупо не глупо… – отозвался Мартин, – а как еще объяснить, что Кри… что эта тварь от нас отваживала других чудищ?

– Хозяина потому и назвали Хозяином, что он имеет власть над Темными тварями Тухлой Топи, – сказал Эвин; не снимая чудо-сумку с шеи Цыпы, он раскрыл ее, принялся сноровисто копаться в бездонном ее нутре. Вытащил тряпицу, в которую были завернуты пузырьки с маной. Несколько оставил себе, по паре кинул Эдгарду и Мартину, тряпицу бросил под ноги. – Черный Хозяин способен управлять тварями. Ни одно из порождений Тухлой Топи не может противостоять его воле.

– Э! Э! – забеспокоился Стю по поводу маны. – Это ж весь запас! Больше ж нет!..

Эвин, еще покопавшись, с усилием извлек из чудо-сумки огромный кузнечный молот, протянул его безоружному Цыпе. Отрешенные глаза Рви-Пополам вспыхнули при виде страшного орудия. Он моментально ожил, вцепился в молот, с радостной ухмылкой взмахнул им несколько раз – Рамси и Тони, стоявшие рядом, тут же отпрыгнули от греха подальше. Эвин же, стоявший к Цыпе вплотную, без труда уклонился от жуткого замаха:

– Погоди! – строго предупредил он. – Оставь свой запал для предстоящей битвы.

При слове «битва» Цыпа хищно осклабился. На полузвериное лицо его вернулось осмысленное выражение.

– Какой битвы? – прошептал Тони.

Вопросительно посмотрел на Эвина и Рамси Лютый. Мартин и Стю, напряженно вслушивавшиеся во все разраставшийся гул, ничего не стали спрашивать. Видно, начали уже понимать…

Эвин снял с сумки тубусы с заклинаниями. Все до одного, кроме того, в котором хранилась Последняя Клятва. Этот тубус он, поколебавшись, оставил.

Гул вокруг стал еще явственней и громче.

– Это понятно, что чудища не могут противостоять его зову… – нервно нахмурился Ухорез. – Но… все-таки Черный Хозяин нас оберегал. Как будто имел намерение довести куда-то целыми и невредимыми.

– К Дому Соньи! – ляпнул Тони. – Куда ж еще!

– Уверен, что не туда, – сказал Эвин.

– А куда тогда?

– Очевидно, что сюда.

– Но зачем?..

Гул изменился. Плотная его однородность разрыхлилась, распалась… И уже можно было различить в ней хоровое многоголосие рычания, воя, визга и зубовного скрежета, летевшее со всех сторон.

– Следовало мне догадаться раньше… – проговорил Эвин, выпрямляясь с тубусами в обеих руках.

Разбойники затравленно затоптались на месте, угадывая, с какой стороны покажутся первые из тварей, призванных отчаянным предсмертным воплем Крикуна. Только один Цыпа, кажется, вовсе не нервничал, облизывался в предвкушении боя, поигрывал громадным молотом.

– Что делать-то? Что теперь делать?! – заскулил Тони Бельмо. – Куда податься? Что с нами будет?

Между чудовищными стволами далекого леса замелькали проворные тела.

– Недолго тебе пришлось верховодом побыть, – заметил Мартин, искоса глядя на побледневшего Стю. Он выпил пузырек маны, шумно выдохнул и пошевелил длинными пальцами, прогнав между ними вереницы тонких искр. – Только поднялся, как сразу – оп, и всем нам кранты. Небось, обидно, а?

– А ты меня раньше времени не хорони… – прохрипел Стю, рыская туда-сюда единственным глазом. – Сам-то себе два века намерил? Вон – едва на ногах стоишь!.. Первым на обед чудищам

пойдешь! Да и всем остальным мало не покажется…

Правая рука его судорожно сжимала рукоять меча.

И над пиками скальных вершин зашевелился, угрожающе задвигался туман, готовый вот-вот извергнуть кого-то из мутного своего нутра…

– Да хватит вам собачиться! – простонал Тони. – Валить надо отсюда!.. Тикать как можно дальше.

– Куда? – хмуро осведомился Рамси, обнимая арбалет, который не забыл прихватить с плота. – Обратно? Вагулам навстречу? Некуда нам бежать… Добегались, м-мать вашу…

Эвин вытащил из чудо-сумки пару колчанов со стрелами, бросил под ноги Рамси. Достал несколько пузырьков со снадобьями, быстро и внимательно рассмотрел их на свет, какие-то отправил опять в сумку, какие-то раздал компаньонам:

– Выпейте, это придаст вам сил.

С западной стороны дробно и близко заклацали о валуны кривые когти невидимых пока Серых Мечников…

Тяжело взбурлили позади путешественников черные воды Мертвого Омута. Это вагулы, покончив с Хозяином, потянулись к берегу…

– Бежать!.. – словно в трансе повторял Тони Бельмо, стирая с губ дрожащей рукой остатки зелья. – Бежать! Куда, братцы? Куда? Обложили нас! Со всех сторон обложили! Ой, что сейчас начнется…

Эвин заткнул за пояс тубусы.

– Вверх, на прибрежные валуны, – неожиданно сказал он. – Эта естественная стена достаточно крута и высока, чтобы обеспечить нам хоть какое-то преимущество.

– Ты уверен? – со злой язвительностью передразнивая Эдгарда, клацнул зубами Стю. – А? Ты точно уверен? А может, вперед – в атаку на всю ораву? Или – еще лучше – сразу в Мертвый Омут с головой? Вагулам на закуску. Все одно… За каким хреном понадобилось в Крикуна стрелять? Пусть он Черный Хозяин, пусть хоть самый наиглавнейший тутошний демон, но ведь вел он нас невредимыми! А что теперь? Вокруг только взбаламученные твари, жаждущие нашей плоти и крови! Все потому что ты так решил, сволочь! Один за всех! Командуй теперь и дальше, а я умываю руки! Будь ты проклят, Тихоня!

– Не Тихоня, – поправил разбойника юноша. – Эвин Сторм. Виконт Эвин Сторм, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов. А насчет Омута – можешь попробовать, я не против.

– О! – не в силах еще выйти из нервического желания уязвить дворянчика, вскинул брови Стю Одноглазый. – Виконт из рода Орлов! Чего это вдруг вспомнил?..

– Вода всегда остается водой, – проговорил вслух свои мысли Эвин, проговорил с удовольствием и даже торжеством. – Камень остается камнем, дерево остается деревом. Тварь остается тварью, а лорд – лордом. Суть вещей не меняется никогда. И нет никакой разницы от того, какими видят эти вещи окружающие.

Эвин чувствовал себя как очнувшийся от долгого, тяжкого и мутного похмельного сна. Он теперь почти с благодарностью думал о коварном Крикуне – Черном Хозяине – о твари, явственно показавшей ему то, что, откровенно сказать, и так было на поверхности.

Действительность вокруг юноши вновь стала проста и понятна. Вот он. А вон Темные твари, преграждающие ему путь. Путь, который оказался несколько длиннее, чем он думал, но в конце концов обязательно заканчивающийся там, где и должен заканчиваться. В тронном зале Утренней Звезды.

– Теперь ты принял решение, – удовлетворенно проговорил Эдгард, словно прочитав мысли брата.

– Мы сдохнем сейчас… – скулил Тони Бельмо. – Нам конец… Со всех сторон чудища – вот-вот накинутся и сожрут…

Вполне возможно, что так оно и будет. Но разве это важно? Погибнуть на пути к цели – это ведь все равно что достигнуть цели, потому что главное в жизни – двигаться в единственно правильном направлении. Человек в полном смысле живет лишь тогда, когда движется в единственно правильном направлении. Человек в полном смысле живет только тогда, когда осознает свою жизнь, когда каждый его шаг осмыслен и оправдан им самим.

Впрочем… рано говорить о гибели. На самый крайний случай есть еще Последняя Клятва. Но, чтобы использовать свиток с этим заклинанием, случай должен быть по-настоящему крайним.

Эвин глянул на брата. Тот стоял среди тревожно озирающихся разбойников спокойно и бесстрашно. И Эвину сейчас вдруг так близка стала эта его постоянная и невозмутимая уверенность в себе и в мире вокруг, так близка и ясна. Как просто жить, если точно знаешь, что тебе делать и как поступить!

Позади раздавались тянущие душу тоскливые стоны грозных вагулов.

Слева – на покатых вершинах прибрежных валунов – показались уродливые морды Серых Мечников. Мрак облачками клубился у оскаленных рычащих пастей.

Справа – над острыми вершинами восточных скал – появившись из тумана, закружились на перепончатых крыльях твари другого вида. Уже можно было рассмотреть их крысиные рыльца, издающие тонкий противный свист, и длинные иглы,

покрывающие тела, подобно шерсти.

«Драгнары, Летучие Стрелки», – узнал Эвин этих тварей по картинке из старинной книги Хроник Тухлой Топи.

Но основная масса врагов перла из далекого леса, неотвратимо и устрашающе надвигалась темной ревущей, визжащей, стонущей лавиной. И плотное облако мрака от дыхания армии Темных тварей летело над ними и за ними, как огромное изорванное черное знамя…

Вот раскачиваются на бегу на длинных, ломано-кривых лапах паукообразные ззиуны, Живоглоты. Догоняя и обгоняя их, грузно катятся, разметывая во все стороны комья грязи и мелкие камни, похожие на быков могучие браарги, Земледавы. Стелют по земле меж прочими уродливыми тварями свои змеиные тела, напоминающие ожившие корявые бревна, фьорги, Ядобрызги. Возвышаются над клокочущей лавиной косматыми безглазыми башками долговязые Вара-Дронги, Гибельные Ходоки; тянут вперед свои лапы-крючья, чутко поворачивают во все стороны острые нетопырьи уши… Одна за другой оживали перед Эвином картинки из старинной книги Хроник Тухлой Топи, с самого детства зачитанной до последней страницы, последней строчки. Чудовища, сотни лет скрытые от людских глаз, являлись сейчас взору юноши во плоти, и это было поистине завораживающее зрелище…

– Интересно, да? – Мартин дернул его за рукав. – В тебе ученый-натуралист пропадает, честное слово… Так и будем на одном месте стоять?! Ну?!

Глаза Ухореза, взбодренного сверхдозой маны и магическим снадобьем, возбужденно блестели. Он подергивался всем телом, словно скакун, готовый к броску, но до поры еще сдерживаемый уздой.

– Нам конец! – в очередной раз каркнул Тони Бельмо. – Да уж побыстрее бы, ждать невыносимо!

– Не тормози, Тихоня! – скрипнул Рамси Лютый. – Командуй!

– Давай! – рявкнул и Стю Одноглазый. – Если уже взялся… Виконт, мать твою!

Только Эдгард и Цыпа промолчали. Эдгард пребывал в неизменном спокойствии, а Рви-Пополам, свирепо скрипевший зубами, вцепившийся в громадный молот, не дожидаясь ничьей команды, прыгнул на пологий склон ближайшего валуна. Тот же мрак, что источало дыхание Темных тварей, клокотал в его глазах.

– Стю и Тони прикрывают Цыпу! – скомандовал Эвин. – Рамси и Мартин! На вас оборона от Летучих! Эдгард – со мной! Пошли!

Голые ветви сада Утренней Звезды блестели от лучей

рассветного солнца ярко и тепло, словно лакированные. Какие-то птички, красногрудые, с белыми хохолками, прыгали по этим ветвям туда-сюда, щебеча с такой радостной пронзительностью, что, казалось, вот-вот лопнут и осыпятся наземь, как одуванчики… Его светлость маркиз Рон Грир из рода Красных Вепрей, наследник Золотого Рога и окрестных земель, прогуливался по аккуратным аллеям. Шагал он споро и широко, едва сдерживаясь от того, чтобы не пуститься вприпрыжку. Широкая масляная улыбка освещала круглое лицо маркиза, время от времени Рон даже принимался тихонько смеяться.

Рону Гриру было очень хорошо.

А когда человеку очень хорошо, ему хочется, чтобы все вокруг об этом знали; и не просто знали, а с радостью разделяли это чувство; и не просто разделяли, а еще были бы за это благодарны… Счастливый человек даже и в толк взять не хочет: как это можно быть несчастным, если жизнь так прекрасна и мир устроен правильно и справедливо?

Рон Грир остановился, вдохнул полной грудью. Ему надоело прогуливаться просто так, ему хотелось сделать что-то этакое… Чтобы мир стал еще лучше, соответствуя его настроению.

Он оглянулся. Сквозь четко прорисованную в холодном и чистом утреннем воздухе паутину голых ветвей темнели неподвижные фигуры стражников у ворот сада. Слишком далеко… А вон всего в десятке шагов копается в земле маленький скрюченный садовник в рваной куртке и большой меховой шапке. Рон махнул рукой и позвал:

– Эй ты! Поди-ка сюда!

Садовник сорвался с места и, почти не распрямившись, таким же скрюченным, как и был, подбежал к маркизу:

– Чего изволите, милорд?

Рону было видно лишь лохматую макушку его шапки на склоненной голове. От шапки неприятно пахло чем-то кислым и терпким. Но маркиз даже не поморщился. Он распахнул теплую накидку, зашарил по карманам камзола, выискивая мелочь. В руку услужливо закатилась пара золотых монет.

«Поди в жизни своей столько денег в руках не держал!» – умильно подумал маркиз, доставая золото.

– На-ка, мужичок, – ласково сказал Рон. – Возьми. Купи что-нибудь жене с детишками. Порадуй семью… Я ведь тоже женат, – с удовольствием добавил он. – Я понимаю.

– Не нужно, милорд, – прогудел из-под шапки садовник.

– Что? – не поверил своим ушам Рон. – Тебе не нужны деньги?

– Нет, милорд. Мне не нужны деньги.

– Как это? – еще больше удивился маркиз. – Почему это тебе не нужны деньги?

И тут садовник поразил Грира-младшего еще больше.

– Потому что мне нужно кое-что другое, – ответил он.

И поднял наконец голову, явив сухое коричневое лицо, на котором ягодами поблескивали темные глаза. Что-то знакомое Рону высветилось в этих глазах. Да и голос… в голосе садовника шершавились варварски гортанные интонации, которые маркиз тоже вроде уже слышал… совсем недавно.

«Леди Гризель! – вдруг припомнил Рон Грир. – Фрейлина Сенги! Но… как?»

– Ты кто? – сглотнув, прошептал Рон. – Ты ведь не садовник? И… не леди Гризель? Кто ты? Покажись!

Старик-садовник остался стоять на месте, даже не шевельнулся. Но вот лицо его внезапно дрогнуло, словно изображение на водной глади, по которой ударили палкой… Дрогнуло и вывернулось наизнанку. И оказалось другим лицом: темным, горбоносым, причудливо татуированным и обвешанным всякой сверкающей металлической дрянью.

Наваждение длилось какое-то мгновение, но эффект, который произвела на маркиза Рона Грира эта метаморфоза, оказался сокрушительным.

Рон вскрикнул от брезгливости и отвращения, отшатнулся:

– Гацан! Ты гацан! Сестры-помощницы!..

– Тише, тише, милорд… – сгибаясь и вовсе в дугу, прошипел садовник. – Стража ведь услышит. Ну вот, услышала, забеспокоилась… Не нужно этого. Дайте ей знак, милорд, что все в порядке.

Маркиз, все еще морщился и ежился, инстинктивно отряхивая накидку и камзол, будто само присутствие рядом мерзкого гацана могло запачкать его одежду.

– Ну же, милорд! – громче проговорил садовник. – Совсем не в ваших интересах, чтобы нас… застукали тут вместе.

Рон перевел дух. Неловко обернувшись, он успокаивающе махнул рукой насторожившимся ратникам у ворот.

– Вот и славно, милорд, вот и хорошо…

– Поверить не могу! – передернул плечами маркиз. – Гацан! Я говорю с гацаном! Как ты проник сюда, в замковый сад?

– Прошу прощения, глупый вопрос, милорд, – хихикнул садовник. – Так вот и проник. В собственном обличье меня бы и на порог Утренней Звезды не пустили.

– Чего тебе надо от меня?

– Вы всем довольны, милорд? – ответил вопросом на вопрос садовник.

– Что?.. Я?.. Д-да… – неохотно подтвердил Рон. – Доволен.

– Снадобье оказалось эффективным?

– Да…

– Ваша супруга воспылала к вам страстью, милорд?

Тут тень прежней улыбки тронула лицо Рона.

– Воспылала! – подтвердил он. И глаза его сладко сощурились, точно видя еще перед собой подробности сегодняшней жаркой ночи. – Очень даже воспылала!

– Я помог вам, милорд?

– Помог, да…

– Теперь и вы должны помочь мне.

– Сколько тебе нужно? – осведомился маркиз, снова распахнув накидку.

– Мне не нужно денег, милорд, я ведь уже сказал вам об этом.

– Когда говорят, что не нужно денег, имеют в виду, что нужно много денег, – усмехнулся Рон. – Сколько? Я богат, я не обижу тебя.

Садовник снисходительно вздохнул.

– Меня не интересует золото, – повторил он.

– Что же тебя тогда интересует?

– Услуга.

– Услуга? – в очередной раз изумился Рон. – Я, маркиз Рон Грир, должен тебе, гацану… услужить?

– Вы, милорд, ваша светлость маркиз Рон Грир из рода Красных Вепрей, наследник Золотого Рога и окрестных земель, должны мне услугу, – терпеливо выговорил садовник.

Маркиз помотал головой, фыркнул и обернулся к стражникам. Точнее, только начал оборачиваться.

– За все надо платить, милорд, – заговорил садовник быстрее. – Никто никогда ничего не получает даром. Я дал вам снадобье, теперь бы обязаны заплатить за него.

Рон от такой наглости даже забыл, что хотел сделать.

– Ты диктуешь мне условия, гацан? – снова уставился он на своего собеседника.

– И имею на то все основания.

– Ты не назвал мне цену! Ты просто дал мне ту склянку!

– Но вы приняли ее. И не поинтересовались ценой.

– Ты не спрашивал о цене!

– Но вы приняли снадобье, милорд. И только что признались, что оно помогло вам решить ваши проблемы. Разве не так?

Минуту Рон думал. Потом просто махнул рукой.

– Да пошел ты!.. Стоит мне только позвать вон тех двоих, и через пару минут ты уже будешь болтаться на одном из этих деревьев!

– Не сомневаюсь, что это в ваших силах, милорд. Только вот… если мой жалкий труп обезобразит прекрасный сад замка Утренняя Звезда, вряд ли это кому-нибудь доставит удовольствие. Вам – прежде всего.

– Как-нибудь переживу, – пожал плечами Рон. – Ну, серьезно!.. – он глянул на садовника с гадливой жалостью. – Неужто ты думаешь, что я пойду у тебя на поводу? Давай так. Я дам тебе полсотни… Нет, сотню золотых. И ты исчезнешь с глаз моих навсегда. Идет?

Садовник тоже посмотрел в глаза маркизу. И во взгляде его тоже читалась жалость. Вроде той, с которой взрослые люди смотрят на задающегося ребенка.

– Если вы не дадите мне того, что я прошу, получается – вы обокрали меня, милорд? Так ведь? Вы украли то снадобье. Украли у гацана, милорд. Вы ведь знаете, что случается с теми, кто ворует у гацанов. Думаете, это просто сказки? Хотите проверить, милорд?

Утро, еще секунду назад счастливо яркое, сразу словно поблекло. И птичий радостный щебет скуксился и погас.

Страшно побледневший маркиз Рон Грир долго не мог ничего сказать. Потом все-таки выговорил:

– Что же ты хочешь?

И в ту же минуту ворота замкового сада распахнулись, пропустив несущегося во весь опор ратника – одного из герцогских гвардейцев.

– Ваша светлость! – еще издали принялся голосить гонец. – Ваша светлость! Ваш папенька вас к себе требует! Скорее, ваша светлость, скорее!.. Из Золотого Рога дурные вести пришли! Срочно надобно нам всем туда возвращаться! Скорее, ваша светлость, скорее!.. Беда у нас дома! Беда!..

– Соблаговолите прежде выслушать меня, милорд, – требовательно проговорил садовник.

И маркиз Рон Грир покорно склонил перед ним голову.

Серых Мечников было более полутора десятков, и каждый из них размерами превосходил громадного Цыпу Рви-Пополам чуть ли не вдвое. Но Цыпу ни первый, ни второй факт не смутил нисколько. Только взобравшись на вершину прибрежной стены валунов, он безоглядно ринулся в схватку, с тяжким свистом вращая над головой исполинский молот.

Ах, как он их гвоздил!..

Твари разлетались под чудовищными ударами, как щенки. Кузнечный молот со звоном ломал длинные когти, с хрустом проламывал уродливые башки, с тупым чмоканьем расшибал в кровавую кашу массивные тела. Стю и Тони оставалось только

дорезать мечами тех бесчувственных подранков, которых Цыпа отшвыривал подальше. К самому Цыпе, с нечеловеческим остервенением орудовавшему гигантским молотом, они приближаться не рисковали.

Эвин, поднявшись на стену, сорвал с груди один из немногих оставшихся амулетов: мешочек из высушенной кожи. В мешочке оказалось с дюжину черных горошин, юноша сжал их в кулаке, прошептал над кулаком несколько слов на Древнем языке и швырнул горошины в сторону грозно надвигавшейся из леса орды Темных. На мгновение горошины пропали из виду… Но, очутившись внизу, на земле, вдруг стали видны – по причине того, что многократно увеличились. Покатились, подпрыгивая, навстречу тварям, словно снежки со склона горы, становясь все больше и больше… В орду Темных влепились уже громадные каменные шары, каждый размером с хороший дом. Не останавливаясь, на бешеной скорости шары прорезали в орде дюжину кровавых троп, на дне которых конвульсивно дергались изувеченные тела чудовищ – и укатились в лес…

К этому времени Эвин успел раскрыть первый тубус, извлечь оттуда свиток…

Несколько черных копий слетели с хмурого серого неба. Эдгард перехватил их на подлете – сшиб их молниеносно точными выпадами своего посоха, они бессильно застучали вниз по валунам…

– Летучие паскуды отстреливаются! – изумленно оповестил Рамси Лютый, который, опустившись на одно колено, пускал в кружащихся над ними тварей стрелу за стрелой.

– Это даже не смешно! – присовокупил Мартин, швырнув вверх очередной огненный ком.

Прочитанный свиток в руках Эвина вспыхнул и сгорел.

А драгнары, Летучие Стрелки, один за другим стали кувыркаться в воздухе, сбрасывая со спин новые порции черных копий-игл.

Пепел от сгоревшего свитка взвился в воздух, мгновенно обратившись в огромного призрачного петуха, переливавшегося золотым и красным. Петух раскинул над компаньонами гигантские крылья, о которые в мелкую пыль разбились черные иглы Летучих.

– Так лучше! – на секунду обернулся к Эвину, сверкнув азартной ухмылкой, Мартин Ухорез. – Большое спасибо!

Рамси же молча пустил из арбалета очередную стрелу – еще одна крылатая тварь дернулась, перевернулась и, болтая башкой с торчащим из глаза древком, обрушилась вниз.

Мартин развел в стороны ладони, между ними снова

заполыхал огненный ком.

– Побереги силы, – посоветовал ему Эвин. – Теперь Рамси справится сам.

– Побереги силы! – громким эхом отозвался на это Стю.

Предупреждение Одноглазого было адресовано вовсе не Мартину, а – Цыпе.

Рви-Пополам, покончив с Серыми Мечниками, но не в силах остановиться, в кровавый брызжущий фарш размалывал их тела, с ревом колотя по ним своим молотом.

– Да прекрати ты! – заорал Стю на Цыпу.

Тот с неохотой отступил от искалеченных трупов, тяжело дыша, развернулся. Так страшен был Рви-Пополам, с ног до головы залитый кровью, заляпанный ошметками дымящегося мяса с кусками серой шерсти, сверкающий яростным оскалом и безумными черными глазами, – что Стю и Тони попятились от него.

– Мало!.. – прорычал Цыпа. – Дайте еще крови!

– Зажмурьтесь! – предупредил Эвин и пустил в ход сразу три амулета подряд.

Нестерпимо яркая радужная вспышка прокатилась над грязевым пространством, кишащим Темными, затормозила чудищ, смешала их ряды. Затем прыснула с неба полоса дождя, мгновенно оледеневшего, острыми сосульками-стрелами накрывшего ослепленных тварей. И наконец гигантский огненный пес, соткавшись прямо из воздуха, обрушился в центр орды, с ходу принялся крушить чудищ когтистыми мощными лапами, рассыпая из пасти снопы искр, терзать каждого встречного и поперечного пылающими клыками…

Вой и визг Темных сотряс мрачные окрестности Топи. Лавина тварей захлебнулась, заколыхалась сама в себе, подалась назад… Но лишь на несколько минут. Скоро, опомнившись, чудища разорвали призванного пса на множество лоскутов пламенеющей плоти, затоптали, потушили их…

И орда хлынула дальше, ударилась в подножие прибрежной стены валунов, забурлила там, внизу. Поспевшие первыми земледавы с треском таранили могучими рогатыми лбами огромные камни, тут же падали, припадая к земле. И на спины к ним прыгали их же сородичи, и на спины этих – другие, возводя живую лестницу, по которой уже карабкались живоглоты, с одинаковой ловкостью вонзая острые оконечья суставчатых лап в тела земледавов и в щели между камнями. Гибельные Ходоки подтягивались на длинных лапах-крючьях, ползли вверх, растопыривая костистые ноги по уступам. Ядобрызги струили свои змеиные тела по изгибам валунов, преодолевая

вертикальную преграду без особого труда, обгоняя прочих чудищ, добравшихся до стены раньше…

– Камни! – скомандовал Эвин.

С помощью Эдгарда, использовавшего свой посох как рычаг, он первым же последовал собственному приказу, своротив немалый булыжник на атакующих тварей.

– Шевелитесь, орясины! – начальственно рявкнул Мартин Ухорез, видимо, в попытке восстановить свой статус верховода.

И попытка удалась. Действуя, верно, скорее не осознанно, а в силу выработанного временем рефлекса подчиняться Ухорезу – Стю, Тони и Рамси ринулись к кромке стены. Одноглазый, впрочем, почти сразу же опомнился, остановился, сверкнув взглядом на Мартина, но тот и не думал сдавать позиции:

– Чего столбом встал?! Очень хочется, чтобы тебя сожрали?

Стю не нашелся, что на это возразить. Скрипнув зубами, бросился к Тони, который уперся обеими руками в здоровенный валун.

– Мало! – рычал Цыпа, вращая глазами, перебрасывая молот с руки на руку. – Мало-о!..

– Держите левый фланг! – крикнул еще Эвин.

– Цыпа, Рамси, туда, туда! – продублировал и этот приказ Мартин, замахал рукой, указывая направление, – он сразу сообразил, что юноша имеет в виду пологий склон со стороны прохода, где сами компаньоны и взбирались на стену.

Рви-Пополам прыгнул влево, с размаху размозжив молотом слепую башку Гибельному Ходоку, почти уже влезшему к обороняющимся.

Рамси Лютый с мечом в руках, пригибаясь, побежал за Цыпой.

– Клянусь своими потрохами, – пробормотал он, – ежели выберемся из этой проклятой Топи, непременно завяжу. На этот-то раз точно завяжу!

– Мало! – грохотнул еще Цыпа и заметался по краю стены с молотом наготове, выискивая, кому бы еще снести голову. – Еще давайте мяса!.. Ну?! – чудо-сумка болталась на его мощной шее, словно какой-то варварский, чересчур крупный амулет.

Ядобрызга, проскользнувшего следом за Ходоком, Цыпа не заметил. Ядобрызга увидел Рамси. Увидел, но сделать, правда, ничего не успел. Упругая прозрачная струйка из змеиной пасти твари ударила Лютому в лицо, когда он только поднимал меч. Рамси заорал, роняя оружие, падая на колени… И вопль его, сменившись жутким клокотанием, почти сразу же оборвался – ядовитая слюна сожгла ему лицо, за секунду растворив плоть до белых костей черепа.

Цыпа ударом молота отшвырнул Ядобрызга едва ли не до самого леса.

– Еще мяса! – заревел он, спихивая труп Рамси вниз. – Еще крови!..

Обрушив очередной камень на штурмующих стену тварей, Эвин выпрямился и замер. Шум битвы изменился, он почувствовал это.

И взгляда вокруг ему хватило, чтобы понять – что происходит.

Из великаньего леса тянулись новые и новые твари. В сером небе, залитом извечным туманом Топи, по-явились черные силуэты, с каждым взмахом крыльев обретавшие определенность: еще одна стая Летучих Стрелков спешила на место стаи, истребленной Рамси и Ухорезом. А призрачный петух, защищавший путешественников, уже растаял, лишь сияющие перья все еще плавно кружились над стеной из валунов, над Мертвым Омутом, над беснующейся ордой Темных, кружились, бледно расцвечивая сырой воздух.

И черная вода Омута позади напружинившихся у берега вагулов снова пошла крупной рябью – видно, поднималось со дна нечто громадное, нечто древнее, нечто еще более ужасное, чем уже явившиеся людям твари.

И большой холм посередине истоптанного, испещренного покореженными телами мертвых чудищ грязевого пространства вдруг пришел в движение. Осыпались с его вершины камни и слежавшиеся пласты земли, показалась громадная туша, закрытая сверху багровым шипастым панцирем, с громким хрустом, слышным даже в грохоте сражения, выпростались из-под панциря лапы, черные и морщинистые, как древесные стволы. В последнюю очередь показалась голова на длинной шее – совсем человеческая голова, лысая мясистая толстощекая голова ленивого увальня с глазами, закрытыми кожистыми красными подергивающимися, словно вот-вот готовыми подняться веками без ресниц. И отчего-то казалось – как только монстр откроет свои глаза, произойдет что-то невероятное, чудовищное… Но тварь не открыла глаз. Вместо этого распахнулся широкий рот, с шипением выпустив сноп черных лоснящихся щупалец…

Дико закричал Тони Бельмо, тоже увидевший просыпающегося исполина. Замер от ужаса Стю Одноглазый. Даже Эдгард насторожился, выпрямившись с камнем в руках… Только Цыпа продолжал без устали молотить тварей, с кровожадным рычанием прыгая по кромке стены, жадно выискивая, где покажется очередная жуткая башка.

– Эвин!

Мартин, позвавший юношу, выглядел страшно. Щеки его ввалились, под глазами темнела глубокая синева. Ухорез отер пот со лба рукой, с пальцев которой еще тянулись угасающие огневые нити. Дорого далась Ухорезу эта битва.

– Почему они все лезут и лезут?! Все новые и новые?!..

– Такой страшной битвы давно не видела Тухлая Топь, – ответил юноша. – Эманации боли и страха распространяются далеко вокруг этого места, как дым от большого пожара. Те из чудищ, кого не коснулся зов Черного Хозяина, стремятся на эту бойню, будто волки на запах крови…

– Чтобы погибнуть и своей смертью пробудить новых монстров? – проговорил Эдгард. – Получается, мы запустили нескончаемый процесс?..

– Боюсь, что так.

– Будем биться, пока сами не ляжем здесь, – подтверждающе прохрипел Мартин. – Или пока не перебьем всех тварей Топи. Последнее, конечно, сомнительно…

– Зато первое очень даже вероятно! – выкрикнул Стю.

– Пришла пора Последней Клятвы? – осведомился Ухорез.

– Пришла пора, – кивнул Эвин.

Закувыркались в небе подлетевшие ближе Летучие Стрелки. Заплясали вокруг компаньонов, со свистом рассекая воздух, глухо плюща острые оконечья о камни, черные иглы со спин тварей. Эдгард легко, как танцор, закружился между компаньонами, отражая посохом смертоносные снаряды над их головами.

– Сюда! – проорал Мартин. – Все сюда! Сбиваемся теснее! Эй, Цыпа! Иди сюда! Стю! Тони! Рамси!.. Ах, чтоб тебя, Рамси…

Одноглазый спроворился прежде всех, прыгнул поближе к Эдгарду, под защиту его молниеподобного посоха. Цыпа развернулся на свое имя, потом задрал башку к небу, зарычал, потрясая молотом, – будто призывая крылатых тварей спуститься пониже и сразиться с ним лицом к лицу.

– Тони! – крикнул еще Ухорез. – Не слышишь, что ли? Иди сю…

Но Тони уже никуда не мог идти. Черная игла пронзила его навылет – войдя в макушку, выйдя между ногами. Скосив глаза ко лбу, Бельмо мучительно распялил рот, поперхнулся кровью и, не сгибаясь, повалился, полетел со стены…

– Цыпа, сучий выродок!.. Тащи свою задницу к нам!

Цыпа неуклюже затоптался, поворачиваясь вокруг своей оси. Две иглы одна за другой слетели к нему, разбились у его ног. Он не обратил на них никакого внимания. Забрызганные кровью камни вокруг него были пусты. Некого больше было убивать Цыпе.

– Еще мяса! – завопил Рви-Пополам. – Еще крови!..

Глаза его, бешено расширенные, пылали мраком, как черным огнем. Казалось, от них, как от пастей и ноздрей Темных тварей, вились дымные струйки черноты.

– Еще мяса! – крикнул Цыпа.

И вдруг рванул с места – но не к Эдгарду, а к кромке стены.

Выругавшись, Эвин кинулся было к нему.

Но не успел.

Цыпа оттолкнулся ногами от крайнего валуна, на миг завис в воздухе с занесенным для очередного смертельного удара молотом.

И рухнул вниз.

Только четверо остались на стене против сонмища Темных.

– Цыпа… – выдохнул Мартин.

Спустя секунду к вершине стены взлетел хоровой вой тварей.

А потом послышались тяжкие удары.

А потом всю эту звуковую вакханалию прорезал яростный человеческий крик:

– Еще мяса!.. Еще крови!..

– Вот стервец, а?! – напряженно улыбнулся Мартин. – Живой! Ну, задаст он им там жару, прежде чем они его…

И тут же лицо Ухореза исказилось:

– Сумка-то! Чудо-сумка с тубусом Клятвы!.. Она ж у Цыпы!..

Весть о том, что в Золотой Рог пришла беда, молниеносно разлетелась по Утренней Звезде. Замок взбаламученно зашумел: в коридорах царила суетная крикливая толкотня, на дворах и подле конюшен – гвалт, лошадиное ржание, торопливый стук топоров и молотков. Его светлость сэр Руэри Грир, герцог Арвендейла, спешно собирался в дорогу домой.

Граф Альва распахнул двери в собственный тронный зал. Двое стражников за его спиной лязгнули доспехами, стукнули древками алебард в пол, остановились.

Зал, против ожидания сэра Альвы, оказался пуст.

Если не считать запыхавшегося мажордома, который как раз в этот момент бежал к дверям наискосок через весь зал.

– Ваше сиятельство, не успели! Его светлость туточки был, когда за вами посылал, а потом изволил отлучиться!

Граф поморщился:

– Куда изволил отлучиться его светлость?

Мажордом развел руками:

– Н-не могу знать. Не сказывал…

– Так узнай! – гаркнул Альва.

– Слушаюсь! – поклонился мажордом и прямо так, не разгибаясь, юркнул мимо графа в дверной проем.

Сэр Альва дошагал до своего трона, устало опустился на него, подпер рукой гудящую голову.

Нервное утро выдалось, ничего не скажешь, хлопотное.

Значит, прав оказался брат Аксель. Грядет что-то очень нехорошее. Противостояние Тьмы и Света… Великая Игра… Свет-то – Светом, Тьма – Тьмой, Игра – Игрой, только вот из-за всех этих пертурбаций в высших сферах – на бренной земле совсем несладкая жизнь начнется. А ведь кто бы углядел, откуда все пошло! Из-за глупых шалостей каких-то ничтожных разбойников заваривается такая каша, что расхлебывать ее замучаешься.

Эльфы, Высокий народ, разобидевшись за сожженные священные рощи, полностью прекратили торговлю с людьми, закрыли для них свободный ход в леса, перегородили реки патрулями…

Гномы, Могучий народ, оскорбившись за заваленные рудники, остановили поставки руды и угля, отозвали свои вклады из лавок ростовщиков Золотого Рога, свернули тоже торговлю и, конечно, отказываются теперь пускать в горы людей, хоть охотников, хоть кого…

И ведь сами-то люди почти всех гадов-разбойников отловили, казнили лютой казнью, а для Высоких и Могучих этого мало. Они по старинному своему обычаю людей судят всех разом, не разделяя на виноватых и невинных. Один человек напакостил, значит, все люди отвечают…

Экономика центральной части Арвендейла покосилась, того и гляди и вовсе завалится, словно подрубленный дуб. Простой люд Золотого Рога, привыкший к сытой и бестревожной жизни, зашумел, заволновался. Кое в каких поселениях уже натуральный бунт! И волнения эти волнами раскатываются по всему Арвендейлу – как от камня, ухнувшего в середину пруда. И скоро-скоро докатятся и до графства Утренней Звезды! Ах, как быстро все, казавшееся неизменным, меняется, как быстро рушится все, казавшееся нерушимым!..

Надо с братом посоветоваться, что делать. С мастером Акселем. Вот отправим герцога обратно в Золотой Рог разбираться с бунтовщиками, сразу и послать за Акселем следует.

Скрипнула дверь, приоткрывшись. В зал просунулась мокрая голова мажордома:

– Ваше сиятельство! Его светлость герцог Руэри на Черном дворе!

Альва рывком поднялся с трона.

– Только поспешать надо, ваше сиятельство, – добавил, переведя дух, мажордом. – Он-то, его светлость, еще куда-нибудь усвистит. Торопится очень потому что…

Графу повезло. Он таки застал герцога на Черном дворе.

Морозный воздух клубился облаками пара от дыхания людей и животных. Снежная грязная каша чавкала под доброй сотней ног и копыт.

А сэра Руэри Грира было видно и слышно издалека – над воинами, звенящими доспехами и оружием, над слугами, носящимися туда-сюда с поклажей, крикливыми работниками, запрягающими коней в телеги и кареты, – он возвышался на целую голову, буйно курчавую голову, в смоляных кудрях которой блестела золотая герцогская корона. Был сэр Руэри уже облачен в походные доспехи, тяжелый меч бил его по закованному в железо бедру, когда он резко разворачивался, взметая подбитую бобриной шерстью мантию, чтобы отдать очередное громогласное распоряжение. Рядом с герцогом не было стражи. Только маркиз сэр Рон был рядом с герцогом, толстый и нелепый Рон Грир в своем бесформенном кафтане со множеством карманов, в пухлой меховой накидке, новообретенный зять сэра Альвы.

Сопровождаемый парой стражников, расталкивающих народ, дабы освободить дорогу своему господину, приблизился граф Альва к сэру Руэри.

– А-а, наконец-то! – увидев графа, взревел герцог. – Долго же тебя ждать! Ну, собирай, людей, граф! Путь дальний, подготовиться нужно основательно, а времени в обрез!

– Я? – только и нашелся, что пролепетать в ответ Альва.

– Ты, ты. Слыхал, что в Арвендейле творится? Мне помощь нужна. А ну как своими силами не управлюсь?

К такому сэр Альва готов не был. Конечно, как вассал граф обязан служить герцогу, но… Во-первых, у герцога и без него вассалов достаточно; во-вторых, Утреннюю Звезду от Золотого Рога отделяет около недели пути верхом, какой смысл тащить с собой графа и его воинов? Если проще принудить навести порядок кого-нибудь из тех, чьи владения соседствуют с Золотым Рогом? А в-третьих… Утренняя Звезда – замок особый. Утренняя Звезда – стережет Пасть, единственный проход через Драконью гряду в Тухлую Топь! Никогда за всю историю Арвендейла лорд Утренней Звезды не отлучался из своего замка надолго. Ибо его присутствие необходимо именно здесь, в замке. Ибо он – лорд Утренней Звезды – страж земель человеческих на границе с обиталищем Темных. И кому, как не герцогу Арвендейла, этого не знать и не понимать?

Что за ерунда?

Растеряв всю свою обычную деловитость, Альва принялся бормотать эти мысли вслух, но Руэри перебил его:

– Будет сопли жевать! Это мне все известно, что ты говоришь. Не переживай, без присмотра Утренняя Звезда не останется.

Альва сбился, вопросительно уставился на герцога. Потом перевел взгляд на Рона, который тут же отвел глаза, потупился… Граф похолодел от своей догадки.

– Ну да! – бодро подтвердил сэр Руэри. – Мой мальчик изъявил готовность взять на себя обязанности лорда твоего замка. Вырос мальчуган-то, а?! Эвона как на него женитьба повлияла! Я уж боялся, что он так и останется до конца дней своих книгочеем бесполезным, а он вдруг вот… силу в себе почувствовал истинно герцогскую!

– Но, сэр Ру… – начал было снова Альва.

– Сам предложил мне: мол, готов управлять и править! – снова не дал герцог договорить графу. – А коли уж он теперь наследником и Утренней Звезды является, так вот пусть Утреннюю Звезду берет под свое крыло! Мальчик мой… Посмотри, каков, а?! Мое лицо, мои повадки. Истинный Красный Вепрь!

– Это невозможно, сэр Ру…

– Что такое?! – сурово свел густые брови на мощной переносице Руэри. – Что значит – «невозможно»? Не хочешь ли ты сказать, что мой мальчик не способен справиться с тем, с чем до сих пор успешно справлялся ты? Мозгами его боги, слава Сестрам-помощницам, не обделили…

Альва обескураженно молчал.

– Ну, то-то!.. – быстро сменил гнев на милость герцог (да и не гневался он по-настоящему). – В ближних пределах Топи давно уже тихо. Темные уж сколько десятилетий не дают о себе знать, так, выходит, Рон и подавно управится. А какие мощные защитные заклинания на замок наложены? А мои гвардейцы? Сотню оставляю с Роном. За глаза хватит. И потом: не навсегда же он Утреннюю Звезду получает. Подержит твой престол, пока ты мне поможешь с бунтовщиками разобраться. И уступит обратно. А ты мне в Золотом Роге нужнее. Кто еще, как не языкастый да хитроумный граф Альва, с Высокими и Могучими лучше всех договорится?

И пока граф лихорадочно соображал, что ему еще сказать и что вообще значит такое неожиданное решение герцога, сэр Руэри густо хохотнул и торжествующе потрепал сына по мягкому плечу:

– Вот уж порадовал ты меня, парень, так порадовал! Я всегда знал, что за умствованием твоим занудным кроется душа воина и лорда! А как же иначе? Все-таки мои плоть и кровь! Он у меня даже какого-нибудь малого происшествия не допустит. А не то что… чего-то подобного той самой Кровавой Субботе. А ты,

граф, – обернулся герцог к сэру Альве. – Не трать больше времени на пустые разговоры. Я повелел – и все, точка! Собирайся сам и собирай своих людей. После полудня отправляемся в Золотой Рог!

И его светлость герцог Арвендейла сэр Руэри Грир из рода Красных Вепрей, обернувшись на восток, пренебрежительно прищурился на синие вершины Драконьей гряды:

– Не о Тухлой Топи следует сейчас беспокоиться. А о том, что в самом сердце Арвендейла творится!

Глава 4

– Продержитесь, пока я не пущу в ход Последнюю Клятву! Другого выхода нет.

На эти слова Эвина Мартин только мельком глянул наверх и выругался. Стая Летучих Стрелков, отлетев подальше, перегруппировывалась, заходя на очередной круг.

Тратить время на споры, разработку иного плана или что-либо еще – было попросту невозможно. Сейчас у них оставался единственный шанс: достать свиток с Клятвой, пока Цыпа не пропал из виду, пока еще тлела хотя бы теоретическая возможность добраться до чудо-сумки. И это понимали все.

Эвин выхватил из-за пояса предпоследний тубус, вскрыл и швырнул его, пустой и ненужный, вниз. Тубус мгновенно исчез в зубастой пасти подобравшегося к вершине стены живоглота – которого тотчас поразил мечом в выпученный глаз свесившийся с кромки стены Мартин Ухорез. Ревущая морда земледава, влезшего на место рухнувшего живоглота, вспыхнула фонтаном крови, развалилась надвое, сверкнув напоследок веером выбитых зубов – это дотянулся до чудища Стю своим клинком.

Сухо прошелестел, разворачиваясь в руках Эвина, свиток Десниц Возмездия.

Слова Древнего языка сорвались с губ юноши, и свиток, занявшись белым пламенем, молниеносно превратился в горстку пепла, пепел серым буранчиком взметнулся вверх… и осыпал Эвина с ног до головы.

Секунду не происходило ничего. Затем серый пепел ярко заискрился, и ровное золотое сияние окатило юношу, словно кто-то опрокинул на него чашу жидкого света. Свет заиграл на его теле, пролился по плечам и превратил руки в подобие огненных то ли крыльев, то ли мечей – подвижных, легко колеблющихся, словно живых… Не дождавшись окончательного завершения трансформации, Эвин шагнул со стены.

На короткий миг падения свист ветра в ушах заглушил вой, рычание и визг кишащих под стеной тварей. Потом все стало как обычно.

Эвин упал в самую гущу чудовищ, но удара о землю не почувствовал, так как и не коснулся земли – чересчур тесно было здесь. Юноша оказался на спине случайного земледава; взмахнув обоими клинками струящегося пламени, рассек неуклюжее тулово на три части; прежде чем оно успело распасться, перепрыгнул выше – на пробирающегося мимо живоглота, рассек и эту тварь и скатился наконец в грязь. Тут же вскочил и

закружился, расплескивая вокруг себя гибельное для Темных пламя, кромсая могучие тела, превращая их в безвольные куски мяса.

Где-то недалеко от него, за скопищем орущих и беснующихся чудовищ орудовал своим смертоносным молотом Цыпа. Через вязкую пелену воя Темных до Эвина доносился его хохочущий торжествующий рев – Рви-Пополам дорвался до большой крови и развернулся вовсю.

Прорубая себе дорогу, юноша устремился на голос Цыпы.

Но голос громилы-разбойника вдруг оборвался, просто исчез, потопленный шумом зверья.

Темные одолели-таки здоровяка?..

В сущности это было теперь не важно. Цель Эвина состояла в том, чтобы достать чудо-сумку, добраться до тубуса, где ждал своего часа свиток Последней Клятвы. Добыть тубус и активировать заклинание как можно скорее – вот какова была его цель.

Сила Десниц Возмездия начала иссякать, Эвин явственно чувствовал это – с каждой секундой пылающие лезвия магических клинков проходили сквозь тела тварей все труднее. Сколько еще не погаснут пламенные клинки? Минуту? Две?

По ощущениям, он уже давно должен был достичь того места, где замолчал Рви-Пополам. Эвин бросался то в одну сторону, то в другую, рубя направо и налево все напирающих на него чудищ, но ни самого Цыпы, ни его тела нигде видно не было. Только комья грязи, летящие в лицо, огненный плеск Десниц… куски тел, обугленные магическим пламенем, подергивающиеся и фонтанирующие кровью, мечущиеся повсюду лоскуты черного смрадного мрака нечистого дыхания… и еще живые и свирепые твари, твари, твари, мохнатые и склизкие, кожисто-голые, мускулистые и тяжелые, такие разные, но одинаково отвратительные… Оскаленные пасти, клыки, лапы, когти, рога, шипы и костяные клинки: все это стискивало юношу, наваливалось отовсюду, лезло, стремясь уязвить, укусить, ударить, проткнуть, разрубить, отгрызть кусок, разорвать на части…

И поднималась надо всем этим, закрывая собою половину серого неба, исполинская тварь, спавшая до времени под холмом, древняя тварь, никогда еще не виданная людьми, неведомая даже первым Полуночным Егерям, составлявшим Хроники Тухлой Топи. И черные щупальца из разверстого рта безымянного гиганта бесчисленными змеями простерлись над армией Темных, ища среди сонма себе подобных – жертву, человека…

И со стороны Мертвого Омута дохнуло ледяной гнилью

пробуждавшееся из-под черной воды нечто, чему тоже еще не было имени ни на одном из человеческих языков…

Внезапно твердь ушла из-под ног Эвина.

Он ухнул куда-то вниз, в темноту, оставив на разверзшейся вдруг поверхности всю эту кровавую орущую тошнотворную круговерть.

Это была не пещера и не нора… Подземный зал. Большой, просторный, едва ли намного меньше тронного зала Утренней Звезды. Вопли Темных там, на поверхности земли, отдавались здесь глухо и монотонно, как шум сильного ливня по крепкой крыше.

Эвин поднялся. Под ногами его захрустели кости… много костей, истончившихся, пожелтевших и порыхлевших от времени. Этот-то ковер из костей и смягчил удар, спас юношу от увечья.

В зале царила темнота, теплая, влажная, даже душная. Но не абсолютная: тусклый свет падал из многочисленных трещин в «потолке» зала, достаточно широких, чтобы в них мог провалиться человек, но слишком узких для чудищ. И тусклые эти лучи постоянно мигали, то появляясь, то пропадая, когда какая-нибудь тварь наверху оказывалась над пропускавшей свет трещиной. И, может быть, от этого, может быть, по какой-то другой причине казалось, что темнота у невидимых стен шевелится…

Десницы Возмездия, огненные мечи, погасли… Как-то очень уж быстро и податливо погасли, точно задавленные душной подземной темнотой.

Но это было уже не важно. Эвин увидел Цыпу Рви-Пополам.

Вернее, не его он увидел сначала… В первую очередь в глаза ему бросилась какая-то громоздкая куча тряпья, возвышавшаяся в центре зала. Цыпа лежал подле этой кучи, лежал на боку спиной к Эвину, в позе младенца, будто щенок, припавший к соску громадной псины. Чудо-сумка темнела рядом с головой Рви-Пополам, цепи сумки обвивали шею разбойника. Громадный молот его валялся неподалеку, как раз между ним и юношей.

Победное торжество взметнулось в душе Эвина. С такой радостной силой, что он даже не потрудился подумать: что случилось с Цыпой, и что это за куча тряпья… Главное, что вот она – чудо-сумка! А на ней тубус с заветным свитком. Получилось! Получилось!.. Эвин торопливо обнажил меч, обыкновенный, стальной, и спешно двинулся к Цыпе. Истлевшие кости хрустели под ногами юноши.

…Когда у него из рук выпал меч, Эвин сразу и не понял, как такое могло произойти. Он попытался остановиться, чтобы поднять оружие, но не сумел. Тело почему-то не повиновалось

ему. Тело продолжало двигаться в заданном направлении. Это было очень странное ощущение: юноша полноценно чувствовал каждую мышцу, но команды его мозга не доходили до них, они словно терялись, испарялись где-то на полпути. Торжество сменилось недоумением, недоумение – страхом, страх – злостью. Что же это такое? Что происходит? Почему так?.. Пройти столько испытаний, встать, казалось бы, на верный путь, ступить на свою Сияющую тропу и вдруг… Как нелепо!

Непроизвольно он вскрикнул… Но звук так и остался в его голове, вышедшие из-под контроля губы, челюсти и язык не шевельнулись.

И только тогда он почувствовал безмолвный зов. И сразу понял: то, что он принял за кучу тряпья, зовет его, тащит его к себе. Как подтащило уже несчастного Рви-Пополам.

Всего несколько шагов оставалось до Цыпы. И ничего Эвин не мог поделать, чтобы помешать самому себе преодолеть это расстояние. Он мог только мысленно вопить от бессильной злости и досады. И смотреть.

Теперь, приблизившись, он видел все ясно и отчетливо. Никакого тряпья, конечно, не было. Это темное… было явно живое. Оно дышало, чуть пошевеливалось… Два маленьких красных глаза зажглись в верхней части «кучи», и сразу очертания ее обозначились точнее, обрели определенность: медузоподобное туловище, кривой массивный клюв…

Кром-ган, Черный Хозяин! Только маленький.

Детеныш.

Вот зачем тот, кого называли Крикуном, вел сюда людей… деликатесную пищу для всякой Темной твари. Питательную и полезную пищу, такую нужную для растущего и развивающегося организма.

Какой-то темный комочек медленными неуклюжими толчками, словно улитка, вполз на ногу Цыпе. И еще один – как тотчас разглядел Эвин – прилепился к шее, осторожно задвигался, точно выбирая, как поудобнее примоститься. И еще один… И еще…

Ара-гара! Хитрые падальщики!

Так вот чья магия пленила Эвина! Сколько же их здесь? Юноша припомнил, как ему показалось, что скрытые темнотой стены подземелья шевелятся… Интересно, это Кром-ган-родитель привел сюда ара-гара? Или они всегда тут обитали, в этом подземелье, где он устроил свое логово? Отличный пример симбиотического существования…

Мысли Эвина метались в стремлении найти выход из создавшегося положения. Не может же быть так, чтобы вовсе не

было никакого выхода!

Молот…

Молот! Где-то на его пути должен встретиться оброненный Цыпой молот. Сейчас уже оружие вне поля зрения – юноша может смотреть только вперед, головой не ворохнуть, не опустить ее. Но ведь он не сворачивал, его тащило прямо вперед. Следовательно, молот должен обязательно попасться под ноги.

Что-то порхнуло позади юноши, легкое и быстрое, как летучая мышь…

Эвин напряг все свои силы в попытке обуздать собственное тело, сконцентрировал особое внимание на ногах. Если все пойдет как надо…

Сейчас, когда он точно определил для себя: что необходимо сделать, он даже несколько успокоился. И у него вдруг начало получаться. Шаг его стал короче, подошвы сапог уже не отрывались от поверхности, погружались глубже в слой древних костей, и скоро уже с натугой зашаркали по каменным плитам под костями.

Но где же молот?

Эвин уже давно должен был наткнуться на него, запнуться и рухнуть наземь. Когда это случится, у него появится возможность зацепиться за тяжеленное оружие носками сапог. Невесть что, но хоть что-то… Остановиться!

До твари оставалось три-четыре шага.

Снова волосы Эвина шевельнулись от колебания воздуха – летучая мышь… или кто там? – опять пронеслась мимо него, а он даже не мог повернуть голову, чтобы посмотреть.

Молота не было. Куда он делся? Не мог же он просто исчезнуть?

Словно в ответ на этот непроизнесенный вопрос нечто большое, темное и явно очень тяжелое с гудением рассекло воздух слева от Эвина.

И обрушилось на тварь, взорвав мерзкую голову фонтаном крови и слизи.

Тянувшая юношу вперед неумолимая сила исчезла. Эвина, до последнего сопротивлявшегося ей, отбросило на несколько шагов назад. Он упал на спину, но подняться или даже шелохнуться все еще не мог. Тело так и не подчинялось ему. С высокого потолка на лицо ему упал холодный и склизкий ара-гара.

Под сводами подземелья прозвучало несколько тяжких и чавкающих ударов – будто железом били по податливому куску теста.

А потом раздался голос Эдгарда:

– Поднимись!

Тело Эвина среагировало на этот приказ ловко и точно. Юноша встал, почувствовав, как хитрый падальщик отвалился с его лица.

Эдгард, с ног до головы забрызганный кровью, в изорванной одежде, но живой и здоровый, даже, кажется, не раненый, уронил молот, откинул ногой в сторону размозженного в лепешку детеныша Черного Хозяина:

– Говори! – повернулся он к Эвину.

– Ты… – окончание мысли, в тот момент проносящейся в голове юноши, послушно вылепилось в слова, – двигаешься быстро и бесшумно… Ты пошел за мной, оставив Мартина и Стю!

– Мой долг – оберегать тебя… Активируй заклинание!

И Эвин снова повиновался. Когда свиток сгорел в его руках, подземный зал наполнился белым дымом. Крупные клубы заворочались, вытянулись в струи и завихрились по стенам. И почудилось братьям, что в тех дымных струях плывут, обгоняя друг друга, тысячи призрачных воинов, в доспехах и с оружием в руках… Кажется, можно было даже различить их лица, суровые, неподвижные, безмолвные… Белые дымные струи втянулись в трещины в «потолке», и подземный зал снова потемнел.

А на поверхности дико взвыли твари. «Потолок» затрясся, осыпая мелкие камни и скукоженные трупики хитрых падальщиков, сквозь щели засверкали всполохи ослепительного белого огня.

И внезапно стало тихо.

Стало очень тихо…

– Мартин и Стю! – вспомнил Эвин.

Он вдруг почувствовал, что его тело вновь слушается его. Не веря до конца, что он все еще жив и может двигаться так, как ему заблагорассудится, юноша взмахнул руками, проделал несколько пробных шагов… Получилось!

– Мартин и Стю! Ты оставил их!

– Мне пришлось сделать выбор, – проговорил Эдгард. Эвин тут обратил внимание, что посоха в руках его уже нет, а на теле все-таки имеется несколько ран, почти незаметных под пропитанными кровью тварей лохмотьями. Здорово же досталось монаху Облачного монастыря, когда он пробирался через сонмище тварей вслед за своим братом… – И я его сделал, – договорил Эдгард.

Эвин закрутил головой в поисках выхода.

– Нет нужды никуда спешить, – предупредил его брат. – Если у парней получилось продержаться до того, как ты активировал заклинание, сейчас им уже ничего не грозит. Вряд ли в ближайших окрестностях осталась хоть одна Темная тварь…

– Магия хитрых падальщиков не подействовала на тебя… – заметил Эвин.

Эдгард неожиданно улыбнулся:

– Ты думал, что может быть иначе? Люди заботятся о своих телах, совершенно забывая о духе. Ваше сознание будто покинутый холодный дом, куда волен забраться любой бродяга…

Эвин опустился на колени перед Цыпой. Перевернул тяжеленное тело. Лицо Рви-Пополам было искажено мучительной гримасой, рот криво приоткрыт. Один глаз так и застыл вытаращенным. А из пустой окровавленной глазницы другого к изувеченному телу детеныша Черного Хозяина тянулась обмякшая нить, напоминающая пуповину. Тварь только начала питаться…

– Все самое лучшее – детям… – негромко проговорил Эдгард. – С каким упорством этот Крикун стремился доставить сюда редкие деликатесы свеженькими и ненадкусанными! Все же твари и люди при всей своей обоюдной чужеродности чем-то похожи…

Он поднял чудо-сумку, с натугой перекинул через плечо ее цепи. Потом оглянулся по сторонам и запрокинул голову – к щелям в «потолке».

– А выбраться обратно будет сложнее, – заметил он. – Как ты думаешь, в чудо-сумке найдутся веревка и крюк? Ты в силах будешь карабкаться? Ты не очень хорошо выглядишь, брат…

– Можно подумать, ты выглядишь лучше, – криво усмехнулся Эвин. – Да и не понадобятся нам ни веревка, ни крюк. Посмотри… среди этих костей много очень крупных. Значит, где-то поблизости есть проход на поверхность, через который Черный Хозяин приводил сюда гигантских тварей.

– Действительно… – проговорил Эдгард и хлопнул брата по плечу. – Теперь я вижу, что ты в порядке. Замечать такие мелочи…

– Нет мелочей в мире вокруг нас, – бледно улыбнулся Эвин.

– Пойдем. И позволь нести чудо-сумку мне.

На поверхности было тихо. Очень тихо. Недвижимые тела мертвых тварей покрывали все пространство между прибрежной стеной валунов и далеким лесом. И зияли на трупах чудовищ громадные раны с обугленными краями, и еще поднимались от этих ран черные струйки дыма. И криво скошенной горой громоздилась в центре мертвого поля исполинская туша, накрытая пробитым шипастым панцирем… И на смоляной поверхности Мертвого Омута виднелись несуразными островками наполовину утопленные куски ноздреватой серой плоти. И всюду носились обрывками белого тумана призрачные тела воинов,

закованных в призрачные доспехи, вооруженных призрачными мечами, копьями, топорами… То были духи тех, кто еще при жизни – во искупление грехов или по собственной страсти служения Свету – дал обет Сестрам-помощницам явиться для своей последней битвы уже после смерти… Всюду носились духи, кружились, словно обрывки бесшумной пурги; и редко-редко кто-то из них взмывал в серое небо и пропадал уже навсегда. Ясно было, что духи не спешат покидать мир живых, даже эту проклятую и гиблую его часть.

По трупам тварей близнецы без труда взобрались на стену валунов. И духи следовали за ними, духи говорили с ними, все разом, но их шелестящее бормотание почти невозможно было разобрать; точно забыли мертвые язык живых за годы пребывания в пустоте небыти. И поэтому нечего было братьям ответить воинам былых времен.

Тела чудовищ были и на вершине стены. И увидев это, сразу поняли братья, что из всей компании путешественников уцелели только они вдвоем.

Одноглазого Стю они нашли перекушенным пополам. Мартина Ухореза нигде поблизости не было.

Вот зашевелился, приподнимаясь, под ногами братьев Гибельный Ходок. И Эвин, и Эдгард – оба одно-временно пружинно отскочили. Прицелили в сторону твари: один – клинок меча, второй – голый кулак. Но движения Ходока были неосмысленны. В них не чувствовалось жизни, только кукольная управляемость. Эвин ногой оттолкнул труп чудища.

Мартин освобожденно вздохнул, когда тяжесть мертвого тела перестала давить на него. Вздохнул и закашлялся, брызгая кровяной пылью. Потом открыл глаза и посмотрел на братьев. Странен был взгляд рыжего разбойника: чист и спокоен. Никак не вязался этот взгляд с его исполосованным, изорванным, искусанным телом. Никак не вязался с острым обломком рога земледава, косо торчащим из груди Ухореза.

– Вы их тоже видите? – спросил Мартин. И голос его был тоже чист и ясен.

Призраки колеблющейся стеной окружили живых людей на трупах Темных тварей.

– Ну, разумеется, – мягко подтвердил Эвин.

– Значит, не чудится. Все кончилось… – полуутвердительно проговорил Ухорез.

– Все кончилось, Мартин.

Рыжий разбойник легко улыбнулся и кивнул. И вдруг забеспокоился:

– А Стю? Одноглазый где? Он?..

Эдгард молча указал на останки Стю. Ухорез с трудом повернулся туда, поморщился.

– Это живоглот постарался, – сказал он. – Я видел, как они сцепились… Мне чуть-чуть не хватило, чтобы дотянуться и прикрыть Одноглазого. Неловко развернулся. Ножевая рана в спине, знаете, не способствует ловкости…

– Ты не говори много, – посоветовал Эвин. – Не нужно тратить сил.

Мартин улыбнулся и снова закашлялся:

– Перестань, Тихоня. Я не дурак. Вона какая оглобля из меня торчит. Только шелохни ее, кровь отвори – и все. Тут уж ничего не поделаешь.

На это Эвин не нашелся что сказать. И Эдгард промолчал.

А Мартин неожиданно рассмеялся, выплескивая кровяные капли. И подмигнул Эвину:

– А я ведь все понял, – сказал он.

– Что понял, Мартин?

– Все. И про свое место. И про Сияющую тропу. Вот прямо сейчас понял. Как-то очень отчетливо… увиделось…

Он опять закашлялся. Черная густая кровь поползла из угла его рта.

– Ведь что самое главное? – заторопился Ухорез, чувствуя, что время его на исходе. – Самое главное, чтоб не для себя… Если всю свою жизнь… только для себя, то никакой тебе Сияющей… Кончишь вон как они… Стю, Рамси, Цыпа… И другие. Уйдешь без следа, и памяти по тебе не останется.

– А ты все-таки помолчи, – посоветовал Эвин. – Сейчас мы в чудо-сумке поищем, там знаешь какие снадобья припасены!..

– Не надо, – коротко ответил Мартин. И перевел взгляд на Эдгарда. – Ты тоже все понимаешь. Ты хорошо все понимаешь. А ему не объясняй. Он сам должен понять. Вроде все просто, да? Можно тысячу раз эти слова сказать, а все равно… поймешь, пока сам не… Слова часто врут.

– Да, – серьезно сказал Эдгард.

– Ты обещал мне, что я обязательно стану… человеком, если захочу.

– Да.

– Ты выполнил свое обещание.

Ухорез замолчал на минуту, а потом твердо и четко проговорил:

– Все. Теперь мне пора.

– Куда, Мартин? – прошептал Эвин.

– А вы разве не слышите? – удивился Ухорез. – Они… согласились взять меня с собой. Они покажут мне, куда…

– Кто?

– Да вот же! Которые вокруг!..

Стена бесплотных духов стала редеть. Все чаще и чаще отлетали они к небу и исчезали.

– Я тоже принес Последнюю Клятву, – сообщил Мартин. – Только что. Оказывается, ее не надо вслух… Слова часто врут. Достаточно внутренне решиться… Мы еще увидимся, Тихоня, Эвин Сторм, сын Адама Сторма из рода Стальных Орлов. Ты сам призовешь меня, когда придет время. Мне пора. Эдгард… – рыжий разбойник просительно посмотрел на бритоголового монаха.

Тот понимающе кивнул.

И выдернул рог живоглота из груди Мартина. Струя густой крови выстрелила в серое небо. Мартин Ухорез перестал дышать.

Братья Сторм покинули берег Мертвого Омута после того, как последний призрак оставил это место.

Перед ними лежал еще очень долгий путь.

Но они, конечно, должны пройти его до конца.

Отыскать Дом Соньи.

И тогда мастер Аксель вернет их обратно, в земли людей.

Уже половину ночи мастер Аксель бегал по комнате своей башни, нервно щелкая пальцами.

Вот оно! Вот оно! Сбылось предсказание! Грянуло несчастье в Золотом Роге! Грянуло да отозвалось бедой в Утренней Звезде. Граф Альва покинул замок, уведя с собою более половины гарнизона. А лордом Утренней Звезды остался этот несуразный маркиз Рон Грир… Мастер Аксель видел маркиза всего пару раз, но и этого ему хватило, чтобы составить о сыне герцога Руэри Грира свое мнение: парень неглупый, но тюфяк тюфяком, им может крутить-вертеть кто угодно и как угодно. Взять хотя бы слухи, которые о нем и его жене ходят… По силам ли такой размазне защитить Утреннюю Звезду?.. То есть и весь Арвендейл – по силам ли защитить?

Тьфу!..

Мастер Аксель бегал по комнате, нервно щелкая пальцами.

И щелчки эти создавали непроизвольные иллюзии, отражавшие быстро скачущие мысли мага. Вот промелькнула по стенам испуганная легконогая лань; вот нахохлился под потолком большой серый воробей, затрясся, раздулся и лопнул… Вот беззвучно упал на пол откуда-то из ниоткуда кувшин, треснул кривой продольной трещиной, захлестало из него упруго пульсирующей струей красное, как кровь, вино… Вот запрыгало от стены к стене пылающее тележное колесо, выкатилось в одно окно, вкатилось в другое…

Мастер Аксель спохватился, прекратил щелкать пальцами, дунул четырежды по сторонам, уничтожая сотворенный балаган. Выругал себя – теперь следует беречь ману. Он, конечно, не забыл и еще одно предупреждение Космоса, касающееся его самого.

Маг-ученый посмотрел на едва заметный шрамик на ладони и непроизвольно сглотнул. Опасность угрожает ему, именно ему, Акселю, – вот, что хотел сказать ему Космос!

Судорожно задвигав губами, маг еще раз обновил заклинание Ледяной Брони, самое мощное из охранных заклинаний. Тут же он почувствовал по всему телу морозные уколы, но эти уколы не показались ему неприятными, наоборот – освежающе бодрящими, надежными, как холод самой настоящей металлической брони.

Да, не меньше мыслей об Арвендейле, ставшем ареной для Великой Игры Тьмы и Света, его беспокоили мысли о собственной безопасности. Не меньше, а, пожалуй, и больше…

Странно, он никогда раньше не думал о себе как о смертном. Никогда не беспокоился за свою жизнь. Даже и предположить не мог, что кто-то решится причинить ему вред, а не то что – убить. Потому и переживал сейчас так… Какой глупец пойдет на такое? Покуситься на жизнь великого мага Акселя Сторма! Это же… все равно что украсть у гацана! Да мастеру Акселю одного движения пальцем достаточно, чтобы у напавшего на него скелет провернулся внутри тела или голова взорвалась на тысячу кусков!

Впрочем, до недавнего времени Аксель нечасто контактировал с людьми. Надобности почти что и не было. Да что сказать, он даже слуг себе никогда не заводил, не говоря уж об охране. Доверять свою жизнь недотепам-людишкам? Смешно…

Было раньше – смешно.

А теперь не очень.

Он, бессомненно, великий маг, но… Магия магией, а охрана не помешает. Нельзя ничем пренебрегать в деле личной безопасности. Потому что за всем не углядишь и постоянно оставаться настороже тоже нельзя, ведь не знаешь, с какой стороны прилетит удар. Вот не вовремя ушел Альва. Не выпросить теперь у него дюжину-другую верных и опытных воинов, которые бы зорко смотрели по сторонам, предупреждая возможное нападение…

Да, скверно все складывается. Ушел в Золотой Рог сэр Альва. Остался вместо него маркиз Рон Грир. А с маркизом Роном Гриром, кстати говоря, все очень непросто… Ох, не сам он вызвался у своего папеньки править Утренней Звездой, не сам!.. Кто-то надоумил его. Кто-то стоит за ним, за этим размазней…

Кто?

Вот это прежде всего нужно выяснить!

Что ж, пусть от брата Альвы мастеру Акселю помощи теперь не дождаться, но у него есть к кому обратиться…

Козодои!

Уж они-то кровно заинтересованы в том, чтобы он и дальше оставался живым и дееспособным.

Аксель вдруг замер посреди комнаты, прислушиваясь к чему-то…

А, вот как раз и они. Быстро откликнулись на зов!

Проделав несложный пасс, он прищурился, чтобы посмотреть сквозь стены.

У двери его башни толпились, переминаясь с ноги на ногу и озираясь, десяток мужиков. Аксель помедлил немного, прежде чем позволить им войти. Вид пришельцев не очень понравился магу: одеждой они напоминали скорее ремесленников, чем наемников-телохранителей. Из оружия только у троих висели на поясе короткие мечи. Двое были вооружены небольшими топорами – плотницкими, а никакими не боевыми. На остальных никакого оружия заметно не было. Чуть поодаль от группки стоял господин Фарфат.

Вздохнув, Аксель впустил гостей.

Мужики вошли настороженно, но кучковаться на одном месте не стали, растянулись по стенам. Что это они? Никак, побаиваются мага, не желают к нему спиной поворачиваться, что ли? Ну и телохранители!..

Фарфат остановился у двери.

– Этим людям я должен доверить свою жизнь? – резковато осведомился у него Аксель. – Они не выглядят особо… м-м… опасными. А мне нужны лучшие наемники графства!

– Вы не изволили предоставить нам достаточно времени, – поклонился господин Фарфат от двери. – Нам пришлось спешить.

Аксель почувствовал раздражение. Как-то скованно звучал голос Фарфата. Будто он чего-то не договаривал.

– Быть может, дело в другом? – осведомился маг, тут же объяснив для себя поведение собеседника. – Быть может, вы, друг мой, решили немного… сэкономить?

– Мастер Аксель! – возмущенно вскинулся Фарфат. – Что вы такое говорите! Дайте нам хотя бы неделю, и в вашем распоряжении будет целая армия! Наши возможности, видите ли, все-таки не безграничны. Мы так спешили. И, к слову, не напрасно. Видите ли… – понизив голос, добавил он, – мне сообщили, к вам движется маркиз Рон Грир с отрядом ратников. Идут тихо, не зажигая факелов…

Это известие встрепенуло Акселя. Он вмиг забыл о своих претензиях. Да и обо всем остальном тоже. «Начинается! –

прошелестело в его голове. – Как только он забрал власть в графстве, этот Рон, так немедленно взялся за меня! Кто же стоит за ним? О, Сестры-помощницы, кто им манипулирует?!»

– Большой у него отряд? – быстро спросил Аксель, оглядывая хмурых мужиков.

– Десятеро, – ответил господин Фарфат.

– Всего десятеро? – поднял брови Аксель. – Странно. Очень странно… Всем известно, что Рон Грир не обладает магическим талантом. Даже если бы и обладал – он не смог бы тягаться со мной. И он решил сунуться ко мне всего-то с десятком ратников? Глупость какая-то…

– Маркиз Рон Грир – вовсе не глуп, – возразил Фарфат. – Надо полагать, припас что-нибудь для встречи с вами. Например, какой-то могущественный магический артефакт… Или что-то в этом роде…

– Все могущественные артефакты находятся либо в Университете, либо на руках у опытных и искусных магов… ни один из которых не расстанется с этакой ценностью ни за какие деньги. На что рассчитывает Рон Грир?

– Если б ему не на что было бы рассчитывать, он бы не шел сюда всего с десятком…

– Это верно…

Аксель сглотнул, поежился и в очередной раз обновил заклинание Ледяной Брони. Морозные уколы, пробежавшие по телу, несколько успокоили его.

– Ну, для начала ему нужно попасть в мою башню, – проговорил он. – А это не так-то просто. Как, впрочем, и покинуть ее без моего позволения. И все же надо что-то делать…

Он задумался. Надо что-то делать, но что? Спрятаться, бежать? Сегодня его это, конечно, спасет. А дальше? Так и прятаться? От каких-то человечишек?.. Ему, великому магу-ученому, мастеру Акселю? Нет, не выход. Двинуться в упреждающую атаку? Еще хуже. Открыто напасть на маркиза Рона Грира из рода Красных Вепрей, лорда замка Утренняя Звезда, наследника замка Золотой Рог и всего Арвендейла? Просто невозможно. Что же тогда?..

И вдруг страшный удар в спину швырнул мастера Акселя на пол.

Ничего еще не понимая, даже не до конца веря в то, что произошло, он бездумно поднялся, попытался было обернуться, но его снова сбили с ног.

Все десятеро мужиков накинулись на него с разных сторон. Они били его мечами, рубили топорами, кололи кинжалами и ножами, которые достали из-под одежды. Аксель корчился,

пытаясь закрываться руками от прилетавших отовсюду клинков; совершенно ошалевший, выкрикивал что-то, смысл чего не понимал и сам. Господин Фарфат бегал вокруг, размахивая руками, будто показывал: «Скорее! Скорее!»

Наконец один из несостоявшихся телохранителей выпрямился и отскочил от свалки.

– Дык он это… хозяин… Не убивается!

И вытер пот со лба рукой, в которой был зажат нож с чистым, ничем не запятнанным клинком.

– Прекратить! – срывающимся на визг голосом выкрикнул Фарфат.

Мужики расступились, тяжело дыша. Мастер Аксель, невредимый, но растерявший весь свой лоск, лежал в центре образовавшегося круга, криво распялив рот и вытаращив глаза. Его никогда еще не убивали. Его за всю жизнь никто даже ни разу не ударил. Громадным усилием воли он овладел собой. И тут же неслыханной силы ярость накрыла его.

Он вскочил, воздев руки, перебирая в уме заклинания, одно страшнее другого, не зная, на каком остановить свой выбор.

– Вали его, вали! – взвизгнул Фарфат.

Акселя снова сбили на пол.

– Держите ему руки!

Сразу несколько мужиков встали на раскинутые руки мага.

– Заткните рот!

В рот мастеру Акселю вбили какую-то тряпку, наскоро оторванную от полы чьей-то рубахи. Он замычал, в исступлении тряся головой. Но и на голову, прямо на лоб, тоже кто-то тотчас наступил грубым, воняющим псиной и помоями сапогом.

– И что дальше? – спросил тот мужик, что оторвался от мага первым. – Ежели он не убивается, то как его убить?

Господин Фарфат, бледный и решительный, несколько секунд соображал, кусая губы. Затем скомандовал:

– Давайте веревку.

Каждый из десятки завозился, задирая куртку, разматывая накрученные на поясе веревки. Успевший первым протянул размотанную веревку Фарфату. Приняв ее, тот приблизился к Акселю со стороны головы, наклонился…

Великий маг-ученый мастер Аксель не мог говорить. Но отчаянно полыхавший взгляд его явственно вопрошал:

– Почему?!

– Видать, напортачил ты, братец, в чем-то, – сказал тогда трактирный слуга Кэйлину, поглаживавшему сытое после гацанского угощения брюхо. – Получишь сегодня по сусалам! А и за дело! День-деньской задницу тут просиживаешь, вместо того

чтобы господину потрафлять! Марш к своему хозяину, орясина!

Предчувствуя неприятное, Кэйлин заспешил наверх. Что такого могло произойти за то время, пока он отлучался? Кто-то комнату… чуланчик то есть, обчистил? Да там и брать-то нечего, там и нет ничего стоящего…

У самого чуланчика он остановился, перевел дыхание, пригладил волосы. Придал физиономии деловой вид и толкнул дверь.

Господин Фарфат стоял спиной к нему, склонившись над чем-то, что лежало на столе. Кэйлин, желая разглядеть это что-то (вдруг оно имеет отношение к причине беспокойства хозяина), затаив дыхание, вытянул шею…

На столе лежал объемистый кожаный кошель. Он был развязан, а в горловине его поблескивали крупные монеты. Кажется, золотые, только с каким-то необычным красноватым оттенком.

Прикинув, сколько золота могло поместиться в этот кошель (целое состояние!), Кэйлин охнул.

Господин Фарфат вздрогнул и рывком развернулся, заслоняя пухлой спиной стол. Лицо господина Фарфата было бледно, рот полуоткрыт, брови уплыли на середину лба, а круглый носик возбужденно подергивался.

– Стучаться… надо… – сдавленно проговорил он.

– Виноват…

Фарфат, видно, о чем-то сообразил и медленно, как бы нехотя отодвинулся в сторону, открывая обзор на стол и лежащий там кошель с монетами.

У Кэйлина дернулся глаз. Столько монет за раз он видел впервые в жизни.

– З-звали?.. – треснувшим голосом осведомился он.

Фарфат двинулся вперед, выдавив своего слугу из тесной комнатки. И оказавшись вместе с ним на верхних ступеньках лестницы, жарко просипел в лицо:

– Откуда?

– А?

– Не прикидывайся дурачком. Откуда золото?

– Н-не могу знать.

Господин Фарфат взял слугу за воротник:

– Я тебе все зубы повышибаю… – хрипло пообещал он. – Если правду мне не скажешь. Трактирщик клянется, что никто, кроме тебя, в комнату не заходил. Окон там нет, минуя лестницу, туда не попасть. Еще раз спрашиваю: откуда золото?

– Да не знаю я!

– Кто тебе его передал?

– Никто!.. Не знаю я ничего, не ведаю!..

– Отлучался куда?

– Н-нет…

И тут глаза господина Фарфата сверкнули так яростно, что Кэйлин скорчился.

– На минутку только! – пискнул он. – Ну, на пару минуток!..

– Врешь!

– Сквозь землю провалиться!

– Да, впрочем, не важно, на сколько… – погасил господин Фарфат огонь своих глаз и ослабил хватку. – Главное, что отлучался.

Кэйлин поправил воротник. В голове его, малость оправившейся от очередного потрясения сегодняшнего сумасшедшего дня, закрутились мысли. Гацане! Ну, конечно, за всем этим стоят гацане. Только вот… в чем подвох? Зачем им подкидывать золото? Да еще такую кучу?! Или это не золото? Подделка какая? Этот необычный красноватый оттенок… Рассказать, что ли, о случившемся?..

– А в чем проблема-то? – осторожно осведомился Кэйлин. – Монет-то прибавилось. А не убавилось. Даром столько счастья привалило!

Господин Фарфат, на секунду задумавшийся о чем-то, очнулся. И посмотрел на своего слугу с сожалением:

– Дурак ты, – сказал он. – На этом свете ничего даром не бывает. Если кто-то тебе грош просто так дает, значит, впоследствии планирует вдесятеро содрать. А уж за такую груду денег… даже и представить не могу, чем расплачиваться придется…

«Не, – решил Кэйлин. – Не буду ничего говорить. Ведь и в самом деле прав он. Даром ничего не бывает, за все расплачиваться приходится. А уж мое дело во всем этом сторона…»

И Фарфат, кажется, заметил работу мысли в глазах своего слуги:

– Да не врешь ли ты мне? – снова насторожился он. – Кто просил золото передать?

Кэйлин замотал головой:

– Да никто!

– Может, видел чего, слышал чего?

– Ничего не видел, ничего не слышал! – опять открестился Кэйлин. – Вот – Сестры-помощницы мне свидетели!.. – начал он и вдруг осекся. Неожиданное воспоминание шевельнулось в нем.

– Что? – тут же насторожился Фарфат.

– Он сказал… – пролепетал Кэйлин. – Мы можем дать

столько, сколько вы попросите… Так и сказал.

– Кто сказал?

– Э-э… Я сказал…

– Объясни толком!

И путаясь и сбиваясь, слуга выложил все-таки своему хозяину то, что случилось с ним сегодня. Господин Фарфат выслушал его, пожевал губами. Помолчал немного. Мучительное сомнение металось в его глазах.

«Не ему лично это золото предназначается! – догадался Кэйлин. – Вот он и думает: прибрать его к рукам или сказать тому… кому надо!»

Господин Фарфат вздохнул и сжал зубы. Видимо, он принял какое-то решение.

– Слушай и запоминай! – обратился он к своему слуге. – Сейчас быстро пробежишься по этим адресам и передашь каждому, кто тебе откроет дверь, – вот это! – он достал из кармана пригоршню серых перышек, сунул пригоршню Кэйлину в руки. – Каждому по перышку, понял?

Кэйлин закивал.

– Пошел!

Оставшись один, господин Фарфат вернулся в свою комнату и накрепко заперся. Затем запустил дрожащую руку в кошель. Тяжелые монеты со звонким стуком потекли между его пальцами. Фарфат сглотнул и решительно завязал кошель.

– Разумный всегда доит сильного… – вслух проговорил он. – Хм… Разумный всегда доит того, у кого молока больше. Даже если то молоко – крысиное… Гацане? Что ж, пусть гацане. Золото не пахнет.

Господин Фарфат затянул петлю на шее мастера Акселя. Уперся ногой в плечо мага и рванул веревку на себя – с такой силой, что с него даже слетела шляпа.

Мастер Аксель задергался и захрипел. Тряпка выпала из его рта.

– Получается! – радостно прокомментировал мужик с ножом в руках.

Фарфат, сопя, тянул веревку до тех пор, пока Аксель затих. Для верности он рванул веревку еще раз – и в горле у мага словно что-то лопнуло. Кровь выплеснулась изо рта Акселя, и выпученные его глаза остекленели. И тогда башня дрогнула. Какая-то невидимая волна, точно судорога, прошла по ней: от самого основания до шпиля на крыше…

– Уходим! – сказал господин Фарфат. – Быстро!

Мужики ринулись к окнам, на ходу разматывая с поясов веревки. Но они не понадобились. Вид из окна открывал высоту

вовсе не головокружительную, как предполагал господин Фарфат по опыту предыдущих посещений, а всего лишь в человеческий рост. Кажется, магические чары покинули жилище мага…

Господин Фарфат первым выбрался в окно и растворился в ночной темноте. За ним последовали и остальные.

Господин Фарфат бежал, спотыкаясь в темноте, а в голове у него звучно звякали и перекатывались полновесные монеты красноватого золота.

– Зачем?

Этот вопрос терзал Рона Грира из рода Красных Вепрей все время с того момента, как он согласился выполнить то, что требовал от него гацан – попросить у отца для себя Утреннюю Звезду.

– Зачем грязному гацану понадобилось это?

Сам Рон на этот вопрос ответить не мог. Никак не укладывалось у него в голове, не совмещалось – какой-то нищий плут-бродяга и целое графство с легендарным замком. Что может быть общего между ними? Но ведь что-то наверняка есть… Иначе не заварилась бы вся эта каша. Кто мог помочь Рону разгадать загадку?

Пожалуй, только один человек во всем Арвендейле.

Великий маг-учений мастер Аксель. Кто ж еще?

К нему и отправился маркиз Рон Грир, прихватив с собой ратников из собственной стражи.

Идти он решил ночью и скрытно. Ни к чему кому бы то ни было знать об этом деле, совсем ни к чему.

Вот и башня мастера Акселя.

Стражники выстроились полукругом обочь и позади маркиза. Который, глубоко вздохнув, поднял правую, сохлую, руку, чтобы постучать в дверь… Как вдруг заметил, что дверь-то – приоткрыта.

Рон Грир отступил на шаг, даже не попытавшись скрыть замешательство. Поколебавшись немного, кивнул ближайшему стражнику: мол, открой.

Тот – тоже не без трепета – повиновался.

Скрипнув, дверь отворилась, уронив скошенный прямоугольник теплого желтого света на мерзлую грязь улицы. Стражник шагнул за порог.

И через секунду раздался его крик:

– Сюда! Сюда!..

Рон Грир вошел в башню последним. Стражники суетились вокруг распростертого на полу тела. Рон углядел запрокинутое окровавленное лицо с вытаращенными глазами и поспешно отвернулся.

Рядом появился давешний ратник, первым проникший в башню.

– Злодейство, ваша светлость! – оповестил он маркиза. – Мастера Акселя-то удавил кто-то…

– Мертвый? – зачем-то спросил Рон, чувствуя, как разрастается внутри колючий холодок.

– Почти… Шею не сломали, а то бы сразу каюк… Еле-еле жизнь теплится, но все равно… недолго осталось. Я, ваша светлость, такого уж насмотрелся, понимаю. Не жилец он, мастер Аксель, не жилец… Кто ж его так, а?

Холодок в груди Рона окреп и потяжелел. Стал вещественен, будто кусок льда. Ощущение явной неслучайности произошедшего напугало маркиза. Вот именно в этот момент окончательно осознал Рон, что по глупости своей оказался втянут в какую-то потаенную скверную и крайне опасную авантюру, выпутаться из которой будет очень непросто. Если вообще возможно…

– Так жив он? – порывисто спросил маркиз.

– Да я ж говорю, ваша светлость. Вот-вот кончится. Давно уж должен помереть вообще-то… Но, видно, силы у него внутрях много, цепляется, не сдается. Маг ведь… Да не из рядовых…

Пересилив себя, Рон подошел к неподвижному телу. В расширенных, стеклянно поблескивающих глазах мага не было мысли. Но окровавленные губы едва заметно подрагивали. То ли конвульсивно. То ли мастер Аксель из последних сил пытался что-то сказать.

– Как ловко подгадали-то душегубы энти! – проговорил кто-то из стражников за спиной маркиза. – Граф Альва ушел, пока вернется, все следы, по которым можно было б хоть что-то выяснить, начисто заметутся-затопчутся. Не найдут их, злодеев.

Рон вздрогнул. Не этого ли добивался страшный гацан? Или гибель мастера Акселя была только очередным этапом зловещего плана? В коем одна из важных ролей выпала ему – маркизу Рону Гриру?

И тут неожиданная мысль так ярко толкнулась ему в голову, что он аж задохнулся.

Торопясь – скорее!.. скорее!.. – он распахнул камзол, зашарил рукой за пазухой, ища заветный мешочек, который постоянно носил при себе уже несколько лет.

Вот он!

Дрожа, Рон сорвал мешочек с серебряной цепочки, выхватил из него маленький сургучный шарик, размером с перепелиное яйцо. Шарик треснул в кулаке, рассыпался ломкими осколками, открыв спрятанное зеркальце – совсем уж крохотное.

Зеркальце было холодным, но, оказавшись в пальцах Рона, быстро стало теплеть, нагреваясь явно не от человеческой плоти.

Он поднес зеркальце к чуть дрожащим губам мастера Акселя.

– Да без толку, ваша светлость! – деликатно сказал стражник позади Рона, кажется, полагавший, что маркиз пытается поймать дыхание умирающего на отражающей поверхности. – Он уж почитай что готов…

«Ну, давай! – беззвучно попросил маркиз мастера Акселя. – Пожелай! Тебе надо только пожелать! Ты ведь не хочешь покинуть этот мир навсегда и без возврата?.. Ты ведь хочешь остаться? Разве у тебя нет неоконченных дел? Тебе нужно только пожелать!..»

И зеркальце дернулось у него в руке, как живое. И стало еще горячее, будто зажегся в нем, внутри, в потаенном зазеркальном пространстве, живой огонек.

Зеркальце еще раз дернулось. И замерло.

И окровавленные губы мастера Акселя перестали шевелиться.

Обжигаясь, шипя сквозь зубы от боли, Рон спрятал горячее зеркальце в мешочек. Неловко встал, утвердился на затекших ногах.

Дело всей жизни…

Долгожданный эксперимент… Удался!

Стараясь ничем не выдать нахлынувшую радость, он хмуро покашлял. Ничего еще не кончено! Душа великого мага-ученого теперь у него, надежно заключена в амулет. Спасена от смерти! И принадлежит только ему.

– А ведь этого вы никак не могли ожидать, – мысленно проговорил Рон, обращаясь к неведомым злодеям, подославшим к нему гацана, впутавшим его в эту хитрую кровавую комбинацию. – Думали, убили Акселя? И концы в воду? Нет! Тут он, со мной, все еще в нашем мире! Вы этого никак не могли ожидать… Или могли?

– Гляньте, ваша светлость! – окликнул его стражник. – Шапка какая-то валяется. Не мастера Акселя, точно. Перьями серенькими украшена…

В холодной темноте, под стеной соседнего дома шевельнулся горбатый гацан. Он широко улыбнулся и с сухим шелестом потер ладони одну о другую.

Да, все получилось в лучшем виде. Он справился. Великие будут довольны. И, конечно, позволят теперь ему и его семье вернуться домой… на родные, почти что забытые уже Скрытые острова. Домой! Домой!.. Прочь отсюда, из земель этих ничтожных гойши. Как же надоел их мир, жалкий и суетливый. О, эти гойши, ничего сложного нет в том, чтобы манипулировать

ими. Похоть и алчность – вот что ими правит. И понимающий это добьется от гойши чего угодно. Чего угодно.

Он припомнил, как накануне явился кучке называвших себя козодоями. Эти жадные прощелыги, мнящие себя тайными властителями Империи, пуская слюну, изо всех сил лебезили перед ним, грязным гацаном. А уж что началось, когда он выставил им еще один кошель с золотом!.. Клятвам и уверениям в вечной дружбе и живописании красот и выгод дальнейшего делового сотрудничества не было конца. Ох, уж эти гойши… Алчность и похоть. Да, алчность и похоть… Сегодня великая ночь. Сегодня гойши сами продали свой мир за красное золото.

Арвендейл уже не принадлежит им.

Горбатый гацан снова усмехнулся и нырнул в ночную тьму.

Кэйлин пребывал в распрекрасном расположении духа. Еще бы! Хозяин оставил его самого по себе в трактире, а сам усвистал к какому-то господину Труту на званый ужин. Что там за господин Трут, кто он такой и почему званый ужин затягивается уже далеко за полночь, Кэйлина не интересовало совершенно. Главное, что хозяин вдруг с чего-то расщедрился и выдал своему слуге аж две серебряных монеты. «Купи, – распорядился, – хорошую повозку и пару крепких лошадей. Утром отправляемся в Золотой Рог…»

Это всего-то на пару серебряшек?

Кэйлин даже пытаться не стал искать соответствующие такой стоимости повозку и лошадей, а тут же вложил весь капитал в большущий кувшин местного крепленого вина. Душа требовала праздника. А утром… Будь что будет. Он ведь уже почти неделю ничего крепче воды не пил! Разве можно так издеваться над человеком?

Собутыльник отыскался быстро. Лысый длиннобородый одноногий старик. Не какой-нибудь бродяга, а бывший постельничий из Утренней Звезды, вынужденный оставить должность после того, как заполучил увечье.

– Мне его сиятельство граф Альва, между прочим, с того самого дня, с Кровавой Субботы-то, кажный месяц серебряшку жалует, – похвастался он в самом начале застолья. – За былые заслуги. Не забывает старого… Тем и живу. На хлеб хватает.

– На хлеб хватает, а на вино – нет, – ухмыльнулся догадливый Кэйлин, подливая старику вина из своего кувшина.

– Твоя правда, малый! – согласился старик. – Но все ж таки… Хоть с голодухи не помру.

– А что за Кровавая Суббота такая? – поинтересовался Кэйлин. – Сколько раз уж слышал, да все никак не соберусь спросить.

– Кровавая Суббота? – отхлебнул старик из кружки и сморщился. – Крепкое, зараза!.. Эка ты вспомнил…

– Да я и не знал.

– А-а… Ага, ты ж не местный, правда. Наши-то все знают. Еще б не знать! У-у-у!.. Страсть-то несказанная! Вспоминать и то страшно.

– Ну, будет квохтать! – перебил старика явно заинтересованный таким проникновенным анонсом Кэйлин. – Расквохтался… Что за Суббота, а?

– У-у-у, малый! – загудел опять длиннобородый. – Охрани нас от этакого Сестры-помощницы! Говорю: страсть страстью. У нас про это не принято рассказывать.

– А поминают едва ли не через слово. Расскажи!

– То поминают, а то… Нет! – старик мотнул лысой головой, пустив в глаза Кэйлину «зайчика» от горевшего на стене факела. – Не буду рассказывать, ну ее к псам, эту Субботу. А то накличу еще, чего доброго… И не уговаривай!

– Да я и не уговариваю, – пустился на хитрость Кэйлин, прекрасно понимая, что старику не терпится поделиться рассказом, просто ломается, набивает себе цену. – Не хочешь, не надо, – добавил он и протянул руку, словно чтобы забрать кувшин. – Засиделся я, однако…

– Э! Э! – забеспокоился старик – Ты чего, малый? Хорошо ж сидим! Ладно! – милостиво согласился он. – Так и быть, расскажу про Кровавую Субботу. Плесни-ка еще.

Кэйлин с удовольствием плеснул – и себе, и ему.

– Давно это было. Аккурат… – выпив, калека закатил глаза, жирно почмокал губами, – одиннадцать лет тому назад. Ага, одиннадцать. Как раз только-только его сиятельство сэр Адам Сторм того… приказал долго жить. Ну а его сиятельство сэр Альва Сторм, значит, на престол Утренней Звезды взошел. А надо тебе сказать, малый, при сэре Адаме порядки у нас другие были. Как-то все было, знаешь… – он, затуманившись взглядом, снова замотал лысой башкой, посылая во все стороны «зайчиков», – как-то все было… Веселее! Его сиятельство сэр Адам гулянки, почитай, кажную неделю закатывал. А как сам загуляет, так весь замок жрет-пьет от пуза. Менестрелей пруд-пруди, девок всяких, только что гацанов в замок не пускали… Турниры да поединки гремели при нем, ох и любил сэр Адам такие зрелища! Да и сам мечом не дурак был помахать. А уж как удалых бойцов награждал!.. И золотом, и землями. Он за выгодой не гнался, наш сэр Адам… Он не то что сэр Альва… – тут старик понизил голос, воровато оглянувшись. – Сэр Адам прям как отец родной был нам всем. И одарить мог, когда в хорошем настроении… то есть под

этим делом, – он щелкнул пальцем под длинной своей бородой. – Но уж если под горячую руку попадешь – тогда держись! Наказывал жестоко! Говорю ж, как отец родной. Делами он, сэр Адам-то, управлял, положим, малость того… безалаберно. Так то ж – он воин был, а не делец. Да… зато веселее под его началом жить было, веселее.

И одноногий вздохнул и замолчал, видимо, предавшись воспоминаниям о былых пиршествах и турнирах.

– Ну, раньше-то оно, знамо дело, лучше было. Трава зеленее, солнышко ярче да и на девок силы поболе! – шутливо подтолкнул старика локтем Кэйлин. – Эй, дед, заснул, что ли?

Бывший постельничий встрепенулся:

– Плесни!.. Во-от… Эх, хорошо пошла! Кхм. Так, значит, когда сэр Альва на престол Утренней Звезды взошел, жизнь наша быстро поменялась. Никаких тебе гулянок, никаких турниров, никаких представлений. Празднества – только те, которые традиционно во всем Арвендейле справлялись, а во все остальное время: ни-ни! Знай, работай. А отлынивать будешь – и кнута отведаешь. Менестрелей да девок из замка сэр Альва, конечно, погнал поганой метлой. Да и не только их. Прежних слуг многих на своих посменял. Я еле-еле удержался. Звенела и пела раньше Утренняя Звезда, как беззаботная летняя лужайка, а тут вдруг в муравейник превратилась – у всех свои занятия, все суетятся деловито. Да… И виконтам-сироткам, сыновьям сэра Адама тоже несладко пришлось. Их старый воспитатель – ратный товарищ сэра Адама – делся куда-то, приставили к братьям новых, которые не столько воинскому делу учили, сколько… всяким другим премудростям, воинам не очень-то и нужным.

– А куда старый воспитатель подевался? – поинтересовался Кэйлин.

– Об этом тоже… не принято у нас говорить, – неохотно ответил старик. – Слухи тогда ходили, что… смерть сэра Адама… вовсе не случайной была. Он-то, воспитатель, начал что-то вынюхивать и выспрашивать – да и сгинул.

– Вона как! – удивился Кэйлин, но тему эту на всякий случай развивать не стал. Да старик и сам быстро вернул разговор в прежнее русло:

– А потом младшие виконты покинули Утреннюю Звезду. Одного, Эдгарда, гацане утащили. Другого, Эвина, сэр Альва на дальние хутора отправил, в Красный лес… Кстати, малый, про виконта Эвина лучше тоже лишний раз рот не раскрывай, – поделился старик последними тонкостями придворной политики. – Это не одобряется.

– Да сам понимаю, – кивнул Кэйлин, который, конечно, тоже

был в курсе недавних событий в замке. – Ну пес с ними, с младшими виконтами. А старший куда пропал? Вот штука… – внезапно удивился он. – Ведь я столько раз слышал, что у Адама Сторма три сына была. Про Эвина знаю, про Эдгарда слышал. А про старшего никто ничего никогда не говорил. Даже имени его что-то не припомню…

Старик опять огляделся по сторонам и тихонько похихикал:

– В том-то и дело!.. Элиан его звали – старшего виконта. Элиан!

– И что не так было с этим Элианом?

– А все с ними было так! – прищурился одноногий – До определенного момента. Пацан как пацан. Только уж слишком надменный, даже для дворянина. Всех ниже себя считал. Ну, кроме отца, разве что. Мол, род Стальных Орлов самый славный среди других благородных родов, а сэр Адам Сторм – самый выдающийся среди Стормов. И он, Элиан, лишь один своего родителя достоин. Дядюшек, Альву и Акселя, он под стать отцу не полагал. И на братьев свысока смотрел, потому что они младше его. А уж на сестер двоюродных, дочерей сэра Альвы, пф-ф… Дескать, что с девчонок взять. И вот представь, малый, как для пацана тяжело было осознать, что замок родовой, наследный – дядюшке Альве достался. И что хозяйничают в покоях Утренней Звезды его кузины, которых он шпынять привык. А с ним, с юным виконтом Элианом Стормом, никто особо и не считается. Даже слуги – в первую очередь перед его кузинами гнутся. Потому что старых слуг почти и не осталось. А тут еще и воспитатель исчез. А тут еще и братья замок покинули кто куда… Остался он один. Новый воспитатель Элиану не поглянулся: раньше виконта учили мечом владеть, а теперь – вилкой и ножом за столом. Раньше ему предания о подвигах великих предков читали, а теперь – цифирки складывать заставляют. Элиан брыкаться стал, а не тут-то было. Дядюшка Альва приказал его в строгости держать и спуску не давать. Тут пацан и взбунтовался. Прежде всего он на воспитателя своего зло затаил, в котором причину своих бед видел – ну, ребенок же несмышленый. Очень уж ему хотелось воспитателю насолить. И насолил! Почти что в прямом смысле слова. Вот как дело было… Амулета, позволяющего беспрепятственно проникать в любой закоулок замка, у Элиана отнять не осмелились. Сначала – не осмелились, а потом забыли. И оченно зря сделали. Ой, что из этого получилось!.. Удивительно, как иногда из-за какой-то незначительной малости самые страшные катастрофы происходят…

– Ну? Ну? – поторопил рассказчика увлекшийся историей Кэйлин.

– Вот те и ну! Пробрался виконт к покои придворного мага. Мастера Алвиса. Видал, такой, с пятном на лбу? Эта отметина у него тоже с Кровавой Субботы осталась. Вот, значит… Покопался Элиан на полках, стянул снадобье, хитрый порошок – который тяжелобольным дают, чтобы жизнь в них возродить. Помирающим этот порошок помогает, а вот здоровым его нипочем употреблять нельзя. Вроде как здоровые от него беситься начинают, как коты от кошачьей мяты… И представь себе, малый… В разгаре званый обед. Во главе стола, конечно, сэр Альва. Рядом его приближенные, важные вельможи. Подальше гости, тоже дворяне не из последних. Еще дальше дочери Альвы с дамами-наставницами. А уж в самом конце стола виконт Элиан со своим воспитателем. И, улучив момент, сыпанул пацан воспитателю в блюдо щепотку хитрого порошка – который от соли отличить нельзя было. Сыпанул и ждет злорадно, когда же воспитатель, всегда такой чопорный и строгий, чудить начнет… И надо же было такому случиться, что как раз в тот момент виконтесса Сенга обронила ложку под стол. Допустил бы такую оплошность Элиан, его бы тут же выслали вон. А виконтессу дама-наставница лишь легонько пожурила…

Старик выдержал интригующую паузу, опорожнил кружку, погладил бороду, словно дожидаясь того сладкого момента, когда слушатель, изнывая от нетерпения, не поторопит его…

– Ну?!

– И тут воспитатель юного виконта ка-ак вскочит! Ка-ак примется вопить да ногами дрыгать! Да ка-ак прыгнет на стол, сшибая блюда, миски и кувшины! Да как пустится оплеухи виконтессе Сенге отвешивать!..

– Эка!.. – раскрыл рот Кэйлин, представив себе сцену.

– Во-во, малый! Что тут началось! Дамы в обморок валятся пачками! Сенга в истерике! Гости вопят! Вельможи за мечи хватаются! Стража вокруг стола бегает, алебардами пытается обезумевшего воспитателя достать… Тот визжит и не дается, оленьей ногой жареной отмахивается! Сам сэр Альва подмогу кличет! Шум, гам! Светопреставление! Один Элиан смеется-заливается, довольный… Ну, воспитателя, конечно, прямо в зале в мелкую стружку покрошили. А потом, когда все понемногу успокоилось, за юного виконта взялись. Быстро догадались, что к чему. Да Элиан и отпираться не стал, не таков он был… Сэр Альва, вне себя от гнева праведного, велел запереть его в покоях, пока наказание попричудливей выдумает. А перед тем как запереть, распорядился выпороть виконта. Розгами! На Черном дворе! Как конюха какого-нибудь!

– Гляди-ка! – свистнул Кэйлин разливая в кружки остатки

вина. – И какое же наказание сэр Альва выдумал?

– Да погоди ты, малый! Какое же он наказание мог выдумать страшнее, чем то, которому уже Элиана-гордеца подверг? Это для нас розгами получить – плевое дело. Отряхнемся и дальше пойдем. Шкура крепче будет. А для юного виконта… На Черном дворе! Да при всей челяди! Наследника Утренней Звезды розгами полосуют! Элиана-гордеца!.. Когда пороли, он не крикнул ни разу. Когда его в покои волокли со спиной исполосованной, ни слезинки не проронил. Ужин ему принесли, он до него даже не притронулся. Сэру Альве о том донесли, он не разжалобился. Сказал: мол, ничего. Утром опомнится, прощения просить будет… Ан совсем не так вышло…

– А что вышло-то? Что? – Кэйлин поерзал на стуле. – Вот нудный старик, тянет-тянет, досказать не может толком!

– Тот званый обед был как раз в пятницу, малый. А ровно в полночь пятница сменилась субботой. Кровавой Субботой, малый!

…Его заперли в собственной комнате, но по ощущениям – ровно как в темнице. Стражник захлопнул дверь, тут же скрежетнув ключом в замке.

И стало тихо.

Ну, не совсем…

За дверью стучали шаги, то далеко, то близко. Вот кто-то кого-то окликнул. Вот лязгнули доспехи стражника, поставленного здесь на караул, послышался его кашель…

За окном голосил Черный двор. Можно было даже разобрать отдельные возбужденные голоса челяди, видимо, взахлеб обсуждавшей, как вот только что его – Элиана Сторма, сына Адама Сторма из рода Стальных Орлов – порол розгами придворный заплечных дел мастер.

Глаза Элиана вновь наполнились злыми слезами. Но он и сейчас не дал им пролиться. Не дождутся! Он огляделся. Один, совсем один… В этот момент он очень ясно осознавал свое одиночество: вот он, Элиан Сторм, накрепко закрыт в этих стенах. А там – за стенами – весь остальной мир. Враждебный и чужой… И все, больше ничего нет.

О, как он их ненавидел! Всех, всех… От дядюшки Альвы и противных кузин – до самого последнего холопа. Никто не заступился за него, никто! Да и кто заступится? Родной дом – уже давно не дом. Все здесь изменилось, все стало чужим. И все, что осталось от старой Утренней Звезды, настоящей Утренней Звезды, – это он сам.

Да и его скоро изведут. Вывезут куда-нибудь потихоньку и забудут.

Как раньше его младших братьев, Эвина и Эдгарда.

Ну, нет! Может, с младшими у дядюшки Альвы получилось, а вот с ним этот номер не пройдет! Не на того напал! Утренняя Звезда – его дом! И он будет сражаться за него до последнего!

Но как?..

Элиан метался в запертой комнате, будто затравленный зверек. Он строил планы мести, один другого страшнее, но каждый очередной план рушился, словно башня из песка. В самом деле, что ты можешь противопоставить своим врагами, если ты один против всех и тебе только девять лет?..

Когда ночь стянула небо чернотой и угомонился проклятый Черный двор под окном, он выдохся.

Он опустился на пол, обнял колени и наконец заплакал. И эта минутная слабость неожиданно помогла. Выплакавшись, он успокоился. И само по себе пришло ему на ум старинное семейное предание, за давностью лет превратившееся в сказку и последними поколениями уже иначе, как сказка, не воспринимаемое.

Мол, давным-давно боги даровали его предкам способность призывать Стального Орла, раз в жизни, когда Сторм попадал в безвыходную ситуацию. Конечно, никто из рода Элиана не мог припомнить случая, когда Стальной Орел действительно призывался, но формула Призыва – такой же привычный атрибут семьи, как герб или имя – по семейной традиции заучивалась каждым Стормом едва ли не с младенчества и крепко держалась в памяти до самой смерти.

И Элиан Сторм ухватился за эту самую распоследнюю, нелепую соломинку.

Со всей детской страстной верой, сжимая кулаки, дрожа от болезненной ненависти к врагами, произнес он древнюю формулу Призыва.

Произнес и застыл у окна, вглядываясь мокрыми еще глазами в глухую ночную темь.

И вскоре услышал мерное, далекое еще хлопанье гигантских крыльев…

– Во-о… – протянул Кэйлин, когда одноногий старик замолчал, чтобы смочить пересохшее горло глотком вина. – Дела-а… Ну, а дальше-то? Дальше что было? Прилетел этот Стальной Орел – и что?

– Прилетел-то прилетел, – отозвался старик. – Только ни хрена не Орел.

– Как это?

– А так. Видно, очень уж черная злость переполняла Элиана, что формула Призыва сработала… не так, как надо. Или – наоборот – так, как надо?.. В общем, малый, я в магических

премудростях не силен. Я вот что думаю: скорее всего, сказка про Стального Орла была действительно сказкой. А формула, если в нее достаточно маны вложить, самой настоящей. Вот и откликнулась на Призыв тварь, которая больше на того Орла была похожа…

Старик сглотнул и шепотом продолжил:

– Я сам не видел, другие видели. Прилетело к замку чудище вроде дракона, только шерстью покрытое… Такое громадное, что одним крылом целую улицу накрыть могло! Зубищи – как клинки мечей! Глазищи – как… как окна в горящем доме!

– Да хватит заливать-то! Откуда ж такая уродина взялась?

– Как это откуда? – удивился одноногий. – Из Тухлой Топи. Откуда ж еще Темные твари берутся? Оттуда прилетела, туда и улетела. И Элиана с собой забрала… Вот тогда-то все и началось…

Одноногий снова замолчал. Сухое лицо его осунулось и побледнело, стало одним цветом с седой бородой. Против своей воли погрузился он в воспоминания, которые, видно, гнал от себя последние одиннадцать лет.

– Ну? Ну? – тоже почему-то шепотом поторопил его Кэйлин.

– Чего «ну»? – неохотно заговорил снова старик. – Разве не понимаешь, малый? Элиан призвал в Утреннюю Звезду Темную тварь. Тем самым разрушил защитные заклинания, которые на замок-то накладывались как раз против Темных… И все эти чудища, которые в ближних пределах Тухлой Топи той ночью ошивались, рванули на незащищенный замок. Немного их было… тварей-то… Что по стенам были способны вскарабкаться. Но хватило, чтобы устроить ничего не подозревавшим людям кромешный ужас. Пока стражу подняли, пока Полуночных Егерей подтянули… Кровь по коридорам замка лилась, прямо как ручьи в весеннем половодье. На стенах… как сейчас вижу… вот этак вот куски мяса прилипшие, кровавые, теплые еще… И отовсюду вой и рычание… Человеческие крики… Свет факелов мечется, будто птицы ошпаренные… А мы бежим… сами не видя, не понимая, не зная куда… Скользко под ногами… И об разорванные тела спотыкаешься. И твари… Отовсюду… Отовсюду… Вот тогда мне ногу-то и…

Старик осекся. Руки его, вцепившиеся в кружку, дрожали. Кэйлин, впечатленный такой резкой переменой в облике и поведении собеседника, уже не решался потребовать продолжения рассказа.

Старик вдруг встрепенулся, махом опрокинул в себя вино из кружки. И зло посмотрел на Кэйлина:

– Разбередил ты меня, малый! Ведь зарок дал себе не

вспоминать ту ночь… Кровавой Субботы! Тьфу, будь проклят этот Элиан Сторм! Надеюсь, сдох он там, в Тухлой Топи, куда его крылатое чудище уволокло!..

Эпилог

Этот замок был невелик: просто три башни, изящных и тонких, соединенных несколькими переходами на разных уровнях. И не окруженных крепостной стеной. Видимо, тому, кто руководил строительством замка, не было нужды опасаться кого бы то ни было в этих местах, в самом сердце Тухлой Топи.

Сколько простоял замок опустевшим и брошенным, трудно было сказать. Но совсем недавно здесь появились люди. Они вымели пыль и мусор, нанесенный ветром в окна. Они очистили стены от мха и ползучих побегов черной колючки. Они развели огонь в каминах комнат и зажгли светильники в длинных крытых переходах между башнями.

И замок ожил.

Ему нужно было имя, ибо все, к чему прикасаются люди, должно быть названо.

Пришедшие к замку не стали выдумывать новых имен. Они вернули замку его старое, его настоящее имя.

Дом Соньи.

Белый Всадник поднялся на крышу самой высокой башни Дома. Легкая одежда из черной мягкой кожи плотно облегала его юное тело. Длинный и тонкий меч в серебряных ножнах поблескивал у пояса. Ветер, гнавший здесь, наверху, клочья серого тумана, развевал его длинные светлые волосы.

Белый Всадник обернулся на запад и приложил ладонь ко лбу, высматривая что-то в той стороне.

Снизу, с последних этажей башни, неслись громкие веселые голоса, смех и пение. Он чуть поморщился. Низшие!.. Его всегда раздражал шум, который неизменно сопровождал Низших. Хорошо, что работы в Доме почти закончены. Скоро уже сюда явятся Великие, тогда Низшие, не достойные того, чтобы находиться рядом с ними, вынуждены будут убраться вон.

Пение грянуло громче.

Тогда Белый Всадник легонько свистнул.

И шум внизу тотчас смолк. А спустя минуту на крышу, повинуясь зову, выбрался один из Низших. Разно-цветные лохмотья на нем тут же рванул ветер. Металлические кольца на его смуглом татуированном лице заплясали и забряцали. Белый Всадник снова поморщился: варварский внешний вид Низших ему нравился еще меньше, чем их поведение.

– Великие прибудут со дня на день, – сказал Всадник. – Вам следует поспешить.

– Мы знаем… – глядя в сторону, буркнул Низший. – Замок

уже готов принять Великих. Нам осталось совсем немного.

– Смотри на меня, когда говоришь со мной, – потребовал Всадник.

Низший с неохотой подчинился. Враждебное презрение было в его глазах. И Белый Всадник не сдержался. Он ударил человека по лицу, сорвав кольцо с его брови. Кровь тонкой струйкой побежала по татуированной щеке. Человек опустил голову.

– Всегда смотри на меня, когда говоришь со мной, – повторил Всадник. – Понял меня, Низший?..

Тот медленно поднял на него ненавидящий взгляд.

– Понял… – оскалив белые зубы, выговорил он.

– Тогда иди.

Человек отступил на шаг… Но не ушел.

– Я Низший… – сказал он, глядя на Всадника исподлобья. – Но я из народа Истинных. Как и Великие. Как и Незримые. А ты, Белый Всадник, всего лишь гойша. Пусть Великие приблизили тебя, пусть они учили тебя всему, что знают сами, но ты – всего лишь гойша. А я – Истинный. Пусть ты жил на Скрытых островах одиннадцать лет, но ты не был там рожден, как я. Ты родился в землях гойшей и навсегда останешься гойшей. А я – Истинный. Тот, кем тебе никогда не стать. Каждый был и останется тем, кто он есть изначально.

Белый Всадник, склонив голову, внимательно и холодно смотрел на человека. А тот продолжал:

– Думаешь, Великие и дальше будут благосклонны к тебе, Белый Всадник? Думаешь, они возьмут тебя снова на Скрытые острова? Ха! Они видят в тебе лишь того, кто поможет им пройти через Утреннюю Звезду на земли гойшей. Ты – всего лишь ключ к пограничному замку, ты – всего лишь инструмент, вот и все. Им нужен не ты. Им нужен богатый и цветущий Арвендейл.

Белый Всадник поджал губы и прищурился, положив руку на эфес меча. Человек попятился от него.

Но на небе запада появилась черная точка.

Белый Всадник обернулся, точно почувствовав ее появление. Летящее существо приближалось, быстро увеличиваясь в размерах.

– Ты просто дурак, Низший, – сказал он, снимая ладонь с эфеса. – Я принят Великими. Со мной говорили Незримые. Я могу вернуться на Скрытые острова тогда, когда захочу этого. В отличие от тебя. А теперь пошел прочь, или я сброшу тебя с башни.

Человек бежал. Но Белый Всадник недолго оставался в одиночестве. Через несколько минут на крышу рядом с ним опустилось подлетевшее существо.

Ужасен был его вид. Могучие кожистые крылья даже в сложенном состоянии поражали своими размерами. Жесткая черная шерсть покрывала гигантское туловище, но не могла спрятать мощных мускулов. На вытянутой, напоминавшей собачью, голове посверкивали широко расставленные красные глаза. А из ноздрей поднимались струйки горячего мрака. Тварь протянула морду к Белому Всаднику и низко заурчала.

– Буреносец… – нежно проговорил Всадник. – Старый друг… Долго же тебя на этот раз не было.

Тварь тряхнула громадной головой и издала длинный, переливающийся призвуками рык. И Белый Всадник нахмурился, будто разобрав в этом рыке какой-то смысл.

– Двое гойшей? – переспросил он. – Вышли из Паучьего леса? Так далеко от Драконьей гряды, в самом сердце Топи? Неужели Полуночные Егеря теперь забредают даже сюда?

Он хищно улыбнулся:

– Что ж, правильно, что ты не стал убивать их без меня. Я давно не охотился!

Хватаясь за черную шерсть, Всадник ловко взобрался на спину Твари, привычно разместился между крыльями.

– Вперед! – скомандовал он.

Тварь взмыла вверх и, раскинув крылья, круто повернула на запад. В ту сторону, где лежал за проклятыми туманными просторами Тухлой Топи обреченный Арвендейл.